

0,2918 0,3527 0,7123
0,6135 0,5291
0,1527 0,4583
0,7733 0,4391 7733,9913
0,9615 0,6150 0,3147
0,5342 0,4583 0,6652
0,0997 0,9913 97
0,3147
0,665
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527
0,2945
0,7123
0,52,91
0,2589
0,2918
0,6135
0,1527
0,4391
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

Майкл Ридпат

БИРЖЕВОЙ ДЬЯВОЛ

0197
0,4583
0,9913

MICHAEL RIDPATH

**THE
MARKETMAKER**

PENGUIN BOOKS

Серия «Экономический роман»

МАЙКЛ РИДПАТ

БИРЖЕВОЙ ДЬЯВОЛ

Перевод с английского

Москва
2007

УДК 82-3;336.76
ББК 84(4Вел);65.264
P49

Перевод М. Вершовский

Редактор Н. Казакова

Ридпат М.

P49 Биржевой дьявол / Майкл Ридпат; Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 546 с.

ISBN 978-5-9614-0512-5

Гуманитарий-русист Ник Эллиот понимает, что рискует продать душу дьяволу, поступив в брокерскую фирму Dekker Ward, но ему отчаянно нужны деньги. Шеф Ника, предпринимчивый Рикарду Росс, больше известен как маркетмейкер. Его кредо — «кто не с нами, тот против нас». Поначалу Нику кажется, что он наконец-то ухватил удачу за хвост, но тут начинают происходить странные вещи. Сначала он узнает, что его предшественник погиб от рук вооруженных грабителей. На самого Ника совершено разбойное нападение. Неожиданно увольняют одного из ведущих трейдеров компании. Изабель, коллегу и возлюбленную Ника, похищают и увозят в неизвестном направлении.

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

УДК 82-3;336.76
ББК 84(Вел);65.264

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-9614-0505-7 (серия)
ISBN 978-5-9614-0512-5 (рус.)
ISBN 0-14-027177-5 (англ.)

© Michael Ridpath, 1998
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007

Благодарности

Приношу искреннюю благодарность всем бразильцам, живущим в Лондоне и Бразилии, не пожалевшим времени, слов и сил, чтобы рассказать мне о своей стране и своем народе.

Теплые слова хочется сказать Жайми Бернардесу из издательства Nordica, радушному хозяину и прекрасному экскурсоводу; Марии-Силвии Маркес, бывшей главе казначейства Рио-де-Жанейро; Луису-Сезару Фернандесу, председателю Банка Ractual; Жоржи Маману, администратору фавелы Росинья; Хекелю Рапосо, консультанту по вопросам безопасности; Педру Паулу-ди-Кампосу, управляющему директору компании Oppenheimer (Сан-Паулу), а также Алану и Стефани Уокер.

Кроме того, хочу выразить огромную признательность за долготерпение Айдану Фрейне и его коллегам из отдела развивающихся рынков ведущего инвестиционного рынка США и мира Salomon Brothers, Inc. Отдельное спасибо — Филу Кавендишу за его неоценимую помощь.

Человек, сидевший напротив и спокойно рассматривавший меня сквозь клубы сигаретного дыма, контролировал финансовое будущее целого континента. И, что еще важнее, мое тоже.

— Спасибо, что зашли, Ник, — сказал он. — Джейми много рассказывал о вас. Много хорошего.

Глубокий голос, четкая дикция и британский акцент с едва различимой примесью южноамериканского.

— Он много рассказывал и о вас.

Это было правдой. На прошлой неделе Джейми подробно познакомил меня с биографией Рикарду Росса. Его отец был англо-аргентинцем, мать — венесуэлкой, а воспитывался он в частной школе в Англии. Десять лет работал в Dekker Ward, превратив фирму из третьесортной лондонской брокерской конторы в главного игрока на

латиноамериканских рынках облигаций. Элитная компания Росса Emerging Markets Group стала предметом зависти трейдеров и брокеров в Лондоне и Нью-Йорке, а Джейми считал, что Рикарду вот-вот станет одной из самых значительных фигур финансового мира.

И теперь этот человек решал, брать меня на работу или нет.

Выглядел он впечатляюще. Рубашка в полоску с монограммой, изящные золотые запонки, безукоризненно уложенные густые темные волосы. Плюс толика неформальности: узел французского шелкового галстука повязан на четверть дюйма ниже расстегнутой верхней пуговицы, а рукава закатаны ровно настолько, чтобы видны были плоские, как бумага, швейцарские часы.

— Чашечку кофе? — спросил он.

— С удовольствием.

Мы сидели в тесной рабочей комнате для совещаний в застекленном уголке операционного зала. Он протянул руку к телефону, стоявшему на небольшом круглом столике, и нажал кнопку.

— Альберту? Два кофе, пожалуйста.

Менее чем через минуту крохотный пожилой человечек в черном костюме принес нам две маленьких чашечки кофе.

— Кофе. Вот чего мне больше всего недостает в Лондоне, — сказал Рикарду. — Постепенно он становится лучше, но до настоящего качества еще далеко.

Попробуйте этот. Колумбийский. Даю гарантию, что лучшего вы во всем Лондоне не найдете.

Он откинулся в кресле, положив ногу на ногу. На узком красивом лице появилась едва заметная улыбка. Нервные пальцы постоянно теребили обручальное кольцо.

Кофе был мягким и густым, как небо от земли отличаясь от растворимого Nescafé, к которому привык я. Рикарду сделал маленький глоток, наслаждаясь вкусом напитка, и осторожно поставил чашечку на блюдце.

— Со сколькими людьми вы уже говорили? — спросил он.

— Вы седьмой.

Рикарду улыбнулся.

— Насыщенное утро. Значит, о Dekker Ward вам уже все известно?

— Многое. Но это ваша фирма. Я бы хотел услышать о ней от вас.

— Что ж... Здесь я заправляю только департаментом развивающихся рынков. — Он качнул в сторону зала. — Остальные подразделения обосновались в Сити уже лет полтора как. Их можно оставить на попечение лорда Кертона, председателя правления. Мы предпочитаем держаться друг от друга на расстоянии.

На расстоянии, это уж точно. Мы сидели сейчас в трех милях к востоку от Сити, на сорок каком-то этаже небоскреба Кэнери Уорф.

— Но ваш департамент приносит компании девяносто процентов прибыли, если не ошибаюсь.

— Девяносто пять. — Рикарду улыбнулся.

— И как вам это удастся?

— Мы лучшие, — просто ответил он. — Самые лучшие. Мы лидируем на рынке латиноамериканских долговых обязательств. Мы инициировали выпуск большего количества облигаций, чем три наших главных конкурента вместе взятые. По количеству сделок мы первые. Знаем всех и каждого. Если вам нужно занять денег, вам придется иметь дело с нами. Если вы хотите вложить деньги, вам снова придется иметь дело с нами. Мы создали этот рынок. Он наш, и только наш. А прибыли на нем солидные.

— Догадываюсь. Но как вам удалось занять такое положение?

— Мы всегда держимся на шаг впереди остальных. Хватаемся за каждую возможность прежде, чем остальные ее увидят. Эндрю Кертон пригласил меня сюда десять лет назад — думаю, он просто хотел пристроить к фирме еще одну маленькую производственную линию. Он и представить не мог, во что мы вырастем. Тогда, в восьмидесятые, мир практически списал Латинскую Америку со счетов, а мы убеждали людей снова инвестировать в нее. Большинство латиноамериканцев с деньгами вкладывали их в офшор. Мы объединили усилия с Chalmet, частным швейцарским банком. У них была масса клиентов, жаждущих снова вложить деньги в регион.

Он сделал паузу, затянувшись сигаретным дымом. Потом стрельнул глазами в мою сторону, чтобы проверить, слежу ли я за его рассказом. Я следил — и внимательно.

— Затем большие коммерческие банки, в семидесятые ссудившие Латинскую Америку миллиардами долларов, начали распродавать свои кредиты с огромной скидкой. Мы помогли им, став посредниками в этих операциях. В начале девяностых многие из этих кредитов были конвертированы в облигации — облигации Брейди. Мы торговали ими, переводя из рук коммерческих банков в руки новых инвесторов. А в последние несколько лет люди были очень не прочь инвестировать в Латинскую Америку. И мы организовывали выпуск облигаций для всех, от бразильских производителей стекла до аргентинского правительства.

— Но разве в этом у вас нет конкурентов?

Рикарду усмехнулся.

— Конечно, есть. В эту игру вовлечен каждый. Но мы оказались в ней первыми. У нас связи, у нас лучшие профессионалы. Если какая-то фирма хочет стать координатором выпуска облигаций латиноамериканскими заемщиками, то она вынуждена делать координаторами и нас. Таковы правила.

— А если правила нарушают?

— Тогда выпуск бумаг летит к черту. Ничто не делается без нашей поддержки.

— Завидное положение.

Рикарду кивнул.

— Но нам все время приходится быть начеку. Поэтому мне нужны лучшие из лучших. Без профессионалов мы ничто.

Сквозь стекло нашей рабочей комнаты я оглядел операционный зал. Куча столов, оборудования, десятки мужчин и женщин — обсуждающих что-то, набирающих номера на своих телефонах, изучающих экраны мониторов, толкущихся там и сям по залу. Приглушенный шум всей этой суеты проникал и сюда, через стеклянные стены. Любопытно, что они делали? С кем говорили? О чем? На бесчисленных мониторах мелькали цифры. Что они значили?

И за всей этой сутолокой расстилалось ясное голубое небо — пустое пространство над лондонскими доками.

Рикарду проследил за моим взглядом.

— Они молоды. Умны. Трудолюбивы. С самыми разными биографиями — от аргентинских аристократов до провинциалов из Ромфорда. Нас не так уж много, но мы — элита. И на борту нет места для пассажиров. Вклад вносит каждый из нас.

Я кивнул. Рикарду умолк в ожидании моего следующего вопроса. На кончике моего языка крутилось: «Так на кой черт я вам сдался?» Вместо этого я произнес:

— А что насчет развивающихся рынков помимо Латинской Америки?

— Хороший вопрос. В Азии нам делать, пожалуй, нечего. Там полно своих банков, а рынок облигаций

довольно узок. Восточная Европа куда как интереснее, хотя даже она становится все более респектабельной. Вы знали, что у Словении рейтинг «А»? Это почти на уровне Италии.

Этого я не знал.

— Но Россия... Вот где главный приз. Ситуация во многом та же, что и в странах Южной Америки, и потенциальные прибыли как минимум на том же уровне. Если не выше.

— Поэтому вы и решили пригласить меня?

— Именно. Мне нужен человек, который говорил бы по-русски, разбирался в экономике и имел голову на плечах. Человек, которого я обучил бы нашим методам и приемам. Голодный, рвущийся в бой и преданный своей команде. В последнее время у нас возникли кое-какие проблемы с нашей восточноевропейской группой. Не знаю, говорил ли вам Джейми об этом.

— Они, кажется, вас кинули, так? Перешли в Bloomfield Weiss?

— Верно, — сказал Рикарду. Его голос по-прежнему звучал ровно, но теперь пальцы танцевали вокруг обручального кольца, не останавливаясь ни на мгновение. — Моя ошибка. Это были наемники, которые переметнулись к тому, кто был готов заплатить больше. Я доверился им. Предоставил самим выстраивать дело. Теперь я намерен работать только со своими людьми. С людьми, на чью преданность я могу положиться.

Он сделал паузу.

— Я верю этим людям. Мы — единая команда, мы вместе трудимся и вместе делаем деньги. Много денег. Видите этого человека — с восточной внешностью?

Я проследил за взглядом Рикарду и увидел невысокого толстячка лет сорока, который смеялся, разговаривая с кем-то по телефону.

— Да. С ним я уже познакомился. Кажется, Педру — не помню фамилию.

— Точно. Педру Хаттори. Японско-бразильских кровей. Он мой ведущий трейдер. Заработок за прошлый год составил цифру с семью нулями.

На секунду я задумался, считая про себя эти нули. Семь нулей, господи! Это же минимум десять миллионов фунтов. Или долларов, или еще чего-то. Я и не мог представить, чтобы человек действительно столько получал.

Рикарду заметил мое удивление и рассмеялся:

— А сколько зарабатываете вы?

— Четырнадцать тысяч семьсот пятьдесят фунтов в год, — сказал я. — Плюс лондонская надбавка.

— Если мы возьмем вас, то будем платить тридцать тысяч сразу, без испытательного срока. Будете приносить прибыль — получите премиальные. Сколько — зависит целиком и полностью от вас. Что скажете?

— Хм... Прекрасно.

— Вот и хорошо. А теперь расскажите о себе. Почему вы хотите работать у нас?

Я запустил заранее подготовленную бодягу.

— Меня всегда привлекали финансовые рынки.

Он жестом остановил меня.

— Секунду, Ник. Последние шесть лет вы посвящали изучению русского языка. Если бы вы действительно считали, что финансовые рынки так интересны, то уже работали бы в каком-нибудь банке, верно? И этот наш разговор не состоялся бы.

Он смотрел мне прямо в глаза, спокойно выжидая, когда мне надоест валять дурака. Я вспомнил, как Джейми сказал мне: «Говори что угодно, но не вешай Рикарду лапшу на уши. Ему нужно знать наверняка, кто ты и чего хочешь. Только тогда он примет решение».

Что ж, в конце концов благодаря Джейми я и получил это интервью. Будем играть по его правилам.

— После Оксфорда я и не думал, что когда-нибудь соберусь работать в банке, — сказал я. — Костюмы, мобильники, смехотворные зарплаты, жадность...

Рикарду вскинул брови.

— И что же изменилось?

— Мне нужны деньги.

— Зачем?

— Да они ведь нужны всем, разве не так?

— Некоторым — больше, чем другим.

Я умолк. До какой степени мне нужно раскрываться перед этим человеком? Я снова вспомнил о совете, данном мне Джейми.

— *Мне* они нужны больше, чем другим, — сказал я. — У меня ипотечная ссуда, которую я не в состоянии

выплачивать, а моя временная работа заканчивается в конце семестра.

— И когда же это?

— В пятницу.

— Понятно. А если продлить договор?

— Непростая задача. Количество мест, выделяемых для преподавателей русского, тает, а таких, как я, с каждым днем все больше. К тому же у многих подготовка посерьезнее. Так что от меня мало что зависит.

— Значит, вы голодны. Это мне нравится. И насколько вы голодны?

— То есть?

— То есть, если бы у вас была пристойная работа и пристойная зарплата, позволяющая вам выплачивать вашу ипотеку, были бы вы счастливы?

— Нет, — сказал я. — Если уж я пойду на это, то для того, чтобы заработать кучу денег.

— И что вы станете делать, когда добьетесь своего?

— Брошу все. Буду читать книжки.

Брови снова взлетели вверх.

— А разве сейчас вы не этим занимаетесь?

Я вздохнул:

— Нет. Сейчас я занимаюсь тем, что шлепаю на компьютере тонны аналитического материала, преподаю, готовлюсь к лекциям и семинарам, занимаюсь администрированием. В основном администрированием. А заработок от всей этой суеты не позволяет даже оплачивать квартиру, в которой я живу. Это мышеловка. Работая здесь, я смог бы вырваться из нее.

Рикарду слушал очень внимательно, не отрывая взгляда ни на секунду. У меня возникло такое чувство, словно я был для него самым важным человеком в мире. Глупо, конечно, но мне это польстило всерьез.

— Понятно, — сказал он. — А почему вы думаете, что справитесь? Безусловно, в академическом мире вы проявили себя более чем хорошо. Первый в своем выпуске по философии, политологии и экономике. Затем — степень магистра по экономике развития. Прекрасные рекомендации от декана факультета рустистики. Но это все же не совсем наш профиль.

— Я справлюсь. — На секунду я задумался, пытаюсь облечь в слова то, в чем с неохотой признавался самому себе, не говоря уж о других. Но я знал одно: если я хочу получить эту работу, то должен убедить Рикарду. — Я люблю русскую литературу. Люблю читать ее, люблю ее преподавать. Но с тех пор как мои сверстники закончили Оксфорд, они уже успели сколотить себе кругленькие состояния, работая в Сити. Они не умнее меня. И никто из них не родился бизнесменом. Наверное, я хочу доказать себе, что могу добиться того же. Я умею работать, быстро учусь. Я разберусь, что к чему.

— Вы трудоголик? — поинтересовался он.

Я улыбнулся:

— Лентяй.

Рикарду ухмыльнулся:

— Джейми сказал, что вы самый умный человек из всех, кого он знает. А его оценкам я доверяю.

Он ждал моей реакции. И не дождался. У меня, к счастью, хватило ума промолчать. Молодчина Джейми, подумал я. Он всегда был склонен к преувеличениям, но сейчас обижаться грех.

— И еще один любопытный момент, — продолжил Рикарду. — Как сочетаются ваши моральные принципы с желанием влиться в финансовые ряды? Мне почему-то кажется, что на занятиях по экономике развития вас вряд ли учили тому, что международный капитал и есть спаситель третьего мира.

— Верно. — Я улыбнулся. — Тогда мои экономические идеи были вполне социалистическими. Но я прожил два года в России, советская система обрушилась на моих глазах. Я своими глазами увидел, в какой бардак может превратить экономику государственное планирование.

— И поверили в свободный рынок?

Я покачал головой.

— Нет. Я, пожалуй, не верю ни в одну экономическую систему. Мир переполнен страданием. И я прочитал слишком много русских романов, чтобы не понимать, что с этим ничего не поделаешь. Так было, так есть и так будет. Всегда.

— Думаю, вы неправы. — Рикарду заглянул мне в глаза. — Пример — Южная Америка. Восемьдесятые годы — десятилетие нищеты и полной безнадежности. Континент сделал гигантский шаг назад. Почему? Потому что ему до смерти стало не хватать международных капиталов. Конечно, само по себе это было ре-

зультатом глупости банкиров, в семидесятые раздававших кредиты направо и налево. И коррумпированных политиков, эти кредиты прикарманивавших. Однако сейчас перспективы куда лучше. Иностранные капиталы снова потекли в регион, и не в последнюю очередь благодаря нам. Но на этот раз деньги тратятся на то, что будет приносить реальную отдачу. Заводы, дороги, образование. Это изменит к лучшему жизнь миллионов. И я горжусь тем, что мы тоже внесли свой вклад в этот процесс.

— Надеюсь, что так оно и есть, — проговорил я, не в силах скрыть сомнение.

— Похоже, я вас не убедил. — Рикарду откинулся назад и улыбнулся. — Ну что ж, немножко трезвости в нашем бизнесе никогда не повредит.

Он умолк и достал новую сигарету, не сводя с меня глаз. Его глаза были темно-голубыми, что резко контрастировало с густыми черными волосами и загорелой кожей. В них чувствовался властный, пронизательный ум, но в то же время они излучали симпатию, а не угрозу. «Иди к нам, — словно манили они. — С нами ты в безопасности». Я был знаком с Рикарду Россом всего лишь четверть часа, но мне уже было трудно ему сопротивляться. Теперь понятно, почему Джейми так восторженно о нем отзывался.

Я сидел молча, позволяя ему оценить услышанное.

Он не заставил себя долго ждать.

— Хорошо, посидите минутку здесь. Мне нужно переговорить с людьми.

Он оставил меня в комнате для заседаний и вернулся к своему столу. Я смотрел, как он вызывает тех, с кем мне сегодня уже довелось пересечься. Педру Хаттори, высокий холеный аргентинец; американка, возглавлявшая исследовательский отдел; трейдер-кокни, комиссионер-мексиканец, француз, чьей должности я не помнил. Наконец я увидел светлые волосы и широкие плечи Джейми, стоявшего ко мне спиной. Да, он сослужил мне добрую службу.

Следующие три минуты показались вечностью, но в конце концов все разошлись. Рикарду вошел в комнату и протянул мне руку:

— Добро пожаловать на борт.

На мгновение я заколебался. Не слишком ли я поторопился? Действительно ли хочу изменить свою жизнь, продав душу Сити?

Тридцать тысяч в год, а со временем, может, и больше — или ничего?

Я вспомнил о письме, присланном мне на этой неделе Норрисом из строительной компании. Если в течение тридцати дней я не выплачу задолженность по ипотеке, у меня просто отберут квартиру.

Выбор напрашивался сам собой. Я пожал протянутую руку:

— Спасибо.

— Значит, увидимся в понедельник, в семь утра.

— Отлично, — я направился к двери.

— Да, еще один момент...

Я обернулся. Рикарду смотрел на мой костюм. Польский. Стопроцентный полиэстер. Я старался не надевать его без крайней нужды.

— Сколько у вас костюмов?

— Э-э... Один.

Он достал из кармана чековую книжку, раскрыл ее и что-то написал в ней своей изящной тонкой авто-ручкой. Потом оторвал листок и протянул мне.

— Купите себе приличный костюм. Деньги вернете, когда сможете.

Я машинально сунул чек в карман, и Рикарду проводил меня до лифта. Проходя через операционный зал, я встретился глазами с Джейми. Он расплылся в улыбке.

Пока лифт спускался на сорок этажей, я достал чек и рассмотрел его. Размером больше обычного, с замысловатым зеленым узором, он был выписан на личный счет Рикарду в банке, о котором я никогда не слышал. Черные чернила, элегантный почерк. «Выдать Николасу Эллиоту пять тысяч фунтов».

— Мои поздравления, Ник!

Огромные светло-карие глаза Кейт улыбались. Она сделала глоток шампанского. Сегодня Кейт и Джейми пришли ко мне в гости отпраздновать победу.

— Поздравлять нужно не меня, а твоего мужа. Ты даже не представляешь, какие байки он наплел Рикарду.

— Это я умею, — Джейми сверкнул белозубой улыбкой. — Но, по правде говоря, я знал, что делал. Рикарду искал такого человека, как ты. И я знаю, что ты не

подведешь. — Он рассмеялся. — Уж постарайся. Иначе искать новую работу придется не тебе одному.

— И все-таки спасибо.

— Здорово будет снова поработать вместе. Как на семинарах Хеммингза — помнишь?

— Еще бы. Ради блага компании хочется верить, что ты разбираешься в рынках лучше, чем в работах Платона.

— Та же бодяга. Тени на стене пещеры. Сам скоро убедишься.

Мы с Джейми подружились еще на первом курсе, на семинарах в Оксфорде. Мы были очень разными. В отличие от меня Джейми окунулся в университетскую жизнь с головой. Бесконечные развлечения: регби, попойки, интеллектуальные посиделки, вульгарные вечеринки, демонстративная пресыщенность. Одно, впрочем, он делал с завидным постоянством — ухлестывал за юбками. Благо с его внешностью успех ему был обеспечен: сияющие голубые глаза и широкая дружелюбная улыбка, в общем, свой парень. Я следовал за ним на некотором расстоянии, осторожно лавируя во всем этом сумбуре. С женщинами мне везло меньше, чем ему. Я был высок, темноволос, неприметен и немножко робок. Но вместе нам было здорово. После университета наша дружба еще более окрепла.

— Поверить не могу, что ты станешь банкиром! — воскликнула Кейт. — Особенно после всех нравоучений, которыми ты кормил Джейми.

— Могу тебя понять. Ужасно, правда?

— А когда ты купишь БМВ? Тебе, кстати, нужен еще и мобильник. И подтяжки.

— Не так быстро, Кейт, всему свое время, — сказал Джейми. — Ник, у тебя есть трусы в полоску?

— У Рикарду полосатые трусы?! — спросила Кейт.

— Откуда я знаю?

— Ну, я просто подумала, что раз вы там все так спаяны...

— Нет уж, я как-нибудь обойдусь бельишком попроще, — сказал я.

Мы выпили еще шампанского. Я был в прекрасном настроении и все больше убеждался в правильности выбранного решения.

— А что ты скажешь о нашем маркетмейкере? — спросил Джейми.

— Маркетмейкере? Кто это? Рикарду?

— Да, это его прозвище. Еще с тех времен, когда он был единственным человеком в мире, занятым созданием рынка на латиноамериканских долгах. Теперь только ленивый не торгует этими облигациями. Но именно Рикарду превратил рынок в то, чем он стал сейчас.

— Он производит впечатление, что есть, то есть. Но я ожидал чего-то в этом роде. Меня удивило другое: его доступность. То есть я не хочу сказать, что он обычный ординарный тип, нет. Но ко мне он отнесся очень по-человечески.

— Что же здесь странного? — спросила Кейт.

— Не знаю. Наверное, думал, что такой магнат будет разговаривать со мной, как с микробом. Обычно он имеет дело с главами государств, а не с безработными гуманитариями.

— Секрет его обаяния отчасти и в этом, — сказал Джейми. — Кем бы ты ни был, ты чувствуешь, что он относится к тебе по-особому, всерьез. Будь ты мексиканский министр финансов или разносчик кофе.

— Во всяком случае, теперь ты сохранишь квартиру, — Кейт обвела взглядом маленькую гостиную. Здесь было мило и уютно, окна выходили в небольшой сад у дома. Но все равно, она была крошечной. Да и вся моя квартира была крошечной. Даже книги положить было некуда, не говоря уж о том, чтобы здесь поместились еще и люди. Не пойму, как нам с Джоанной удалось ухлопать такие дикие деньги на такое микроскопическое жилище. Конечно, место было прекрасным, всего в паре минут от Примроуз-Хилл, в северном Лондоне. Даже спустя шесть лет рынок так и не поднялся до цен, существовавших во время покупки нашей квартиры. Я сомневался, что они вообще когда-нибудь вырастут до того же уровня.

— Да, это радует, — сказал я. — Я привык жить здесь. Жалко отдавать квартиру кооперативу.

Теперь я сгорал от нетерпения как можно быстрее написать мистеру Норрису о том, что фортуна наконец-то повернулась ко мне лицом.

— Джоанна на финансиста, пожалуй, не тянула, но вкус у нее был, — вмешался Джейми.

— Негодяйка она, — отрезала Кейт. — И с тобой, Ник, обращалась просто бессовестно. Как она повесила на тебя все эти траты!

Я улыбнулся. Тема Джоанны заводила Кейт с пол-оборота. Пожалуй, мне это было даже приятно. Мои отношения с женой выдержали двухлетнее испытание разлукой, пока я жил в России, и, когда вернулся, мы решили купить жилье. Джоанна, проработавшая два года в коммерческом банке, была финансовым мозгом всей этой затеи. Она же нашла и квартиру. Когда спустя три года мы расстались и Джоанна улетела в Нью-Йорк со своим американцем, инвестиционным банкиром, она оставила мне свою половину недвижимости, да еще и мебель в придачу, в обмен на мои обязательства по выплате ипотеки. Тогда мне казалось, что я остался в выигрыше, тем более что начальная взнос сделала она. Однако очень скоро выяснилось, что моей зарплаты на выплаты явно не хватает. Точнее, не хватало до сегодняшнего дня.

Кейт поежилась.

— Ну и холодыга у тебя. Ты можешь включить отопление?

— А зачем? Старушка этажом выше разогревает свою квартиру до двадцати пяти градусов. Часть тепла стекает сюда, вниз.

— Теплый воздух обычно поднимается вверх, — язвительно заметил Джейми.

Кейт смущенно умолкла. Это нередко происходило с моими благополучными друзьями. Платить по счетам для них было просто тратой времени, а не финансовой проблемой, которую удастся разве что отсрочить, но уж никак не решить. Внезапно она повеселела:

— Да ладно тебе. Еще немного и заживешь как в тропиках.

Я промолчал. Бойлер сломался еще в феврале. Для горячей воды его еще хватало, но отопление он уже не тянул. Ремонт обошелся бы в восемьсот фунтов. Зима была холодной, да и наступившая весна тоже кусалась. Но Кейт права: теперь я мог купить новый бойлер. И избавиться от непросыхающих подтеков на кухне. И может быть, даже купить себе новые туфли.

Джейми словно читал мои мысли.

— Жизнь начинает меняться к лучшему, — сказал он.

— На это я и рассчитывал.

— Но работа в Dekker не сахар. Я не говорю, что Рикарду потребует от тебя все двадцать четыре часа. Его устроит и та часть суток, которая остается от сна.

Кейт фыркнула.

Я посмотрел на нее, догадываясь, что она имела в виду. Я живу один. Дождаться меня по вечерам будет некому.

— Я умею выкладываться, Джейми. Ты это знаешь.

— Угу. Посмотрим, каков герой ты будешь в семь утра.

Я расхохотался.

— Всегда мечтал увидеть, как выглядит мир в такое время суток. Теперь, пожалуй, выясню.

— И с регби придется расстаться, — сказал Джейми.

— Ты думаешь? Да нет, как-нибудь приспособлюсь. Пару тренировок, конечно, могу пропустить, но команде я нужен.

Я играл восьмым номером и был звездой факультетской команды. Без меня им пришлось бы туго.

— Не получится, — возразил Джейми. — Я тоже играл, пока работал в Gurney Kroheim, но когда перешел в Dekker, пришлось бросить. Поездки — вот в чем засада. Приходится по звонку вылетать и на выходные. Ни одна команда не станет терпеть такое — это ведь не раз и не два.

Я поймал взгляд Кейт. Похоже, страдал не только регби.

— Жалко, — сказал я. — Я привык играть.

— А мне? Мне тоже жалко, — подхватил Джейми. — Стараюсь держаться в форме, но это совсем не то. Видимо, придется искать другие каналы для выхода агрессии.

Джейми играл действительно здорово — лучше, чем я. В команде колледжа Магдалины он прикрывал меня в схватках за мяч, играя на позиции полузащитника. Роста он был невысокого, но мощные плечи и сильные ноги позволяли ему легко стряхивать игроков, вдвое превосходивших его размерами. И на блок он шел без страха. Никогда не забуду, как он

запустил вверх ногами восьмой номер команды All Blacks, когда тот ринулся в гущу схватки. Джейми доводилось играть даже за университетскую сборную, и если бы его не отвлекали прочие соблазны студенческой жизни, он вошел бы в постоянный состав. Теперь же, как он дал понять, вся его агрессия поставлена на службу Dekker Ward.

Он допил остатки вина в бокале и потянулся к бутылке.

— Пусто. Сбежать и принести еще? У вас за углом, кажется, торгуют на вынос. Столик заказан на восемь-тридцать, так что полчаса у нас еще есть.

— Я схожу, — сказал я.

— Нет уж. Эту ставлю я. Обернусь за минуту.

Он набросил пальто и вышел.

Какое-то время мы сидели молча. С возрастом она только хорошеет, подумалось мне. Кейт всегда была привлекательной, пусть и не красавицей. Короткая стрижка, каштановые волосы, открытая улыбка, огромные глаза. Материнство ей шло. В ней появились мягкость, округленность и какой-то внутренний покой.

Кейт понравилась мне с первой встречи, когда нас с ней прижали к перилам на шумной вечеринке на Коули Роуд. Потом мы иногда встречались, а в последний оксфордский год я познакомил ее с Джейми. Тот взялся за дело решительно — и, как это ни странно было для него, их отношения постепенно окрепли. Через три года они поженились, а еще год спустя Кейт родила сына — моего крестника. После этого она бро-

сила работу в большой адвокатской конторе в Сити и посвятила себя малышу.

— Как дела у Оливера?

— О, прекрасно. Все время спрашивает, когда ты придешь, чтобы снова поиграть с тобой в Капитана-Мстителя.

Я улыбнулся.

— А я надеялся, что он уже вышел из моды.

— Боюсь, что еще нет.

Кейт отпила шампанское из бокала.

— Ник, ты уверен, что принял правильное решение? — В ее голосе чувствовалась озабоченность. Меня это насторожило. Чего-чего, а здравого смысла у Кейт было хоть отбавляй. И она хорошо меня знала.

— Да, — сказал я, стараясь казаться увереннее, чем был на самом деле. — В конце концов, Джейми ведь нравится работать в Dekker, разве нет?

— Да, — произнесла Кейт бесцветно. — Ему нравится.

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,2918
0,6135
0,1527

0,7733,4391
0,9615
0,5312
0,0197
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733 0,
0,9615
0,5312 8,
0,0197 0,
0,9913 13

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

2

Я ехал по улицам Айлингтона. Утренний холодок приятно покалывал лицо. Крутить педали в Лондоне в полседьмого утра было приятнее, чем в полдень, хотя меня удивило количество машин на дороге в столь ранний час.

Солнце только-только выкатилось из-за горизонта — бледный размытый диск в тающем утреннем тумане. Молодые деревья бесстрашно рвались вверх сквозь щели в тротуарах, вытягивая ветви к нависшим над ними небоскреbam. Нарциссы желтели в траве, упорно пробивавшейся к свету сквозь стеклобетонные джунгли. В редкие моменты затишья на дороге мне удавалось даже слышать голос какой-нибудь птицы, заявлявшей права на облюбованный ею куст или дерево.

Я старался не слишком разгоняться, хотя удержаться бывало трудно, осо-

бенно когда перед глазами вдруг неожиданно открывалось метров сто пустого шоссе. Мой изрядно потрепанный велосипед, несмотря на свой вид, развивал вполне приличную скорость. Пару лет назад я купил его на полицейском аукционе, не устояв перед редким сочетанием ходовых качеств и внешнего вида, к тому же вряд ли кому пришло бы в голову на него позариться.

На мне был один из трех новых костюмов, купленных на деньги Рикарду. Я сразу решил, что ни за что не потрачу больше трехсот фунтов на костюм, впрочем, и такая цена казалась мне заоблачной. Две пары шикарных черных туфель по шестьдесят фунтов каждая — а денег все равно оставалась еще целая куча, хотя я уже был элегантен до безобразия, как никогда в жизни. Да еще и подстригся.

Я прокатил через Сити и выехал на Коммершиал Роуд. Справа высилась белоснежная Кэнери Уорфф. Она поднималась над галантерейными магазинами и бакалейными лавками — мощное белое строение, верхушка которого терялась в утреннем тумане. Одинокий сигнальный огонь, казалось, висел над нею сам по себе, подмигивая сквозь туман с невидимой крыши. Скоро и я буду с той верхотуры поглядывать на городскую суету. Интересно, виден ли оттуда мой факультет?

Я поморщился, вспоминая последнюю встречу с Расселом Черчем, деканом факультета. Он пришел в ярость, когда я сообщил ему о своих планах расстать-

ся с преподаванием. Но пока я не обзавелся докторской степенью — а получить ее еще та головная боль, — он не мог предложить мне постоянную работу. Да и будь у меня степень, намного легче от этого не стало бы. Неприятно, конечно, что я его подвел, но выбора не было. Пора менять жизнь.

Когда я выехал на Уэстферри Роуд, оставив развальнохи Ист-Энда позади, стало веселее. С обеих сторон была вода: Темза на самом пике прилива с одной стороны и вест-индские доки с другой. Прямо передо мной предстал во всей красе весь комплекс Кэнери Уорф, гигантскую башню окружала плотная стена офисов. Аккуратно подстриженные газоны, пестрые клумбы на площади Уэстферри, свежевыкрашенные голубые строительные краны, словно охранявшие подступы к Канарской верфи. К станции, расположенной в пятнадцати метрах над водой, бесшумно подкатил электропоезд.

Я проехал мимо охранника и спустился в подземный паркинг, часть которого арендовала Dekker Ward. Поинтересовался у служителя, где можно оставить велосипед. Он махнул рукой в направлении небольшой группки мотоциклов «харлей» и трех БМВ. Паркинг смотрелся довольно странно. Мы делили его с большим инвестиционным банком, и он уже наполовину был заполнен машинами сотрудников. Почти сплошь немецкие модели, «мерседесы», «порше», опять БМВ. Собранные в таком количестве в одном месте, они демонстрировали поразительное отсутствие воображе-

ния у их владельцев. Унылое однообразие нарушали только черный приземистый Corvette и ярко-красный «феррари» тестаросса. Я не стал вешать цепь на велосипед. Вряд ли здесь кто-то на него польстится, это всего лишь осколок грязного бутылочного стекла, затесавшийся в бриллиантовой россыпи.

Я поднялся к площадке у основания башни. Здесь тоже царила первозданная чистота: ровненькие деревья, видимо, недавно привезенные из питомника, фонтан, аккуратные бордюры, скамьи из дорогих сортов дерева. Башня взмывала в небо на две с половиной сотни метров, ее крыша терялась в тумане и клубах пара, извергавшегося из труб у самого верха здания. Даже в этот ранний час людей на площади хватало. Они стекались отовсюду: из дверей железнодорожной станции, от подземной стоянки, из длинной очереди такси, а потом расходились к массивным зданиям, окружавшим площадь, или — как я — к центральному комплексу Кэнери Уорф.

Немного нервничая, я прошел через ультрасовременный крытый портик с бутиками — Blazer, The City Organiser, Birleys, мимо суши-бара, направляясь в коричневый выложенный мрамором холл самого высокого небоскреба Великобритании — One Canada Square, 235-метровой высоты. Лифт, в котором, кроме меня, никого не было, понесся вверх, на высоту сорока этажей, до самой Dekker Ward.

Я присел на краешек мягкого дивана, обитого черной кожей. Ухоженная, симпатичная блондинка-секретарша время от времени бросала взгляд в мою сторону. Джей-

ми появился через минуту, шагая размашисто и уверенно, улыбаясь во весь рот и протягивая мне руку. На его галстуке красовались скачущие белые кролики.

— Все-таки успел? Не думал, что тебе удастся. Крутил педали от самого дома?

— Конечно.

Он осмотрел меня с головы до ног.

— Хороший костюм. Надеюсь, старый ты выбросил. Кстати, избавляться от него следовало бы с большой осторожностью — токсичные отходы и все такое.

— Он мне дорог как память. Кроме того, здесь это, наверное, единственный костюм с развивающихся рынков.

Джейми рассмеялся. Его одежда казалась ничем не выдающейся, но соответствовала понятию «элегантной простоты». Было видно, что она стоит кучу денег в магазинах на знаменитой «рубашечной» Джермин-стрит и прилегающих к ней улочек. Я еще не научился на глаз определять стоимость одежды, но Джейми уверял, что люди, с которыми он имеет дело, понимают это с первого взгляда.

— Если ты и дальше будешь цепляться за свой драндулет, то тебе придется стать завсегдатаем нашего спортклуба. Там всегда можно принять душ.

— Спасибо, не стоит.

— Ник, не спорь. Теперь ты большой человек, солидный финансист. Ты должен быть всегда подтянут и свеж. Душ еще никому не повредил. Идем. Я покажу твое рабочее место.

Мы прошли через двойные двери. После тихого полумрака приемной операционный зал обрушился на меня лавиной звука, света и движения.

— Твое место снаружи, — успокоил Джейми, увидев, что я безуспешно пытаюсь уловить суть суеты в зале.

— Снаружи?

— Да. Видишь эти столы, вон там? — Он указал на пару десятков столов посреди зала, поставленных в форме квадрата. Возле одного них Рикарду беседовал с кем-то по телефону. Большинство мест было занято. — Это называется «внутри». Там сидят дилеры и трейдеры. Неплохо придумано. Мы можем свободно переговариваться друг с другом. А вот те столы, — он махнул в сторону трех рядов, из которых каждый был обращен к одной из сторон квадрата, — это и есть «снаружи». Там работают те, кому необязательно быть в гуще событий: отдел рынков капитала, исследовательский отдел, администраторы. И ты.

На моем лице, видимо, отразилось беспокойство, потому что Джейми тут же добавил:

— Не волнуйся. Пока — эту неделю — ты можешь посидеть со мной. Думаю, ты быстро сориентируешься что к чему.

Раздался двойной хлопок в ладоши.

— О'кей, *compañeros*, собираемся. Семь-пятнадцать.

Рикарду откинулся на спинку кресла, лицом к «квадрату». В центр его быстро стекались люди. Я пе-

реводил взгляд с одного лица на другое. Все выжидающе смотрели на босса. За внешним спокойствием скрывалась собранность и готовность к боям новой рабочей недели. Большинство сотрудников составляли подтянутые и элегантные латиноамериканцы. Многие курили. Я узнал почти всех, с кем уже встречался на интервью, включая Педру, который сидел — вероятно, не без некоторого умысла — по правую руку от Рикарду. На нем был кардиган. Похоже, этот вид одежды здесь предпочитали всем остальным. Все, за исключением меня, были без пиджаков. Я потихоньку, стараясь не привлекать к себе внимания, начал стягивать свой.

— Всем доброе утро, — начал Рикарду. Он стоял очень прямо, в безукоризненно выглаженной рубашке в синюю полоску. Я разглядел инициалы *RMR*, вышитые на кармашке. — Надеюсь, все хорошо отдохнули за выходные. Давайте начнем с того, что поприветствуем нового сотрудника нашей команды. Ник Эллиот.

Все повернулись в мою сторону. К счастью, за секунду до этого мне удалось, наконец, освободиться от своего пиджака. Я натянуто улыбнулся.

— Привет.

Меня окружали улыбающиеся лица, отовсюду раздавались голоса: «Рады видеть тебя на борту». Дружелюбие било через край.

— Ник говорит по-русски, разбирается в экономике, и я уверен, что он станет достойным членом нашей

группы, — продолжал Рикарду. — Прежде он никогда не работал в сфере финансов, а потому не набрался никаких дурных привычек. Я хочу, чтобы мы все показали ему, как делаются дела в Dekker. Итак, Педру, что творится на планете?

Педру Хаттори с места разразился непонятным для меня потоком слов, в котором мелькали облигации Брейди, евро, кредитные выжимания, аргентинские дисконтные облигации, авансирование льгот и тому подобные премудрости. Я пытался следить за ходом его мысли, но быстро сдался. Потом американец по имени Харви сообщил о текущей политике Федерального резерва США в отношении процентной ставки. Это была более знакомая территория, но я снова поплыл, когда он начал рассуждать о *WI* и пятилетних облигациях. Шарлотта Бакстер, глава отдела исследований, высокая американка лет тридцати с длинными каштановыми волосами, была следующей. Она произвела на меня приятное впечатление еще во время интервью. Сейчас она говорила о вероятности переговоров между правительством Венесуэлы и Международным валютным фондом, а также о том, какие последствия эти переговоры будут иметь. Хотя я и не слишком разбирался в данном предмете, но сообразил, что информация была достаточно серьезной. Джейми аккуратно помечал что-то в блокноте.

Рикарду встал и теперь подходил по очереди к каждому из присутствующих. Люди делились всем: слухами, проверенной информацией, впечатлениями,

догадками. Каждый говорил кратко и четко. И с безусловным знанием дела. Никто не пытался заработать очки, привлечь к себе внимание — наверное, потому, что это здесь не слишком приветствовалось. Но все внимательно следили за его реакцией, а каждое брошенное слово одобрения ловилось на лету.

— Изабель? Как продвигается дело с *favela*?

Стройная брюнетка лет тридцати, прислонившись к столу, неторопливо потягивала кофе из пластикового стаканчика.

— Трудно сказать, Рик. Мой человек в жилищном отделе обеими руками за. Думаю, его босс тоже. Но кто знает, чего хочет босс его босса?

У нее был низкий хриловатый голос и неторопливая речь. Прекрасное владение английским — и едва заметный акцент. Бразильский, как я догадался чуть позднее.

— Ты сможешь это уладить?

— Я *carioca*. Рио мой дом. Конечно, улажу. — Уголки ее губ приподнялись. — Не знаю, правда, в этом ли столетии.

Рикарду улыбнулся.

— Уверен, ты справишься, Изабель. Но если я понадобится, то с удовольствием слетаю туда вместе с тобой. Я мог бы поговорить с Освальду Боччи. Пусть опубликует пару-тройку статей. Упомянет, что это прекрасный шанс для Рио сделать наконец что-то с фавелами. Освальду наш должник — за ту работу, которую мы провернули для него в прошлом году.

— Местная пресса настроена вполне доброжелательно, — Изабель откинула со лба темную прядку волос. — Но пока я не хотела бы подключать Освальду. Разве что станет совсем уж туго. Я лечу туда в среду вечером. Надеюсь, все уладится. Ну а если нет, ты ему позвонишь.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Рикарду. — Думаю, в будущем мы сможем применить ту же модель и к другим городам.

— Конечно. Мы могли бы использовать ее где угодно. В Бразилии — наверняка. Как только мы заключим контракт с Рио, я собираюсь на переговоры в Сан-Паулу и Сальвадор. Но сама структура должна сработать в любом месте Латинской Америки, где люди живут в трущобах. А это значит — повсюду. Для каждого контракта нам необходима поддержка Всемирного фонда развития, но, по-моему, они считают, что это разумное расходование средств.

— А для Ромфорда ваша схема сгодится? — Это был Мигел, высокий аргентинец аристократического вида.

— Эй, приятель, оставь Ромфорд в покое! — возмутился короткостриженный здоровяк англичанин с пестрым галстуком. Я вспомнил его имя: Дейв.

— Пожалуй, ты прав. Ему уже ничем не поможешь.

— Спасибо за идею, Мигел, — кивнул Рикарду. — Кстати, ты был бы наилучшей кандидатурой для работы в нашем представительском офисе в Эссексе. Но если серьезно, коллеги, то Рио — наш флагманский

контракт. Как только мы его подпишем, всем остальным нужно будет сразу же бросаться на поиски аналогичных сделок. Карлус?

Я не вслушивался в страстное повествование Карлуса о возможном контракте с Соединенными Штатами Мексики, потому что не сводил глаз с Изабель. Нос чуть длинноват, рот чуточку широк. Одежда обычная, неброская: короткая голубая юбка, кремовая блузка, черные туфли. И волосы, рассыпавшиеся по сторонам и постоянно падавшие на лицо. Но в ней ощущалось что-то очень женственное, очень привлекательное. Может быть, все дело было в голосе — а, может, в том, как она держалась. Или в ее глазах — огромных, темно-карих, ясных и наполовину скрытых длинными ресницами. Внезапно глаза эти стрельнули в мою сторону, поймав мой оценивающий взгляд. Уголки ее рта снова дернулись вверх, а я поспешно обратил взор на Карлуса.

— Тебе все было понятно? — спросил Джейми, когда летучка закончилась.

— Кое-что — да, но вопросы все-таки есть. Придется многому учиться.

— В том числе смотреть на Изабель и следить, чтобы челюсть при этом не отвалилась.

— Что, так заметно?

— Не переживай. Мы все через это прошли. Привыкнешь.

— Но в ней действительно что-то есть. Не могу понять, что...

— Сексуальна она чертовски, вот что. Только советую держаться подальше. Она может укусить, и крепко.

— Серьезно? А мне она показалась вполне дружелюбной.

— Вот и смотри издалека. И не трогай. А еще лучше — не смотри. Уж поверь мне на слово.

Я пожал плечами и сел за стол Джейми. Я еще никогда не видел трейдерских столов, а здесь, в Dekker, все они были оснащены по последнему слову техники. Пять мониторов, передававших новости, цены и анализ в виде десятков разноцветных кривых. У Джейми, похоже, была какая-то нездоровая тяга к розовому. Деловой пейзаж дополнял телефон на тридцать линий, вентилятор, испанско-английский словарь, двухтомный «Альманах банкира» и маленький серебряный мячик для регби — сувенир в память о турнире «семерок» в Аргентине. Картину обрамлял коллаж из желтых стикеров, о гряде бумаг говорить, понятно, излишне.

— Ну хорошо, начнем с азов. — Джейми показал мне, как выводить на экран новости регби поверх информационной службы Bloomberg. — На этой половине квадрата, — он обвел пространство рукой, — коммиссионеры. Наша работа — говорить с клиентами, давать им нужную информацию, выяснять, чего они хотят, и, конечно, покупать и продавать облигации. А эти люди — он повернулся ко второй половине квадрата, — трейдеры. Маркетмейкеры, через которых проходят сотни самых разных облигаций. Когда клиент хочет купить или продать что-нибудь, мы запра-

шиваем цену у трейдера. Он дает нам предлагаемую цену — бид и цену продавца — офер. Мы передаем информацию клиенту, который либо продает по цене бида, либо покупает по цене офера. Теоретически спред, то есть разница между бидом и офером, приносит прибыль нам.

Я кивнул. Пока понятно.

— Другой способ заработать — первичное размещение ценных бумаг. Видишь эту группу, вон там? — Он показал на столы за пределами квадрата. Там же сидела Изабель, погруженная в чтение документов. — Вижу, что видишь. Отдел рынков капитала. Их задача — переговоры с потенциальными заемщиками и подготовка выпуска облигаций, которая позволит им получить кредиты под минимальный процент. Который, кстати говоря, довольно высок. Без солидной отдачи инвесторы не будут рисковать, вкладывая в страну, которая может снова рухнуть в дефолт.

Следующую пару часов Джейми потратил на рассказ о том, как функционирует Dekker. Я слушал внимательно, переваривая информацию фраза за фразой, пытаюсь сопоставить ее с тем, что я уже слышал и знал, и проследить связь со все новыми и новыми объяснениями.

Я брал вторую трубку, подсоединенную к его линии, когда звонил телефон, и тогда Джейми начинал разговаривать с клиентами. Среди них были самые разные организации: французский и британский банки, голландская страховая компания, американский хеджевый фонд.

Он говорил с ними о Венесуэле и переговорах с МВФ. Обменивался слухами по поводу будущего контракта в Мексике. Обсуждал футбольные матчи и вчерашние телепередачи. Он покупал и продавал облигации на миллионы долларов, всегда продавая по цене, которая была чутьочку выше цены покупки. Многие из этих сделок он помечал буквами *DT*, за которыми следовал номер. Джейми пояснил, что это были номерные счета филиала нашей компании Dekker Trust на Каймановых островах.

На ланч давали козий сыр, сэндвичи с салатом и колу. Их развозил по залу паренек в спецовке, кативший перед собой внушительных размеров тележку. Даже не пришлось покидать рабочее место. Впрочем, на это не было времени.

Переговоры продвигались от одного часового пояса к другому, переключаясь к полудню на Бразилию, на весь остальной континент и Нью-Йорк — уже днем и, наконец, на Калифорнию вечером. Темп ускорялся по мере того, как таял день: многие участники находились в Нью-Йорке или Майами. Наш день растягивался, чтобы включить в себя их расписание. Масса переговоров велась на испанском, и тут уж я ничего не понимал. Придется учить язык.

Около шести я отправился к Шарлотте и ее команде, откуда вернулся, таща подмышкой целую кипу отчетов. Аналитические отчеты по политике и экономике были превосходны. Особое впечатление произвели исписанные торопливым почерком страницы с пометкой: «Только для внутреннего пользования».

В них содержалась информация, полученная от неформальных источников: местных банков, государственных чиновников, нью-йоркских трейдеров. Я читал эти бумаги со все возрастающим интересом.

Стол Изабель стоял рядом с моим. Она работала как конвейер: то перебирая кипы бумаг, высившиеся по бокам стола, то забивая информацию в компьютер, то обсуждая очередные документы по телефону на языке, который я принял за португальский. Я старался не смотреть на нее, но получалось не слишком удачно. Ее лицо было наполовину закрыто прядями длинных темных волос. Иногда она прикусывала нижнюю губу и смотрела куда-то вдаль. Нет, она была восхитительна. Даже когда я не смотрел на нее, до меня все равно долетал по воздуху запах ее духов — или ее голос... Стоп. Возьми себя в руки.

Я в очередной раз стрельнул глазами в ее сторону и вдруг увидел, что она смотрит прямо на меня.

— А ты хорошо стартовал, — улыбнулась она.

— Мне нужно многое усвоить.

— Все станет гораздо легче, когда включишься в реальную работу. Откуда ты перешел? Где работал раньше?

— До конца прошлой недели я преподавал русский язык.

Она не смогла скрыть изумления.

— Серьезно? А что же привело тебя в Dekker?

— Искал работу. Джейми оказался настолько добр, что представил меня кое-кому. Честно говоря, не очень понимаю, почему меня взяли.

— Вы с Джейми друзья?

— Да. Старинные друзья. Знаем друг друга целую вечность.

На этом беседа иссякла. Изабель снова повернулась к телефону и сняла трубку. Черт, не ляпнул ли я чего-нибудь лишнего.

И тут зазвонил телефон на моем столе.

Два коротких звонка. Внешняя линия. Странно. Я никому не успел дать этот номер.

Я снял трубку.

— Деккер, — сказал я, стараясь подражать четким интонациям, которые слышал вокруг.

— Могу я говорить с Мартином Бельдекосом? — произнес женский голос с американским акцентом.

Бельдекос. Первый раз слышу эту фамилию. Я осмотрелся по сторонам. За исключением Рикарду, Педру и Изабель, все разошлись по домам. Изабель говорит по телефону, а Рикарду и Педру сидели слишком далеко.

— Э-э-э, его сейчас нет. Могу я завтра передать ему ваше сообщение?

— Вас беспокоит секретарь Дональда Уинтерса из United Bank of Canada в Нассау. У меня факс для мистера Бельдекоса. Вы не дадите мне номер его факса?

— Секунду, — сказал я. Факс стоял в двух шагах. Я прочитал номер и продиктовал его собеседнице. Она поблагодарила и повесила трубку.

Среди бумаг я разыскал список местных телефонов и нашел: Бельдекос, Мартин — 6417. Но это был *мой*

номер! Неудивительно, что звонок попал ко мне. Должно быть, он работал здесь до меня.

Факсовый аппарат за спиной зажужжал и ожил.

Я взял вылезший лист бумаги и вернулся на место. Послание было адресовано Мартину Бельдекосу, Dekker Ward, и отпечатано на бланке отделения United Bank of Canada в Нассау. Текст сообщения был коротким и ясным.

«На ваш запрос сообщаем следующее. Нам не удалось установить владельца-пользователя компании International Trading and Transport (Панама). Мы перевели фонды с их счета в нашем банке на счет Dekker Trust в филиале банка Chalmet et Cie на Каймановых островах, следуя инструкциям г-на Тони Хемпела, адвоката в Майами, который является юридическим секретарем International Trading and Transport».

Факс был подписан Дональдом Уинтерсом, вице-президентом.

— Изабель?

Она только что положила телефонную трубку.

— Да?

— Тут пришел факс на имя Мартина Бельдекоса. Где он сидит?

Ответ прозвучал не сразу. Изабель напряглась и втянула в себя воздух.

— Он сидел на твоём месте, — ответила она наконец каким-то пустым голосом.

— Он уволился? — Я почувствовал, что с отсутствием Мартина Бельдекоса что-то не так. — Или его уволили?

Она покачала головой.

— Нет. Нет. Он... погиб.

Я выдохнул:

— Как?

— Его убили. В Каракасе. Грабители влезли в его номер в отеле, пока он спал. Наверное, он проснулся и... Его зарезали.

— Господи! Когда это случилось?

— Недели три назад.

— О, — только и смог выдохнуть я. Меня вдруг зазнобило. Это было странное чувство: узнать, что твой предшественник мертв.

На языке у меня вертелись вопросы, но Изабель была явно не настроена на разговор, а я не хотел рисковать, сказав какую-нибудь глупость.

— Ладно... Так что мне делать с этой штуковиной?

— Давай ее мне.

Я протянул лист бумаги. Она взглянула на текст, помолчала, нахмурилась, что-то черкнула в верхнем углу и положила факс на лоток для исходящих документов на соседнем столе. Потом сунула какие-то документы в портфель и надела жакет.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Увидимся завтра.

Она ушла, оставив меня в одиночестве — на стуле мертвеца, у стола, за которым раньше работал мертвец.

5
71
6

0,4583
0,7730,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

0,2589

0,6308

0,4986

0,3527

З

На следующее утро уже в семь часов я был в офисе. Поездка на велосипеде меня взбодрила. Если уж я буду вынужден торчать весь день в четырех стенах, придется использовать каждую возможность запастись кислородом.

Войдя в зал, я увидел, что Рикарду уже на месте. Если бы не свежая рубашка, я мог бы поклясться, что он провел всю ночь за своим столом.

Появилась Изабель, и я широко улыбнулся ей. Она ответила мимолетной дежурной улыбкой, ограничившись коротким: «Привет».

Я бросил пиджак на стол, взял стаканчик с кофе и направился к Джейми. Тот о чем-то болтал с Дейвом, трейдером-толстяком из Ромфорда.

— Утро доброе, — сказал Дейв. — За первый день мы тебя еще не угробили?

— Пока жив.

— Во сколько ты вчера ушел? — спросил Джейми.

— Около одиннадцати.

— Для первого дня совсем неплохо. Могу предположить, что, когда ты выходил, Рикарду все еще был на месте. Угадал?

Я кивнул. Мы помолчали, впитывая утреннюю дозу кофеина.

— Изабель мне вчера рассказала о Мартине Бельдекосе.

— Да уж, поганая ситуация, — кивнул Дейв. — Очень поганая ситуация.

— Изабель говорит, его убили.

— Я слышал, что полиции Каракаса поймала негодяев.

— Насколько я знаю, это еще не вся история, — Дейв произнес это чуть ли не шепотом.

Мы с Джейми выжидающе уставились на него.

— Ходят слухи, что это было не просто ограбление с летальным исходом. Мигел на прошлой неделе был в Каракасе. Поговаривают, что это было заказное убийство.

— Заказ? — Джейми не скрывал своего изумления. — На Мартина? Консультанта по правилам торговли, скромного лысеющего очкарика? Он что, пытался завладеть южноамериканским франчайзингом по выпуску канцелярских скрепок?

— О контракте рассказал Мигел, — Дейв пожал плечами. — А ты знаешь, что у него везде свои люди.

Наша беседа была прервана двумя резкими хлопками в ладоши. «Семь-пятнадцать, *compañeros!*» — напомнил Рикарду. Шум в зале сразу же стих, и мы столпились вокруг босса.

Проблемы, обсуждавшиеся на утреннем совещании, стали, казалось, чуточку более понятными. Венесуэльские новости припугнули рынок: цены упали на пять пунктов. Но знающие люди считали, что прекращение переговоров с МВФ — это лишь театральный жест стареющего президента страны. Эту информацию мы решили придержать для себя, чтобы пополнить собственный портфель подешевевшими венесуэльскими облигациями. Потом можно будет поведать о случившемся остальному миру.

Летучка закончилась.

Слова Дейва гвоздем засели у меня в голове.

— Ты тоже думаешь, что Бельдекоса заказали? — как бы невзначай поинтересовался я.

Джейми фыркнул.

— Конечно же, нет. У Дейва очень живое воображение. А Мигел, несмотря на весь бриолин и шикарные итальянские костюмы, просто старый сплетник. Бедолага погиб от рук обычных грабителей. — Его передернуло. — Весь ужас в том, что это может произойти с любым из нас. Ну, хватит об этом, займемся делом.

Мне хотелось подробнее расспросить о Бельдекосе, но здесь, похоже, никто не был склонен развивать эту тему. А я не хотел показаться любителем кровавых

подробностей — в конце концов, с покойником мы даже не были знакомы. И я промолчал.

Начался новый рабочий день.

Непосвященный человек мог подумать, что попал в сумасшедший дом. Шум стоял невыносимый. Дело было не в громкости, а в многообразии шумосоставляющих. Со всех сторон доносилась английская и испанская речь, сквозь треск динамиков на трейдинговых столах прорывалась информация о ценах на бумаги, и, естественно, не смолкало разноголосое стаккато в телефонных трубках. Компьютеры и принтеры издавали весь спектр звуков: жужжание, гудение, а время от времени и лязганье с клацаньем. А на басах низко гудела-бормотала сама башня. Чтобы сосредоточиться, требовалась нешуточная закалка.

— Эй, Педру! Что бы ты дал за «аргентинку»? Какой дисконт?

— Пятьдесят шесть с половиной покупка и шестьдесят семь и три четверти — продажа.

— Он говорит, что может взять на четверть пункта дешевле.

— Ч-черт. Ладно, пусть забирает.

Облигации летали по всему квадрату трейдинговых столов и от одного уголка планеты к другому: Токио, Цюрих, Бахрейн, Эдинбург, Нью-Йорк, Бермуды, Буэнос-Айрес. Сделки заключались даже с инвестиционным банком десятью этажами ниже. За день сотни миллионов долларов вливались на счета Dekker Ward и вытекали из них. Но в конце концов всегда оказы-

валось, что влилось на несколько сотен тысяч долларов больше, чем вытекло.

Постепенно я начал ориентироваться в происходящем. Искусство инвестирования в развивающиеся рынки заключается в оценке и сравнении рисков. Является ли Бразилия большим риском, чем Мексика? Если да, то насколько? Если доходность мексиканских облигаций 10,25 процента, должны ли бразильские давать не меньше, чем 11,25? Или 11,50? Или еще больше? И как это соотношение изменится в будущем?

У каждого заемщика был целый веер непогашенных эмиссий: облигации Брейди, в которые были переведены старые банковские долги, еврооблигации, бумаги, выпущенные правительствами, госбанками, частными банками. Торговля базировалась на гремучей смеси рационального анализа и прихотей инвесторов в разных уголках планеты, каждый из которых имел свои предпочтения и соображения.

Чтобы разобраться во всем этом, требовалось время, но я был уверен, что справлюсь, тем более что перспективы представлялись весьма радужными. Dekker был самым подходящим местом для того, чтобы войти в игру. Вся группа работала как четко настроенная и смазанная машина по сбору информации. Рикарду прав: они знали все. Когда что-то происходило, здесь либо уже знали об этом, либо успевали спрогнозировать ход событий.

Неудивительно, что они гребли такие деньги. Все мое существо рвалось к тому, чтобы как можно скорее

стать частью происходящего — игроком, а не наблюдателем.

Мое внимание привлек крупный мужчина в сером костюме с двубортным пиджаком. Они с Рикарду изучали какие-то цифры. Я видел его впервые.

— Кто это?

— Сам не можешь догадаться?

Я присмотрелся. Примерно того же возраста, что Рикарду, может быть, чуть-чуть младше. Но полнее, с грузным серьезным лицом.

— Брат?

— Ага. Эдуарду Росс.

— Работает в Dekker?

— А как же.

— И чем он занимается?

— Точно не знает никто. Кроме Рикарду. То да се, спецпроекты плюс дела, которые Рикарду не доверит никому другому. Например, он управляет Dekker Trust на Кайманах.

— А что есть Dekker Trust?

— Наша дочерняя компания. Туда мы сбрасываем все, о чем незачем знать властям.

— Сомнительно звучит.

Джейми рассмеялся.

— На самом деле никакой нелегалщины. Многие наши клиенты предпочитают оставаться в тени. Нет, они не преступники, не мафиози — Рикарду принципиально не имеет дел там, где есть хоть какой-то криминальный запах. Просто они настаивают на аб-

солютной конфиденциальности своих сделок, а Dekker Trust это как раз позволяет.

— Понятно, — неуверенно протянул я. — Но владец-то все равно Dekker?

— Нет, во всяком случае, не на сто процентов. Приличный кусок принадлежит Chalmet, швейцарскому банку. Кое-чем владеет, конечно, и Dekker. Остальное — собственность трастовых фондов для сотрудников.

— Сотрудников?

— А ты еще не в курсе?

Я покачал головой. Джейми сделал паузу и продолжал, но уже на полтона ниже.

— Только так здесь и делаются настоящие деньги. Рикарду разрешает некоторым сотрудникам вкладывать часть своих премиальных в эти фонды. Все операции производятся на Каймановых островах — во всяком случае, там они регистрируются. Естественно, все управленческие решения принимает сам Рикарду. Доходность вложений просто сказочная. Между нами, сотня процентов в год — не предел.

— Ничего себе! И как же ему это удается?

— С его-то знаниями? Пара пустяков. Нет таких фокусов, которыми бы он не владел. Леверидж, опционы, варранты — все что хочешь.

— И это законно?

— Конечно. Но все-таки лучше делать это в офшоре. Не так напоказ. Не хотелось бы, чтобы контролеры искали дыры, даже если этих дыр и нет.

— А размер этих фондов?

— А вот это, дружище, самая большая тайна. — Джейми понизил голос до шепота. — Но думаю, не меньше чем полмиллиарда долларов.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы переварить эту новость.

— И все это принадлежит людям, сидящим в этом помещении...

Джейми улыбнулся.

— Во всяком случае, основная часть пирога. Конечно, наши люди в Майами и на Кайманах тоже имеют свой кусок. Но, думаю, как минимум половина — собственность Рикарду.

До меня внезапно дошло, что я нахожусь в гуще не просто богатых, но сказочно богатых людей.

Господи. Если я удержусь здесь, то, может, и мне перепадет кусочек пирога.

— Эдуарду заправляет офшорными операциями?

— Рикарду нужен человек, которому он мог бы довериться. А брату он доверяет больше, чем кому бы то ни было. Кстати, он же занимается проверкой новых сотрудников.

— Ты о чем?

— Обычный набор: привязанность к наркотикам, долги, азарт, гомосексуальность, левые взгляды, психическая нестабильность, судимости.

— Ты шутишь!

— Нисколько. Так оно и есть.

Я был в шоке.

— Значит, он и меня проверял?

— Скорее всего. Или как минимум поручил ту же работу частному сыскному агентству.

— Но почему ты мне об этом не сказал?

Джейми поморщился, но тут же одарил меня широчайшей дружеской улыбкой.

— Потому что знал: расскажи я тебе, и ты отказался бы от этой работы. К тому же я все-таки тебе рассказал — только что.

— Скотина, — сказал я. Джейми расхохотался, но мне все это не казалось смешным. Это было вторжением в мою личную жизнь — так, словно кто-то украл часть этой жизни или по меньшей мере позаимствовал приличный кусок. Кто-то, кого я знать не знал.

— Да брось ты, Ник, — сказал Джейми, поняв, что я вот-вот взорвусь. — Мы все через это прошли. Ты чист, как никто другой в этом зале.

— Если не считать ипотеку, — буркнул я.

— У тебя хватило ума сказать о ней самому. Что я тебя гложет? Рикарду ни с кем не собирается делиться этой информацией.

Не могу сказать, чтобы меня это успокоило.

— Смотри, — прошипел Джейми, — вот и наш герой.

Эдуарду уже подходил к нашему столу. Сидящие рядом с нами комиссионеры улыбались и обменивались с ним приветствиями. Но даже мне было нетрудно заметить, какими наигранными были эти проявления радости.

С улыбкой на пухлых губах он протянул мне руку.

— Ник Эллиот? Я Эдуарду Росс. Рад видеть тебя в команде. — Голос его был глубоким, как у брата, но в акценте — смеси северо- и южноамериканского — преобладала южная составляющая.

Я встал и неловко пожал начальственную длань.

— Спасибо.

— Джейми, не возражаешь, если я умыкну Ника на минутку?

— Нет проблем, — Джейми сверкнул улыбкой.

— Прекрасно. Пойдем, прогуляемся в мой офис.

Бросив беспомощный взгляд на Джейми, я проследовал за Эдуарду в офис в углу операционного зала. Снаружи окна были непрозрачными. Но изнутри открывался вид на весь зал. Было отлично видно, как Джейми снимает трубку, чтобы впарить очередному клиенту очередную порцию облигаций.

Просторный офис был обставлен с шиком. Пара светлых кожаных диванов, отделанные деревом стены. На одной из стен висела фотография красного «феррари», который я углядел в подземном гараже. Рядом с автомобилем стоял загорелый мускулистый мачо в компании двух брюнетистых красоток. Эдуарду возвышался над идеально чистым огромным столом.

За его спиной открывалась головокругительная панорама западной части Лондона. Я вспомнил, что так и не проверил: виден ли отсюда мой факультет русистики. Впрочем, неудивительно, не до того было.

Он проследил за моим взглядом и расплылся в улыбке.

— Красота, а? В хорошую погоду отсюда виден даже Виндзорский дворец.

— Фантастика, — вынужден был признать я.

— Садись. — Эдуарду открыл крышку хьюмидора и предложил мне сигару. Я отрицательно покачал головой. Он вынул одну для себя и обхватил ее полными, чувственными губами. Прежде чем прикурить, несколько секунд повертел ее во рту. Зрелище было почти непристойным. Эдуарду с интересом наблюдал за моим лицом.

В дверь постучали, и на пороге появилась очень юная и очень красивая блондинка. На первый взгляд место ей было за школьной партой, а не в офисе.

— Отчет, мистер Росс, — сказала она и, подойдя к столу, положила бумаги на самый его уголок.

— Спасибо, Пенни, — ответил он, протянув руку к бумагам. И добавил, когда девушка уже шла к дверям: — Только у англичан рождаются такие очаровательные девственницы. Жаль, что с возрастом очарование исчезает.

Я невольно взглянул на девушку, которая залилась краской и торопливо выскользнула из кабинета.

Эдуарду хохотнул.

— Прости. Когда она краснеет, то становится такой милашкой. — Он бросил отчет на лоток для бумаг.

Я промолчал. Да и что мне было добавить?

— Рикарду много рассказывал о тебе, Ник, — продолжал мой собеседник дружеским тоном. — Он рад,

что ты теперь с нами. Ты уже произвел самое хорошее впечатление. Мы обычно сами натаскиваем своих людей, и он считает, что ты — очень подходящий материал для обработки.

— Спасибо. — Похвала не вредит никогда, и особенно на самом старте.

— Мы уделяем самое пристальное внимание всем запросам и потребностям наших сотрудников, — продолжал он. — Хочется, чтобы они как можно быстрее освоились. И не отвлекались на бытовые проблемы. Насколько я понял, у тебя приличная задолженность по ипотеке. Мы решили несколько облегчить твою ношу.

У меня вдруг бешено запульсировало в висках.

— Мы выкупим твою ипотеку у строительного общества с тем, чтобы ты выплачивал нам по более приемлемой ставке — ну, скажем, три процента? Конечно, до тех пор, пока ты не будешь в состоянии внести всю сумму. Что, думаю, произойдет не позднее чем через пару лет — если будешь работать так, как мы надеемся.

Он улыбнулся, выпустив облачко сигарного дыма. Облачко медленно поплыло ко мне. Как и в Рикарду, в нем был некий магнетизм, но совсем другого сорта. Крупное лицо, лоб в тяжелых складках и густые черные волосы, зачесанные назад, придавали ему несомненное мужское обаяние, которое одновременно внушало и страх. Такие люди не ходят по коридорам факультета русистики.

На меня накатила волна облегчения. Проклятая ипотека стояла мне костью в горле. И теперь проблема — пуфф! — исчезала в небытии. Как просто.

Но уже в следующий момент я одернул себя. Я начинал уже ориентироваться в рабочей ситуации и правилах игры, и интуиция подсказывала, что именно сейчас надо быть настороже. Меня прельщала перспектива работать с Рикарду. Но сейчас меня просто покупали. Я быстро произнес:

— Спасибо, в этом нет необходимости. Это щедрое предложение, но я надеюсь, что теперь смогу выплачивать ипотеку без особых проблем.

На мгновение взгляд Эдуарду потемнел. Он снова пыхнул сигарой. И, наконец, улыбнулся.

— Никаких условий, никаких ловушек. Многие фирмы в Сити предлагают своим сотрудникам субсидированные ипотеки. Бери и не раздумывай. Пригодится.

Все это было верно. Но что-то мне не нравилось. К тому же слова не воротишь.

— Уверен, что вы правы. Но я справлюсь. И, как вы сами сказали, смогу выплатить ипотеку полностью уже через несколько лет.

Эдуарду пожал плечами.

— Как знаешь. Но если мы в чем-то сможем помочь, в чем угодно, обращайся в любое время. О'кей?

Еще одна улыбка.

Я уже шел к выходу, когда он окликнул меня:

— Чуть не забыл, Ник.

Я остановился у двери и обернулся.

— Да?

— Изабель Перейра переслала мне факс, который ты получил вчера. — Он понизил голос: — Думаю, ты в курсе, что произошло?

Я кивнул. Он поморщился.

— Ужасно. Просто ужасно. Если получишь какие-нибудь еще сообщения для Мартина, передавай их прямо мне, хорошо? И пожалуйста, не рассказывай о них никому. Мартин выполнял мое достаточно деликатное поручение. Договорились?

Вежливая просьба была проникнута угрозой. Смутной, но от этого не менее пугающей.

— Конечно, — сказал я и вышел.

Джейми ждал меня за своим столом.

— О чем была речь?

Я рассказал ему о предложении выкупить мою ипотеку и о моем отказе. Он вскинул брови.

— Почему ты отказался?

— Не знаю. Что-то мне не понравилось. Трудно сказать. А когда уже произнес «нет», то не мог позволить себе дать обратный ход. Ты считаешь, что я идиот?

Джейми замялся.

— Может, и нет. Эдуарду не врет, здесь никаких подводных камней. Но если ты будешь работать здесь, то рано или поздно окажешься в зависимости от них. Так или иначе.

— О чем ты?

— Скажем, премиальные и фонды для сотрудников, куда уж нагляднее. Если нужно, Рикарду всегда поможет: деньгами, контактами, чем угодно. Ты ведь задолжал ему пять тысяч фунтов, даже не приступив к работе, разве не так?

— Так. С ним как-то комфортней, чем с Эдуарду.

— Возможно. Они и в самом деле очень разные. Но они братья. Если ты должен одному, ты должен и другому.

— Они настолько близки?

— Латиносы преданы своим семьям. Но в их случае это не просто дань традиции. — Джейми снова понизил голос. Мне показалось, что вся эта игра в конспирацию доставляет ему удовольствие. — Про Эдуарду рассказывали довольно мрачные истории.

Я подался вперед.

— Серьезно?

— Поговаривают, что он убил человека. Столкнул с балкона. Тогда он еще был студентом в Каракасе. Вроде бы, поскандалили из-за какой-то девицы. Рикарду задействовал нужные рычаги, и все обошлось.

Меня передернуло.

— Я вполне могу представить его в роли убийцы.

— Это несложно. У него вся жизнь проходит на грани. Девочки, наркота. Такие дела. Ходили слухи, что у них с Изабель что-то было.

— Что?! — Я невольно бросил взгляд в сторону Изабель. Мне была видна только ее макушка. Склонившись к столу, она говорила по телефону. — С ее-то вкусом?

Джейми пожал плечами.

— Видимо, Эдуарду способен увлечь женщин. Я тебя предупреждал.

— Предупреждал. — Я почувствовал разочарование. Может, я и не поверил бы слухам про Изабель, но, так как, по сути, я ее не знал — подумаешь, перебросились парой слов и все, — оснований для удивления у меня не было. Едва родившиеся фантазии рассеялись как дым. Ну и черт с ними.

— Но Эдуарду полезен. Умен. Хитер. И умеет делать дела.

— Какие дела?

— Разные. Умеет заставить важных шишек изменить мнение по тому или другому вопросу. Умеет влиять на людей.

— Взятки?

— Не думаю, что так это просто и в лоб. Рикарду очень щепетилен по этой части. В нашем бизнесе ты либо чист как слеза, либо раздаешь взятки налево и направо. В нынешние времена куда лучше иметь незапятнанную репутацию. Меньше риска. Но у Эдуарду свои методы, а его брат предпочитает не знать о них.

Я просидел в офисе до позднего вечера. Чтение документации увлекло меня: аналитические отчеты и выпуски *IFR*, коллекции всевозможных рыночных слухов. Рядом высилась внушительная стопка материалов, которые предстояло изучить для сдачи брокерского минимума, чтобы получить право самостоятельно участвовать в торгах.

Операционный зал опустел. Джейми еще в полдень отправился домой. Изабель ушла в девять, оставив за собой терпкий аромат духов. К половине одиннадцатого в зале уже не было никого, кроме Рикарду. Он положил трубку на рычажки и подошел к моему столу. Я оторвался от бумаг и с нервной улыбкой воззрился на босса.

Он выглядел свежим и полным сил, словно рабочий день только начался, хотя за время, прошедшее с утреннего совещания, в его облике произошли кое-какие перемены: верхняя пуговица рубашки была расстегнута, рукава закатаны. Он закурил сигарету.

— Кофе?

Одному Богу известно, сколько порций я уже проглотил за день. Но кофе здесь был замечательным. Я кивнул.

— С удовольствием.

Он отправился к автомату, а мне стало не по себе. Босс пошел мне за кофе! Наверное, стоило все-таки сделать это самому. Но он уже подходил к столу с двумя пластиковыми стаканчиками.

— Ну, что скажешь? Увлекательная штука, а?

— Никогда не думал, что это может оказаться настолько интересным.

Рикарду хохотнул.

— Ты, наверное, полагал, что вся наша работа — это непрерывный ор по телефону?

— Пожалуй.

Он взглянул на страницу, лежавшую передо мной: обзор ситуации в Мексике.

— Что думаешь об этом?

— Написано очень хорошо. Со знанием дела. Меня, во всяком случае, убеждает.

— Конечно. У Шарлотты редкий талант сводить факты и догадки воедино и выдать ответ «где денежка». И ей-богу, я отношусь к этому очень серьезно.

Он глубоко затынулся.

— Та же Мексика. Шарлотта всерьез обеспокоена тамошней ситуацией. Она считает, что через месяц-другой грянет девальвация, которая отпугнет инвесторов не хуже той, последней. Я с ней согласен.

— Значит, продавать Мексику и покупать Аргентину? Рикарду улыбнулся.

— А ты быстро соображаешь. Да, это был бы верный шаг. И Аргентина — хороший выбор. Сейчас аргентинские облигации можно купить очень дешево. Но все не так просто.

— А в чем сложность?

— Сложность в том, что Мексика хочет получить заем на миллиард долларов. И этот контракт, хочешь не хочешь, должен быть нашим.

— Понятно. Вам не улыбается навязывать мексиканские облигации на миллиард долларов запуганным инвесторам.

— В десятку.

Я с минуту подумал.

— А что если передать этот контракт другой фирме?

— При обычных обстоятельствах я бы так и сделал. Конечно, в любом случае мы не были бы вне игры. Это наш рынок, и мы вовлечены в каждую сделку. Таковы правила. Но так или иначе, мы могли бы пригласить к соучастию пару других компаний и тем самым сократить степень риска. Штука, однако, в том, что Bloomfield Weiss хочет заполучить весь контракт. Целиком. А я не могу этого допустить.

— Это фирма, укравшая вашу восточноевропейскую команду, так?

— Именно. И теперь они целят на наше место. Хотят стать первыми. Раньше они плевать хотели на развивающиеся рынки, но в последние месяцы, похоже, задумались о них всерьез.

— Но вы-то можете выдавить их из игры?

— Не так все просто. Bloomfield Weiss — ведущая трейдерская компания на Уолл-стрит в секторе традиционных рынков. А капитала у них в десять раз больше, чем у нас. Хватит, чтобы пробиться к кормушке.

— И что вы собираетесь делать?

— Честно? Не знаю. — Он сделал еще одну затяжку. Я сидел тихо, чтобы не нарушить ход его мыслей, польщенный тем, что Рикарду счел возможным поделиться со мной такой серьезной проблемой уже на второй день моей работы.

После долгой паузы он наконец спросил:

— Так ты склоняешься к Аргентине?

— Да.

— Почему?

Я сделал глубокий вдох и выдал:

— Судя по всему, их политика привязки песо к доллару сработала, и неплохо. А облигации подешевели на пару пунктов потому, что какой-то крупный инвестиционный менеджер в США решил продавать. Все равно, аргентинские бумаги — хороший товар.

— Так... И какие же бумаги тебе кажутся самыми привлекательными?

— Дисконтные. — Это были облигации Брейди, заменившие старые банковские займы, когда Аргентина реструктурировала свои прежние долги несколько лет назад. — Я прав?

Рикарду улыбнулся:

— Ты знал, что мой отец был аргентинцем?

— Джейми сказал мне об этом.

— С давних пор у меня есть одно правило. Не позволяй трейдеру заниматься облигациями, выпущенными на его родине. Он не сможет быть объективным. Обычно я не нарушаю это правило даже в отношении себя самого, но на этот раз...

Он снял трубку. Я удивился:

— А не поздно?

Он посмотрел на часы.

— В Сан-Франциско есть отделение министерства торговли. Еще должны быть в игре. Погоди минутку. Брэд? — Пауза. — Рикарду Росс. Что у тебя с Аргентиной? Дисконтные... На двадцать миллионов... Конечно, подожду.

Он подмигнул мне:

— Запаниковал. Но я его знаю. Если я попрошу его дать хорошую цену, он даст. Ему нужно доказать, что он может. Себе. И мне в особенности. — Он снова сосредоточился на телефоне. — Шестьдесят семь при спреде ноль-пять? Приличный разброс, а, Брэд? Ладно, ладно, я знаю, что уже поздно. Я возьму на двадцать при ноль-пяти. — Рикарду повесил трубку и повернулся ко мне: — Теперь не забудь свистнуть, когда продавать.

Я кивнул. Сердце колотилось как бешеное.

— А теперь, пожалуй, пора и по домам. Через восемь часов новый день. Ты что, вообще не спишь?

— Сплю, но мне мало нужно, чтобы выспаться. А вы?

— Сплю. Но мне тоже мало нужно.

Рикарду улыбнулся. Родственные души, подумал я. Нечасто встретишь человека, которому не нужно отсыпаться всю ночь. Я обычно бодрствовал почти до рассвета, читая или работая. Пять часов сна мне хватало с лихвой. Особенно если я занимался чем-то действительно интересным.

— Седлай свой велосипед, — сказал он.

Я так и сделал. Я летел домой на всех парах. Меня обуревали противоречивые чувства. Страх, что мой дебют провалится, — и радостная надежда на то, что все сложится как надо.

0,6308

0,4986

0,3527

0,2945

0,7123

0,52,91

0,3356

0,7733

0,

0,9615

0,458

8,

0,0197

0,9913

0,

0,2710
0,6135
0,1527
0,2589
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589

6308

4986

3527

4

В среду утром город был окутан туманом. Проезжая через Ист-Энд, я даже не мог разглядеть Тауэр. Старые склады громоздились по обе стороны Нэрроу-стрит. То тут, то там глаз выхватывал смутные силуэты Лондона. В какой-то момент мне показалось, что я перенесся в викторианскую Англию, но тут на красный свет вылетел грузовичок, я очнулся и резко соскочил на тротуар.

В окнах операционного зала небо сияло голубизной. Мы находились выше кромки тумана — под нами простиралась белые клочковатые облака. Верхушка здания NatWest торчала, как далекая скала в море. Да мы и сами были островом, далеко от берегов Англии — ближе к Нью-Йорку и Буэнос-Айресу, чем к Примроуз-Хилл или Шордичу. Маленькая группа колонистов, иммиг-

ранты со всего света, собравшиеся на этой чужой земле в поисках удачи.

Ладно. Все это хорошо, но как там мои «аргентинки»?

Я включил монитор на столе Джейми. Бид шестьдесят четыре с четвертью. Рынок поднялся на один пункт, оставив мои облигации далеко в хвосте. Черт побери, похоже, я поставил не на ту лошадь.

Джейми в офисе отсутствовал. С утра он должен был проводить презентацию в какой-то крупной страховой компании, которая собиралась вложиться в развивающиеся рынки. Мой приятель утверждал, что если уж эти ребята вкладываются, то на всю катушку.

Я задумчиво уставился на свой стол. Меня не покидало ощущение, что он не мой. Что он по-прежнему принадлежит неведомому мне Бельдекосу. Нет, дело было, конечно, не в призраках и прочих страшилках. Просто я странным образом ощущал его присутствие, хотя даже не знал, как он выглядит. Рабочий стол — это кусочек личного пространства. Крошечный островок безопасности. А сейчас мне казалось, что я вторгся на чужую территорию. Не слишком приятное чувство.

Факс за моей спиной ожил. Большая часть факсов обычно предназначалась Изабель, но она опять висела на телефоне. Я взял два выползших листа бумаги.

Мартину Бельдекосу. Отправитель — United Bank of Canada. Любопытство победило благоразумие. Я взял бумаги, сел за свой стол — за стол Мартина — и принялся читать.

Уважаемый г-н Бельдекос,
В продолжение темы вашего последнего запроса относительно владельца-пользователя *International Trading and Transport* (Панама), я решил, что вам будет интересно ознакомиться с результатами проведенного нами расследования.

Возможно, вы помните, что единственным человеком, который, согласно нашим документам, имеет отношение к *International Trading and Transport* (Панама), является г-н Тони Хемпел, адвокат из Майами. Изучение дел одного из наших клиентов показало, что г-н Хемпел тесно связан с Франсиску Араганом, бразильским финансистом, которого Управление по борьбе с наркотиками США подозревает в отмывании наркодолларов.

Мы делаем все возможное для сотрудничества с правоохранительными организациями разных стран в расследованиях преступлений, связанных с наркотиками и отмыванием денег. С другой стороны, мы осознаем необходимость конфиденциальности в отношении наших клиентов. Именно поэтому мы до сих пор не сообщали в УБН о вашем запросе. Если вы располагаете информацией, которой хотели бы поделиться, свяжитесь, пожалуйста, со мной, и я сообщу вам имя следователя и его телефонный номер.

Искренне ваш,
Дональд Уинтерс,
вице-президент

Я тупо смотрел на лежащий передо мной факс.

Отмывание денег. Если я что-то понимаю, это означает прокрутку нелегальных доходов через финансовую систему. Я вспомнил, что, согласно первому факсу, эта компания, International что-то там, перевела какие-то суммы на счет в Dekker Trust. А юрист, давший добро на перевод, был компаньоном человека, подозреваемого в отмывании денег. Это означало, что во всей схеме использовался один из счетов, принадлежащих Dekker Ward.

Так вот над чем работал Бельдекос, прежде чем его убили! Неудивительно, что Эдуарду хотел, чтобы письма на имя Мартина попадали прямо в его руки. И чтобы никто другой их не видел.

С факсом в руках я отправился к Эдуарду. Постучался. Заперто.

— Его сегодня не будет, — улыбнулась секретарша. — Только завтра. Могу я вам помочь?

Я собрался отдать факс ей. Однако просьба была вполне недвусмысленной: никто не должен видеть адресованные Мартину письма. С другой стороны, это все-таки *его* секретарша. И речь шла о слишком серьезных вещах. Я вспомнил скрытую угрозу в голосе и решил, что безопаснее передать бумагу из рук в руки.

— Нет, спасибо. Все в порядке, — сказал я и, огибая квадрат трейдерских столов, направился к своему месту.

— Один-ноль! — Дейв швырнул трубку на стол и вскинул руки в торжествующем жесте, гордо выпятив живот. Остальные трейдеры лишь мельком взгля-

нули на него. Еще одна маленькая победа над рынком. Еще пара баксов в кассу компании.

Я похолодел. А ведь Дейв мог быть прав. Контракт. Мартин действительно мог стать жертвой киллера. Если кто-то узнал об отмывании денег в Dekker, то он вполне мог пожелать, чтобы Мартин умолк. Навсегда.

Глупости. Похоже, моя фантазия не в меру разыгралась. Я вернулся к столу, сжимая факс в руке. Отдам его и забуду ко всем чертям.

Эдуарду... А что, если ему обо всем известно? Если кто-то действительно отмывал деньги через Dekker, вряд ли это делалось за спиной хозяев.

Что же, черт дери, делать?

Я обвел зал глазами, разыскивая Джейми, но он еще не появился.

И тут я увидел Рикарду, приближавшегося к моему столу.

— Все-таки хочешь подержаться за аргентинскую позицию? Похоже, они отстают от рынка, тебе не кажется?

Я бросил факс на стол и усилием воли заставил себя сосредоточиться.

— Причины, побудившие нас купить эти облигации, никуда не делись. Думаю, стоит подождать.

— Что ж, прекрасно. Посмотрим, что из этого выйдет. Чем занимаешься?

Факс, адресованный Мартину Бельдекосу, лежал прямо на виду, текстом вверх, на треть прикрытый

моей левой рукой. Самое время рассказать о нем Рикарду. Отдать ему — и забыть.

Но что-то удерживало меня от этого шага. Наверное, то, что я не мог просчитать все его последствия. А они могли быть серьезными. Мне нужно было время, чтобы все как следует продумать.

Поэтому я ответил:

— Читаю.

— Пора тебе подключаться к настоящей работе.

— Это было бы здорово.

— Вот и славно. Изабель сегодня вылетает в Рио по поводу контракта с фавелами. Ей может понадобиться помощь. Поедешь?

— Конечно.

Оказаться рядом с Изабель! Удача сама идет в руки! Да и сама поездка была многообещающей: первая командировка, первый крупный контракт. К тому же такой, в котором лично заинтересован Сам. Хотя, честно говоря, не было сделок, в которых он не был бы заинтересован лично.

Я покосился на Изабель. Откинувшись на спинку кресла, она беседовала с кем-то по телефону. Она, конечно, видела, как Рикарду подошел к моему столу, и сейчас ободряюще улыбнулась мне.

— Прекрасно. Я хотел бы, чтобы ты увидел, как мы работаем на «своей» территории, прежде чем отправлять тебя в Россию. Посмотрим, как у тебя пойдет.

Нашу беседу прервал голос одного из трейдеров:

— Рик! Василий Иванов из русского Минфина на двенадцатой!

— Ага, русские идут! — Босс поспешил к своему столу.

Изабель положила трубку.

— Садись, расскажу тебе, чем мы будем заниматься.

— Погоди минутку, пожалуйста, — взяв в руки факс, я еще раз посмотрел на него. Потом открыл нижний ящик стола, до сих пор пустовавший, и положил в него бумагу. Займись этим позже, сначала надо все обдумать.

Я подкатился на кресле к столу Изабель. В воздухе витал тонкий аромат ее духов. Черт подери, надо взять себя в руки!

— Я думала, что все будет гораздо проще, когда ты начнешь делать дело, а не просто читать о том, как делаются дела. — Она сверкнула белозубой улыбкой. — Но похоже, я была не права. Этот контракт — не самое легкое начало.

— Я постараюсь.

— Тогда слушай. Но ты вообще знаешь, что такое фавела?

— Трущобы — или что-то в этом роде?

— Точно. В Бразилии последние сорок лет сельское население массово мигрировало в города. Люди приходили и приезжали в мегаполисы, но жить там им было негде. Они находили пустой участок земли и начинали лепить хибары из всего, что было под рукой:

обрезки досок, рифленое железо, шифер. Чем больше прибывало людей, тем более основательными становились эти лачуги. Сами собой они превращались в кварталы, а те — в большие районы с тысячами жителей. Они-то и называются фавелами.

— Мрачноватая картинка.

— Невеселая, — согласилась Изабель. — Канализации там никакой нет, сточные канавы проложены прямо вдоль улиц. Водопровода нет. Мусор никто не вывозит. Если где-то пожар, то пожарные машины не могут пробиться через мусорные завалы. Школ и больниц тоже практически нет. Зато есть наркотики и уличные банды. И разборки между ними. Человек не должен жить в таких условиях.

— А почему власти не вмешаются?

— Они пробовали. Стоило выселить незваных гостей, как те тут же строили новую фавелу на другом месте. Иногда город шел даже на то, чтобы выстроить дешевые многоэтажки для сотни-другой жителей трущоб, но на их месте тут же появлялись тысячи новых обитателей. У Бразилии нет так много денег.

— А что же делать?

— В муниципалитете Рио, кажется, нашли решение. Проект *Favela Bairro*. На португальском *bairro* означает «жилой район». Смысл идеи заключается в том, что, вместо того чтобы выселять или переселять уже выстроенные фавелы, их попробуют превратить в жилые районы. Власти собираются построить дороги, поликлиники, школы, парки, провести воду и электриче-

ство. Но самое главное — они собираются дать обитателям фавел права на пользование землей.

— Права собственности?

— Не совсем. Долгосрочная рента, но, по сути, это, пожалуй, одно и то же. Такой подход может изменить все. Когда люди поймут, что их уже не вышвырнут из дома, они начнут этот дом обустраивать. К тому же, и это не менее важно, у них появится стимул не давать новым волнам мигрантов поселиться на их земле. Так *favelas* постепенно превратятся в настоящие *bairros*.

Где-то я уже это слышал.

— Похоже на то, как Маргарет Тэтчер распродала муниципальные дома.

Изабель улыбнулась.

— Похоже.

Я задумался.

— И ты считаешь, что это сработает?

— Должно. Попробовать, во всяком случае, стоит.

Что-то ведь делать надо.

— А как это будет финансироваться?

Изабель вся подалась вперед.

— Вот здесь-то мы и входим в игру. Всемирный фонд развития был бы только рад помочь, но организовать надлежащее финансирование — проблема не из легких. Обычно все проходит через муниципалитет. Там деньги сливаются с фондами других проектов, а куча бюрократических предписаний превращает весь процесс в бег с препятствиями. Кроме того,

не раз уже случалось, что подрядчики получали контракты по завышенным расценкам — в обмен на взятку, разумеется. Конечно, проект хотя бы отчасти можно было поставить на самоокупаемость, если бы на его развитие шли налоги, получаемые городом от фавел. Однако муниципалитет запретил прямое использование налогов в проектах такого типа. И вся идея безнадежно увязла.

— Кошмар.

— Так оно и было. Пока у нас не родилась идея трастового фонда.

— Трастового фонда?

— Да. Для обеспечения проекта создается трастовый фонд Rio de Janeiro Favela Vairro Trust. Сто миллионов долларов выделяет муниципалитет, а двести миллионов поступят от продажи десятилетних облигаций, выпускаемых под гарантии Всемирного фонда развития.

— Координатор выпуска, естественно, Dekker.

— Конечно.

— А сам фонд и становится источником финансирования проекта?

— Верно. В правление войдут представители муниципалитета, фавел и Всемирного фонда развития.

— Элегантное решение. — Я на секунду задумался. — А как будут выплачиваться долги?

— Рента за использование земли будет поступать в фонд. Поскольку это именно рента, а не налоги, ее можно использовать для покрытия облигаций. Конечно, этого не хватит, поэтому недостающие средс-

тва внесет муниципалитет или Всемирный фонд развития.

— Понятно. А ты не думаешь, что власти Рио будут не в восторге от потери контроля над финансированием?

— Раньше это действительно было проблемой, — сказала Изабель. — Но нынешний мэр Рио действительно намерен изменить ситуацию. И он, и его новый секретарь по финансам уже дали понять, и довольно жестко, что их политическим союзникам не стоит рассчитывать на контракты. Это поможет властям расчистить наконец авгиевы конюшни.

— И в выигрыше остаются все?

— В этом смысл всей затеи. Бразилии нужны иностранные капиталы. А наша схема позволяет сделать так, что деньги попадут туда, где они нужнее всего.

— Твоя идея?

— Да. Структура трастового фонда — во всяком случае. Я давно пыталась выстроить что-то в этом роде, но никому прежде до всего этого дела не было. И тут Рикарду меня неожиданно поддержал. Думаю, проект пойдет. Если, конечно, мы пробьемся через стену бразильской бюрократии.

— Крепкая стена?

— Сам увидишь.

Из офиса я уходил около шести — по деккеровским меркам совсем рано. Мне еще предстояло заехать домой и собрать вещи, а потом уже двигать в аэропорт Хитроу. Все раскручивалось с головокружительной

скоростью. Всего три дня работы — и уже первая командировка. Обычно моя способность схватывать все на лету меня не подводит, но я отчаянно боялся сплеховать в Рио. Оставалось уповать на то, что терпения у Изабель хватит.

Уже направляясь к выходу, я заметил Джейми. Он поманил меня к себе.

— Как все прошло в страховой компании? — спросил я.

— Великолепно! Они готовы вложить сто миллионов фунтов в развивающиеся рынки. И это только начало. Если им придется по вкусу, то отстегнут и больше. А уж об этом я позабочусь.

Он только теперь заметил, что на мне пиджак, а в руках — набитый бумагами портфель.

— Куда это ты собрался?

— В Бразилию. Рикарду предложил мне помочь Изабель с контрактом по фавелам.

— Тебе будет интересно. Она умеет работать. У нее можно многому научиться. Ее отец — крупный банкир в Бразилии, к ней там прислушиваются. И заруби себе на носу: смотреть смотри, но не трогай.

Я хмыкнул.

— Кстати, чуть не забыл. Еще один факс на имя Бельдекоса. Может, посмотришь? Честно говоря, не знаю, что с ним делать...

В этот момент зазвонил телефон. Джейми снял трубку.

— Роберт? Привет. Похоже, презентация прошла неплохо, а?

Приложив трубку к уху, он посмотрел на меня и беззвучно прошептал: «Потом».

Я понял, что разговор грозит затянуться. Опоздать на самолет мне совсем не улыбалось. Я помахал приятелю и пошел к выходу.

5

Умберту Новайс Алвис, финансовый секретарь муниципалитета Рио-де-Жанейро, вскочил и раскинул руки в приветственном жесте.

— Изабель! *Tudo bem?* — Он расцеловал ее в обе щеки и что-то быстро затараторил по-португальски.

Изабель смущенно высвободилась из его объятий и повернулась ко мне.

— Умберту, это мой коллега, Ник Эллиот. Он не говорит на португальском, но для тебя, я знаю, английский не проблема.

— Абсолютно не проблема! — воскликнул Умберту, стискивая мою руку. На его круглом лице сияла радушная улыбка. — Садитесь, садитесь! — Жестом он указал на стоявшие рядом с нами пару диванов и кресла. — Кофе?

Я огляделся. Большой, шикарно обставленный офис, словом, *noblesse oblige*.

Стены увешаны дипломами и фотографиями новых зданий. Рабочий стол девственно чист. Зато отчетливо пахло новым ковровым покрытием. С улицы доносился стук отбойного молотка. Я выглянул в окно. Мы были на десятом этаже. Темные стены канцелярии мэра высились метрах в ста от нас, а само здание, как и положено, было чуточку выше департамента финансов. И еще дальше — море, горы и человеческий муравейник огромного мегаполиса.

Мы прибыли прямо из аэропорта, пробравшись через толкотню и грязь северных пригородов Рио до потрепанного административного центра города. Такси остановилось у обнесенного колючей проволокой здания финансового департамента, и нам пришлось пройти через четыре ряда охранников, секретарей и ассистентов, пока мы добрались до святой святых — личного кабинета Алвиса.

Вошла женщина, неся на подносе три чашечки кофе. Умберту насыпал себе несколько ложек сахара; Изабель бросила в свою чашку пару таблеток сахарозаменителя из маленького пластикового пузырька. Я пил кофе без сахара и сейчас осторожно пригубил черную густую жидкость. Кофе был крепким и горьковатым.

— Как отец поживает? — поинтересовался Умберту, усаживаясь за стол.

На первый взгляд ему было лет пятьдесят, и он больше был похож на англичанина, чем на бразильца: бледная кожа, брюшко, залысины, дорогой серый кос-

тюр и галстук в полоску. На Уайтхолле он был бы вполне на месте.

— Спасибо, работает как одержимый.

— Не без результатов. Его банк, насколько я в курсе, процветает. И репутация у него превосходная. Когда он открылся? Лет восемь назад?

— В октябре будет десять.

— Да, за десять лет твой отец добился многого. Обязательно передавай ему привет.

— Передам. — Улыбка Изабель была несколько вымученной. Похоже, здесь каждый считает своим долгом поинтересоваться, как идут дела у ее отца.

— Дорогая, у меня хорошие новости. Очень хорошие. Похоже, мы подвели финальную черту. Вчера Rio de Janeiro Favela Bairro Trust был официально зарегистрирован, и перед вами — председатель совета директоров. — Он приложил руку к сердцу и шутиливо поклонился. — Мэр полностью поддержал нашу идею, целиком и полностью. Сейчас над проектом работают десять департаментов.

Он начал загибать пухлые пальцы:

— Финансы, здравоохранение, градостроительство, образование, коммунальщики, пожарные, водоснабжение, экология, социальное обеспечение, прокуратура. И все работают вместе! Достижение, скажу вам, и не маленькое.

— Чудесно! — Лицо Изабель сияло. Она явно не рассчитывала на такой успех.

— Ты получила документы, которые я отправил?

— Да, они здесь, — сказала Изабель, похлопав ладошкой по портфелю. — У меня есть кое-какие замечания. Ничего принципиального, но нужно внести кое-какие изменения, чтобы не было сбоев. А сразу после этого — завтра, как ты знаешь, — встречаемся с представителями рейтинговых агентств. Не думаю, что с ними будут какие-то проблемы. Пара вопросов и все.

Рейтинговые агентства занимались оценкой и утверждением кредитных рейтингов, которые присваивались каждому новому проекту, появлявшемуся на рынке. Учитывая сложность выстроенной схемы, агентствам пришлось проделать серьезную работу, но в целом они остались довольны.

— Это хорошо. Я вызову Рафаэла. Одну секунду. — Умберту снял трубку и быстро заговорил по-португальски. — Он будет здесь через пять минут. — Положив трубку, он радостно вздохнул:

— Как только мы обговорим последние детали и уладим дела с агентствами, ничто не будет препятствовать тому, чтобы двигаться дальше.

— Значит, мы сможем, как и планировали, запустить проект уже к концу следующей недели?

— С нашей стороны помех не будет.

Изабель насторожилась, почувствовав что-то в tone чиновника.

— Умберту?

— Одна небольшая проблема. Пустяки.

— И?

— Джек Лэнгтон из Всемирного фонда развития должен что-то уточнить в Вашингтоне. Он обещал связаться с нами в начале будущей недели.

— Что уточнить?

Умберту пожал плечами.

— Я сама позвоню ему.

— Хорошо. Изабель, мы запустим этот проект, даю слово.

Девушка улыбнулась.

— Конечно, запустим.

В дверь негромко постучали, и на пороге появился Рафаэл, юрист департамента. Мы перешли в конференц-зал, чтобы обсудить документы, которые мы привезли с собой. Я уже успел их изучить, чтобы лучше представлять себе наши задачи, и теперь даже сумел внести пару предложений, как мне показалось, по существу. Хоть какой-то вклад — для разнообразия.

В такси по дороге в отель я спросил Изабель, что она думает о прошедшем совещании.

— Я довольна. Мы бились целый год, но, похоже, добрались до цели. Умберту всегда горячо поддерживал проект. Он говорил, что утрясти все в инстанциях будет несложно, но, честно говоря, я не очень в это верила. И все-таки он сдержал слово.

— А что за история с Фондом развития?

Изабель нахмурилась.

— Пока не знаю. Выясню, когда доберемся до отеля. И, кстати, спасибо за помощь в переговорах. Ты прямо на лету все схватываешь.

Она смущенно улыбнулась. За такую улыбку не жалко и умереть.

— Спасибо, — сказал я внезапно севшим голосом.

Такси нырнуло в поток машин, пролетая перекрестки на красный и виртуозно лавируя между многочисленными выбоинами в асфальте. Водитель ругался на чем свет стоит и постоянно давил на клаксон, пытаясь пробиться через нескончаемые пробки. Мы добрались до туннеля, движение наконец оживилось. Потом мы выехали на берег озера. Оно было окружено плотным кольцом жилых зданий, а за ними со всех сторон высились зеленые округлые вершины. На одной из них стояла гигантская статуя Христа, раскинувшего руки, словно принимающего в объятия город. Мы объезжали озеро с черепашьей скоростью. Две байдарки-двойки, подгоняемые слаженными ударами весел, скользили по поверхности воды. Глядя на эту сумасшедшую красоту, невозможно было поверить, что мы находимся в самом сердце большого города.

Эти несколько дней в Рио будут нелегкими. Деловая часть поездки меня не беспокоила. Я был вполне удовлетворен совещанием и своим в нем активным участием. Проблемой была Изабель. Ее присутствие выбивало меня из колеи. Она могла просто сидеть рядом, листая журнал, — и этого было достаточно, чтобы я совершенно переставал соображать. Меня влекло в ней все: привычка покусывать нижнюю губу, когда она читала, темные волосы, точеная шея, изящные ключицы над вырезом платья.

Я всегда гордился умением держать себя в руках и абстрагироваться. Как-никак, я работал с молоденькими студентками, влюбленными в литературу и легко переносящими эту влюбленность на преподавателя. Но в наше время отношения между преподавателем и учащимися — штука опасная, и я довольно быстро научился равнодушной бесстрастности.

Еще в самолете я пробовал поболтать с Изабель. Невежливой она не была, но и разговорчивой назвать ее было трудно. В ней было какая-то тихая сдержанность, из-за которой любая беседа чахла на корню. Как ни странно, меня это только распаляло. Неужели нельзя просто сказать: «Оставь меня в покое». Кончилось тем, что я тупо листал всю ночь проектную документацию, пока на рассвете в иллюминаторе не замаячили пригоры северного Рио.

Такси подкатило к Sorocabana Palace, стоявшему посреди других, менее навороченных отелей и жилых домов, равнодушно глазающих своими окнами на знаменитый на весь мир пляж. Отель расположился в просторном белом здании, а изысканное литье в стиле ар-деко напоминало о тех днях, когда сюда съезжались миллионеры и звезды со всего света. В путеводителе я прочитал, что здесь выступали Фред Астер и Джинджер Роджерс, а в игорном зале порой можно было увидеть сэра Ноэла Коуарда и Эву Перон.

Такси едва успело затормозить, как портье в белоснежной униформе распахнул двери автомобиля, а его коллега уже доставал наши вещи из багажника. Мы

зарегистрировались, и нас провели через внутренний дворик с сияющим прохладной голубизной бассейном. Одинокая купальщица брассом рассекала водную гладь. Две пары неспешно потягивали кофе в тени большого дерева с широкими листьями. Я пребывал в какой-то сладостной прострации. Мне доводилось ездить по миру — Индия, Таиланд, Марокко, — но нигде и никогда я не платил больше двадцати фунтов за сутки. Sorasabana Palace стоил на порядки дороже. Впрочем, Изабель все это было не внове: она уверенно шагала вперед, не глядя по сторонам.

Я вошел в номер, взял бутылку холодного пива из мини-бара и вышел на балкон. Бассейн плескался прямо подо мной, а дальше, за половодьем машин на Авенида Атлантика, расстилался пляж. На границе песка и асфальта прогуливался народ. Пляж был усеян коричневыми и черными телами. Жизнь кипела: кто-то играл в волейбол, кто-то гонял футбольный мяч, кто-то продавал мороженое, кто-то просто слонялся, кто-то сидел, наблюдая за остальными. А за всем этим — океан и мягкие небольшие волны, накатывающие на пляж и оставляющие на песке клочки белой пены.

Я снял пиджак и галстук, отхлебнул пива, закрыл глаза и подставил лицо мягким лучам послеполуденного солнца. Шум машин и рокот волн постепенно укачал меня.

Головокружительная суета последних дней начала упорядочиваться. Первая неделя в Dekker, мои усилия переварить свалившуюся на меня лавину информации,

тонкости и хитросплетения проекта, факс на имя Мартина Бельдекоса.

Я все еще не мог решить, что мне с ним делать. Да, хорошо было бы обсудить эту проблему с Джейми до моего отъезда. Все указывало на то, что в Dekker Trust действительно отмывались деньги. Но я понятия не имел, известно ли об этом Рикарду и Эдуарду. Как не имел понятия и о том, с какой стати меня все это зацепило. Инстинкт подсказывал, что надо бы наплевать и забыть, по крайней мере до тех пор, пока я как следует не обоснуюсь на фирме. Во всяком случае, до моего возвращения ничего не случится.

Раздался стук в дверь. На пороге стояла Изабель.

— Входи, — пригласил я. — Хочешь пива?

Она мотнула головой. Я снова направился к балкону.

— Поразительно красиво, — вздохнул я.

— Да, Рио действительно красив. А работая в Dekker, ты можешь смотреть на него из окна лучшего номера в лучшем отеле города.

На ней было легнее платье. Нагнувшись, она облокотилась на балконные перила. В горле у меня мгновенно пересохло. Я отхлебнул пива прямо из бутылки.

— Пробовала связаться с Лэнгтоном. Пока безуспешно. Попросила передать, чтобы завтра он позвонил мне.

— Понятно.

— Вечером у меня встреча. Ты справишься один?

— Легко.

— Если решишь прогуляться, не бери с собой много денег. А если твои деньги кому-то понадобятся, то просто отдай. Не вступая в разговоры.

— Да, мамочка.

Чуть покраснев, она улыбнулась.

— Прости. Но этот город бывает опасным для иностранцев.

— Я пошутил. Не беспокойся, я буду вести себя осмотрительно.

Она уже собралась уходить, когда, заколебавшись на мгновение, снова повернулась ко мне:

— В субботу у меня ланч с отцом. Хочешь пойти со мной? Он обожает русскую литературу. Думаю, вам будет о чем поговорить.

Я постарался скрыть удивление.

— Спасибо. Я с удовольствием к вам присоединюсь.

— Значит, договорились, — сказала она и вышла.

Я сидел на балконе до тех пор, пока на пляж не опустился вечер. Потом сунул в карман несколько купюр и отправился на прогулку по Авенида Атлантика.

В пятницу встреча с представителями рейтинговых агентств прошла на ура. Они, похоже, были сами рады, не обнаружив в проекте никаких изъянов. Вот только из ВФР так никто и не позвонил. Во время перерыва на ланч Изабель попыталась связаться с фондом, но ей сказали, что Джека Лэнгтона не будет весь день и что он позвонит ей в понедельник.

В субботу утром я позвонил в офис Педру Хаттори — наудачу, без всякой уверенности, что он будет на месте. Он, однако, был там. Мои «аргентинки» упали еще на один пункт из-за неподтвержденных слухов о всеобщей забастовке на следующей неделе. Педру попытался успокоить меня, мол, это пустяки и что волноваться не стоит. Но я все-таки волновался.

Остаток утра я провел, болтаясь по Рио. Я влюбился в него. Это был самый красивый — невообразимо красивый — город из тех, где я побывал. Немыслимый коллаж из красок, моря, пляжа, лесов и гор, которые были настолько близко, что казалось невозможным втиснуть город между ними. Где бы ты ни оказался, перед тобой обязательно расстилался океан, а за спиной высились горы. Здания, однако, не впечатляли — здесь все очень быстро ветшает. Даже сверкающие ультрасовременные небоскребы неизбежно проигрывали буйной красоте природы, окружавшей их.

В отель я вернулся к часу. Изабель уже ждала меня. Мы взяли такси до Ипанемы, где жил ее отец. Пляж был и похож, и не похож на Копакабану. Тот же белый песок, те же горы, поросшие буйной зеленью. Однако жилые районы были относительно новыми и ухоженными, да и гулявшие по пляжу люди выглядели несколько иначе. Группки телефонных будок, похожих на гигантские желто-оранжевые мотоциклетные шлемы, встречались через каждую сотню метров. Большинство из них было занято девушками в шортах или бикини, смеявшихся и весело болтавших по телефону.

Те, что встретились мне вечером на Копакабана, очень напоминали проституток. Тутошние, однако, скорее напоминали весело развлекающихся старшеклассниц. В Ипанеме было солнце, море, песок — и деньги.

У дальнего конца пляжа, за коробкой одного из отелей, я вдруг увидел груды странных жилищ, маленьких коробок, прилепившихся к краю горы. Кажется, они в любую минуту могут рухнуть вниз, в море. Домишки теснились, налезали друг на друга — ни одной прямой линии, ни одного завершенного строения. *Favela*.

— Диковато смотрится, — сказал я. — Блеск и нищета. Глаз режет.

— Режет, — эхом откликнулась Изабель.

Мы свернули с главной дороги и вскоре остановились у металлических ворот, снабженных небольшой видеокамерой и электронным замком. За ними высилась стена кондоминиума. Ворота, зажужжав, открылись, и наше такси подъехало прямо к входным дверям из темного стекла.

Мы вошли в прохладный холл. Швейцар, увидев Изабель, расплылся в улыбке. Мальчишка-лифтер пропустил нас в украшенную деревянными панелями кабину, и лифт двинулся вверх, остановившись на пятнадцатом этаже. Мы вышли в коридор.

— Изабель! — радостно произнес глубокий голос. Высокий, слегка сутулящийся мужчина в очках раскрыл дочери объятия.

— *Papai!* — воскликнула она и бросилась ему на шею.

У него был такой же, как у дочери, римский аристократический нос. Отец Изабель взглянул на меня поверх очков и протянул руку.

— Луис. Добро пожаловать.

Мы обменялись рукопожатием. Росту, при всей своей сутулости, он был очень внушительного. Я смотрел на него снизу вверх, а ведь во мне как-никак метр девяносто. Приятное, дружелюбное лицо — в морщинках от солнца и улыбки.

— Прошу, прошу. Проходите.

Он провел нас в обширную гостиную. Низкая плетеная и деревянная мебель, большие и яркие картины на стенах. Из окон, выходявших на балкон, струился солнечный свет. Вдали, как я и ожидал, расстилось сияющее голубизной море.

Внезапно из прихожей донеслись торопливые гулкие шаги. «Изабель!» — прокричал кто-то хрипловатым голосом, и полная негритянка в переднике поверх темного форменного платья влетела в комнату. Загребастав мою спутницу в охапку, она, пыхтя, начала целовать ее. Изабель самозабвенно щебетала по-португальски. Тут негритянка заметила меня. Она тут же что-то шепнула Изабель, отчего та покраснела и с деланой обидой шлепнула женщину по плечу.

— Мария была моей няней, — объяснила она, — и до сих пор считает своим долгом меня воспитывать.

Я протянул руку.

— *Tudo bem?* — сказал я, выложив целых пятьдесят процентов своего португальского словаря. Улыбка Марии стала

еще шире, и на меня обрушился поток незнакомых слов. Мое неуклюжее «*Obrigado*»*, вызвало у нее взрыв хохота.

Луиса, похоже, эта сценка развлекла.

— Хотите что-нибудь выпить? Вы уже пробовали *caipirinha*?

— Как вы сказали? Кайпериньо? Еще не успел.

— Тогда вы просто обязаны это сделать, и сейчас же. — Он что-то сказал второй служанке, стоявшей у двери, и та исчезла.

Луис пригласил нас на балкон. Хотя стол и стулья были в тени, но сияние полуденного солнца, отражавшееся от соседних зданий с белой облицовкой, слепило глаза. За силуэтами жилых кварталов виднелся залив поразительной синевы с разбросанными там и сям зелеными островками. Яркие тропические растения в кадках оплетали террасу, буйно лиловели цветы бутенвиллии. Вместе с бризом до нас долетали далекое урчание машин, шум моря и отзвуки голосов. Прямо под нами, на огороженной территории, была пара теннисных кортов и плавательный бассейн. Похоже на частный клуб.

Служанка внесла напитки. *Caipirinha* оказалась коктейлем. Терпкая сладость рома, кислый вкус лайма, холод кубиков льда и крепость алкоголя вместе создавали восхитительный букет.

Луис посмотрел на меня и улыбнулся.

— Нравится?

— Само скользит — из горла прямо в желудок.

* Спасибо (*португ.*).

— Поосторожнее, — предостерегла Изабель. — К *caipirinha* надо относиться аккуратно.

Луис хохотнул.

— Да, после всего этого к Лондону будет тяжело привыкать, — сказал я, обведя взглядом залив.

Изабель улыбнулась.

— Это точно. А уж нам, бразильцам, приходится собирать в кулак все свое мужество, чтобы пережить лондонские зимы.

— Вы с моей дочерью вместе работаете?

— Совершенно верно. Мой финансовый стаж составляет уже почти неделю. А вы, если не ошибаюсь, банкир?

— Да. Все в моей семье были и остаются землевладельцами в штате Сан-Паулу. Из поколения в поколение мои предки умудрялись благополучно превращать солидные состояния в фикцию. Кажется, я первым нарушил эту семейную традицию. — Он взглянул на Изабель. — Теперь у нас это уже семейное.

Изабель вспыхнула.

— *Rapai*, мне нравится моя работа! Я умею делать то, что делаю, и мне это нравится.

— Конечно, конечно, — с добродушной снисходительностью согласился Луис. Изабель нахмурилась. — Раньше вы преподавали русский?

— Преподавал. На факультете русистики в Лондоне.

— Ах, как я хотел бы знать этот язык. На слух он так поэтичен. Я прочитал множество русских романов — во всяком случае, всех классиков, — но, думаю, в оригинале это еще прекраснее.

— Так и есть. Русская проза — истинное чудо. Она звучит как поэзия. Оттенки, нюансы, которых умели добиваться писатели уровня Толстого и Достоевского, — это невероятно. И прекрасно.

— А ваш любимый автор?

— О, конечно же, Пушкин. Именно по этой причине. С языком он работал так, как не удавалось никому ни до него, ни после. И его сюжеты всегда великолепны.

— Мне часто кажется, что Бразилия и Россия во многом похожи.

— Серьезно?

— Да. Огромные пространства — у них и у нас. Оба народа живут одним днем. Оба привыкли к бедности и коррупции, к огромному потенциалу, которым все никак не удается воспользоваться. О Бразилии говорят, что это страна будущего — и такой останется всегда. — Он усмехнулся. — Но мы не сдаемся. Мы пьем, танцуем, наслаждаемся жизнью — и умираем на следующий день.

Я задумался. Он абсолютно точно описал ту странную смесь разгула и меланхолии, которая изначально очаровала меня при первом знакомстве с русской литературой.

— Возможно, вы правы. Я, к сожалению, практически не знаю Бразилию. Подозреваю, однако, что климат здесь лучше российского.

Луис рассмеялся.

— Это уж точно. И потому нам проще наслаждаться жизнью.

— Ваша страна просто очаровывает. Хотел бы я познакомиться с ней поближе.

Луис взял меня за руку.

— Вы читали когда-нибудь Толстого «Хозяин и работник»?

Я улыбнулся.

— Не далее как три недели назад я рассказывал о нем студентам.

— Очень, очень бразильская тема.

— О чем это, Рага? — спросила Изабель.

— Расскажите ей, — сказал Луис.

— Помещик и его работник застигнуты в дороге метелью. Помещик пробует спастись, оседлав единственную лошадь и оставив работника идти пешком. По дороге лошадь сбрасывает седока. Пробираясь через сугробы, помещик размышляет о том, насколько бессмысленным было его существование: одиночество, эгоизм, жестокость — наверное, столь же бессмысленной будет и его смерть. Он возвращается и видит, что работник замерзает на снегу. Помещик накрывает его своим телом. Утром, когда выюга кончилась, их находят. Работник выжил, но хозяин умер.

Изабель, не отрывая от меня темных глаз, ловила каждое слово.

— Какая прекрасная история.

— Толстой выразил в ней то, что считал долгом высшего сословия.

— Бразильцам стоило бы почитать этот рассказ, — проронил Луис.

— К сожалению, современники Толстого не слишком склонны были его усваивать. Потому-то спустя сорок лет и произошла революция.

— Здесь революции не будет. Будет просто анархия, взрыв насилия и нищета.

— Ваша дочь рассказала вам, чем мы тут занимаемся? — спросил я.

Изабель заметно смутилась.

— Она не любит говорить со мной о работе, — сказал Луис. — Наверное, так оно и лучше. Наши банки слишком часто оказываются на конкурирующих позициях.

Я бросил взгляд на Изабель. Она пожала плечами. И тогда я рассказал о проекте *favela*. Луис внимательно слушал, время от времени поглядывая на дочь, но та старательно избегала встречаться с ним глазами.

Когда я закончил, воцарилось молчание. Потом Луис поинтересовался:

— Так когда же будут выпущены облигации?

— Мы надеемся, что в ближайшие две недели, — ответила Изабель.

— В таком случае пусть ваши люди свяжутся со мной. Я хочу приобрести пакет для нашего банка.

— *Papai*, ты ведь никогда не имеешь дела с Dekker!

— Не имею. Но это совсем другая ситуация. Я считаю, что Banco Horizonte должен поддержать такую инициативу.

Изабель растерялась и не смогла этого скрыть.

— Что-то не так, детка?

— *Papai*, ты просто хочешь сделать мне приятное?

— Нисколько. Это действительно хорошая идея, и она заслуживает поддержки. Я рад, что у вас все идет хорошо. А, вот и ланч.

Мы сели к столу, нам подали бифштексы и салат. Мясо оказалось нежным и гораздо более проперченным, чем то, к которому мы привыкли в Англии. Салат был приготовлен из овощей, добрая половина которых мне была неизвестна. Но все выглядело очень аппетитно.

Мы усердно принялись за еду, и на какое-то время за столом воцарилось молчание. Его нарушил Луис:

— Я думал вот о чем, Изабель... Отчего бы тебе не перейти в мой банк?

— И чем же, по-твоему, я там занималась бы? — возмущенно вскинулась девушка.

— Ну, не знаю. Уж, наверное, что-нибудь мы для тебя придумали бы. Опыта ты уже набралась достаточно, и найти ему приложение — не проблема.

— *Papai*...

— Тебе все это пошло бы только на пользу. Вернулась бы в Рио, пустила корни...

— *Papai!* — Изабель бросила быстрый взгляд на меня, потом резко повернулась к отцу, разразившись эмоциональной речью по-португальски. Луис пытался было возражать, но не смог вставить ни слова. В конце концов оба смолкли.

Я с преувеличенным вниманием занимался бифштексом.

— Прошу простить мою дочь... — начал Луис.

— А что, собственно, произошло? — возразил я. — Близкие люди потому и близкие, что с ними можно разговаривать, ничего не стесняясь. И кстати, — мне показалось, что лучше сменить тему, — а нельзя ли посмотреть на фавелы поближе?

Я сказал это просто для того, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение. Но меня и в самом деле интересовали эти поселения, о которых я уже столько слышал.

— Ты могла бы отвести его к Корделии, — сказал Луис.

Изабель все еще хмурилась, но при этих словах отца оживилась.

— Это можно. — Она посмотрела на меня. — Хочешь?

Я откашлялся.

— Конечно. А кто такая Корделия?

— Моя сестра. Она работает в приюте для бездомных детей в одной из фавел. Сегодня она тоже там. После ленча мы могли бы туда отправиться.

— Отлично, — воодушевился я.

— Кстати, у Корделии кое-какие новости. — Луис искоса посмотрел на Изабель.

Она на секунду задумалась, потом радостно ахнула.

— Неужели беременна?

Луис с деланным безразличием пожал плечами, но не смог сдержать улыбку.

— Спроси у нее сама.

Изабель сделала большие глаза.

— Но это же чудесно! Представляю, как она счастлива, да и ты тоже. Из тебя выйдет великолепный дедушка!

По лицу Луиса было понятно, что эта роль ему явно нравится.

— Теперь мы просто обязаны повидать ее, сегодня же, — обратилась Изабель ко мне.

— Я не хотел бы вам мешать. Может быть, тебе стоит пойти туда самой?

— Ни в коем случае. Я очень хочу, чтобы вы познакомились. — Меня это слегка удивило. Почему Изабель так хочет познакомить меня со своей сестрой? — Я хотела сказать, что тебе было бы полезно увидеть один из этих приютов.

— Что ж, прекрасно. Я готов.

0,2945

0,7123

0,2918

0,52,91

0,6135

0,3356

0,1527

0,7733,4391

0,9615

0,4583

0,5313

0,9913

0,0197

0,3147

0,6652

0,2589

0,6308

0,4986

0,3527

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308

Я буквально истекал потом, взбираясь по пыльной тропинке в лучах палящего послеполуденного солнца. Я едва дышал, с каждым вдохом втягивая в легкие отвратительный запах человеческих экскрементов, к которому примешивался аромат гнилых продуктов и алкоголя. В Англии я был высоким, смуглым и худощавым человеком весьма среднего достатка. Здесь же, продираясь сквозь грязь и вонь, я казался себе непристойно белым и непристойно жирным богачом-европейцем.

Машина Луиса вместе с водителем осталась далеко внизу. Большинство фавел располагается на холмах, увы, совершенно неприспособленных для того, чтобы строить на них нормальные дома. Наскоро сколоченные хижины лепились одна к другой по обе стороны тропинки. Построены они были из всех

мыслимых и немислимых материалов, хотя, похоже, преобладали кирпич и фанера. Крошечные дыры в стенах заменяли окна, и из темноты, царившей внутри, до меня доносились какие-то непонятные звуки. Пестрое белье, переброшенное через подоконники, оживляло монотонность красного кирпича и серых кое-как оштукатуренных стен. Повсюду были дети. В основном полуголые, но попадались и просто нагишом. Одни гоняли обруч, другие с азартом играли в футбол, что на таком склоне было нелегким занятием. С громким плачем ковылял на нетвердых ножках светлосолосый ребенок лет двух. Какая-то негритянка подбежала к нему и взяла на руки.

Мы прошли мимо рядов с фруктами и овощами, выставленными на продажу. За одним из лотков стоял шоколадного цвета мужчина в желтой майке с надписью по-английски «*Who dies with the most toys wins*». «Побеждает тот, кто умрет, собрав больше всего игрушек». Чертовщина какая-то.

Группа ребят постарше проводила нас презрительными взглядами. Из рук в руки они передавали друг другу пластиковый пакет. Каждый по очереди делал глубокий вдох, после чего пакет продолжал свое движение по кругу.

— Ты уверена, что здесь не опасно? — спросил я.

— Абсолютно не уверена, — ответила Изабель, шедшая чуть впереди.

— Значит, опасно?

— Да.

— Вот как...

Дождя не было уже несколько дней, но под ногами там и сям вместо песка попадались лужи. Вдоль тропинки текла сточная канава. Я предпочел не думать о том, куда наступаю.

Вскоре мы добрались до небольшого относительно ровного плато, на котором стояла крошечная наспех сколоченная церквушка и какое-то квадратное строение со стенами, изукрашенными яркими граффити. Я остановился, чтобы перевести дыхание и, обернувшись, посмотрел вниз. Под нами расстился фантастический вид. Белые здания города змеились, огибая зеленые холмы, по направлению к сияющей глади океана. Я поискал глазами статую Христа, которая видна в Рио отовсюду. Сейчас ее закрывало облако, наползшее на макушку горы.

— За то, чтобы жить здесь, многие выложили бы бешеные деньги.

— Поверь мне, за то, чтобы жить здесь, выкладывают. И не только деньги.

Мы подошли к входу в здание, осторожно пробравшись через маленький, но ухоженный сад. Вид красных, голубых, желтых и белых цветов приятно радовал глаз после унылой кирпично-коричневой грязи поселка.

Дверь распахнулась, и появившаяся на пороге женщина, кинувшись к Изабель, крепко обняла ее. Сходство было несомненным, хотя Корделия была старше и крупнее. Ранние морщинки на лице говорили о стойкости и способности сопереживания.

Мы пожали друг другу руки.

— Кора, это мой коллега, Ник Эллиот, — заговорила по-английски Изабель. — Я хотела показать ему, чем ты здесь занимаешься. Ты не против?

— Нисколько. Чем больше людей это увидят, тем лучше.

Изабель, глядя на живот Корделии, о чем-то спросила по-португальски. Та расплылась в улыбке, сестры обнялись. Пару минут они оживленно болтали, потом вспомнили обо мне. Изабель смутилась.

— Извини, Ник.

— Все хорошо. Я же понимаю, что вам хочется поговорить. — Я тоже улыбался. Было невозможно не заразиться их настроением. Я слегка поклонился Корделии. — Поздравляю.

— Спасибо, — откликнулась она. — Изабель уже рассказала вам, чем мы тут занимаемся? — Ее английский был неторопливым, но правильным, хотя акцент и чувствовался.

— Разве что в общих чертах. Кажется, что-то вроде приюта для бездомных детей?

— Верно. Здесь они могут поесть, поговорить, почувствовать, что где-то есть место и для них.

— Здесь же они и ночуют?

— Спальных мест у нас совсем мало — всего на несколько человек. Для тех, кто всерьез опасается за свою жизнь.

— А что им может угрожать?

— В основном полиция. Или эскадроны смерти. Это настоящие бандиты, владельцы магазинов нани-

мают их для того, чтобы очистить город от малолетних бродяг. Их избивают или убивают.

Голос Корделии звучал на удивление буднично.

— За что?!

— За все. В основном за воровство. Хотя и воришкой быть не обязательно. Сюда часто ходил Патрисио, мальчонка лет девяти. В прошлом месяце его убили. Задушили. Тело нашли на пляже вместе с запиской: «Я убил тебя потому, что ты не ходишь в школу и у тебя нет будущего».

У меня по спине побежали мурашки. Я изо всех сил всматривался в лицо Корделии, неужели это правда? И, честно говоря, мне очень не хотелось верить ей — я предпочел бы думать, что она преувеличивает. Но лицо ее оставалось спокойным и бесстрастным. Она просто излагала факты.

— И убийцам это сходит с рук? Почему же полиция ничего не предпримет?

— Убийцы в основном полицейские. В форме или без нее.

— А люди, обычные люди? Почему они это терпят?

— Игнорируют. Делают вид, что ничего не происходит. А нередко и одобряют: ведь улицы становятся чище.

Я поморщился.

— Не могу в это поверить.

Она пожала плечами.

— Хотите посмотреть?

Вслед за Корделией мы вошли в здание. Там было темно, чисто и прохладно, особенно после пыльного

пекла. Мы шли по коридору, стараясь не задеть никого из детей. На стенах висели неумелые, но яркие детские рисунки. Мы вошли в класс, где ребята играли, болтали или просто сидели, уставившись в одну точку.

— Где их родители?

— Большинство вообще не знает, кто их отцы. Обычно у них дюжина братьев и сестер, спящих вповалку в одной-единственной тесной и темной комнате. Отчимы регулярно избивают их, а то и насилуют. Матери проводят дни в пьяном полубабытьи. Для этих детей жизнь на улице — не худший вариант. Они спускаются в город, чтобы кланчить милостыню или украсть что-нибудь, а с наступлением вечера либо остаются в городе, либо поднимаются сюда.

Мы перешли в другую комнату, где группа мальчишек беседовала о чем-то с учительницей. Я так и не понял, были ли это урок или просто дружеский разговор. Паренек лет двенадцати оживился при нашем появлении.

— Эй, ми-и-истер, — нараспев протянул он. — У тебя есть доллар?

Я взглянул на Корделию, которая едва заметно мотнула головой.

— Извини, нет.

— А как тебя зовут?

Мальчонка улыбался, сверкая зубами, но глаза оставались серьезными. Он внимательно изучал меня, потом его взгляд быстро метнулся по сторонам, словно в поисках какой-то неожиданной опасности. Левую ногу покрывали бесчисленные ссадины.

Мальчишка вызывающе задрал подбородок.

— Ник, — ответил я. — А тебя?

— Эуклидис. Пистолет у тебя есть, ми-и-истер?

— Нет.

— А у меня есть. — Он расхохотался. Остальные дети последовали его примеру.

Мы вышли из класса.

— Он сказал правду? — спросил я.

— Мы не разрешаем приносить сюда ни пистолеты, ни ножи. Эуклидис сейчас прячется, говорит, что полиция ищет его, чтобы убить. Якобы за то, что он украл курицу. Но похоже, он врет. Сюзанна подозревает, что он кого-то убил. За деньги.

— Двенадцатилетний киллер?!

— Да.

— Но что-то ведь вы собираетесь с этим делать?

— Оставим его здесь. Эти дети должны знать, что мы дадим им приют независимо от того, что они натворили. Иначе они перестанут нам доверять. Мне хотелось бы верить, что наши дети — ангелы, но это, увы, не так. Мы пытаемся вырвать их из порочного круга насилия, но у нас слишком мало возможностей. — Корделия тяжело вздохнула. — Знаете, кем хочет стать Эуклидис, когда вырастет?

Я мотнул головой.

— Полицейским.

Когда мы добрались до машины, я умирал от жары, пота, грязи и усталости. И черной, гнетущей депрессии. Меня мутило.

— Весь этот проект, все планы, они ничего не изменят, — буркнул я. — Пара дорог и несколько банок краски ничем не помогут этим детям.

Изабель вздохнула.

— Я знаю. Но это хоть какое-то начало. А начинать с чего-то приходится. — Через затемненные стекла она посмотрела вверх, в сторону лачуг. — В глубинах нашей народной души скрывается болезнь. Имя ей — насилие. Это как вирус. Он передается от поколения к поколению, от наркоторговца — полицейскому, от полицейского — ребенку. Корделия сражается с симптомами. Мне хочется верить, что проекты вроде *Favela Bairro* нацелены на искоренение причин. Но когда видишь ребят вроде Эуклидеса, руки опускаются. Порой я думаю: может, лучше стоит просто игнорировать проблему, не замечать ее — как это делают все остальные? Но... надо пытаться. Обязательно надо пытаться.

Я в деталях вспомнил жесткие глаза и улыбающуюся рожицу маленького, выдавшего виды человечка и попытался представить: кем он станет, когда вырастет? Если успеет вырасти.

— Эуклидес... Странноватое имя для ребенка, тебе не кажется?

— Бразильцы по этой части очень изобретательны, — ответила Изабель, — особенно в фавелах. В приюте есть тощенький грязный малыш лет пяти, его зовут Маркос Аурелиу.

Я невольно улыбнулся, но улыбка тотчас же исчезла. Фавела нагнала на меня дикую тоску и — одновре-

менно — разозлила. Как *такое* может существовать в, казалось бы, цивилизованной стране? Самих бразильцев вряд ли можно винить — ведь многие, как Корделия и Изабель, делают все, что в их силах. И все же я был зол на них — и зол на себя, словно я соучастник творившегося здесь произвола. А что я мог сделать? Да, сейчас бы мнегодились простые ответы из моего наивного прошлого.

Фавела осталась позади, мы въезжали в зеленые кварталы, где за высокими стенами и железными воротами с системами электронного наблюдения прятались дома здешних богачей.

— Я восхищаюсь твоей сестрой, — вдруг вырвалось у меня.

— Я тоже восхищаюсь. И люблю ее. Но она дура. Дура!

Я изумленно повернулся к Изабель. Ее щеки пылали.

— Я знаю, что она делает доброе дело, множество добрых дел. Но все кончится тем, что ее убьют. Рано или поздно. Господи, может быть, когда у нее родится ребенок, она оставит все это...

— Кто убьет? Дети? Что ты говоришь такое?

— Нет, конечно, только не эти дети. Но ее могут просто взять и похитить! В Рио это сплошь и рядом случается. Слышал, что она говорила о полиции и эскадронах смерти? Думаешь, им нравится, что их жертвы ускользают от наказания? Корделия уже не раз получала письма с угрозами. Да и приют пробовали сжечь.

— И все же она не сдастся, — я вспомнил решимость в глазах Корделии.

— Не сдастся, — повторила Изабель. — Она говорит, что ее не посмеют тронуть. Положение отца и неизбежная шумиха в прессе невыгодны для этих бандитов. Общественное мнение будет не на их стороне.

— По-твоему, она права?

В глазах Изабель блеснули слезы.

— Я молюсь, чтобы так оно и было. Но однажды какой-нибудь ретивый полицейский может решить, что с него хватит.

— А твой отец не может ее остановить?

— Никто не может ее остановить. Ни он, ни ее муж. Пойми меня правильно. Не будь она моей сестрой, я бы считала, что она делает огромное дело и должна его продолжать. Но... она моя сестра.

Изабель смахнула слезинку.

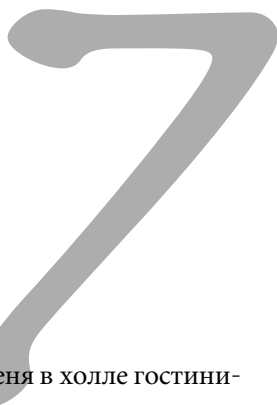
— Я бы гордился такой сестрой.

Она взглянула на меня и слабо улыбнулась.

— Послушай... — я запнулся.

— Что?

— Ты не откажешься со мной сегодня поужинать?

Изабель ждала меня в холле гостиницы. На ней было то же черное платье, в котором она ходила на встречу с друзьями пару дней назад. Оно ей очень шло, подчеркивая стройную фигуру.

— Выпьем чего-нибудь на пляже? — предложил я.

— С удовольствием. Показывай дорогу.

Вдоль знаменитой Авенида Атлантика выстроились проститутки в обтягивающих шортах и с полосками ткани, едва прикрывавшими грудь. Они стояли, прислонившись к припаркованным у тротуара автомобилям, в надежде подцепить клиентов из проезжавших мимо машин. Мы остановились у одного из лотков, тянувшихся вдоль края пляжа, и заказали два пива.

Разговор не клеился. Пара попыток его завязать успехом не увенчалась. Я не

0,2918

0,6135

0,1527

0,2389

0,4391

0,6308

0,4986

0,3527

2589

6308

4986

мог понять, то ли Изабель чем-то обеспокоена, то ли просто не в настроении.

Мальш лет четырех с тонкими чертами лица и огромными глазами подошел к нам, предлагая купить жвачку. «*Não, obrigado*», — сказал я и жестом показал, чтобы он уходил, но мальчонка не обратил на меня никакого внимания. Изабель что-то резко произнесла по-португальски. Ребенок, не говоря ни слова, отошел и направился к соседнему столику. Бармен, выйдя из-за прилавка, грозно хлопнул в ладоши. Мальш исчез.

Мы снова умолкли. Мальчонка был ровесником Оливера. Интересно, превратится ли он со временем в еще одного Эуклидеса, невозмутимого двенадцатилетнего киллера?

В этот момент женщина с оплывшим лицом и крашеными светлыми волосами, громко прихлебывавшая свой *caipirinha* за соседним столиком, шатаясь, поднялась. Она сделала несколько шагов, и ее вырвало прямо на песок.

— Пойдем отсюда. Я не зря всегда предпочитала Ипанему Копакабане.

Мы устроились в рыбном ресторанчике на краю пляжа Ипанема. Обстановка была живая, шумная, приятная, но из меню я понял разве что названия вин.

— Мне понравился твой отец. Очень симпатичный человек.

— Очень. Хотя он и доводит меня порой до белого каления.

— Ты хотела работать с финансами, чтобы быть похожей на него? — спросил я, наливая Изабель вина.

Она подняла голову. Казалось, она решает, насколько можно быть со мной откровенной. Я выдержал ее взгляд, хотя мне с трудом удалось сохранить на лице бесстрастное выражение.

Наконец Изабель улыбнулась.

— Нет. В университете я ненавидела все, что связано с финансами. И уж точно не собиралась подражать отцу. Меня тошнило от всего, что творилось вокруг. Нищета, соседствующая с роскошью. Мне хотелось что-то изменить. Изменить причины, а не лечить симптомы, как это делает Корделия. — Она говорила свободней. — Ты и сам знаешь, как человек воспринимает мир, когда ему двадцать. Ты думаешь, что если бы только мир понял то, что понимаешь и знаешь ты, все изменилось бы к лучшему. Остается только объяснить всему остальному человечеству его заблуждения.

— Мне это знакомо. Раньше я был убежден, что если бы правительство управляло экономикой во благо всего народа, а не просто для кучки богатых негодаев, все было бы прекрасно. А потом я провел два года в Советском Союзе. После этого очень сложно стало оставаться социалистом. В конце концов я плюнул на все и зарылся в свои книги.

— Я как зачарованная слушала ваш разговор о литературе, — сказала Изабель. — Мне нравится читать, но ты просто влюблен в книги. Как и *Parai*.

— Я действительно люблю литературу. Особенно русскую. Она обращается к душе. Экономика по своей сути — барахло, чушь. Казалось бы, финансы — очень конкретная тема, но однозначных ответов как не было, так и нет. Зато когда я читаю Пушкина, передо мной открываются глубокие истины о каждом из нас. Я могу читать одно и то же стихотворение снова и снова — и каждый раз открывать в нем что-то новое.

Читать я любил всегда. В детстве у меня хватало друзей для игр на улице, но дома я был один. И постепенно увлекся чтением. Это не было просто времяпрепровождением или бегством в воображаемый мир. Книги стали моим убежищем, моей семьей, моим домом.

Над столиком почтительно склонился официант. Изабель продиктовала заказ.

— Каким же ветром тебя занесло к нам?

Я усмехнулся.

— Деньги. К тому же хотелось убедиться, по силам ли мне это. Пойми меня правильно, я вовсе не собираюсь провести всю свою жизнь в Сити. Несколько лет, пока не подзаработаю как следует. А потом снова вернусь к своим книгам и преподаванию.

— Ты уверен, что у тебя получится?

— Думаю, да. А ты сомневаешься?

Изабель с минуту изучала меня.

— Что ж, может быть. Не знаю, правда, придется ли тебе это по вкусу.

— Ты о чем?

— Видишь ли, ты умен, хватаешь все буквально на лету, легко располагаешь к себе людей. Но чтобы преуспеть в нашем бизнесе, человек должен иметь инстинкт хищника. А какой из тебя хищник?

Я почувствовал себя не на шутку задетым. С самого начала у меня были те же сомнения, но я намеревался доказать себе и миру, что это не так.

— Можешь не сомневаться. Если уж я хочу добиться чего-то, обязательно добьюсь. — Я хотел произнести эти слова жестким и уверенным тоном, однако вышло довольно жалко.

Уголки ее губ дрогнули. В глазах появились насмешливые искорки.

— Ты слишком приличный мальчик для такой игры.

— Р-р-р! Я умею рычать и кусаться! А если меня разозлить... Р-р-р!

Изабель ухмыльнулась.

— Неубедительно.

— Ну ладно, а ты? Перекусываешь пополам продажных чиновников?

— Иногда сама удивляюсь. И они, кстати, тоже.

— Ты-то как оказалась в этом бизнесе? Все-таки брокерская фирма — не Всемирный фонд развития.

— Это точно. Отучившись здесь, в Рио, я отправилась изучать экономику развития в Соединенные Штаты. В Колумбийский университет. И, наверное, пришла к тем же выводам, что и ты. Один человек мало что может изменить.

— Но почему банковская система? Это что, не продажа души дьяволу?

— Из-за отца.

— Он хотел, чтобы ты вошла в семейный бизнес?

— Наоборот. Если бы я родилась мальчиком, конечно, все было бы иначе. *Papai* всегда хотел сына, но мама умерла прежде, чем успела подарить ему наследника.

Мне было интересно узнать хоть что-нибудь о матери Изабель, но я счел за лучшее не касаться этой темы.

— Мне жаль.

Она пожала плечами.

— Мне было всего два года. Конечно, хотелось бы знать ее поближе, но... — Ее глаза на мгновение застыли. — Извини. В общем, я родилась девочкой. А девочки в обществе, к которому принадлежит мой отец, к двадцати пяти годам выходят замуж за мальчиков из приличных семей. Получить образование — пожалуйста. Можешь даже поработать год-другой. Но отдаваться профессии всерьез?! И вот я в Штатах. Где вижу, как женщины делают успешную карьеру в самых разных областях. Они становятся адвокатами, банкирами, врачами. Конечно же, все это не для меня. Я ни о чем подобном и думать не могла. А потом я узнала, что Марселу, человек, за которого я должна была выйти замуж, преспокойно развлекался с одной из моих подруг, пока я была в Нью-Йорке.

— Ничего себе...

— Именно. Ничего себе. Тогда-то я и решила сделать себе карьеру в банковском деле, в бизнесе, которым занимался отец. Я поступила на работу в Banco Evolução в Сан-Паулу. Но в Бразилии женщине чудовищно трудно доказать, что она тоже человек, особенно если у нее такой отец. И три года назад я уехала. За это время добилась разрешения на выпуск пятнадцати серий облигаций в Бразилии.

— Неплохо.

— Тебе все это, наверное, кажется ужасным. На самом деле я никакая не феминистка. Наверное, все дело в гордости. И упрямстве.

— К тому же тебе нравится дразнить отца, да?

Я прикусил язык, но было поздно. Однако Изабель не рассердилась.

— Я люблю его, — произнесла она, словно защищаясь.

— Знаю. Точнее, понял это, как только увидел вас вместе. Он обожает тебя. Может быть, поэтому вы и дразните друг друга все время.

— Точно. Бедный папа. Как он хотел, чтобы мы превратились в праздных дамочек, как приличные дочери его приличных друзей. Помнишь, как он предложил мне работу в своем банке? Невероятно! «Мы что-нибудь для тебя придумаем!» Как тебе это нравится? Конечно, Horizonte один из самых успешных инвестиционных банков в Бразилии. Но, черт возьми, Dekker главный игрок во всей Латинской Америке! И я отвечаю практически за все контракты с Брази-

лий. А папа все придумывает, какую погремушку всучить дочурке!

Я завидовал Изабель. Да, Луис — банкир, но это, в отличие от моего отца, не делало его слепым и глухим ко всему остальному. Любовь Луиса к русской литературе, меня, конечно, подкупила, но уверен, что он смог бы с полным пониманием дела говорить о самых разных вещах, в том числе и о таких, которые заставили бы моего папашу зевать от скуки. Конечно, родителей не выбирают. Но Изабель, похоже, казалось, что ее отношения с отцом — нормальное и абсолютно рядовое явление.

— Да, в банковском деле ты мастер, — сказал я. — Проект произвел на меня большое впечатление.

Изабель покраснела.

— Спасибо.

— Ведь это здорово, если международный капитал действительно подключится к борьбе с нищетой.

— Пока мы не знаем, как все сработает, но ты прав, это было бы здорово. Самый, пожалуй, радостный момент во всей моей карьере. Но это, скорее, исключение, чем правило. Подожди, ты еще будешь выцарапывать глаза конкуренту, сражаясь за контракт, дающий возможность какому-нибудь местному банку удрать от налогов. И, поверь мне, ждать придется недолго.

— Поживем — увидим.

По совету Изабель я заказал рыбу, о которой никогда не слышал и название которой ни моя спутница, ни официант перевести не смогли.

— Расскажи про своих родителей.

— Мы нечасто видимся, — замялся я. — Мой отец тоже занимается финансами.

— А, — протянула она. — Значит, наша семья для тебя не в новинку.

— Боюсь, мой отец очень сильно отличается от твоего. Мне, во всяком случае, так показалось.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой всю жизнь работал у солидного английского биржевого брокера. Что-то вроде старого Dekker Ward. Ходил на ланч с приятелями, давал умные советы клиентам. А когда фирму в 1986 году купили американцы, ушел на пенсию и поселился в небольшой деревушке в Норфолке. На Восточном побережье.

— Знаю. Бывала там. Очень холодно.

— Это уж точно, — я улыбнулся. — Живет там и либо возится в саду, либо читает газеты. Сначала попытался вложить свои пенсионные сбережения в биржу, потерял чуть ли не все и завязал с этими играми. С ним всегда было нелегко найти общий язык, а теперь, наверное, и пытаться поздновато.

— А что он думает по поводу твоей новой работы?

— Понятия не имею. Я ему не говорил.

— Ты ему даже не сказал?!

— Нет. Дурацкая ситуация, правда? Он всю жизнь мечтал, чтобы я работал в Сити, а я всегда наотрез отказывался. У меня не хватает смелости сказать ему, что я сдался. Скажу. Через неделю. Или через две. Или три. — Я отхлебнул вина. — Хотелось бы мне общаться-

ся с ним так, как ты с Луисом. С ним трудно говорить. Он совершенно не понимает мою жизнь. Мама смогла бы понять, если бы захотела, но она предпочитает не касаться этой темы. Я давно перестал пытаться что-либо им объяснить.

Мы умолкли. Я наблюдал, как Изабель, сосредоточенно закусив губу, умело отделяет кусочки рыбы от костей. Ее кожа, казалось, мерцала в мягком свете свечей.

Наконец Изабель нарушила молчание.

— Ник... Я хочу извиниться за то, что была с тобой так резка. Ты этого не заслужил. Хотя к тебе это не имело никакого отношения. Никакого. Просто у меня уже были проблемы с мужчинами в Dekker, и я не хотела, чтобы они повторились.

— Понимаю. — Я вспомнил то, что Джейми сказал мне об Изабель и Эдуарду. Черт, ну как такая женщина вообще могла иметь с ним дело?

— Например, твой друг Джейми.

— Да?

— Да. До сих пор приглашает меня где-нибудь посидеть. А пару раз подкатывался совершенно откровенно.

— Ну, это ничего не значит. — Я рассмеялся. — Это не более чем безобидный флирт. Он женат и счастлив в браке. С его стороны тебе ничего не грозит.

— Не уверена. Я бразильянка. И во флирте кое-что понимаю. Я в состоянии увидеть, когда парень просто развлекается, а когда он настроен серьезно. И поверь мне, твой друг Джейми абсолютно серьезен.

Прищурившись, я посмотрел на нее. Этого не может быть.

— Да брось. Он всегда был любителем безобидного флирта. Наверное, просто проверяет, не заржавел ли он окончательно.

— Боюсь, ты заблуждаешься.

Я покачал головой.

— Ты неправа!

— Как скажешь. Он твой друг. Ты знаешь его лучше. Не хотела бы я быть его женой.

Ей удалось заронить мне в душу зернышко сомнения. Я с самого начала не понимал, что Джейми имел против Изабель, — ведь он так рьяно предупреждал меня держаться от нее подальше. Сам попытал удачи и провалился? Почему бы нет? Но он действительно был моим близким другом, и Кейт тоже, и мне даже думать не хотелось о его возможной измене. А если для того, чтобы этого не увидеть, нужно поглубже зарыть голову в песок, что ж, придется зарыться.

От Изабель не укрылись мои метания. Она накрыла мою ладонь своей.

— Прости. Не следовало этого говорить. Просто после Марселу и... — Она запнулась. — После Марселу меня не очень привлекают ветреные мужчины. Возможно, я неправильно истолковала намерения Джейми. Пожалуйста, прости.

Меня не пришлось дважды упрашивать.

— Все хорошо, тебе не за что извиняться.

С этого момента наша беседа, миновав все подводные камни, мирно потекла, вливаясь в темную бразильскую ночь.

В половине первого мы вышли из ресторана и направились к океану, плескавшемуся в паре кварталов ходьбы. На залитом светом пляже всюду шла игра в ножной волейбол. Сноровка игроков восхищала. Мяч перелетал с одной половины на другую десятки раз, в три касания — головой, грудью или ногами.

Мы подошли к самой кромке воды и смотрели, как пена набегаёт на песок. Капельки соленой воды в свете прожекторов сияли как бриллианты. Мы разулись и побрели по мокрому песку. С одной стороны расстился темный океан, с другой сверкала огнями ночная Ипанема. Мы упивались тишиной. Казалось кощунством нарушить словом красоту этой ночи. Я хотел, чтобы эта ночь не кончалась никогда.

Мы уже приближались к фавеле, на которую я обратил внимание днем: вереница хижин, нависших над самой водой. Сейчас в ней светлячками горели огоньки слабых электрических лампочек. На этом краю пляжа было темно и тихо.

Внезапно нас окружили какие-то фигуры: невысокие, сухощавые, гибкие. Я даже не понял, откуда они появились. Мне показалось, их было четверо. Я попытался загородить собой Изабель, но застыл на месте, увидев в дюйме от своей груди длинное тонкое лезвие ножа.

Я посмотрел на Изабель. Она стояла не шевелясь.
— Не двигайся, — сказала она поразительно спокойным, ровным голосом. — Отдай им все, что они требуют.

Подросток лет четырнадцати пару раз взмахнул ножом и что-то произнес по-португальски.

— О'кей, о'кей, — я сунул руку в карман брюк и вытащил деньги. Вполне приличную пачку. Хорошо, что я оставил в отеле портмоне и паспорт.

Парень выхватил деньги. На плече Изабель висела недорогая сумочка, которую она медленно протянула юному грабителю.

Я начал успокаиваться. Деньги взяли. Теперь можно и разойтись.

Нападавший сунул банкноты в карман, ни на секунду не сводя с меня глаз. Теперь он не шевелился, застыв как статуя. Он был вдвое моложе и вдвое слабее меня, но у него был нож, а пользоваться им он наверняка умел.

Я попытался встретиться с ним взглядом, но он отвел глаза и как-то странно напрягся. Я понял, что сейчас произойдет. Я попытался увернуться, но не успел. Сверкнуло лезвие, и я почувствовал резкую боль в груди. Изабель закричала. Обеими руками я ухватился за рукоятку ножа. Парень пытался его вытащить, но я цеплялся изо всех сил, не давая вынуть лезвие. Грудь пылала, словно ее жгли огнем. Дышать было больно, каждый вдох причинял невероятное страдание. Мои ноги подогнулись, и я сполз на песок, увле-

кая за собой грабителя. Он еще раз попытался высвободить нож, но, видимо, передумал и исчез. Так же неожиданно, как появился.

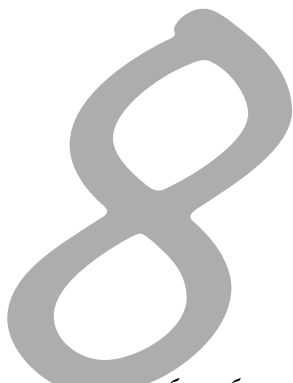
— Ник, Ник!.. — Голос Изабель медленно растаял во тьме.

2589

6308

4986

3527

Изабель устроила так, чтобы в больнице меня положили в отдельную, чистую и светлую палату. Она же позаботилась о том, чтобы меня осмотрел лучший врач, после осмотра объявивший, что рана, хотя и оказалась глубокой, не была опасной для жизни. Лезвие прошло мимо сердца, но задело легкое. Внутреннее кровотечение оказалось не угрожающим благодаря оставшемуся в ране ножу. Рана в легком также оказалась не тяжелой и должна была скоро зажить. Врач так виртуозно заштопал рану, что со временем шрам обещал стать почти незаметным. Похоже, здешние хирурги часто имели дело с такими пациентами. Когда я очнулся, в моей гортани торчала трубка. Ее вскоре убрали, но дышать все равно было больно. Доктор оставил меня на пару дней, что-

бы убедиться, что в рану не попала инфекция, а заодно дать мне время оправиться от шока.

Отдых действительно был нужен. Боль в груди я ощущал постоянно: тупую и неутихающую. Но хуже всего — это дикая слабость и туман в голове. Организм требовал покоя.

Изабель появлялась ненадолго, стараясь меня не тревожить. Приходил полицейский в штатском. Побеседовать. Она переводила, отвечала на все вопросы, мне добавить было, собственно, нечего. Я уже знал, что полиция очень агрессивно настроена по отношению к местным грабителям, покушающимся на иностранцев: это отпугивает туристов. И кому-то придется ответить за это преступление. Возьмут ли при этом тех ребят, которые на меня напали, или первых попавшихся, особого значения, похоже, не имело. Полиция в Рио вершила суд по-своему.

Навестил меня и Луис. Он чувствовал себя виноватым, ведь со мной случилось несчастье в *его* городе. Мне была приятна опека этой семьи. Мысль о том, что мне пришлось бы самому иметь дело с полицией Рио и местной медициной, приводила меня в ужас.

Рикарду позвонил в воскресенье вечером, пожелав мне скорейшего выздоровления. Он добавил, что мне повезло с опекунами. С этим трудно было спорить.

Из больницы я выписался в понедельник около полудня — с условием, что проведу остаток дня в отеле. Я чувствовал себя гораздо лучше. Изабель настаивала, чтобы я провел в гостинице и следующий день,

а вечером улетел бы домой, в Лондон. Но мне все-таки удалось убедить ее в том, что мы вместе должны пойти в министерство финансов. Подписание контракта было близко, и я хотел дожидаться победного финала. Во всяком случае, так я сказал Изабель. На самом деле мне было приятно быть рядом с ней, и я хотел, чтобы это продлилось как можно дольше.

С Алвисом мы должны были встретиться в половине десятого утра во вторник. Мы прибыли на место за десять минут до назначенного времени. В одиннадцать мы все еще сидели в приемной. Изабель нервничала.

— Полчаса — ладно. В Бразилии это обычное дело. Но полтора? Что-то тут не так.

Она оказалась права.

В конце концов нас провели в офис Умберту. Он вскочил, пригласил нас сесть и принялся расхаживать по кабинету. Он выразил обеспокоенность по поводу нападения на нас — это было вполне уместно, но заняло гораздо больше времени, чем того требовали приличия.

Изабель не выдержала.

— Умберту, в чем дело?

Алвис провел рукой по лысеющей голове и откашлялся.

— Мы решили сделать Bloomfield Weiss координатором проекта *favela*. Но мы попросили их пригласить вашу компанию в качестве соуправляющей. Они согласились.

— Что?!

Хозяин кабинета набычившись уставился на полированную поверхность стола.

— Мы попросили Bloomfield Weiss выступить главой синдиката кредиторов.

Изабель разразилась гневной тирадой на португальском. Умберту пытался вставить хоть слово, но тщетно. Он вздохнул, словно соглашаясь с ее правотой.

— Хорошо, — произнес он по-английски. — Вы вправе потребовать объяснений.

Изабель присела на самый краешек маленького дивана, словно готовясь в любую секунду броситься на Умберту и вцепиться ему в глотку. Он сел напротив нас и смущенно заерзал в кресле.

— И? — Глаза Изабель сверкали от ярости.

— Я знаю, что идея контракта принадлежит вам. И мы сами дали вам зеленый свет. Это я признаю. Так что все ваши расходы будут возмещены.

— Плевать я хотела на расходы! Мне нужен контракт!

— Я понимаю. Если бы это зависело от меня, я работал бы только с вами.

— Не ври мне в глаза. Это зависит именно от *тебя!*

Умберту поморщился как от боли.

— Не совсем.

— Ладно. Тогда кого же мы не устраиваем? Мэра? Губернатора? Им грех жаловаться. За последние пару лет мы их не раз выручали.

— Нет. Они ни при чем.

— Если не они, то кто?

— Всемирный фонд развития.

— Джек Лэнгтон... — Изабель на секунду задумалась. Да, это похоже на правду. — Но в чем проблема? — спросила она уже более спокойным голосом.

Умберту тоже позволил себе чуточку расслабиться.

— Не знаю. Он сказал, что Всемирный фонд развития выступит гарантом контракта при условии, что координатором будет не Dekker Ward.

— Почему нет? Он что-нибудь объяснил?

Умберту пожал плечами.

— Только то, что таковы их правила. Стратегия глобального финансирования ВФР. И еще им не нравится, что на рынке облигаций в Латинской Америке у Dekker Ward чуть ли не абсолютная монополия. Они решили привлечь к игре новые фонды, а для этого надо сменить координатора.

— Но почему именно Bloomfield Weiss?

— Как я понял, это — самая крупная фигура в крупных контрактах ВФР. К тому же все остальные отказались, боясь перейти вам дорогу. Что, кстати, доказывает правоту Джека Лэнгтона, тебе не кажется?

— Нет, Умберту, не кажется! Все остальные отказались потому, что это было бы абсолютно неэтично — ведь мы же проделали всю работу, от начала и до конца! Bloomfield Weiss просто оказалась единственной фирмой, в чьем словаре слово «этика» и не ночевало.

— Послушай, я действительно сражался за вас. Убеждал, давил. Но Джек уперся как слон. Ты же понимаешь, что без гарантий Фонда ничто не сдвинется с места.

Изабель поднялась с дивана.

— Умберту, ты очень, очень меня разочаровал. —
Ее голос звенел от гнева.

— Между прочим, Джек добавил и еще кое-что,
чего я, признаться, не понял, — сказал Умберту.

Изабель выжидающе молчала.

— Что-то насчет того, что у Фонда есть информация о том, что Dekker Ward как-то завязан с наркоторговцами, которые контролируют *favelas*. Из-за этого ВФР не очень-то с руки сотрудничать с вами.

Изабель резко повернулась и быстрым шагом вышла из кабинета.

Я не сразу двинулся за ней. Я уже было собирался дружески проститься, но тут до меня дошло, что это несколько не к месту. Ограничившись сухим кивком, я бросился догонять Изабель.

Такси, притормаживая и виляя из стороны в сторону, с боями пробивалось по направлению к отелю.

— Поганые новости.

Изабель кивнула, потирая виски кончиками пальцев.

— Очень паршиво. Просто поверить не могу.

— Но все-таки они предложили нам стать соуправителями проекта.

— Это хорошо рассчитанное оскорбление. Ведь ясно, что мы никогда не войдем в сделку, которую Bloomfield Weiss вырвала из наших рук. Рикарду будет в бешенстве. Как только Bloomfield Weiss растрезвонит, что увела наш контракт у нас из-под носа, остальные последуют ее примеру.

— А нельзя ли поговорить с кем-нибудь из Фонда?

— Бесполезно. Там влияние Bloomfield Weiss намного серьезнее нашего. — Она мрачно уставилась в окно.

— Если я спрошу тебя кое о чем, обещаешь оставить меня в живых?

— Нет, — ответила Изабель, — таких обещаний я никому не даю.

Она, однако, заинтересовалась. Я решил идти до конца.

— Но в самом деле: разве они не правы? То есть разве для Фонда не лучше строить дело так, чтобы лид-менеджерами в Латинской Америке выступали бы все-таки разные банки?

— Придется сохранить тебе жизнь, — сказала Изабель с едва заметной улыбкой. — Они действительно правы. Честно говоря, я удивлена, что это не случилось еще давным-давно. Мы не можем вечно и безраздельно царить на рынке. Но правы они или не правы, а это не лучший наш день. Черт, ну кто угодно еще — только бы не Bloomfield Weiss!

— И, честно говоря, мне вот что непонятно. Что имел в виду Умберту, упомянув о контактах Dekker с наркоторговцами в Рио?

Изабель фыркнула.

— Чушь! Я в курсе всех дел Dekker Ward в Бразилии. Поверь, мы бы на пушечный выстрел не подошли к подобным господам.

Я подумал о факсах на имя Мартина Бельдекоса и о Франсиску Арагане, который, согласно информации

Bank of Canada, отмывал деньги именно в Бразилии. Но пока я решил не выкладывать этот аргумент.

Я сидел в номере Изабель, ожидая, когда она договорит по телефону с Рикарду. Я никогда еще не видел ее такой взвинченной. Она объяснила ему ситуацию и кратко ответила на несколько вопросов. Потом последовала серия односложных «да» и «нет», и разговор завершился. Изабель села за стол и снова потерла виски пальцами.

— Я так понял, что босс не в восторге.

Она подняла на меня глаза.

— Не то слово.

— И что он собирается делать?

— Собирается лететь сюда, уже сегодня. Завтра утром будет в Рио. Говорит, что все уладит.

— Вот как...

— Не слишком полагается на сотрудников вроде нас с тобой, — буркнула Изабель. — Но и винить его за это трудно.

— И как же он собирается все уладить?

— Понятия не имею. Поживем — увидим.

Мы ждали Рикарду в холле отеля. Изабель позволила в аэропорт, чтобы выяснить, нет ли задержки с рейсом. Задержки не было. Мы молчали. Изабель явно нервничала. Я не слишком расстраивался. В конце концов, у меня слишком мало опыта, чтобы вешать на меня какую-то вину. Но мне было жалко Изабель. Время от времени я ободряюще ей улыбался, и она отвечала мне благодарной улыбкой.

Странное ощущение — сидеть в шикарном отеле, в пяти тысячах миль от департамента русистики, и покорно ожидать неизбежной выволочки. Тишина и прохлада в холле говорили об уровне отеля. Снаружи стояла жара, липкая и шумная. Снаружи сновали простые туристы и простые *cariocas*, продиравшиеся сквозь смог, грохот и пекло огромного города. Снаружи можно было получить удар ножом в грудь. А внутри — внутри сидели люди при деньгах, в тишине и безопасности, одетые в элегантные, не пропитанные потом костюмы.

Подъехал автомобиль, и Рикарду, выбравшись из машины, шагнул на тротуар. Даже не верилось, что он всю ночь провел в самолете. Галстук аккуратно повязан, рубашка безукоризненно выглажена, а костюм — будто только от портного. Швейцар внес в холл небольшой чемодан и солидный кейс для бумаг.

Мы поднялись с дивана. Рикарду увидел нас и улыбнулся.

— Ник! Ну, как ты?

— В порядке. Побаливает маленько. Впечатляющая поездка получилась.

— Да уж. Говорят, тебе здорово повезло.

— Пожалуй. Хотя удар ножом — то еще везение.

Рикарду покачал головой.

— Сначала Мартин в Каракасе, теперь ты в Рио. Командировки в наши дни — опасная вещь. — Он направился к стойке администратора. — Подождите минутку, пока я зарегистрируюсь.

Он быстро заполнил положенные формуляры и вернулся к нам.

— А что, если нам выпить по чашечке кофе? Не возражаете?

Завтрак уже не подавали, но нас усадили за стол и принесли кофе. Рикарду снял пиджак, откинулся на стуле и вздохнул. Потом закрыл глаза и потянулся. Внезапно он наклонился вперед и пристально посмотрел на Изабель.

— Во-первых, я хочу, чтобы ты знала, насколько я доволен твоей работой. Это именно тот класс, которым может гордиться Dekker.

— Спасибо, — удивленно и с явным облегчением произнесла Изабель.

— Контракт мы потеряли из-за этих уродов в Фонде развития. Не знаю, могли вы что-то сделать в этой ситуации или нет. Во всяком случае, плакать уже поздно. Но мне очень не понравилось то, как Bloomfield Weiss стянула у нас наш контракт. Им придется понять, что я — лично я — не позволю, чтобы им это сошло с рук.

Мы кивнули. С начальством не спорят.

Он посмотрел на часы.

— Так. Сейчас десять. В десять сорок пять у меня встреча с Освальду Боччи. Есть время спокойно допить кофе.

Офис Боччи располагался на самом верхнем этаже цилиндрического здания из стекла и бетона, над входом которого красовалась роскошная вывеска *TV GoGo*. Из окна открывался один из тех великолепных видов Рио, к которым я уже начал привыкать. За верхушка-

ми дорогих престижных зданий отливал синевой залив Гуанабара. Кресла были обиты светло-голубой кожей, а картины абстракционистов превращали стены в буйство тропических красок. Старинные индейские фигурки, у большинства из которых были либо гипертрофированные груди, либо половые органы, были явно выставлены напоказ и снабжены поясняющими табличками.

Боччи оказался крепко сложенным мужчиной лет пятидесяти, с иссиня-черными волосами и мощным, волевым подбородком. Шелковая рубашка с открытым воротом плотно облегла мускулистый торс. На руках, шее и мочке левого уха поблескивали золотые украшения. Запах дорогого лосьона резко контрастировал с ароматом экзотических цветов, стоявших в высокой вазе у письменного стола.

По дороге Рикарду рассказал мне кое-что о Боччи. Он был один из бразильских медиамагнатов, покушавшихся на монополию империи *Globo*, принадлежавшей Роберту Маринью, и пытавшихся отвоевать свою долю рынка в борьбе за публику. Пока дела у него шли неплохо: Боччи издавал газеты в Рио и Минас-Жерайсе, к тому же он основал телевизионный канал в Рио, начавший вещание раньше намеченных им самим сроков. Все это удалось благодаря средствам, полученным с помощью Dekker.

Сейчас Боччи радостно улыбался Рикарду, был сдержанно-вежлив со мной и плотоядно пялился на Изабель. Она же невозмутимо изучала обстановку.

После обсуждения шансов Flamengo выиграть чемпионат страны по футболу, Рикарду перешел к делу.

— Освальду, нам нужна твоя помощь.

В глазах Боччи мелькнула искорка интереса, и он улыбнулся. Улыбка не была радушной: это был оскал хищника, почуявшего, что можно пожить.

— Для тебя, друг мой — все, что в моих силах.

— Ты слышал о нашем проекте?

— Слышал.

— И что ты о нем думаешь?

— Скуотица. Мы, кажется, выступали против, но я забыл, почему. Думаю, аргументы были все теми же: деньги налогоплательщиков на ветер, ненужные расходы, неоправданные займы...

— У меня есть интересная информация об этом контракте.

— Интересная?

— Да. Глава департамента финансов в сговоре с местными наркоторговцами, контролирующими фавелы. Львиная часть денег попадет к ним в лапы, хотя, безусловно, свою долю получит и Умберту Алвис. Сенсационный скандал — тебе не кажется?

Боччи потер подбородок.

— Возможно. Пока трудно сказать. Откуда это стало известно?

— Ты же знаешь, как это бывает. Анонимные источники в банковских кругах.

— Значит, ты об этом знал?

— Мы узнали об этом совсем недавно, — сказал Рикарду. — И вышли из игры, в которую сразу же бросились другие.

— Кто?

— Bloomfield Weiss, американский инвестиционный банк. — Рикарду сделал паузу, внимательно глядя на собеседника. — Так что ты думаешь?

— То, что это скандал — безусловно. Но, честно говоря, не очень уж большой скандал. Да и твердых доказательств, судя по всему, нет. Не знаю.

— Хорошо. Я понимаю, — Рикарду достал сигареты и протянул пачку Бочки. Они закурили. — Как дела?

Бочки пустил струю дыма к потолку и улыбнулся.

— Прекрасно, прекрасно. TV GoGo раскручивается вовсю. С форматом мы попали в десятку — популярное коммерческое ТВ для простой публики. Зрители это ценят. Рекламодатели тоже. За двенадцать месяцев мы с отрывом перекрыли проектные показатели.

Рикарду улыбнулся.

— Я знаю. С цифрами я ознакомился. Всегда приятно, когда дела идут лучше, чем предполагалось. Но происходит это не часто, можешь мне поверить. — Он задумчиво затянулся сигаретой. — А как ты думаешь, сработал бы такой же формат в Сан-Паулу?

— Уверен, сработал бы. Конечно, необходимо финансирование...

— Сколько?

— Пятьдесят миллионов долларов.

— Организовать кредит такого уровня мы сможем. — Рикарду кивнул. — Тебе, конечно, понадобится какое-то время, чтобы представить детальный план. Но как только будешь готов, созвонись с Изабель, и мы что-нибудь придумаем.

— Я должен быть уверен, что проблемы с финансированием не будет. Разве тебе не придется уговаривать инвесторов и все такое прочее?

Рикарду небрежно махнул рукой.

— Рано или поздно придется. Но я абсолютно уверен, что деньги будут. А мое слово значит больше, чем любой документ на гербовой бумаге. Ты это знаешь, Освальду.

Боччи просиял.

— Отлично!

— Ты уже решил, под каким заголовком твои газеты подадут этот скандал с фавелами?

Так все и решилось. Проект Favela Bairro был похоронен. Bloomfield Weiss получила свой урок: красть сделки у Dekker безнаказанно нельзя. Наша миссия закончилась, можно было отправляться домой.

На меня нахлынула волна ярости. Я не мог поверить в то, что Рикарду действительно сделал то, что сделал. Я видел, что Изабель тоже едва сдерживает гнев. Однако ей нечего было сказать: если бы она не позволила Bloomfield Weiss перехватить проект, то он сейчас был бы в работе. Рикарду наверняка почувствовал, какие эмоции обуревали двух его коллег, но виду не подал.

Мы расстались с Боччи, забрали багаж в отеле и отправились в аэропорт, не произнеся ни слова. Летели мы, естественно, первым классом — Рикарду сам заказывал билеты. К своему неудовольствию, я обнаружил, что сидеть мне придется рядом с ним. Кресло Изабель было напротив.

Обед тоже прошел в молчании. Рикарду листал папки, вытаскивая их по одной из своего огромного кейса типа тех, которые обычно носят адвокаты. Портфеля обычного размера на двухдневную командировку ему бы явно не хватило. Я тупо смотрел на темное небо за стеклом иллюминатора. Мне вдруг подумалось, что босс даже не переночевал в Рио. Ему хватило часа на то, чтобы прикончить проект, над которым Изабель и Умберту трудились целый год.

Когда стюардесса унесла тарелки, я откинул спинку кресла и притворился спящим. Но заснуть мне никак не удавалось: боль в груди все еще досаждала, и к тому же мешало постоянное шелестение документов и царапанье авторучки по бумаге. Экий он неутомимый!

Внезапно я подумал, что весь банковский бизнес — это мир хищников. Идея была в том, чтобы улучшить жизни тысяч людей, а ее пустили псу под хвост только потому, что нельзя было позволить другим пожинать лавры. Я снова начал звереть. В конце концов я открыл глаза и полез в портфель, чтобы достать книжку. Это были «Островитяне» Евгения Замятина, русского писателя, прожившего несколько лет в Ньюкасле. Меня

всегда убаюкивала музыка его прозы. Замятин ближе, чем любой другой писатель двадцатого века, подошел к пушкинскому уровню владения языком, хотя ему и недоставало абсолютной точности Пушкина в слове. «Островитяне» стали горьким сатирическим обличением лицемерия и моральной опустошенности промышленной капиталистической Англии, с которой он столкнулся. Он не знал и десятой доли правды. А умер в Париже в чудовищной нищете.

— Как дела с твоим аргентинским пакетом?

— Что? — Я оторвался от книги, обескураженно глядя на Рикарду.

— Я спросил: как дела с твоим аргентинским пакетом?

Сейчас мне было наплевать на то, как там себя вели аргентинские облигации. Нет, не наплевать. Мне хотелось, чтобы Dekker погорела на этой сделке. У меня, однако, хватило ума не сказать это вслух. Я понимал, что к трейдинговой позиции стоит относиться серьезно, если собираешься завязать с этим бизнесом. Я же пока не решил для себя, как поступлю.

— Курс вот уже неделю стоит на той же отметке.

— Ты все еще веришь в них?

Что за дурацкий вопрос. Можно верить в Бога, или Маркса, или даже в Маргарет Тэтчер. Но верить в облигации?!

Я сделал глубокий вдох.

— Из того, что я видел на момент покупки, «аргентинки» казались солидным приобретением. Но учитывая,

что опыта у меня на тот момент было лишь два дня, я сильно не уверен, что принятое решение было правильным. Единственное, что меня как-то поддерживает, так это то, что вы сами купили эту позицию. Я доверяю вашей оценке. И если вы до сих пор не продали их — да, я все еще в них верю. Или все-таки продали?

Рикарду улыбнулся.

— Мне нравится, что ты осознаешь пределы своих возможностей. Но это был хороший выбор. И ты, конечно, прав: будь я не согласен с тобой, я попросту не купил бы их. Кстати говоря, я не только не продал пакет — я прикупил еще. И гораздо больше, чем в первый раз.

— Это хорошо. Надеюсь, что все закончится как надо, — буркнул я, снова утыкаясь в книгу.

Какое-то время мы молчали, но я чувствовал на себе внимательный взгляд.

— Тяжелая для тебя неделька выдалась. Ограбление, ранение, утрата проекта.

— Тяжелая, — пробормотал я.

— Страшно, должно быть, когда нож входит в твое тело.

Я взглянул на Рикарду. Его глаза было серьезными. Очень серьезными. Как будто он сам когда-то прошел через такое же.

— Страшно, — признался я. — Вот так просто, гуляем по пляжу, а в следующее мгновение в моей груди уже торчит нож.

Рикарду кивнул.

— Бразилия — опасная страна. За всем внешним великолепием в ней кроется холодность и жестокость. Постыдная ситуация. Именно поэтому проект *favela* был такой хорошей идеей.

Мне не хотелось развивать эту тему, но я не мог сдержаться.

— Тогда зачем надо было топить такую хорошую идею?

— У меня не было выбора. Я не мог позволить, чтобы Bloomfield Weiss выиграла. Это означало бы конец Dekker Ward.

— С чего бы? У нас все равно оставалась бы львиная доля latinoамериканского рынка. А для *favelas* хоть что-то было бы сделано. Теперь же эти люди обречены доживать жизнь на помойке.

— Я не несу ответственности за социальные условия в Бразилии или в любой другой стране, — спокойно парировал Рикарду. — В последние сто лет у Бразилии был тот же доступ к капиталу, природным ресурсам и рабочей силе, что и у Канады или США. То, что Бразилия бедна, целиком и полностью зависит от самих бразильцев, от того, используют они эти ресурсы или просто транжирят их. Это, как ты понимаешь, от меня не зависит.

Я слушал молча, не пытаясь, однако, скрыть саркастическую ухмылку.

— Я отвечаю только за то, — продолжал Рикарду, — чтобы дела в Dekker Ward шли как надо. Я превратил ее в один из самых успешных инвестиционных

банков планеты. Но в ту секунду, когда я расслаблюсь, когда позволю кому-либо перехватить инициативу, нам придет конец. Конечно, мы все делаем вид, что чистосердечно и дружески сотрудничаем с другими на этом рынке, и что все остальные игроки просто счастливы от того, как мы всем дирижируем. А они ждут не дождутся, когда мы, наконец, споткнемся. И еще больше им хотелось бы силой вырвать у нас весь кусок из рук. Самоуспокоенность — вот самая главная опасность для нас.

Сейчас он буквально сверлил меня немигающим взглядом своих голубых глаз.

— Бывают моменты, когда играть надо жестко. Bloomfield Weiss не стоило красть наш контракт. Но они сделали это — и они сделали жестко. Я должен был показать им и всем остальным, что по части жесткости всегда их переиграю.

— А детей не жалко?

— Если идея Favela Vairro действительно хороша настолько, как представляется нам, она рано или поздно получит финансирование. Не забудь, что именно Dekker вернула международные капиталы на рынки Латинской Америки, причем тогда, когда все остальные банки повернулись к ней спиной. Мы организовали более двадцати миллиардов долларов для финансирования этого региона. И тебе известно, что эти деньги позарез нужны латиноамериканцам. Теперь они научились использовать их с умом, инвестируя средства в создание рабочих мест и модернизацию инфраструктуры.

Рикарду видел, что его речь меня не слишком убедила.

— Ну ладно, я не буду делать вид, что это и было главной причиной, побудившей меня превратить Dekker в то, чем он стал. Но это один из важных результатов моей работы, и я горжусь им.

— А деньги, которые вы на этом зарабатываете?

— Брось, Ник! Ведь и ты из-за денег у нас оказался!

— Да, но...

— Что — но?

— Мне нужны были деньги для чего-то. Чтобы купить свободу — и делать то, что я хотел бы делать всю жизнь.

— И?

— И... — Я заколебался, ища точное определение. — И мне кажется, что в компаниях, подобных Dekker, деньги становятся и целью, и самоцелью.

Рикарду потер подбородок.

— Я понимаю. Но все не совсем так, как тебе видится. Я говорил и говорю, что мне нравятся люди, которые голодны, люди, которым нужно заработать деньги. И они их зарабатывают — для себя и для компании, а это значит, что дела в компании идут вверх. И это хорошо. Но дело вовсе не в жадности.

— А в чем же?

— Деньги — это способ вести счет. И мне, наверное, хочется, чтобы, когда партия закончится, у меня было больше всех очков.

— И что потом?

Рикарду улыбнулся.

— Хороший вопрос. Не знаю. Наверное, для меня эта партия не закончится никогда.

Мы замолчали. Каждый из нас обдумывал сказанное и услышанное. Пожалуй, мы оба были удивлены тем, какой личный оборот принял разговор. Я вспомнил надпись на майке. «*Who dies with the most toys wins*». В игре Рикарду участвовал весь мир, и богатые, и бедные.

Он сделал знак стюардессе и заказал коньяк. Я попросил виски. Мы сидели, комфортно устроившись в огромных креслах салона первого класса, и потягивали напитки.

— Мой отец тоже участвовал в этой игре. И проиграл, — сказал Рикарду.

— Джейми говорил, что он бизнесмен в Венесуэле.

— Был. Он умер пятнадцать лет назад.

— Прошу прощения.

— Он тоже организовывал контракты — в нефтяной промышленности. В пятидесятых приехал в Каракас из Аргентины и сумел выстроить довольно обширный портфель интересов. Но в конце концов не подрастал силы. На дворе был восьмидесятый год — как раз после второго прыжка цен на нефть. Он считал, что цена дойдет до сорока долларов за баррель, а она упала до шести. Выпивал он всегда, но после этого запил всерьез. Сгорел за четыре года. Наследства нам практически никакого не досталось, пришлось пробиваться са-

мим. И я этим горжусь. Мы его почти и не видели. Он постоянно был занят, а я учился в частной школе в Англии. Хотя, наверное, я все-таки унаследовал его нюх. Надеюсь только, что мне, в отличие от него, удастся сдержаться, если игра зайдет слишком далеко.

— Значит, соревнование?

Рикарду на секунду задумался.

— В каком-то смысле — да. Мне действительно хотелось бы, чтобы он видел, чего я добился. Когда он был жив, мне нечасто перепали похвалы. Может быть, теперь он был бы мною доволен.

— А ваша мать?

— О, не думаю, что она знает, чем я занимаюсь, или что ее это вообще заботит. Главное, чтобы у меня хватало денег поддерживать ее банковский счет на плаву.

— А Эдуарду? Он тоже пошел в отца?

Рикарду грустная усмехнулся.

— Нет, он унаследовал другие черты.

Мне страшно хотелось спросить, что имелось в виду, но по тону собеседника я почувствовал, что и так зашел дальше, чем следовало. Он был редким, завораживающим человеком, и моему самолюбию льстило то, что он настолько раскрылся в разговоре со мной. Но не была ли манипуляцией сама эта откровенность? Если и была, то в данном случае она достигла цели.

Рикарду поставил свой стакан на столик и повернулся ко мне.

— Ник, я знаю: то, что ты увидел, нелегко переварить. Я знаю, что ты сейчас сомневаешься в сути того,

что мы делаем. И я с уважением к этому отношусь. Честное слово. Я предпочитаю иметь дело с людьми, которые сомневаются в самих основах, чем с теми, которые послушно делают то же, что и все вокруг. Так что думай, сомневайся. Но не обманывайся: нельзя работать в финансах, получать дивиденды, снимать сливки — и избегать крутых и жестких решений.

Его голубые глаза внимательно изучали меня. Взгляд открытый, честный. Он действительно верил в то, что говорил. Глаза убеждали, зазывали, гипнотизировали. «Будь с нами», — словно говорили они.

— Я хочу, чтобы ты работал в Dekker. Ты будешь в самой гуще самого захватывающего рынка во всей мировой финансовой системе — и ты получишь от этого массу удовольствия. Ты сможешь во многом быть полезен для нас. Но ты должен быть предан делу. Если ты не веришь в то, чем занимаешься, то возвращайся к своим русским книжкам. Решать тебе.

Я сглотнул слюну. Я вспомнил, что, когда собирался работать в Dekker, передо мной стояла та же дилемма. Тогда я решил, что, если уж я собираюсь преуспеть в финансах, то должен принять и соответствующую этическую систему. Она не была аморальной, она была *вне морали*. Как сказал Рикарду, причина хаоса — в людях, они делают страну такой, какая она есть. То же самое можно сказать и о России. Отцу Изабель нравился рассказ Толстого о хозяине и работнике — он сам был не чужд душевного благородства. Но хозяин поступил глупо, настояв на том, чтобы ехать

в пургу, вместо того чтобы переждать ее на постоялом дворе. Кроме того, в реальном мире хозяева не жертвуют жизнью ради спасения слуг.

Я вспомнил Корделию и натянутого как струна мальчишку с широкой улыбкой и жесткими расчетливыми глазами. Я отвернулся от Рикарду и уставился в темное небо над Атлантикой.

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

В пятницу утром в офисе меня ждала неожиданно теплая встреча. Дейв, Мигел, Педру, Шарлотта, люди, которых я едва знал, — все подходили ко мне, чтобы справиться о здоровье. Хотя я проработал в Dekker меньше двух недель, а в самом офисе провел всего-то три дня, ко мне отнеслись как к своему. Признаюсь, это было приятное чувство.

Наш самолет приземлился за день до того, около полудня, но, в отличие от Изабель и Рикарду, которые прямо из аэропорта отправились на работу, я поехал домой. На следующий день утром я пошел к своему врачу. Работа, проделанная бразильскими медиками, произвела на нее огромное впечатление. Мне сделали перевязку и порекомендовали с недельку отдохнуть. Об отдыхе, конечно, не могло быть и речи, но я все же оставил велосипед дома и на

метро, а потом на электричке добрался до Кэнери Уорф. Дорога меня измотала, и я поклялся себе, что в понедельник, как бы ни болела грудь, поеду только на велосипеде.

Я немного огорчился, увидев, что соседнее с моим рабочее место пусто. Изабель не было в офисе.

Но Джейми был на месте, и я был рад видеть его.

— Ну и поездочка! Как ты себя чувствуешь? Куда вошел нож? Покажи!

— Черта с два, — сказал я. — Мне только что сделали перевязку, и снимать ее ради твоего дурацкого любопытства я не собираюсь.

— Ну и ладно, — Джейми скорчил обиженную физиономию. — Так как все случилось?

Он был моим другом, и я рассказал ему все как было.

— Господи! — Он покачал головой. — Один дюйм в ту или другую сторону, и тебе конец.

— Точно.

— Как ты сейчас? Как самочувствие?

— Да все в порядке, если ты о ране. Слышал, что сделал Рикарду?

— С проектом *favela*? Кажется, прикончил его?

— Да. До сих пор поверить не могу. И это после всего, что сделала Изабель! Я, кстати, был в одной из фавел. Ужасающая картина. С этим что-то надо делать.

— Для нее это, наверное, был серьезный удар. — Джейми сочувственно поцокал языком. — Жесткие игры здесь в чести.

— И еще кое-что. — Я открыл нижний ящик своего стола, чтобы достать факс. Его там не было.

— Странно, — пробормотал я.

— Что?

— Перед отъездом я оставил здесь факс. Здесь!

Джейми пожал плечами и начал подниматься со стула. Я жестом остановил его.

— Подожди. Это серьезное дело.

Он молча наблюдал, как я рылся по всем ящикам и полкам. Ничего. Я уже начал сомневаться: может быть, я сунул факс куда-то еще, или забрал домой, или взял с собой в командировку в Бразилию.

— Что ты ищешь?

Я перевел дух.

— Факс. На имя Бельдекоса от United Bank of Canada на Багамах. В нем говорилось, что некто, имеющий отношение к одному из счетов, которые проверял Мартин, подозревается в операциях по отмыванию денег.

— Ты серьезно? Они упоминали, о каком счете речь?

— Что-то связанное с International Trading and Transport в Панаме. По крайней мере именно эта компания переводила деньги на номерной счет Dekker Trust на Каймановых островах.

— Логичный ход, — задумчиво произнес Джейми. — Конец такой веревочки найти очень трудно.

— Но что вообще такое «отмывание денег»?

— Способ сделать грязные деньги чистыми. Наркотики, контрабанда, организованная преступность.

Чаще всего наркотики. Полиции легче отследить деньги, чем саму наркоту, но преступники тоже идут в ногу с веком. Они научились прятать источники доходов, а затем вкладывать деньги анонимно. Для этого обычно используются подставные компании где-нибудь в офшорной зоне.

— Типа Каймановых островов?

— Типа Каймановых островов. Это может быть и Панама. Или Гибралтар. Или даже острова в Ла-Манше и Швейцария. Некоторые из этих цепочек закручены очень изобретательно.

— Понятно, — сказал я. — А Мартин случайно обнаружил одну из них.

— Возможно.

— И что ты думаешь?

— О чем?

— Что мне делать с этим факсом? Которого, кстати, нигде нет... Эдуарду сказал, что, если ко мне попадет любая переписка, адресованная Бельдекосу, я должен передавать ее лично ему. Но что-то мне не хочется отдавать ему этот факс.

— Почему нет?

Беззаботность Джейми меня немного беспокоила. А может быть, просто разыгралось воображение.

— Потому что он, возможно, и так обо всем знает, — без особой уверенности сказал я.

— Хм... — Джейми задумался. — Тогда понятно. Но он, во всяком случае, придет в ярость, когда ты скажешь ему, что потерял этот факс.

— Я его не терял!

— Тогда где же он?

— Джейми, клянусь — я его не терял. Кто-то забрал его отсюда, пока я был в Бразилии.

С минуту он молчал, а потом изрек:

— На твоём месте я постарался бы обо всем забыть.

— Почему?

— Потому что ты можешь оказаться прав. Я бы не удивился, узнав, что Эдуарду занимается не совсем чистыми операциями. Увы, в нашем мире это не такая уж редкость. И он вряд ли захочет, чтобы кто-то совал нос в его дела и поднимал шум. Это ему может очень не понравиться.

— А если он все-таки не имеет к этому отношения?

— Тем более наплевать и забыть. Ник, в банковских системах каждый божий день отмываются миллионы наркодолларов. Они есть практически в каждом банке. Проблема возникает тогда, когда банк об этом узнает. И что такого страшного в этом отмывании? Это же не убийство. И даже не мошенничество. Никто на этом деле не теряет. Так что брось ты все это. Наплюй и забудь. Если ты будешь с кем-нибудь это обсуждать, то, кроме неприятностей, ничего не заработаешь.

— Но я не хочу ничего скрывать.

— А что ты скрываешь?

— Факс.

— Какой факс? У тебя нет никакого факса. А если бы и был, адресован он был не тебе. Послушай, Ник, забудь ты все это. Ладно, мне пора.

— Джейми...

Я колебался, прежде чем произнес то, что начинало складываться у меня в голове.

— Мартин Бельдекос заподозрил, что в Dekker отмываются деньги. Его убили в Каракасе. Позже я заподозрил то же самое. И меня едва не убили в Рио.

Как только я произнес эти слова, как тут же понял, насколько глупо все прозвучало. Чистая паранойя. Укоризненный взгляд Джейми меня не ободрил. Затем его лицо прояснилось.

— Послушай, Ник. После всего, что с тобой произошло, немудрено задержаться. Думаю, они поймут, если на какое-то время ты откажешься от поездок в Южную Америку. Кто знает? Может быть, где-то тут и впрямь что-то отмывается. Но ты-то тут при чем? Не делай из мухи слона. Успокойся и берись за работу. Все будет в порядке.

С этими словами он отправился к себе, оставив меня наедине с моими сомнениями.

10

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,4
0,7730,9
0,9610,3
0,5340,6
0,0197

0,5
0,6
0,25
0,63
0,498
0,35

0,258

8,630

0,498

13352

Рикарду обитал в солидном особняке в георгианском стиле, с мягкими формами и стенами из желтоватого камня. Он стоял на вершине небольшого холма, у подножия которого располагалась группа коттеджей и церковь. Интересно, что думают местные жители о новых обитателях особняка? Джейми вел машину по длинной подъездной аллее, по сторонам которой красовались обширные ухоженные газоны. Ландшафтный дизайн был рассчитан не столько на красоту, сколько на простоту ухода за ним. Кустов и деревьев было предостаточно, но цветов почти не было. Парковка перед домом уже в основном забита дорогими немецкими автомобилями, но Джейми кое-как втиснул на стоянку свой «ягуар», рядышком с еще одной «белой вороной», вернее красным «феррари» Росса.

Рикарду устраивал вечеринку для своих сотрудников. Как я понял, такие мероприятия проводились регулярно, а именно это было запланировано загодя. Джейми просветил меня, что присутствие на вечеринке — не столько привилегия, сколько обязанность, но все равно я поехал с удовольствием.

Особняк был обставлен в традиционном стиле, но на стенах коридора и гостиной висели большие яркие картины, в большинстве своем бразильские пейзажи. На полу повсюду стояли странноватые скульптурные фигурки, смесь индейского и абстрактного стилей. Впрочем, это очень оживляло английскую сдержанность помещения.

Это был первый теплый уик-энд с начала весны, и большинство гостей уже высыпало из гостиной в сад навстречу весеннему солнцу. Задворки усадьбы были украшены террасой, беседкой и морем тюльпанов. Повсюду над барбекю вился дымок. Официанты в белых куртках разносили бокалы с коктейлями и шампанским, которые молниеносно исчезали с подносов.

— Терпеть не могу эти сборища, — вполголоса процедила Кейт. — От двух последних мне удалось отвертеться, сославшись на то, что Оливер приболел. Но сегодня Джейми настоял, чтобы я поехала.

— Что тебе здесь не нравится? — спросил я. — Симпатичные люди. Дружелюбные.

— Бесспорно. Но друг с другом они давно срабатались, а я среди них себя чувствую совершенно чужой.

— Здесь ведь есть и другие жены.

— О, несомненно. Парадные жены и парадные любовницы. Жены — те, что поморщились.

Я ухмыльнулся.

— Ты сегодня не в настроении.

— А ты оглянись.

Я так и сделал. Действительно, красивых женщин было очень много. Дорогие платья, искусный макияж — идеальное дополнение своих богатых мужей.

— Беру свои слова назад, — сказал я. Мы пригубили шампанское.

— С кем ты летал в Бразилию? — взгляд Кейт скользил по толпе.

— С одной сотрудницей, Изабель Перейра.

Я почувствовал, что слегка покраснел, и это не прошло незамеченным. Похоже, мой маленький секрет был раскрыт.

— Правда? — спросила Кейт, плутовски прищурив огромные карие глаза. — И которая же из них она?

Я осмотрелся и увидел Изабель в дальней группе гостей. Она держала в руке куриную ножку, аккуратно откусывая кусочки мяса.

— Вон там. Это она.

Кейт приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть.

— Очень милая. Ты нас познакомишь?

— Хм...

Уж если Кейт что-то задумала, то она не отстанет.

— Ты понимаешь, мы не то чтобы...

— Это дело времени, — отмахнулась она. — Ладно, пошли. Поболтаем с ней.

На Изабель был темно-зеленый шелковый брючный костюм, неброский, но явно очень дорогой. Она о чем-то беседовала с Педру по-португальски.

Увидев меня, она просияла. Или мне просто показалось. Всем нам свойственно выдавать желаемое за действительное. Я представил девушек друг другу.

Вскоре появился и хозяин. Рядом с ним шла очень красивая брюнетка в коротком черном облегающем платье. И надо сказать, было что облегать. На загорелом лице выделялись иссиня-черные глаза и ослепительно белые зубы. Золото сверкало на ушах, на шее, на пальцах.

Босс расцеловал Кейт в обе щеки.

— Рад тебя видеть. Чудесно, что сегодня тебе удалось приехать. Оливер уже выздоровел?

Вопрос прозвучал вполне участливо, но стало ясно, что прежние отговорки Кейт воспринимались исключительно как отговорки. Я всем своим видом изображал невозмутимость.

— Да, спасибо, он уже совершенно здоров. — Кейт лучезарно улыбнулась.

Рикарду повернулся ко мне.

— Ты, кажется, еще не знаком с моей женой. Люсиана, это Ник Эллиот.

— Хелло, — сказала она хрипловатым голосом и протянула руку. — Вы друг Джейми?

— Я он и есть.

Рикарду снова обратился к Кейт.

— Вы с Ником давно знакомы?

— Почти десять лет. Ника я знаю дольше, чем своего мужа.

— Неужели? Так вы познакомились еще в колледже Магдалены?

Надо же какая память, это надо учесть!

— Нет, на Коули Роуд.

Рикарду рассмеялся.

— Как же, как же. А в ваши времена закусочная Бретта еще существовала?

— Конечно.

— С его гамбургерами соперничать, конечно, сложно, но все-таки рекомендую попробовать и наши. Или что-нибудь, что вам приглянется больше. — Он махнул рукой в сторону барбекю, вокруг которых хлопотали двое мужчин в белых куртках. — Есть хорошее красное вино, если вы не настаиваете на том, чтобы держаться шампанского.

Он заметил, что в бокале Кейт была вода.

— Кстати, где-то здесь должен быть крюшон из цветков бузины. Непременно попробуйте. Очень вкусно. — С этими словами Рикарду удалился.

— Черт возьми, откуда он знает закусочную Бретта? — прошептал я. — Он ведь не учился в Оксфорде? Или я ошибаюсь?

— Нет, — ответила Кейт, — не учился. Но он знает все. И я имею в виду *абсолютно* все. Со временем привыкнешь.

Кейт заговорила с Изабель, а Люсиана повернулась ко мне.

— Я слышала о неприятной истории, которая случилась с вами на моей родине, — сказала она. Мы стояли вплотную друг к другу. Искусный макияж не мог скрыть морщинки в уголках ее губ и жестких, пронизательных глаз. Но ее грудь могла поразить воображение любой осознавшей себя особи мужского пола.

Мне с трудом удалось собраться с мыслями.

— Да, история действительно случилась. Но все равно Рио — прекрасный город. Самый красивый из всех, что я видел. Вы ведь оттуда?

— Нет, я из Сан-Паулу. Но у моего отца в Рио дела, так что у нас есть дом и там. Сейчас в нем обитает мой брат.

— Чем он занимается?

— О, это сложно. Франсиску говорит, что он финансист, но что это значит в его случае — понятия не имею. У меня есть еще два брата. Один занимается семейным бизнесом в Сан-Паулу, а другой баллотируется сейчас в правительство штата.

Интересно. Значит, у Люсианы есть брат, Франсиску, который как-то связан с финансами. Интересно.

— Вы не скучаете по Бразилии? — спросил я.

— Конечно, скучаю. И частенько летаю туда. Но ностальгия ностальгией, а жизнь есть жизнь. Мы познакомились с Рикарду еще совсем молодыми, в Америке. Влюбились. Женились. — Она улыбнулась. — Все не так уж и плохо. Кроме того, у меня свой бизнес.

— Какой?

— Дизайн интерьеров. Клиентура в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. Большинство заказчиков — выходцы из Латинской Америки. Люди хотят, чтобы в доме были вещи, которые напоминали бы им о родине. Мне нравится работать с южноамериканскими мотивами. Создавать то, что отражало бы сущность латиноамериканца, живущего в Северной Европе. Вы видели нашу гостиную?

— Видел. Мне очень понравилось. Вы не могли бы сделать из моей квартиры что-нибудь похожее?

— Я бы с удовольствием. Но, боюсь, вам это не по карману.

Я невольно покраснел.

— Что ж, — пробормотал я. — Видимо, придется ограничиться Икеа и Dulux.

Люсиана рассмеялась.

— Расскажите, что вы успели увидеть в Рио.

И я рассказал. Рассказал честно, ничего не скрывая: о *фавелах*, о приюте Корделии, о подростках, напавших на меня. Она слушала серьезно и внимательно. Нет, она была далеко не пустышкой. И мне льстило, что красивая, искушенная и, честно говоря, возбуждавшая желание женщина ловит каждое мое слово.

Внезапно нас прервали.

— *Oi*, Люсиана, *tudo bem?*

Изабель подошла к нам и расцеловала Люсиану в обе щеки.

— *Tudo bem*. Ты, конечно, знакома с Ником?

— Да, мы только что вернулись из командировки, — немного удивленно ответила Изабель.

— Так вы были там вместе? Ник, вы не сказали, что в Рио у вас был такой прелестный гид!

Что ж, я действительно этого не сказал. Я пожал плечами.

— Оставляю тебя на попечение Ника. — Люсиана сдержанно улыбнулась и царственно отплыла к другим гостям.

— Похоже, у вас был очень интересный разговор, — съязвила Изабель.

— На самом деле интересный.

— Она чуть не вешалась на тебя! Ник, она в матери тебе годится.

— Ну уж и в матери.

— Ей сорок два года.

— Моей матери пятьдесят восемь.

— Она тебя живьем проглотит.

— Минутку, — сказал я. — Разве она не жена Рикарду?

— Жена. Когда видится с ним. Что означает, учитывая его график, практически никогда. Все остальное время она принадлежит самой себе.

— Ты так считаешь?

— Так считает и большинство присутствующих здесь молодых людей. Спроси хотя бы своего друга Джейми.

— Изабель!

— Извини.

— По-моему, крутить роман с женой босса — не самая удачная затея, тебе не кажется?

— Ты прав. Поэтому у них хватает ума не глотать наживку. Они понимают, что произойдет, если Рикарду хоть о чем-то узнает. — Изабель многозначительно посмотрела на меня.

— Что ж, спасибо за дружеский совет.

Внутри меня все пело. Под всей язвительностью, под всем подтруниванием таилась ревность! Я вовсе не собирался ее провоцировать, но было приятно узнать, что я ей не безразличен. Мне хотелось притянуть ее к себе и расцеловать. Но вокруг толпилась куча народу. Что ж, в другой раз. Я надеялся, что другого раза ждать придется недолго.

— Как твоя рана?

— Все еще побаливает, но заживает быстро.

— Вот и славно.

— Спасибо за все, что ты сделала для меня. Не знаю, что бы со мной было, не будь тебя рядом.

Она улыбнулась.

— Если живешь в Бразилии, то необходимо понимать, как работает ее система. Всегда найдется *jeitinho*, так у нас называют посредника или некую возможность устроить дело наилучшим образом. Здесь все держится на связях, ты мне, я тебе, а я в этом деле мастер.

— Мне с тобой повезло. — Я обвел взглядом сад, беседку, стену здания. — Никогда не подумал бы, что Рикарду предпочитает жить в таком стиле.

— Ничего удивительного. В Южной Америке людям нравится иметь усадьбы или ранчо в сельской местности. У нас, кстати, тоже есть ферма. А знаешь, что говорят об аргентинцах?

— Нет. Что же?

— Что это итальянцы, говорящие на испанском и делающие вид, что они англичане.

— Все-таки «Росс» не вполне итальянская фамилия, тебе не кажется?

В глазах Изабель вспыхнула искорка смеха.

— «Росс» не вполне, а «Росси» — очень даже.

— Что? Не может быть!

— Назовем это догадкой.

Я взял с проплывавшего мимо подноса полный бокал, заодно прихватив стакан апельсинового сока. Спиртное Изабель не пила, потому что ей предстояло садиться за руль. Впрочем, это предстояло по меньшей мере половине всех присутствующих, но, похоже, сей факт не слишком их заботил. Я подумал, что, как и во всем остальном, они не прочь нарушить правила и по этой части.

— Ты когда-нибудь видел таких женщин, Ник? — Дейв, трейдер из Ромфорда, возбужденно размахивал банкой пива. Мигел, высокий аргентинец, стоял рядом с ним. — О, Изабель, извини. Включая, естественно, присутствующих дам. И где они их только берут? Мигел считает, что та очаровашка из Дании, вон она, рядом с Карлусом, — работает у него гувернанткой.

К моему огорчению, Изабель незаметно ретировалась.

— А где же его жена? — спросил я.

— Жена, надо полагать, с детьми, — ответил Мигел. — Кто-то же должен за ними присматривать.

— А ты себе такую завел, Мигел? — поинтересовался Дейв.

— Гувернантку? Зачем? У меня нет детей.

— Вот и прекрасно. Значит, ничто не будет отвлекать ее от прямых обязанностей. — Дейв ослабился и отхлебнул пива из банки.

Мигел грустно покачал головой.

— Мне жаль Терезу. Это жена Дейва, — пояснил он мне. — Прекрасная женщина, но у нее явно проблема с глазами.

— Эй, полегче! — прорычал Дейв. Мигел поморщился.

— И со слухом.

Настроение присутствующих постепенно подогревалось, и происходящее начинало мне нравиться. Дейв и Мигел были забавной, контрастирующей парой, особенно после того, как каждый из них пропустил несколько стаканчиков. Сам Эдуарду почтил нас своим присутствием, явившись в сопровождении немецкой манекенщицы, которой едва ли исполнилось двадцать лет и которая не говорила ни по-английски, ни по-испански. Впрочем, ее спутнику это, похоже, нисколько не мешало. Он источал дружелюбие и обаяние, но присутствующие чувствовали себя явно напряженно.

Тут я заметил, что ко мне, пошатываясь, движется Кейт. Впрочем, она, возможно, шла и прямо — но это значит, что слегка пошатывался я сам.

— С меня хватит, — сказала она. — Я уезжаю. Надоело все. Если уеду сейчас, то успею вовремя, чтобы уложить Оливера спать. Джейми сказал, что он остается. Домой поедет на электричке. Ты присмотришь за ним?

Может, с ней поехать? Но Кейт словно прочитала мои мысли.

— Нет уж, ты оставайся. Тебе не следует уходить так рано. И мне было бы спокойнее, если бы ты приглядывал за Джейми.

— Мне не впервой.

— Вот и славно. Пока, — она положила руку мне на плечо. — А Изабель хорошенькая.

Кейт подмигнула и исчезла.

Где-то через час гости начали потихоньку разъезжаться. Я вызвал по телефону такси, чтобы добраться до станции, и отправился на поиски Джейми.

Его не было ни в доме, ни в саду. Зато я увидел Изабель.

— Я домой. Увидимся завтра.

— Счастливо, Ник. Было приятно поболтать с тобой.

Это могло быть просто вежливостью, но мне хотелось думать, что она говорит искренне.

— И мне тоже. Ты не видела Джейми?

— Представь себе, видела. Он отправился с Люсианой полюбоваться на статую. С полчаса назад.

Изабель явно насмешничала.

— На статую?

— Ну да. У них, похоже, есть деревянная фигура Геракла. Прежний владелец, человек викторианских нравов, отпилил герою главное достоинство. А Люсиана специально заказала новый. Очень им гордится.

А ведь Кейт просила меня присмотреть за Джейми! Однако волочиться за первой леди корпоративной вечеринки — это даже не глупость, а верх идиотизма. И это было как раз то, на что крепко подвыпивший Джейми вполне был способен.

Я торопливо обошел дом, пытаясь произвести как можно больше шума. Мне не хотелось застать их врасплох и увидеть что-нибудь, что я предпочел бы не видеть. С этой стороны особняка располагалась небольшая рощица, вглубь которой вела извилистая тропинка. Начинало темнеть.

— Джейми! — позвал я. Слишком громко. Кто-то мог и услышать. Кто-то, кого я не собирался искать.

Я увидел статую. Но больше никого здесь не было. Зато я убедился, что Люсиана, возвращая Гераклу его мужское достоинство, не поскупилась на материал. Здесь действительно было чем гордиться.

— Джейми! Эй, это я, Ник! Давай выходи! — Я продирался через кустарник и неожиданно оказался перед фасадом здания. Джейми стоял рядом с такси вместе с Люсианой, Эдуарду и Педру. Все четверо были в хорошем подпитии и прекрасном настроении.

— А, Ник! Наконец-то! — Джейми расплылся в радостной улыбке. — А я тебя обыскался. Такси уже ждет.

Мне показалось не очень удобным возвращаться в дом, чтобы найти Рикарду и поблагодарить его за приятный вечер. Вместо этого я подошел к Люсиане, которая притянула меня к себе и расцеловала в обе щеки.

— Было очень приятно познакомиться, Ник, — промурлыкала она. — Заезжайте как-нибудь, я покажу вам свои работы.

— С удовольствием, — сказал я, запихивая Джейми в машину.

Проект *favela* был мертв и похоронен. Газеты Бочки трубили о скандале весь уик-энд. Этот шум, конечно, не пошел на пользу Алвису и мэру, однако серьезного вреда тоже не причинил. В последнее время бразильцам пришлось по вкусу сражаться с коррупцией — даже президент вынужден был расстаться со своим креслом в результате импичмента. Однако история с *favela* не была для города чем-то сногшибательным: все понимали, что такое случается, да и не может не случаться. Кроме того, мэр при помощи Умберту навел относительный порядок в муниципальных финансах, и небольшой скандал не грозил ему лишением должности.

Совсем иначе обстояли дела с Bloomfield Weiss. Международным банкам, работающим с Латинской Америкой, приходится очень тщательно следить за своей репутацией. Финансисты-гринго — удобная мишень для обвинений в коррупции, и руководство Bloomfield Weiss теперь испытало это на своей шкуре. Дальнейшая раскрутка проекта могла окончательно

загубить репутацию компании. И они предпочли выйти из игры.

Машина Dekker продолжала крутиться, выбрасывая на рынок новые облигации, запуская нужные слухи, покупая и продавая. Наблюдая за тем, как работает Джейми, теперь я гораздо лучше понимал многие вещи. Но друг с другом мы теперь были настороженно-сдержанными, избегая упоминаний о проекте *favela*, отмывании денег или о том, где он прятался с Люсианой на вечеринке.

Однако наша деятельность в Бразилии нашла отражение не только в газетах, принадлежавших Боччи. Небольшая заметка в *IFR* вызвала оживленный интерес в нашем операционном зале. Она вышла в колонке слухов, в которой события будущей недели часто появлялись под видом «неподтвержденной информации».

Сотрудник Dekker Ward подвергся нападению в Бразилии.

Банковский служащий из лондонской компании Dekker Ward на прошлой неделе находился в Бразилии. Николас Эллиот гулял поздно вечером по пляжу Ипанема в Рио-де-Жанейро, где подвергся нападению грабителей и получил ножевое ранение в грудь. Насколько нам известно, Эллиот уже оправился от полученной раны.

Не столь везучим оказался его коллега, американский гражданин Мартин Бельдекос. В прошлом месяце он был убит в своем номере в Каракасе, как считается, во время ограбления. Два таких нападения под-

ряд наглядно демонстрируют опасность, которой подвергаются финансисты в Южной Америке. Существует, однако, и более зловещее объяснение происшедшему. Наши источники в Dekker Ward сообщили, что Мартин Бельдекос работал над выяснением источника поступления денег, переведенных в Dekker Trust, дочернюю компанию Dekker Ward на Каймановых островах. Ходят слухи, что смерть Бельдекоса в Каракасе была не случайностью, а заказным убийством. Пресс-секретарь Dekker Ward опроверг эту информацию, сообщив о потрясении, которое вызвала в компании эта трагедия, и выразив глубокие соболезнования семье Мартина Бельдекоса.

Джейми пробежал заметку глазами и озабоченно посмотрел на меня.

— Надеюсь, «источник» не ты?

— Нет. Но выглядит все довольно интересно, тебе не кажется?

— Это пока только слухи. Настоящая заваруха начнется тогда, когда выяснится, кто стукнул *IFR*. Кстати...

Эдуарду, держа в руке номер *IFR*, пересек зал и зашагал к столу, за которым сидел Рикарду. Через пару минут Джейми едва слышно прошептал:

— Черт! Он идет сюда!

Эдуарду, гневно сдвинув брови, казалось, излучал какую-то темную, звериную энергию.

— Иди за мной, — прорычал он, даже не останавливаясь у нашего стола.

Я повиновался.

— Садись.

Я сел.

Он обошел свой стол и сел прямо напротив меня.

— Ну?

Поначалу его агрессия меня напугала, но потом я вдруг разозлился. В конце концов, я не сделал ничего предосудительного. И я не школьник, которого можно напугать таким вот образом.

— Что ну? — спросил я, глядя ему прямо в глаза.

— Ты говорил с *IFR*?

— Нет. — Я произнес это абсолютно спокойно.

Эдуарду откинулся на спинку кресла, буравя меня взглядом. Его большие темные глаза, пылавшие гневом, проникали внутрь меня, как и глаза Рикарду. Но в этом взгляде были угроза и вызов: скажешь ли ты правду или соврешь?

— В Dekker Ward никому не позволено беседовать с прессой без разрешения руководства. А распространение подобных слухов — это предательство по отношению ко всем, кто здесь работает. Нашей компании пришлось немало потрудиться, чтобы заслужить безупречную репутацию в Латинской Америке. Такие слухи могут причинить нам колоссальный вред. Ты это понимаешь?

— Понимаю, и очень хорошо, — ответил я. — Но я уже сказал, что не общался ни с кем из журналистов. У меня вообще нет знакомых ни в одном финансовом издании. — Ярость распирала меня, рана снова заныла. — Неделию назад меня пырнули ножом, когда я был

в командировке, выполняя задание Dekker Ward. Я полагал, что могу рассчитывать на ваше доверие. Больше того: я считаю, что вы должны доверять мне.

Эдуарду смотрел на меня, плотно сжав губы.

— Надеюсь, что ты говоришь правду, — произнес он, — потому что если это не так...

— Я говорю правду! Извините, мне надо работать. — Я поднялся и вышел из офиса, спиной ощущая испепеляющий взгляд Росса-младшего.

Ему ни в коем случае нельзя рассказывать о новом факсе. Джейми прав.

За это утро на ковре у начальства перебивались почти все сотрудники. Атмосфера в операционном зале заметно изменилась. Я был не единственным, кто чувствовал себя оскорбленным.

Перед ленчем Рикарду подошел к нам.

— Ник, извини, мой брат был излишне резок.

Я уныло кивнул.

— Причем без всяких причин. У него нет никаких оснований обвинять меня в заговоре с прессой. В конце концов, это меня ударили ножом в Рио.

— Конечно. Не сердись. Мы доверяем тебе, можешь не сомневаться. Просто нам не улыбается быть связанными с заказными убийствами и наркотиками. Поэтому все немного на взводе. Но тебе не о чем волноваться. Ты прекрасно справляешься со своей работой, и мы об этом знаем. Забудем?

Он похлопал меня по плечу и направился к Дейву и Мигелу. Оба, похоже, тоже получили свою порцию.

Я посмотрел на Джейми.

— Эдуарду время от времени проделывает такие штуки, — сказал он. — Слетает с катушек и начинает бросаться на людей. А братцу потом расхлебывай. Сегодня вроде никто всерьез не пострадал.

Я все еще был зол. Но вскоре случилось нечто, что отвлекло мое внимание от убийства Бельдекоса, отмывания денег и Эдуарду. Случилась битва за Брейди.

Битва началась в среду, в семь пятнадцать утра. Мы сами затеяли эту войну. Точнее, это сделал Росс.

Поле боя стали мои аргентинские облигации.

Они представляли собой часть аргентинского плана, названного по имени главы американского казначейства Николаса Брейди. В начале девяностых годов банки, ссудившие Латинской Америке миллиарды долларов, согласились обменять непогашенные кредиты на облигации, которыми уже можно было оперировать на рынке. Такие ценные бумаги получили название облигаций Брейди. В последовавшие несколько лет большинство крупных стран Латинской Америки пошло по этому же пути, выпустив облигации Брейди на сумму более ста миллиардов долларов. Стоит ли говорить, что Dekker с радостью заня-

лась торговлей этими бумагами. Аргентинские дисконтные облигации были выпущены в соответствии с аргентинским планом в 1992 году.

В конце летучки Рикарду поделился новой идеей.

— «Аргентинки» уже давненько стоят довольно дешево и становятся еще дешевле. Никаких серьезных причин тому нет. План Кавалу по укреплению песо работает, а банковский кризис удалось загнать в управляемое русло. Во всяком случае, повторения мексиканского обвала не предвидится.

Имелся в виду кризис, поразивший Мексику после катастрофической девальвации национальной валюты в декабре 1994 года.

— Все это значит, что диско продаются ниже своей реальной цены. Нам известно, что Shiloh Fund вбросил на рынок тонны этих облигаций. На них-то нам и надо нацеливаться. Мы с Педру уже прикупили на двести миллионов, но это только начало.

Я чуть не задохнулся. Двести миллионов долларов! Значит, Рикарду не обманул, когда сказал, что дополнительно купил внушительный пакет «аргентинок». Я ощутил невольную гордость. Из всех облигаций на мировом рынке он выбрал мои и сделал их номером один. Я напряженно вслушивался в слова босса.

— Дисконтные облигации — самая незначительная из трех серий аргентинских эмиссий, всего-то на четыре миллиарда долларов. Но все равно, это чертова куча, из них миллиарда три находится на руках тех, кто их по нынешним ценам не продаст, — хотя бы

потому, что это себе в убыток. Так вот, если мы купим на миллионов четыреста-пятьсот, то рынок должен будет двинуться. И «аргентинки» выйдут на разумный ценовой уровень.

По рядам собравшихся прошел довольный смешок.

— Заманчиво, — сказал Дейв.

— Мы уже подключили наших клиентов? — поинтересовался Джейми.

— Пока нет, — ответил Рикарду. — Сегодня мы осторожно начнем расставлять биды, чтобы посмотреть, что можно прибрать к рукам. Но не подталкивайте клиентов к продаже, разве что они сами захотят. Всегда есть шанс промахнуться, а остаться в дураках не хотелось бы. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Что у нас еще?

Карлус Убеда, глава отдела рынков капитала, взял слово.

— Только один вопрос. Завтра нам нужно выходить с бидом на мексиканский контракт. Два миллиарда долларов, пять лет. — Карлус имел в виду, что мексиканское правительство намерено взять на рынке два миллиарда долларов под выпуск облигаций и теперь хочет, чтобы мы назвали цену бумаг, при которой мы согласились бы стать соуправляющими.

— Два миллиарда! Я думал, что они нацеливались на миллиард. Два — это огромная сумма. Почему так много?

— В этом году им придется выплачивать серьезные деньги по прежним долгам. К тому же ты знаешь мексиканцев. Они обожают показывать всему миру, что в состоянии проворачивать такие контракты, которые другим и не снились.

— Не самое удачное время тешить свое самолюбие. Какая доходность, по-твоему, нас устроит?

— Думаю, нам придется втискиваться в десять процентов.

Рикарду поморщился.

— Тесновато...

— Конкуренция серьезная.

— Хорошо. Итак, ребята, спрашивайте своих клиентов, что они слышали насчет Мексики. Может быть, удастся выяснить, с какими ценами подъезжают конкуренты. Но обязательно давайте всем понять, что мы считаем десятипроцентный доход минимальным для этой эмиссии.

Легучка закончилась.

Джейми подмигнул мне и потер руки.

— Сегодня развлечемся от души.

Джейми сел на телефон и принялся обзванивать своих постоянных клиентов. Он казался спокойным, словно это был еще один рядовой день, однако все беседы сегодня были четкими и конкретными, без обычной приятельской болтовни.

Сейчас он обсуждал наши цены с Крисом Фрюэром, инвестиционным менеджером лондонской группы Colonial and Imperial.

— Ты что-нибудь слышал о новой мексиканской эмиссии? — поинтересовался Джейми.

— Слышал. В Bloomfield Weiss намекнули, что скоро могут выйти на рынок с этим контрактом.

— Серьезно? О какой доходности речь?

— Чуть больше десяти процентов. Вы тоже в игре?

— В игре ли мы? — Джейми фыркнул. — Конечно, мы в игре! Я дам тебе знать, когда прояснятся детали.

— Эй, Джейми! Прежде чем положишь трубку, еще раз: бид на «аргентинки» 68,5?

— Верно.

— Думаешь, удержится, если выбросим на рынок облигаций миллионов на десять?

— Удержится и при десяти, и при пятидесяти, — сказал Джейми. Он понизил голос до шепота. — Но на твоём месте я бы пока не слишком торопился.

— Да? — В голосе Фрюэра почувствовался живой интерес. Парень был далеко не дурак. — А почему?

— Я мог бы развести бодягу на предмет экономических показателей и всякого такого прочего, но жалко времени. Скажу просто, что они пойдут вверх.

Фрюэр задумался на секунду.

— Хорошо. Пока придержу. Посмотрим, как лягут карты.

— Разумное решение. Кстати, Крис...

— Да?

— Надеюсь, ты не бросишься покупать?

Фрюэр рассмеялся.

— Конечно, нет. Держи меня в курсе.

Когда Джейми положил трубку, я задал ему вопрос, не дававший мне покоя.

— Слушай, а это вообще честно?

— Ты о чем?

— О том, что мы подталкиваем облигации вверх, но не даем нашим клиентам рекомендаций покупать.

Джейми улыбнулся.

— Мы же имеем дело не с акциями *British Telecom* на лондонской бирже. Это дикие, неосвоенные территории развивающихся рынков. Закон джунглей. Именно так ребята вроде нас и делают деньги.

— Понятно...

Принесли сэндвичи, я взял бекон и авокадо на итальянском хлебе. Сходил за кофе. Даже во время ленча звонки и разговоры не прекращались ни на секунду. Примерно в час дня раздался знакомый хлопок в ладоши. Я поднял глаза. Рикарду стоял посреди трейдерского квадрата и жестом баскетбольного судьи показывал: тайм-аут. Гудение голосов тут же смолкло, а телефонные трубки легли на рычажки. Все повернулись в сторону шефа.

— Итак, *compañeros*, мы набрали диско на триста сорок миллионов по средней цене шестьдесят восемь с половиной. Пора выходить в люди. Сначала предлагайте своим лучшим клиентам. Шарлотта в течение часа должна подготовить аналитический отчет. С этой минуты все облигации, которые Педру удастся прибрать к рукам, пойдут на покрытие клиентских заказов. Дадим нашим поучаствовать. На данный момент мы

уже выбрали все облигации, вброшенные Shiloh Fund. Теперь рынок должен задергаться, а цена пойдет вверх.

Все присутствующие оживились.

— Что у нас есть по Мексике?

— Судя по слухам, чуть выше десяти процентов, — сказал Джейми.

— Чья цена?

— Bloomfield Weiss. Они, похоже, уверены, что за-получат контракт.

Рикарду нахмурился.

— Что ж. Всем быть начеку. И, главное, не дать никому на рынке даже *мечтать* о доходности меньше десяти процентов.

Джейми снова сел за телефон. Фрюэр довольно хохотнул и купил на двадцать миллионов. К этому времени в игре уже были Нью-Йорк, Майами и все южноамериканские столицы. Андреа Геллер из небольшого хедж-фонда в Нью-Йорке тоже взяла на двадцать. Алежу купил на целых пятьдесят миллионов.

Алежу был самым крупным клиентом Джейми. Серьезный игрок. Работал он из Майами, но оперировал капиталами одной из богатейших семей Мексики. Все контракты с ним, понятное дело, проходили через номерные счета Dekker Trust. Судя по всему, Джейми работал с Алежу еще в бытность свою в Gurney Kroheim и, перейдя в Dekker, привел туда и своего клиента.

За свои пятьдесят миллионов Алежу взял облигации по шестьдесят восемь с половиной.

— Ты вроде говорил, что цена пойдет вверх, — удивился я.

— Не переживай, — успокоил меня Джейми. — Дай время. Своим людям мы должны дать хорошую цену.

Я обвел взглядом операционный зал. Гул нарастал с каждой минутой. Гудели голоса, звонили телефоны, по всем направлениям летали облигации. Это было пьянящее чувство. Гигантская машина разогналась и, казалось, ничто не сможет ее остановить.

Но, как выяснилось, наша машина сегодня была не единственной на трассе.

— Предлагают за диско шестьдесят восемь!

Все повернулись в сторону Педру. Он возбужденно втолковывал что-то боссу, который, нахмурившись, слушал.

— Что происходит? — крикнул Дейв.

— Понятия не имею! — Педру провел рукой по зализанным волосам. — Предложения облигаций сыплются на меня со всех сторон! — Он схватил трубку звонившего телефона, навис над ним и с силой швырнул трубку на рычажки.

— Эй! Почем отдашь десять диско?

Педру поскреб подбородок.

— Шестьдесят семь с половиной!

Цена падала на глазах. Педру продавал все дешевле, но продавал. На экране мигали зеленые цифры.

Шестьдесят семь с половиной. Шестьдесят семь. Шестьдесят шесть с половиной.

— Боже, — выдохнул Джейми. — У нас же их на пятьсот миллионов.

Пятьсот миллионов! При минус двух пунктах. Посчитать было нетрудно.

— Мы в полете на десять миллионов.

Джейми мрачно кивнул.

Рикарду мерил шагами зал. Задержался около нашего стола.

— Не понимаю, что творится. Кент только что говорил с людьми из *Shiloh Fund*, у них не осталось ничего. Кто-то еще сбрасывает в рынок эти облигации. Нам нужно выяснить — кто именно.

— Попытаюсь разузнать, — сказал Джейми. Секунду он раздумывал и еще раз перезвонил Фрюэру в Colonial and Imperial.

Крис был вне себя.

— Что происходит? Сегодня утром я собирался продать кое-какие облигации, а теперь у меня их на двадцать миллионов больше, чем было, причем с убытком в два пункта. В чем дело?

— Спокойно, Рикарду уже занялся этим. Все будет хорошо, я тебе обещаю. Слушай, сделай одолжение...

— Черта лысого! Я хочу выскочить из этого дурдома.

— Да выскочишь ты. Через пару дней. Мне просто нужно выяснить, что происходит.

— Тебе, черт дери, раньше нужно было знать, что происходит!

— Позвони в Bloomfield Weiss, скажи, что подумываешь, не купить ли тебе аргентинские дисконтные облигации.

Оба умолкли. Фрюэр обдумывал просьбу Джейми, со страдальческим лицом прижимавшего трубку к уху.

— Хорошо, — наконец сказал Фрюэр. — Я перезвоню.

— Хочется верить, что мы не грохнулись по полной программе, — сказал Джейми, обращаясь ко мне. Он сидел, не сводя глаз с телефона, но и не прикасаясь к нему. Сейчас не было ничего важнее, чем этот звонок. Мы прождали пять минут, которые тянулись как часы. Потом прямая линия с Imperial and Colonial замигала, и Джейми схватил трубку.

— Да!

— Bloomfield Weiss эти бумажки даром не нужны. Сказали, что у них есть какая-то компьютерная программа, и она рассчитала, что доход будет на полпроцента ниже, чем ожидалось. Сейчас сбросят факс.

— Ты можешь переслать мне копию?

— Могу, — сказал Фрюэр. — Но что мне-то делать?

Джейми подмигнул мне.

— Смотри сам: они сейчас подешевели на два пункта. Почему бы не прикупить еще? У Bloomfield Weiss?

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен. Я же тебе сказал, у Рикарду все под контролем.

В итоге Фрюэр решил купить еще двадцать миллионов у Bloomfield Weiss.

Но прежде он отправил нам полученный им факс. Я пошел к аппарату и принес факс Джейми. Аналитическая записка была написана каким-то доктором наук. Ученый муж жонглировал трехэтажными формулами, доказывая, что метод, которым все пользовались при оценке доходности аргентинских дисконтных облигаций, никуда не годился. В его доказательствах я, естественно, ни черта не понял. Но было понятно одно: Bloomfield Weiss пытается нас нагреть.

— Полная хрень, — сказал Джейми.

— Ты что-нибудь понял?

— Конечно, нет. Но в этом-то вся и фишка. Пошли к боссу.

Босс говорил по телефону, но, увидев выражение лица Джейми и то, как он держал факс, положил трубку. К нам подошел взмыленный Педру. Это был явно не лучший его день.

— И что у вас? — спросил Рикарду.

Джейми вручил ему факс.

— *Sarajo**, — пробормотал Рикарду, быстро пробежав его глазами и передав Педру. После чего обратился ко мне: — Сделай копию для Шарлотты. Нужно,

* Здесь: Проклятье! (*португ.*).

чтобы ее люди подготовили ответ. Чтобы остановить потоп, нужны какие-то приемлемые цифры.

Я молча кивнул, но остался стоять на месте. Мне очень хотелось услышать, что же собирается делать босс. Он не стал меня торопить.

— Так. Значит, Bloomfield Weiss из кожи вон лезет, чтобы нас поиметь, — сказал Рикарду. — Они затопили рынок нашими облигациями и вдобавок навешали лапши на уши своим клиентам, чтобы те тоже бросились продавать. Они действительно намерены сломать нам хребет. А капиталов у них в десять раз больше нашего. Почему сейчас идут диско?

— Шестьдесят шесть с половиной к шестидесяти семи.

— И сколько их у нас, на восемьсот пятьдесят миллионов?

— Восемьсот пятьдесят шесть.

Ситуация становилась неуправляемой. Мы закупили облигаций на сотни миллионов, а Bloomfield Weiss выбрасывала на рынок все новые и новые порции. Цена катилась вниз. Это означало, что продавцов было гораздо больше, чем покупателей. И еще это означало, что Bloomfield Weiss берет верх.

А силенок у них было достаточно. Имея в десять раз больше капиталов, они могли позволить себе позицию гораздо большего масштаба, чем Dekker. Мы не могли вечно покупать и покупать диско. Но Bloomfield Weiss могла сколь угодно долго их продавать.

Впервые за день Рикарду выглядел озабоченным всерьез. Он хмурился и без конца крутил кольцо на

пальце. Подозвав трейдеров, он рассказал о сложившейся ситуации.

— Мы не можем позволить им выиграть схватку, — сказал он. — Зрителей слишком много. Весь мир сейчас видит, что происходит. Потому-то в Bloomfield Weiss и обнародовали информацию. Они хотят, чтобы все знали: эта драка между ними и нами. Облигации *обязаны* подняться.

— А мы не можем продолжать покупать? — спросил Дейв.

Рикарду покачал головой.

— Мы и так исчерпали свой лимит. Кое-что можно провести через Dekker Trust, но долго удерживать такую позицию мы не в состоянии. Если мы все-таки решим продолжать покупку, то должны быть уверены, что это работает.

Джейми объяснил мне, что биржевые контролеры установили лимиты на максимальный размер любой позиции в облигациях. Dekker научился обходить эти лимиты, но сейчас Рикарду не был склонен зарывать еще дальше.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Дейв. — Эмиссия была на четыре миллиарда долларов, а мы знаем, что три миллиарда из них находятся на тех счетах, где их никогда не станут продавать. Значит, облигаций остается на один миллиард, и большинство из них уже у нас. Откуда же Bloomfield Weiss берет те, что выбрасываются на рынок?

— Значит, продают без покрытия, — сказал Педру. — Если бы у них действительно было такое количество облигаций, я бы об этом знал.

— Берут в долг, — сказал Рикарду. — Интересно, у кого.

Воцарилось молчание. Bloomfield Weiss затопил рынок облигациями, которых не имел. Педру предположил, что облигации *продаются без покрытия*. Это означает продавать бумаги, заняв их у какого-нибудь доброжелательно настроенного держателя. Конечно, если такой дружественный держатель потребует свои облигации назад, Bloomfield Weiss придется выкупать их на рынке. Сейчас они играли на то, что цена будет падать, и они смогут снять хорошие пенки. А заодно, если удастся, выдавить Dekker с рынка.

На кону стояли не просто пятнадцать-двадцать миллионов долларов, хотя это и очень серьезные деньги. Ставка была куда выше: будущее Dekker Ward в Латинской Америке.

Мой мозг заработал в лихорадочном темпе. За последние несколько дней я прочитал кое-какие рыночные журналы периода 1992 года, когда Аргентина вела переговоры по плану Брейди. Я концентрировался в основном на появлении дисконтов.

— Это может быть Торговый банк США, — хрипло произнес я.

Все повернулись ко мне. Я откашлялся.

— Торговый банк США. В 1992 году ему принадлежала львиная доля аргентинских банковских долгов. Во время переговоров по плану Брейди американцы настояли, чтобы принадлежащие им долги были кон-

вертированы в дисконты. По каким-то причинам они предпочли именно этот тип облигаций. Возможно, эти бумаги в банке и по сей день.

Все молчали. Рикарду внимательно смотрел на меня.

— Карлус! Иди-ка сюда.

Убеда оторвался от бумаг и заспешил к нам.

— Торговый банк США, если не ошибаюсь, уже давно пытается вклиниться в наш рынок. Так?

— Да. Доверия к ним, однако, нет. За прошлый год они получили только два контракта.

— Как они отнесутся к тому, чтобы стать одним из лид-менеджеров в крупнейшем контракте года?

— С восторгом и без вопросов.

— Надеюсь, что ты прав, — мрачно сказал Рикарду и снял трубку.

Я отошел, чтобы наконец сделать Шарлотте копию факса из Bloomfield Weiss. Просмотрев документ, она уверенно заявила, что это чушь собачья и что у нее есть крутой физик-ядерщик, способный это доказать. Я вернулся в центр зала. Все трейдеры притихли и напряглись, ожидая развязки. Фрюэр и Алежу звонили снова, чтобы попытаться понять, что происходит. Джейми мастерски ушел от прямых ответов. На Педру обрушивались все новые порции облигаций. Остальные старались залечь на дно и как можно меньше шевелиться.

Рикарду пришлось сделать несколько звонков. Педру пока удерживал цену на шестидесяти шести, но нас это больно било по карману.

Наконец в шесть часов Рикарду положил трубку и хлопнул в ладоши. В зале воцарилась мертвая тишина. Все телефонные разговоры оборвались разом.

— Ник прав. Торговый банк США держит аргентинских диско на семьсот миллионов долларов. И они с превеликим удовольствием одолжили Bloomfield Weiss бумаги. Во всяком случае, так было до сих пор. Через час Bloomfield Weiss получит требование вернуть диско на все семьсот миллионов обратно в Торговый банк. К двенадцати часам завтрашнего дня. И есть только одно место, где они могут эти облигации выкупить. Здесь. У нас.

По залу прошел злорадный смешок.

Dekker Ward скупала облигации до поздней ночи.

Снова семь пятнадцать утра. Поспать мне удалось от силы пару часов. Остальные, судя по лицам, спали не дольше. Но все были полны сил и рвались в бой. Мы собрались вокруг Рикарду.

— Итак, *compañeros*, мы затаились на миллиард двести, — сказал он. Мы затаили дыхание. Это была огромная сумма, даже по меркам Dekker. — Облигации пока стоят на шестьдесят семь. Bloomfield Weiss с радостью спланировала все, что мы могли купить до закрытия рынка в Нью-Йорке. Потом она внезапно затихла. Интересно будет увидеть, как оно пойдет сегодня.

Все довольно заулыбались.

— Теперь: что с мексиканским контрактом?

— Переговоры о цене пока дали десять процентов с четвертью, — сказал Мигел. — И Bloomfield Weiss, похоже, уверена в том, что его заполучит.

— Заполучить контракт должны мы.

Шарлотта осторожно кашлянула. Рикарду поднял руку.

— Спокойно, я знаю, что Мексика для нас выглядит сейчас несколько сомнительно. Не самый подходящий момент, чтобы продавать их долги, да еще на два миллиарда. Но мы уже поделили будущий контракт с Торговым банком, что уменьшает риск ровно вдвое. А сегодняшний день может стать днем, когда с Bloomfield Weiss в Латинской Америке будет покончено навсегда. Мы войдем в игру на девять и три четверти процента — и выиграем контракт. Возражений нет?

Джейми страдальчески поморщился. Продавать мексиканцев предстояло ему. Даже я понимал, что при такой доходности бумаг это будет очень непростым делом. Он открыл было рот, но передумал и промолчал.

— Прекрасно, — Рикарду потер руки. — А теперь пошли делать деньги.

Суеты, шума и звонков в этот день было предостаточно. Но только два звонка имели значение. Первый раздался в одиннадцать-тридцать. Звонил главный трейдер Bloomfield Weiss. Ведущие трейдеры крайне редко напрямую выходят друг на друга, но сегодня у него не было выбора. Его интересовало, по какой цене Dekker может предложить аргентинские дисконты на сумму семьсот миллионов долларов.

В зале все понимали, что происходит. Мы замерли, не сводя глаз с Рикарду.

— Семьдесят два.

Пауза.

Потом Рикарду положил трубку.

— Аргентинские дисконтные облигации на семьсот миллионов. Продано по семьдесят два!

Раздался общий рев восторга. В эту секунду счета Dekker Ward пополнились тридцатью пятью миллионами чистой прибыли.

Второй звонок раздался гораздо позже, около семи вечера по лондонскому времени. Dekker Ward и US Commerce Bank получили мандат на продажу еврооблигаций Соединенных Штатов Мексики на сумму два миллиарда долларов с доходностью бумаг в девять и три четверти процента. Эмиссия должна была состояться в следующую среду.

Наш биржевой дьявол окончательно выдал Bloomfield Weiss с поля боя. А нам предстояло продать чертову уйму облигаций.

12

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

Битва за Брейди выманила лорда Кертона на Кэнери Уорф, куда он прибыл, чтобы устроить парадный смотр своим победоносным войскам. Он был председателем совета директоров Dekker — пост, который он унаследовал от своего отца двенадцать лет назад. Существовала четкая договоренность, сводившаяся к тому, что Рикарду имеет полную независимость, собственный офис на Кэнери Уорф и пятьдесят процентов приносимой его группой прибыли для себя и своих людей. Кертон получал оставшиеся пятьдесят процентов, а равно и чувство удовлетворения от того, что Dekker превратилась в одну из самых успешных брокерских фирм в Лондоне. Друг к другу они относились с подчеркнутой вежливостью и опасливой осторожностью.

Сейчас оба подошли к нашему столу.

— Вы уже знаете Джейми, — сказал Рикарду. — Однако, вы еще не знакомы с Ником Эллиотом, нашим новым сотрудником. Это он выяснил, у кого Bloomfield Weiss одалживала свои облигации.

Я чуть не лопнул от гордости.

Лорд Кертон пожал мне руку и посмотрел прямо в глаза. Высокий, спортивного вида мужчина лет сорока, светлые вьющиеся волосы закрывали уши и шею. На нем был двубортный костюм в крупную полоску.

— Великолепная операция, Ник. Рады видеть вас на борту.

— Мне тоже очень приятно работать здесь.

— Превосходно, превосходно, — он с таким любопытством оглядывал зал, словно надеялся найти ключ к нашему триумфу где-то под одним из столов или за шторой на подоконнике. Через полчаса он отбыл.

— Как визит коронованной особы, — сказал я Джейми.

Он рассмеялся.

— Примерно так и есть. Кертон здесь вроде монарха. Небесполезная протокольная фигура, не имеющая реальной власти и понимающая, что если она будет путаться под ногами, то лишится трона в одно мгновение. Но он не дурак. Он знает, что если не трогать Рикарду, то его величеству останется только расслабиться и считать барыши. Неплохая работенка — я бы не отказался.

Лампочка на телефоне замигала. Звонил Алежу. Он продал Джейми ранее купленные у него аргентин-

ские диско, сделав четыре пункта прибыли. Хотя почти весь разговор шел на испанском, голос Алежу звучал брезгливо-высокомерно. Крис Фрюэр, звонивший чуть раньше, был в полном восторге.

— Неблагодарная сволочь, — сказал я.

— Что есть, то есть, — сказал Джейми. — Но заказы он делает солидные, так что я не в претензии. Ты видел, сколько мы наварили за последние пару недель.

Это было правдой. Алежу покупал и продавал — и всегда по крупной. Иногда и на пару сотен миллионов. Каким бы он ни был дерьмом, такого клиента стоило ублажать.

На велосипеде я добрался до бара, где мы договорились встретиться с Изабель, за несколько минут. Мы не скрывались, но и не слишком хотели привлекать к себе внимание. А нас непременно бы заметили, если бы мы вышли вместе из офиса или устроились в соседнем баре, где наша компания собиралась по пятницам.

Заведение, где я сидел сейчас, большое и шумное, было переделано во время бурной яппификации старых доков. Сейчас здесь было полно молодых, хорошо одетых людей, потягивавших дорогое пиво. Кто-то заскочил сюда по дороге домой с Канэри Уорф. Другие уже были аборигенами, переехавшими в здешние сверхдорогие квартиры с видом на море. Классическим типам из Ист-Энда тут места не было.

Несмотря на приличный костюм, я, однако, чувствовал себя не в своей тарелке. Я привык к пабам

в Блумсбери или Кентиш Таун, где потрепанного вида посетители негромко толковали о своем, прихлебывая пиво из кружек.

Изабель появилась почти сразу вслед за мной. На прошлой неделе нам практически не удалось поговорить: я все время проводил за столом Джейми, да и сама она была занята сверх головы.

Я подозревал, что ей непросто было решиться на служебный роман. Я ее понимал и не хотел подталкивать девушку к какому-то решению.

Я заказал две бутылки «Будвара», за который здесь ломили невероятную цену, и мы пристроились на высоких стульях в самом конце длинного стола.

— Долгая выдалась неделька, — я отхлебнул пенный напиток. — Да и позапрошлая, пожалуй, тоже. У меня такое чувство, что я в Dekker уже целый год. У вас так всегда?

— Как правило, — отозвалась Изабель. — Всякий раз что-нибудь да случается.

— Ты работаешь над новыми контрактами по *favelas*?

— Да. Проект в Сан-Паулу представляется вполне интересным. — Она вздохнула. — Но очень трудно заставить себя вкладываться в работу после того, что случилось в Рио.

— Да уж, понимаю.

— До сих пор не могу в это поверить. — Ее лицо порозовело от злости. — И, главное, не могу поверить, что Рикарду оказался способен на такое. Ну хорошо,

пусть я прокололась. И контракт уплыл. Но это же не повод наказывать людей!

— Не повод. В самолете я говорил с Рикарду об этом.

— И что?

— Сказал, что проект хорош, но нужно было прочесть Bloomfield Weiss. Сказал, что у него не было выбора.

— Чушь!

— Мне самому трудно понять. То, чем я занимался раньше, не имело ничего общего с деньгами. Вечные ценности, разумное, вечное... Я учил студентов языку, литературе. Платили ровно столько, чтобы кое-как держаться на плаву. А сейчас все нацелено на деньги. Для себя, для компании. Если что-то сулит выгоду, мы этим занимаемся. Не сулит — или сулит, но не нам, — в мусор. Ни нам, никому.

— А чего ты ожидал?

— Наверное, именно этого. Просто привыкнуть оказывается не очень просто.

— Это грязный бизнес. Я надеялась, что хотя бы этим одним проектом добьюсь чего-то действительно полезного и заодно заработаю деньги для Dekker. Дурра, что говорить. — Она вздохнула. — Ну да что теперь убиваться. Задавать вопросы морального характера в нашем деле — не слишком приятное занятие, Ник. Ответы могут не понравиться.

Я знал, что она права. Но я получал какое-то извращенное удовольствие оттого, что Изабель, разде-

лявшая многие мои взгляды, все-таки нашла способ примириться с существующим положением дел. Работа в Dekker Ward затягивала меня, и я настроен на успех. Если Изабель смогла договориться со своей совестью, смогу и я.

Но было и еще кое-что...

— Как ты считаешь, Dekker занимается отмыванием денег?

Изабель ненадолго задумалась.

— Вряд ли. Рикарду часто ходит по самому краю, но он знает, когда и где нужно остановиться. Отмывание денег — это серьезный конфликт с законом. Если прихватят, проблем не оберешься. Он вложил слишком много сил в то, чтобы создать себе репутацию человека агрессивного, но законопослушного. Не думаю, что он будет рисковать.

Я внимательно слушал. Она говорила искренне, а ее мнению я доверял.

— А почему ты спросил? Статья в *IFR*?

— Да. И Джек Лэнгтон. Помнишь про Dekker и наркоторговцев в Рио?

— Я знаю, что за этими словами ничего не стоит, — заупрямилась Изабель. — Мне известно абсолютно все, что мы делаем в Бразилии.

— Хорошо. Но дело не только в этом, — сказал я. — Тебе известна девичья фамилия Люсианы?

Это был вопрос, который вертелся у меня на языке с тех пор, как я познакомился с Люсианой на вечеринке у Рикарду. В суматохе последней недели я решил

его отложить на потом. Но сейчас я хотел услышать ответ.

Изабель выглядела озадаченной, но все-таки ответила.

— Араган. Люсиана Пинту-Араган.

— Так я и думал, — сказал я. — Значит, Франсиску Араган ее брат?

— Брат.

Она подтвердила мою догадку. Бразильский финансист, упомянутый в факсе. Тот самый, которого Управление по борьбе с наркотиками подозревало в отмывании наркодолларов.

— В чем дело, Ник?

Я рассказал о втором факсе и о том, что скорей всего его украли из стола в мое отсутствие. И о том, с какой настойчивостью Эдуарду требовал, чтобы о новых факсах для Бельдекоса я сообщал ему, и только ему.

Изабель жадно ловила каждое мое слово.

— И что ты обо всем этом думаешь? — поинтересовался я.

— Даже не знаю.

— Но ведь что-то явно происходит.

— Судя по твоему рассказу — да. И все-таки я не могу поверить, что Рикарду в этом замешан. Это на него не похоже.

— Франсиску Араган его шурин.

— Это верно. Однако Рикарду до сих пор прилагал все усилия к тому, чтобы не иметь с ним никаких дел. Здесь я двумя руками «за». У Арагана очень нехорошая

репутация в Бразилии. И отец говорил что-то похожее. Dekker всегда держался от него подальше.

— Публично — да. Но разве не могли по-тихому открыть ему счет в Dekker Trust?

На лице Изабель отразилось сомнение.

— Технически это не сложно. И все-таки не думаю... Это против всех его правил. Понимаю, это звучит довольно смешно, но у Рикарду есть правила, которые он никогда не нарушает.

— Хорошо, а его брат?

— Возможно. Он не признает никаких правил.

— И он управляет Dekker Trust, так ведь?

— Да. Так что для него было бы несложно выстроить такую цепочку. Однако здесь есть одно «но».

— А именно?

— Они с Люсианой крепко не в ладах.

— Хм, — сказал я. — Но ведь речь о чисто деловых отношениях. Я уверен, что Эдуарду способен перешагнуть через личную неприязнь, если это сулит ему деньги.

— Наверное, — сказала Изабель. — Но его брат никогда не одобрил бы подобные вещи.

— Если бы узнал.

Мы допили пиво.

— Еще по одной?

Изабель рассеянно кивнула. Она переваривала услышанное.

Я взял в баре еще две бутылки «Будвара» и вернулся к столу.

— Так что мне делать? Эдуарду я ничего не сказал. Джейми вообще считает, что мне надо обо всем забыть.

— Сложный расклад, — сказала Изабель. — Думаю, Эдуарду говорить действительно не стоит. Слишком велика вероятность, что он во всей этой игре. Тогда ты окажешься в опасности.

— Ты хочешь сказать, если бы он узнал, что я подозреваю его в отмывании денег? — Я не произнес этого вслух, но, похоже, я серьезно влип.

— Да. Но на твоём месте я поговорила бы с Рикарду.

— И ты считаешь, он ничего не скажет брату?

— Может и сказать. Но все-таки.... Не думаю, что он тоже замешан. А знать бы ему следовало.

Довериться Рикарду? К этому, пожалуй, я был не готов.

— А если обратиться в соответствующие органы?

Изабель резко выдохнула.

— А вот этого тебе никогда не простят. Тебя сочтут предателем. И, кстати, будут правы. Нет. Я считаю, сначала нужно поговорить с Рикарду.

— Хм...

— И?

— Я подумую.

Я действительно намеревался обдумать ее слова. Но в то же время я был уверен, что самым правильным — по крайней мере пока — было бы сидеть тихо.

Мои подозрения насчет смерти Бельдекоса и собственного приключения в Рио сейчас казались куда как более обоснованными. Но я не хотел обсуждать это с Изабель.

Ей это могло показаться дурной мелодрамой. Мне было плевать, что обо мне подумает Джейми, но совсем не хотел, чтобы любимая девушка считала меня параноиком.

И все-таки мне хотелось побольше узнать о человеке, который все чаще и чаще представлялся мне моим предшественником во всей этой истории.

— Каким он был, этот Мартин?

— Вполне милый человек, — ответила Изабель. — Тихий, даже немного робкий. Полностью отдавался работе.

— Он ведь был американцем?

— Да. Из Майами. Работал там в отделении какого-то крупного банка, специализировавшегося на частных счетах латиноамериканских клиентов.

— А чем конкретно он занимался здесь?

— Не могу сказать. Кажется, официально он числился в Dekker Trust. Половину времени проводил здесь, вторую половину — на Каймановых островах. Они с Эдуарду работали над каким-то проектом, я о нем ничего не знаю. Но он явно имел отношение к Dekker Trust. Расспрашивал о наших клиентах, имевших там счета. — Изабель на мгновение умолкла. — То, что с ним произошло... Это ужасно. Ему было всего тридцать.

— Семья? — спросил я.

— Родители. Еще, кажется, брат и сестра. Они в Майами. Даже жениться не успел... — Она осеклась. — То же самое едва не случилось с тобой...

Я кивнул. Теперь она знала, о чем я думал все это время.

13

— Я ушел с факультета.

На моей вилке висел кусок пережаренной свинины. Я сунул его в рот и принялся жевать. И жевать. И жевать. Моя мать никогда не умела готовить.

— Ты это серьезно, дорогой? — спросила она, удивленно подняв брови.

— Бог мой! Когда это случилось? — громогласно спросил отец.

— С месяц назад.

При нормальных отношениях было бы естественным спросить: «Что ж ты раньше не сказал?» Но у нас нормальных отношений не было. Я давно прекратил попытки обсуждать с родителями любые серьезные вопросы, да и сами они к этому не стремились.

Мы сидели в небольшой квадратной столовой в коттедже, который мои родители купили в Норфолке после того, как отец вышел на пенсию. Хотя апрель уже

2589

6308

4986

3527

кончался, было довольно холодно. Когда ветер дул с севера или востока, здесь всегда было холодно — между Северным полюсом и коттеджем практически не было естественных преград. Мы с матерью надели теплые свитера, отец — старый твидовый пиджак.

Мое заявление прозвучало во время небольшой паузы, возникшей в разговоре. Вернее, в монологе. Отец сел на любимого конька: Европа, старые приятели из Сити, леди Тэтчер (титул пристегивался всегда) и крикет. Этот набор не менялся годами, разве что Европа потеснила профсоюзы в качестве основной мишени его ненависти. Он ел и говорил одновременно. Лицо его при этом краснело, на скулах ходили желваки. От нас не требовалось участия, только присутствие. Я не раз думал, а говорят ли они между собой, оставаясь вдвоем. Вывод был неутешительным. Дни, месяцы и годы, проведенные в молчании за столом.

— И что ты собираешься делать? — хмуро поинтересовался отец.

Я ждал этого вопроса, но в этот момент как раз с трудом проглотил не поддающийся пережевыванию кусок мяса и прислушивался, как он с трудом, но все-таки протискивается в мой организм.

— Буду работать в Dekker Ward, — наконец сказал я.

— Dekker Ward! Но это же биржевые маклеры? — Отец отложил вилку и расплылся в широкой улыбке: — Молодец, сынок! Молодец! — Он потянулся через стол и пожал мне руку, немало меня смутив. — Я их прекрасно знаю. Мы приятельствовали со старым

лордом Кертоном. Сейчас, он, наверное, на пенсии. Кажется, они занимались плантациями. А в этом деле можно заработать кучу денег, если поймать нужный момент. Кучу денег.

— По-моему, старый лорд Кертон умер, отец. — Мой родитель любил, когда я называл его отцом. — Председатель правления теперь его сын, Эндрю.

Отец с удвоенной силой набросился на свинину. Сегодня у него был праздник.

— Сына не помню. Наверное, еще ходил в школу. Жаль, что старины Джеральда больше нет. — Он отхлебнул воды. — Рассказывай, дружище, что тебя заставило на это решиться?

— Деньги, отец. Мне нужны деньги.

— Деньги ты зарабатываешь, и сколько захочешь. Сити нынче купается в деньгах. Башковитый молодой человек вроде тебя может сколотить состояние. Я принесу вина. Это надо отметить. — Он встал из-за стола.

Мать, нахмурившись, не сводила с меня глаз.

— Но почему? — еле слышно прошептала она.

— Я на нуле, — так же шепотом ответил я.

Мать кивнула. Для нее это было понятно. Когда мы жили в графстве Суррей, нас бросало от весьма обеспеченной жизни к необходимости экономить каждый пенни. Какое-то время я думал, что это все из-за меня. Я ходил в местную школу, которая довольно скоро стала частной. Мне там очень нравилось. Учителя были превосходными, наша команда регбистов была одной из лучших, я обзавелся хоро-

шими друзьями, а знания, полученные в школе, позволили поступить в Оксфорд. Но все равно меня не покидало чувство вины. Дело было в деньгах. Приходившие из школы счета всегда вызывали у отца раздражение. Я не мог понять почему. Он был биржевым маклером, как и отцы многих моих соучеников, и оплата этих счетов не составляла для него труда. Теперь я почти уверен, что недовольство отца было вызвано его неудачной игрой на бирже, но тогда мне казалось, что во всех финансовых бедах нашей семьи виноват я.

Отец вернулся с бутылкой красного аргентинского. Аргентинское. В десятку. Теперь он без умолку тараторил о старых колониальных акциях, которыми в его время занимался Dekker Ward.

Спустя несколько минут я решил мягко поправить его.

— Сейчас, отец, они в основном работают с Латинской Америкой. И подумывают о том, чтобы развернуть бизнес в России. Поэтому меня и пригласили.

— Что ж, это превосходно.

Отец принялся распространяться о сделках, которые он проворачивал, и о людях, с которыми был знаком, перемежая свою речь афоризмами вроде «в мае продать — горя не знать» и «никогда не доверяй человеку, чей галстук светлее, чем его кожа». Я изучал поверхность обеденного стола, испещренную следами моих школьных занятий. Вмятины от шариковой ручки. Самыми заметными были «окт 197» и «5x + 3».

После кофе я попросил маму показать мне ее последние работы. Она счастливо улыбнулась и повела меня в студию. Отец остался на кухне мыть посуду.

Еще пять лет назад ее картины представляли собой просторные ландшафты Норфолка, сделанные в слегка импрессионистской манере. С тех пор они стали гораздо более темными, дикими, с вихрями туч, окружавших одинокие фигуры на берегу, конца которому не было видно. Каждая картина в отдельности настораживала. Но когда вокруг тебя их были десятки, это пугало всерьез. Подобное ощущение я, пожалуй, испытал только в Национальной галерее на выставке Эдварда Мунка несколько лет назад.

Эти картины меня всерьез беспокоили. Ее работы почти наверняка были очень талантливы, но они словно высасывали из нее жизнь.

— Ты пробовала еще какие-нибудь галереи, мама? — спросил я.

— Дорогой мой, я тебе уже говорила: ни одна из здешних галерей их и видеть не хочет.

— А лондонские?

— Не смей меня. Кому они там нужны.

Я не был в этом уверен. Мне казалось, что должны найтись люди, которых эти полотна привели бы в восторг. Но она всегда рисовала для себя. Не для других.

Мы остановились у одной особенно мрачной работы с почерневшим остовом разбившегося корабля, наполовину проглоченного прибрежными песками.

— Мне жаль, что тебе пришлось оставить литературу, сынок.

— Ничего я не оставил. Читаю по-прежнему. А когда заработаю денег, то так или иначе вернусь к ней. Я уверен.

— Что ж... Только пообещай мне...

— Что?

— Не жениться на женщине, работающей в финансах.

Что я мог на это ответить? Меня охватила печаль. Я взглянул на мать. Ширококосулое, умное лицо под волосами, едва тронутыми сединой. Она все еще была привлекательной, а на свадебной фотографии, висевшей в гостиной, выглядела просто красавицей. Наверное, они любили друг друга до женитьбы, хотя из детства мне помнились только короткие обмены колкостями, которые позже переросли в ссоры. С тех пор как я уехал отсюда, в доме воцарилось молчание.

Отец подбросил меня до Кингз Линн. Когда я выходил из машины, он внезапно окликнул меня.

— Ник?

— Да?

— Если что-то услышишь о хороших акциях, дай знать старику, хорошо?

Он подмигнул.

Я вымученно улыбнулся и захлопнул дверцу автомобиля. В поезде, уносящем меня прочь, я почувствовал огромное облегчение.

Безлюдные вересковые пустоши пролетали за грязными окнами поезда. Я думал о том Сити, каким видел его мой отец. Ланчи, выпивки, разговоры, взаимовыручка, попытки выловить хорошую сделку. Это было так непохоже на безупречно отлаженную работу машины под названием Dekker, крутящейся в сверкающей гигантской башне и перегоняющей миллиарды долларов с одного конца планеты в другой. Но были и общие постулаты. И в его мире, и в моем сделка была всем. Ты помогал друзьям, давил врагов и добывал самый лучший контракт. А потом казался себе очень опытным и очень умным.

Из нависших мрачных туч на пустоши хлынул дождь, тяжелыми сердитыми каплями забарабанивший по окнам. Я откинулся на спинку сиденья. Сейчас я не казался себе таким уж умным.

14

В понедельник я с утра пораньше уныло крутил педали. Погода нашептывала свои уныло-морозящие секреты, работать не хотелось. Когда я, мокрый до нитки, наконец добрался до сорокового этажа, летучка была в разгаре.

Рикарду, словно дожидавшийся его прибытия, кашлянул в кулак.

— Думаю, вы все уже читали статью в последнем номере *IFR*, — начал он. — Содержание ее меня несколько не волнует, за исключением того, что эта грязная стряпня оскорбительна для памяти Мартина и его семьи. Однако меня все-ррез волнует тот факт, что один из нас говорил с репортером и предоставил ему крайне неблагоприятную информацию о нашей компании. Этого человека мы уволили.

По рядам собравшихся прокатился рокот. Каждый осматривался по сторо-

нам, пытаясь понять, кого же нет сегодня в зале. Вскоре невнятное бормотание вылилось в отчетливое слово: Дейв. Дейв! Почему он это сделал? И что он сказал?

— Этот человек не только не будет больше работать в Dekker. Он никогда не сможет работать на рынке облигаций. — Голос Рикарду звучал ясно и отчетливо. — Он нарушил договор о конфиденциальности, который вы все подписывали, поступая на работу в Dekker Ward. Он также потерял свою долю в нашем трастовом фонде. Его предупредили о недопустимости дальнейших контактов с прессой. На рынке станет известно, что он был уволен за то, что допустил большие убытки на неудачных сделках и затем скрыл этот факт. Мы надеемся, что каждый из вас в случае необходимости это подтвердит.

Все молчали. Дейв был симпатичным парнем, его все любили. Неужели он предатель?

— Некоторым может показаться, что это слишком суровое наказание. Но мы все — единая команда. И если ты не с нами, то ты против нас. На рынке предостаточно людей, которым не нравится Dekker, которым не нравятся наши достижения. Наша сила в единстве. Один человек может поставить под удар всех нас. А этого я допустить не могу.

Глаза Рикарду, обычно спокойные и приветливые, сейчас пылали гневом. Но даже его гнев имел какую-то притягательную силу. Мы были на его стороне.

Совещание закончилось, мы молча переглядывались. Потом все повернулись в сторону стола, за которым еще пару дней назад работал Дейв. Альберто,

шестидесятилетний «мальчик на побегушках», собирал его вещи в картонные коробки. Под немигающим взглядом Рикарду все стали расходиться. Но все это утро в комнате не стихал гул голосов, делившихся своими домыслами и догадками.

Та же атмосфера царила и за стенами Dekker. Весть о том, что Дейв оказался одним из самых опасных зверей — трейдером, который не только теряет деньги, но и скрывает это, — уже стала достоянием рынка. Запущенный в оборот слух эхом отразился от стен операционного зала, где, к моему удивлению, каждый был готов этот слух подтвердить. Джейми, например, так и сказал Фрюэру.

— Зачем ты это сделал? — потрясенно спросил я. — Разве ты не мог сказать, что просто не знаешь, почему он ушел?

Джейми вздохнул.

— В подобных ситуациях надо следовать партийной линии. Рикарду следит, и внимательно. Это проверка нашей лояльности. И он прав. Мы сможем преуспеть только если будем держаться вместе.

Во мне росло отвращение. Первоначальный шок и печаль из-за потери друга постепенно таяли, по мере того как личность Дейва подвергалась серьезному редактированию. Точно так же, как машина Dekker всегда могла настроить себя на то, что выпуск весьма ненадежных облигаций — это сделка года, сейчас эта же машина убедила себя в том, что Дейв был мошенником и лжецом. Люди шли у машины на поводу, избегая, однако, смотреть друг другу в глаза.

Я был поражен. Я понятия не имел, хорошим или плохим трейдером был Дейв. Однако я знал, что он не был тем, что сейчас с такой страстностью живописали его бывшие коллеги.

Человек, облокотившийся на стойку бара и подносивший к губам уже вторую кружку пива, ничем не напоминал того парня, которого я знал по Оксфорду. Во-первых, это был взрослый человек. Во-вторых, в костюме и с дорогим портфелем. В костюмах и с портфелями были и мы с Джейми, но это в конце концов ничего не значило. Но у того человека из-под аккуратно зачесанных светлых волос проглядывал явно поредевший пробор, а по голосу ему можно было дать все сорок.

Стивен Трофтон вместе с нами проходил в университете курс *PPE**. Далеко обогнавший сверстников по развитию, он со знанием дела обсуждал процентные ставки по закладным, цены на недвижимость и профсоюзные трастовые фонды — и это тогда, когда большинство из нас даже касаться не хотели таких приземленных, меркантильных проблем. Хорошо подвешенный язык стал надежным пропуском в Сити, и он оказался одним из немногих счастливицков, которых Bloomfield Weiss отловила в 1988 году, снимая пенки с британских университетов. В работе он ориентировался как рыба в воде и с тех пор вполне преуспел.

* *PPE* (Philosophy, Politics and Economics) — степень бакалавра в области философии, политических наук и экономики. — *Прим. ред.*

Хотя мы были почти одногодки, Стивен выглядел на все тридцать пять — и умело этим пользовался. Да, Трофтон ушел далеко.

Джейми встречался с ним за выпивкой раз-два в год, чтобы «подбить бабки». В этот раз я решил составить ему компанию. Мы сидели в старом баре у конюшен в Найтсбридже, полном цветастых туристов днем и строгих солидных костюмов вечером.

Я, кажется, начинал понимать, что «подбить бабки» означало сравнить продвижение по служебной лестнице. Сейчас я наблюдал, как они этим занимались.

— Слышал о классной сделке с облигациями Брейди, которую мы провернули на прошлой неделе? — спросил Джейми.

Стивен рассмеялся.

— Ах, это. Мы просто попробовали воду пальцем.

— И немножко намочили ноги, да?

— Чуточку, но это не страшно. Мы самая большая трейдерская фирма в мире. Такие убытки у нас запросто теряются в прибылях одного дня.

— Да ну?

— Ну да, — отозвался Стивен. Он понизил голос, словно собираясь сообщить нам что-то очень и очень важное. — Вам лучше поостеречься, Джейми. Bloomfield Weiss в отношении развивающихся рынков настроена серьезно. А когда мы настроены серьезно, мы обычно добиваемся своего. Не пойми меня неправильно, но Dekker всего лишь симпатичная маленькая

фирма. Когда рынок созревает, то в игру естественным образом входят мальчики повзрослее.

Стивен намеренно произнес это тоном рассудительного зрелого мужа, чтобы позлить однокашника. Ему это удалось. Джейми заглотил наживку и завелся.

— А еще вы профукали солидный мексиканский контракт. Скажешь, я не прав?

— Такие сделки у нас каждый день, с Фондом развития и не только с ним. Будем работать и с Мексикой, не сегодня, так завтра.

Джейми фыркнул.

— Расскажи лучше о трейдере, которого вы выставили. Дэвид Данн, так, кажется? Он, должно быть, не слабо ударил вас по карману.

Джейми пожал плечами.

— Просился на работу к нам, в Bloomfield Weiss, — невозмутимо продолжил Стивен. — Конечно же, мы его не взяли. Еще не хватало подбирать деккеровские отбросы.

— Он был хорошим трейдером, — сказал я. Это были мои первые слова за все время. Джейми бросил в мою сторону предупреждающий взгляд.

Стивен проигнорировал мое замечание. Учитывая мой мизерный опыт, он, безусловно, был прав. Но я неожиданно привлек внимание к своей собственной персоне.

— А вот тебя-то я никогда не представлял в Сити, — сказал Стивен. — Что происходит?

— Деньги нужны.

— Честный ответ. Я полагаю, Dekker понадобился твой опыт по России?

— Именно. Хотя Рикарду хочет, чтобы я сначала разобрался в их операциях в Южной Америке.

— Россия сейчас огромный растущий рынок. Вы в курсе, что мы забрали к себе вашу восточноевропейскую команду? Кстати, интересный момент. У нескольких из них вдруг появились проблемы с получением виз. Рикарду случайно не приложил к этому руку?

Джейми подул на пену в кружке.

— Так приложил или нет?

— Не знаю. Но могу сказать, что так им и надо.

Стивен вскинул брови и повернулся ко мне.

— Скажи-ка, Ник, что за человек этот ваш Рикарду Росс?

Это был вопрос, который я с недавних пор задавал себе сам. Я решил ответить честно.

— Не знаю.

— Говорят о нем многое. Он действительно настолько хорош?

— Безусловно. А к рынку относится так, словно это его собственность. Поэтому он так и разъярился, когда его попытались вытолкнуть. Великолепное умение оценивать ситуацию. Мне кажется, что он всегда знает, что делать, когда возникают серьезные проблемы. Что скажешь? — Я повернулся к Джейми, который не спускал с меня глаз.

— Абсолютно согласен, — сказал он. — Рикарду самый проницательный человек из всех, с кем мне доводилось работать в Сити. Однозначно.

Стивен наблюдал за мной. Водянистые голубые глаза, внимательные и умные.

— Если он такой профи, почему же ты сказал «не знаю»? С ним что-то не так?

— Сложный вопрос. Может быть, слишком агрессивен. Иногда мне кажется, что он заходит слишком далеко. Но со временем всегда выясняется, что он был прав.

Стивен похлопал меня по плечу.

— В нашем бизнесе трудно зайти слишком далеко. Главное, чтобы тебя не поймали. — Он поставил свой стакан на стойку. — Ну, мне пора. Рад был снова увидеться с вами обоими. Пока.

Мы остались, чтобы выпить еще по одной.

— Ничтожество, — процедил Джейми.

— Не понимаю, зачем ты вообще с ним общаешься.

— Он не всегда был таким. А в уме ему не откажешь. С ним лучше быть в хороших отношениях. Может и пригодиться.

— Он уже такой дядя. Залысины, жена, ребенок.

— У меня тоже жена и ребенок.

— Джейми, ты сам еще ребенок. И на сорок ты все-таки не выглядишь.

— Да, возраст — странная штука, — сказал Джейми. — Иногда я это ощущаю. Солидные долги по ипотеке. Жена и сын, о которых нужно заботиться. И работа. Серьезная работа. Много в моей жизни изменилось.

— Пожалуй.

— Но что бы ни случилось, я не хочу стать таким, как мои родители.

— Почему? Они у тебя вполне милые люди.

Джейми фыркнул.

— Милые-то милые, но ведь без гроша. Дед был крупным землевладельцем. А отец — водитель такси. Если бы я продолжил эту замечательную семейную традицию, то Оливеру бы светила прямая дорога в «Макдональдс» в подавальщики.

— Ты все равно станешь таким, как твой отец. Ты же так на него похож. Станешь, никуда не денешься.

Я сказал это в шутку, но Джейми бросил на меня мрачный взгляд.

— Я серьезно. Пора бы хоть кому-то в моей семье начать зарабатывать деньги.

За эти годы я несколько раз гостил у его родителей. Они считали меня интеллектуалом из Оксфорда и всегда были мне рады. Первые пару раз я останавливался у них на ферме с большой конюшней. Вскоре после того как Джейми окончил Оксфорд, с фермой пришлось расстаться, и теперь его родители снимали флигелек чьего-то особняка в конце подъездной аллеи.

Его дед владел небольшим имением у подножия холмов Квантокс. На оставшемся после уплаты всех налогов клочке земли теперь трудился его дядя. Отец пытался зарабатывать на лошадях, но у него ничего не вышло. Джейми рассказывал мне, что теперь он крутит баранку, работая на такси, но сам я об этом не имел права даже заикаться.

Несмотря на прошлые триумфы и нынешние неудачи, родители друга радовались гостям. Отец был неисправимым старым гулякой — таким, каким рано или поздно станет и сам Джейми, — с открытой улыбкой, грубыми чертами лица и озорной бесовщинкой в глазах. Мать, статная, высокая женщина, в молодости слыла красавицей и сохранила былое обаяние. Они души не чаяли в сыне. Он никогда и ни в чем не мог быть неправ. Каждое его суждение сопровождалось их самым пристальным интересом, каждый небольшой успех — аплодисментами, а серьезные достижения, напротив, деланым безразличием, словно они ничего другого и не ожидали от своего отпрыска.

Джейми всегда оправдывал их ожидания. Первый в школе, Оксфорд, игра в университетской сборной, работа в аристократичном банке Gurney Kroheim. Родители несколько удивились, узнав о его переходе в Dekker Ward, но Джейми объяснил свои мотивы, и они с готовностью их приняли. Теперь их сын стал одним из предпринимателей нового поколения, о которых они столько слышали.

Я вовсе не насмехался над такой слепой привязанностью. Я мог только завидовать. Чего бы я ни добивался в жизни, мой отец не проявлял к этому никакого интереса.

Я неторопливо потягивал пиво.

— Не знаю, как мне быть дальше.

— Разве ты не собираешься оставаться в Dekker?

— Не знаю. Иногда я кайфую от происходящего. Как во время битвы за Брейди. Но потом начинаешь думать о том, что они сделали с Дейвом и проектом *favela*, о наркоденьгах...

— Да брось ты.

— Не могу. Меня это настораживает. Тебя — нет? Джейми задумался на мгновение.

— Может быть, и насторожило бы, если б я остановился и задумался. Поэтому я не останавливаюсь и не задумываюсь. Я обязан преуспеть. Ради Кейт и Оливера. И ты знаешь, что я умею делать то, что делаю. — Он взглянул на меня, ища подтверждения своим словам.

— Безусловно. — Я не кривил душой. Судя по тому, что я успел увидеть в Dekker, Джейми действительно был профессионалом. — Извини. Я тебе ужасно благодарен. Спасибо, что помог получить эту работу.

— Да брось, боссу ты нравишься. Так что и я работал очки.

— А что с этими визами в Россию, о которых говорил Стивен? Думаешь, Рикарду им все обломал?

— Не знаю, но я бы не удивился. Не один, так другой. Они не любят, когда им подкладывают свинью.

— Это я заметил.

Аура нервозности, окружавшая Стивена, исчезла вместе с ним, и меня сейчас словно окутывал мягкий теплый свет, чему немало поспособствовали три пинты пива и приятная беседа с другом.

За все эти годы мы вместе прошли через многое. Соглашаясь на работу в Dekker, я доверил Джейми свое будущее. Но я знал, что могу на него положиться.

— Кейт сказала, что Изабель тебя просто приворожила.

Я почувствовал, что краснею. Странно. Обычно мы вполне открыто трепались на любые темы.

— Она хорошая.

— Хорошая?! Это уже серьезно. Раньше было проще, например, «есть за что подержаться» или «она не прочь переспать со мной».

— Нет. И нечего скабрзничать.

— Между вами что-то было?

— Нет.

— Но ты бы не отказался, верно?

— Не отказался бы. Но, думаю, это невозможно.

— Почему?

— Не знаю. Похоже, она не слишком на это настроена.

— Будь с ней поосторожнее. Она довольно странная. — Внезапно он что-то вспомнил. — Слушай, надеюсь, ты не растрепал ей об этой истории с отмыванием денег?

— Я ей все рассказал. Она тоже считает, что Эдуарду не следует ничего говорить. Но она считает, что стоит поговорить с Рикарду. Я, впрочем, этого делать не собираюсь.

— Ник! С ней даже заикаться об этом нельзя было! Я же говорил тебе: она и Эдуарду — ты что, забыл?

— Говорил. Но это лишь слухи. И я в них не верю.

— Ты просто не хочешь верить. Ты видел, что случилось с Дейвом. Лучше выбрось из головы все эти проблемы с отмыванием денег. Иначе и с тобой произойдет то же самое.

— Я доверяю Изабель.

— Дело в том, Ник, что в нашем бизнесе вообще никому нельзя доверять.

Я собирался возразить, но передумал. И отчасти потому, что, как ни неприятно это сознавать, но он был прав.

— Ну, уже поздно. Пора и по домам. — Джейми поставил пустую кружку на стойку.

— Уходим.

Мы вышли из паба. Джейми принялся ловить такси, а я побрел в сторону метро. Велосипед остался на Кэнери Уорф.

Новый день был серым и холодным, словно весна передумала наступать. Операционный зал Dekker на сороковом этаже, казалось, придавило свинцовыми тучами, вяло колыхавшимися за окном. Эйфория от победы над Bloomfield Weiss померкла перед лицом суровой реальности: нам предстояло продать мексиканские облигации на два миллиарда. Наступил момент напомнить клиентам о сделанных некогда одолжениях.

Я наблюдал, как это делает Джейми. Мастерская работа. Он начал со своих лучших клиентов. С каждым он вел себя совершенно по-разному. С одними обсуж-

дал футбол и телевидение, с другими — средневзвешенный срок до погашения и доходы на облигации с купоном. Иногда он говорил без умолку, иногда просто слушал. Но обманом, просьбами или лобовой атакой — Джейми умудрялся выбить заказ из каждого собеседника. Заказы достигали и десяти, и двадцати миллионов долларов. Но это была капля в море. Требовалось чудо и заказы на уровне в сотни миллионов, чтобы двухмиллиардная гора облигаций стронулась с места.

Босс и сам с головой погрузился в работу. По-настоящему большие заказы могли поступить только от тех, кому в свое время оказали серьезные услуги, а должным образом напомнить им об этом мог только Рикарду. Время от времени он вставал из-за стола и обходил зал. Ситуация была напряженной, и он старался подбодрить нас, то похвалив одного сотрудника за пятимиллионный заказ, выбитый у какого-нибудь упрянца, то вместе с другим сожалел о том, что клиент отказывается заглатывать наживку. В этом бою мы сражались плечом к плечу, и он был уверен в нашей преданности делу.

Рикарду умел одновременно решать сразу несколько проблем. После ланча я сидел и наблюдал, как работает Джейми, и внезапно почувствовал легкое похлопывание по плечу.

— Ты хорошо знаком с Польшей?

— Не особенно. Я был там один раз — в Краковском университете.

— Каковы шансы на то, что они девальвируют свою валюту?

В общении с Рикарду честность была наилучшей тактикой.

— Понятия не имею.

— А кто-нибудь мог бы тебе подсказать? Профи?

Я задумался.

— Пожалуй, да. Есть один экономист, преподающий в Лондонской школе экономики. Пятнадцать лет назад нынешний польский премьер был его студентом. Они до сих пор поддерживают отношения. Можно поговорить с ним. Правда, для этого придется распить с ним как минимум бутылку водки.

— Великолепно, — сказал Рикарду. — Хоть галлон. Запишешь на наш счет.

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,2918
0,6135
0,1527

0,7733,4391
0,9615
0,5312
0,0197
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733 0,
0,9615 0,4583
0,5312 0,9913
0,0197 0,
0,3147 0,
0,6652 0,
0,2589 0,
0,6308 0,
0,4986 0,
0,3527 0,
0,9913

15

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

Войтек искренне обрадовался моему звонку и тут же пригласил меня на ужин. Мы познакомились, когда я изучал советскую экономику, и именно благодаря ему я и попал в Краков. Войтек с давних пор прослыл яростным критиком командных методов управления, принятых в Восточной Европе, и на родине у него была влиятельная группа последователей. Я сказал, что теперь работаю в Сити и что мне нужно кое-что выяснить насчет польской экономической стратегии.

Я появился у дверей в Илинге, одном из лондонских пригородов, с бутылкой его любимой зубровки.

— Чудесно! — Он был в восторге. — Проходи, проходи!

Квартира выглядела точно так же, как и в последний раз. На тех участках стены, что не были еще заставлены книж-

ными шкафами, красовались афиши довольно экстравагантных польских, русских и французских выставок. Плакаты отбирались не с учетом пристрастий хозяина, но в соответствии с тем весом, который событиям придавала почтеннейшая публика. Как-то в приливе пьяной откровенности он признался мне, что его любимый фильм «Когда Гарри встретил Салли». Он потребовал, чтобы я поклялся, что никому не проболтаюсь. Плакат из этого фильма на стене, понятное дело, отсутствовал.

Хотя Войтеку было уже под пятьдесят, он прилагал все усилия, чтобы походить на перманентно разгневанного первокурсника. Пышные черные усы, взъерошенные длинные волосы, сзади кое-как перехваченные в «конский хвост», прилипшая к нижней губе неизменная сигарета с белым фильтром. Однако, несмотря на такой вызывающий внешний вид, он был любимцем бизнесменов, политиков и деятелей Международного валютного фонда. Он проповедовал экономику, основанную на жесткой монетарной и налоговой стратегии — и тем не менее не всегда считал слабаками тех политиков, которым еще не удалось догнать безработицу до двадцатипроцентной отметки. Войтек относился к тем редким преподавателям, которым искренне интересны дела и успехи их студентов. Когда-то такой чести удостоился и я, а до меня — нынешние министры финансов Польши и Словакии.

Мне он нравился. Хотя он был старше меня, и делились мы не часто, я считал его своим другом.

— Как поживает наша хорошенькая Джоанна?

— В Америке она поживает. С этим уродом Уэсом.

— Отлично. Мне она никогда не нравилась, и каким бы негодяем он ни был, уверен, они друг друга стоят. Я приготовил рататуй. Пойдет?

— А то!

— Тогда наливай!

Мы выпили водки. Войтек рассказал мне о своей последней подруге — американской студентке. Молоденькими девочками он увлекался до тех пор, пока они не достигали двадцати пяти лет, после чего терял к ним всякий интерес. Он даже женился на двух своих студентках, но вскоре прекратил подобные эксперименты. Браки все равно оказывались недолгими, а разводы — муторными.

Ужинали мы на его просторной кухне. Рататуй был великолепным, водка — крепкой, и не прошло и часа, как мы уже прилично набрались.

Как и ожидалось, сначала он высказал мне свое «фи» за то, что я попал в Сити, а уже потом поинтересовался, что мне нужно.

Я откашлялся, пытаюсь хоть немного прочистить мозги.

— Меня взяли, потому что им нужны мои знания русского языка и тамошней экономики. Теперь вдруг выяснилось, что мне надо еще разбираться и в польских делах, а за ними я уже Бог знает сколько лет не слежу. Надеюсь, что ты мне что-нибудь подскажешь, чтобы я не выглядел полным идиотом.

— Тебе, дружище, не грозит выглядеть идиотом ни при каком раскладе. Слушай.

И он ясным и точным языком принялся излагать историю польской экономики со времен «Солидарности». Я все понимал, все формулировки были четкими и схватывались легко — оставалось только надеяться, что наутро я буду в состоянии все это вспомнить.

— А что насчет девальвации? Не слишком ли они задрали свой валютный курс?

— Не то слово! — Войтек почти выкрикнул эти слова. Он встал и возбужденно заходил по кухне. — Мне уже надоело им об этом говорить! Девальвируйте злотый сейчас, прежде чем экономика рухнет окончательно! Лучше контролировать ситуацию и самим выбирать подходящий момент, а не ждать, пока кризис заставит это сделать.

— Так ты думаешь, они на это пойдут?

Войтек остановился, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Понятия не имею.

Он сделал ну очень невинное лицо, и я ему, конечно, не поверил. Он наверняка знал о предстоящих планах Польши — и одобрял их.

Мы выпили еще по одной, потом еще, и еще. Я понял, что пора отступать.

— Но ведь еще только десять часов! — запротестовал Войтек.

— Но мне к семи на работу. Это и так не радует, а если учесть, сколько я выпил...

— Уговорил! Шагай, рад был тебя увидеть, Ник.

Он обнял меня, и я оставил своего друга наедине с остатками водки.

Крутить педали наутро оказалось непростым делом. Голова гудела, во рту пересохло. У одного из магазинчиков я притормозил и купил пол-литра молока, которое не выпил, а в мгновение ока буквально втянул в свой истрадавшийся организм. Слава Богу, ехать нужно было вниз.

Рикарду при виде меня расхохотался.

— Вижу, вчера ты честно выполнил свой долг.

— Черт, неужели заметно?

— Вполне. Ну, польза какая-то есть?

— Думаю, что поляки все-таки собираются девальвировать. — Я рассказал о разговоре с Войтеком и о том, что ему не удалось скрыть гордость оттого, что власти прислушались к его советам.

— Ты уверен, что его влияние действительно серьезно настолько, насколько кажется ему самому?

— Уверен.

— В таком случае молодец! — Он улыбнулся и хлопал меня по плечу. — Пора заняться отладкой наших польских позиций.

Он вернулся к своему столу и взялся за телефон.

— Неплохо, — сказал Джейми. — Больше чем неплохо. Только не рассказывай мне, что ты играл в регби с врачом Бориса Ельцина.

— Что нет, то нет, — сказал я. — Войтек, пожалуй, мой потолок по части агентов влияния.

— Все равно, ты теперь фигура хоть куда. Только вот...

— Что?

— Выглядишь паршиво.

— Спасибо.

Я был доволен собой. Может быть, Рикарду удастся заработать на моей информации. Тогда он наверняка вспомнит о моем участии. Этого у него не отнять. Он умел отдавать долги.

Зазвонил телефон.

— Ник? Это Войтек.

Голос был хриплым и измученным. Похоже, после моего ухода он не прекратил возлияний.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — пробормотал он.

Я ухмыльнулся, как же, знаем.

— Вчера, Ник... Когда мы говорили насчет Польши. И девальвации. Ты помнишь, нет?

— Конечно. И спасибо, Войтек, это был полезный разговор.

— Ну да... Хм. Всегда рад помочь тебе, старому другу. Ник, я что-нибудь говорил о девальвации злогого?

О Боже! Я постарался, чтобы мой голос прозвучал бодро и уверенно:

— Нет, ты ничего не сказал.

— Это хорошо. Если бы финансовые рынки узнали о предстоящей девальвации от меня, серьезные люди перестали бы мне доверять.

— Конечно. Я понимаю. — В ушах у меня звенело. Щеки пылали.

— Ты можешь дать слово, что никому не скажешь о том, что мы с тобой... не обсуждали вчера вечером?

Черт! Черт, черт!

— Ник?

Что мне оставалось?

— Не волнуйся, приятель. Ты просто сделал для меня обзор текущих дел, вот и все.

Оставалось надеяться, что голос меня не выдаст. Хорошо, что Войтек не видел моего лица.

— Вот и хорошо. — Он произнес это с явным облегчением. — Рад был повидаться. Не пропадай, ладно?

— Конечно. До встречи.

Я положил трубку и сделал глубокий вдох. Подняв глаза, я увидел, что Рикарду направляется к моему столу.

— Отличная работа, Ник. Все пружины взведены. Надеюсь, что ты окажешься прав.

— Я прав, — буркнул я. Однако я чувствовал, что неправ, и всерьез неправ.

— Кстати, вечером мы угощаем клиентов. Очень серьезных клиентов. Хочешь присоединиться?

Господи! Опять пить. Чего мне хотелось меньше всего на свете, так это развлекать людей, которых я отроду не видел. Мне хотелось лечь в постель и накрыться с головой одеялом. Прямо сейчас.

Однако надо делать хорошую мину. Я ее сделал.

— Почту за честь.

Я налил себе кофе и потянулся за газетой. Я заслужил немного покоя и тишины. Кофе, однако, не очень помог. Голова болела по-прежнему, живот сводило. Меня бросало в жар, на лбу выступил пот. Занятия русистикой вредны для здоровья, а главный профессиональный риск в них — водка. Что же со мной будет, когда я всерьез начну заниматься Восточной Европой?

Украдкой я бросил взгляд на Изабель. Она листала какие-то бумаги, шелковистые пряди волос закрывали от меня ее лицо. Как же она хороша! После той пятничной встречи в баре мы перекинулись лишь парой слов — вполне по-дружески, но и не больше того. Она явно старалась, чтобы между нами не возникло никаких серьезных отношений. Чертовски жаль.

Я вспомнил предупреждение Джейми. Нет, он неправ. Ей безусловно можно доверять. Но я вовсе не собирался следовать ее совету поделиться своими подозрениями с Рикарду. Благоразумие требовало вообще ничего не предпринимать, хотя и это не казалось мне правильной тактикой. Голова раскалывалась. Я так и не принял никакого решения.

— Что случилось, Ник?

— А что?

— Ты просмотришь во мне дыру.

Я попытался сфокусировать взгляд. Изабель насмешливо разглядывала меня.

— Извини. Я сегодня не в форме. Вчера вечером я сражался за Dekker — со стаканом.

— Какая трогательная преданность коллективу.

Я обиженно уткнулся в газету. Прочитал новости культуры. Надо признать, что рецензии на фильмы в *Financial Times* весьма солидны. Только что вышел новый фильм Кшиштофа Кесловского. Похоже, интересная работа. Если выдастся свободное время, обязательно посмотрю.

Какая же я скотина! Я обманул Войтека. Он доверился мне, а я его предал. Конечно, его вина в этом тоже есть. Даже в большей степени — его вина. Я честно сказал, чем и где занимаюсь и что хотел узнать. Он сам был по-идиотски откровенен. И он это понял, потому и бросился мне звонить. Это его вина. В том, что я предал его, виноват он сам.

Чушь! Софистикой тут не отделаться. Если Войтек когда-нибудь узнает, как все вышло... Оставалось надеяться, что он не узнает никогда.

В памяти всплыли слова Стивена. *В нашем бизнесе трудно зайти слишком далеко. Главное, чтобы тебя не поймали.*

Какая же я скотина!

После пары стаканов вина стало гораздо лучше. По крайней мере, башка уже так не трещала. Мы сидели в Vong, модном нью-йоркском ресторане, перебравшемся прямо оттуда в Найтсбридж. наших было семеро плюс пятеро гостей. Наши — Рикарду, Эдуарду, Джейми, Мигел и еще пара человек. Гости — чиновники центрального банка. Поездка в Лондон стала для них чем-то вроде ежегодного мероприятия, нефор-

мальной благодарностью Dekker за прошлые и будущие сделки.

Для государственных служащих они оказались на редкость открытыми и приятными людьми. Еда была превосходна, выпивка текла рекой, а разговор сопровождался взрывами веселого смеха.

Я сидел рядом с Эдуарду, который за весь вечер едва ли открыл рот. Ближе к концу вечеринки он наклонился ко мне.

— Сегодня ты узнаешь, как делается бизнес, — в черных глазах блеснули плутовские искорки.

— Серьезно?

— Да. Клиентам надо давать то, что им хочется получить. Речь не только о лучших ценах или лучших сделках. Этим занимается Рикарду. Но кто-то должен выстраивать и неформальную составляющую. А это уже моя специальность. Ты понимаешь, о чем я?

Он ухмыльнулся, глядя на меня в упор.

— Не совсем.

— Во-первых, надо знать, что любят твои клиенты. Я, например, знаю, что вся эта группа — большие бабники. Несложная задача. Все, кроме вот этого, в конце стола. — Он указал на симпатичного мужчину с залысынами, который заинтересованно слушал Джейми. — Предпочитает мальчиков. Его коллеги об этом не знают, Джейми об этом не знает — но сам он наверняка оценит то, что его посадили рядом с самым обаятельным из наших бойцов.

Я не смог сдержать улыбку. То, что внешность Джейми привлекала к нему представителей разного пола, было правдой. И это его порядком бесило. Он, конечно, пришел бы в ярость, если бы узнал, что Эдуарду сейчас просто использует его.

— Но ты ведь ему не скажешь, Ник?

— Когда-нибудь скажу. Трудно удержаться.

— Ладно, главное, чтобы не сегодня. Сегодня ты поймешь, почему эти люди всегда имели и будут иметь дело с нами, а не с Bloomfield Weiss.

Около одиннадцати мы вышли из ресторана, и в вечернем воздухе раздались крики: «Эдуарду, Эдуарду!»

— Что происходит? — спросил я у Джейми.

— Продолжение банкета. Мы едем к Эдуарду.

Интересное дело! У меня словно открылось второе дыхание, да и общий энтузиазм был заразителен. Я втиснулся в одно из трех такси.

Эдуарду жил в Мейфэре, примерно в полумиле от ресторана. В просторной гостиной места хватило всем. На окнах висели дорогие портьеры, полы были устланы коврами. Мы ввалились в помещение, на ходу стаскивая пиджаки и ослабляя узлы галстуков. Шампанское уже ждало на полке буфета, которым заведовала очаровательная блондинка. Я взял бокал и плюхнулся на диван.

Фелипе, сидевший рядом со мной, рассказывал о какой-то нашумевшей конференции, которую пару лет назад Dekker проводила в Акапулько. Я с трудом улавливал суть. Он говорил с очень сильным акцен-

том, заводился, захлебывался от радости и, казалось, вообще нес какую-то бессмыслицу. Однако все остальные с готовностью кивали и хохотали, вспоминая былое.

Шампанское было великолепным, гостиная теплой, диван поразительно удобным — и я, блаженствуя, откинулся назад. Я позволил себе расслабиться.

Внезапно прямо в глаза мне блеснул лучик света. Я вздрогнул и повернулся, ища взглядом его источник. Зеркало. Эдуарду и еще двое сосредоточенно делили белый порошок на аккуратные дорожки.

Десять лет своей жизни я провел в университетах, где вдоволь насмотрелся на наркотики и научился их избегать. Похоже, нравы в нашем бизнесе не слишком отличаются от тех, что царят в вольной студенческой среде. Я вжался в диван, надеясь, что на меня не обратят внимание.

Зеркало привлекло почти всех присутствующих, включая Джейми. Он поймал мой взгляд и пожал плечами. Он не употреблял наркотики.

Я поискал глазами Рикарду. Он уже исчез. Все остальные на месте. Что ж, очевидно, у босса есть свои привилегии.

Эдуарду поймал мой взгляд и через всю комнату обратился ко мне.

— Хочешь немножко, Ник? Хорошая штука.

Проклятье.

— Спасибо, нет, — сказал я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком невежливо.

— Брось, попробуй. Отличный товар. Щепотка никому еще не вредила. Как раз, чтобы войти в настрой. — Толстые губы расплылись в улыбке, но глаза были жесткими и требовательными.

— Не хочу. Извини.

Он подошел ко мне и присел на подлокотник дивана. До меня отчетливо доносился запах его одеколона. Две верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, обнажив черные волосы на груди и сверкающую золотую цепь. Он обнял меня и потрепал по щеке. Мне зверски захотелось врезать ему по физиономии.

— Ники, дружище, что с тобой? Развлекайся! Оторвись! Хочешь девочку?

В этот момент раздался дверной звонок.

— А вот и она!

Он встал и обратился к банкирам, на лицах которых появилось напряженное ожидание.

— Это мои знакомые. Труженицы модельного бизнеса. — Он подмигнул. — Хороши!

Он открыл дверь, и перед нами предстала дюжина ослепительных красавиц. Они отличались друг от друга цветом кожи и волос, но все были одеты в роскошные, откровенные вечерние платья. Мужчины разом подскочили со своих мест, шум усилился, захлопали пробки. Возбуждение, охватившее всех, ощущалось почти физически.

Я остался на месте. Эдуарду обнял за талию высокую рыжеволосую девушку с бесконечно длинными ногами и подвел ее ко мне.

— Ник, это Мелани. Мелани — Ник. Настоящая красавица, Ник. Уверен, тебе понравится. — С этими словами он отошел. Слава Богу.

— Привет, — поздоровалась она.

— Привет, — я вежливо улыбнулся и уставился в пространство.

Она потягивала шампанское, пытаясь завязать светский разговор, но я не реагировал ни на ее слова, ни на тщательно отполированное произношение. Я страшно устал, мне хотелось домой. Мне никто не был нужен, кроме Изабель, а искусственность ситуации раздражала невыносимо. Я огляделся. У всех мужчин были жены или подруги, но сейчас они оживленно болтали с незнакомками, так, словно знали всю их жизнь. Две пары — да-да, они уже разбились на пары — сплелись в танце. Меня затошнило.

Я взял пиджак и направился к дверям.

— Ник!

Джейми высвободился из объятий блондинки и поспешил ко мне. Я молча ждал.

— Куда ты собрался, Ник?

— Домой.

— Не дури, останься. Эдуарду не понравится твой уход. Брось, ты же даже не женат.

— Может быть, именно поэтому я и не хочу оставаться, — сказал я. — И пошел твой Эдуарду к черту!

На следующее утро я проснулся в девять часов. Сварил кофе, поджарил тост, пролистал газету. Про Польшу написали на восьмой странице. Моя лепта

в Dekker. Я вышел из дому и направился вверх по Примроуз-Хилл, любуясь его низкими черными фонарями и яркими нарциссами в полном цвету. Для мая день был прохладным, утренний бриз приятно покалывал кожу.

Я присел на скамью у вершины холма и посмотрел на Лондон. Прямо передо мной высился причудливой формы многогранник — вольер для птиц лондонского зоопарка, — а сразу за ним блестел купол собора Святого Павла и небоскребы Сити. Еще дальше виднелась Кэнери Уорф, трудноразличимая за свежей зеленой листвой деревьев.

Люди Dekker сейчас мучительно делают вид, что после вчерашнего они бодры и полны сил. Они многозначительно переглядываются, врут клиентам, заманивают их в мексиканскую игру, раскручивают новые сделки, подсчитывают новые барыши.

Я думал. Проект *favela*, отмывание денег, увольнение Дейва, моя ложь Войтеку, ощущение липкой мерзости от вечеринки для избранных. С любым из этих моментов по отдельности я бы справился. Но со всеми сразу не мог.

Я чужак. Можно обманывать себя и прикидываться, что все в порядке, — но не до бесконечности. С другой стороны, Джейми как-то приноровился. Приноровился лгать не моргнув глазом, смотреть сквозь пальцы на то, на что велят смотреть сквозь пальцы, делать то, что от тебя ждет начальство. Если мешает совесть, ее нужно придавить. Или уйти.

Собирался ли я уходить? Действительно ли меня так сильно задевала реальность? Так ли меня возмущала ее коммерческая изнанка?

Нет, отнюдь. Хотя нападение на пляже Ипанема меня сильно выбило из колеи. Но мозги не отшибло. Нужно смотреть правде в глаза: я сделал ошибку, сунувшись в Dekker. Дурацкий, абсолютно дурацкий шаг. Гордыни мне не занимать, и я не люблю признаваться в том, что где-то ошибся. Однако себя не обманешь.

Уходить надо вовремя. Как любит говорить Рикарду, хороший трейдер должен знать, когда надо отступить и не настаивать. Пора.

До работы я добрался к одиннадцати. Кивком приветствовал Изабель.

— Как погуляли вчера? — с нарочитым безразличием поинтересовалась она.

— Если честно, отвратительно. Я рано ушел.

— Угу, — она отвернулась. Не верит. Да и с чего бы? В Dekker все привыкли врать. Я разозлился.

Я хотел поделиться с ней своими планами, но решил подождать. Она наверняка скажет, что я поступаю глупо, что нужно принимать вещи такими, какие они есть. И будет права. Но я принял решение и не собирался его менять.

Джейми торопливо приближался к моему столу. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ник, у тебя что, нет часов? Рабочий день начинается в семь утра. Как бы ты ни оттягивался вечером, утром должен быть как огурец.

— Я не оттягивался.

Джейми посмотрел на меня как на капризного ребенка.

— Ну-ну. Ладно, насчет вчерашнего, — он понизил голос. — Ты знаешь, что наркотиками я обычно не балуюсь. Только тогда, когда никуда не деться. Как вчера.

— Я знаю, — мрачно ответил я.

— И девицы. У меня ни с одной из них ничего не было. Трепались — и все.

— Верю.

— Надеюсь, ты не расскажешь об этом Кейт? Тебе тоже следовало бы остаться.

Я вздохнул.

— Нет, я ничего не скажу Кейт. — Просьба была явно излишней.

Джейми воспрянул духом.

— Вот и прекрасно. Увидимся позже.

Едва он отошел, как его место занял Рикарду. Усевшись напротив, он изучающе на меня посмотрел.

— Припозднился сегодня, а?

— Я прошу прощения.

— Что бы ты ни делал вчера, сегодня ты должен быть в семь на работе. Это неписанный закон. Даже, скорее, дело чести.

— Вчера и позавчера, — уточнил я.

— Ах да, забыл о твоём визите к польскому другу. Кстати, я очень доволен тем, что девальвация произошла так быстро. Отличная работа. Но штука в том,

что таких «вчера» может быть семь раз в неделю, особенно в командировках.

Первое предупреждение. Но теперь это уже не имело значения.

Нужно сейчас ему обо всем сказать. Пока я не передумал. Странно, но сейчас, глядя на Рикарду, мои мотивы вдруг показались мне очень личными. Зачем его обманывать? Хватит. Скажи сейчас. Но тут он заговорил.

— Пора тебе заняться настоящей работой. Изабель летит в Бразилию, и я хочу, чтобы вы полетели вместе.

Я замер.

— В Сан-Паулу очень заинтересовались проектом *favela*. К тому же это шанс убедить наших бразильских друзей в привлекательности мексиканского контракта. Ты слышал, как Джейми всю неделю работал с ним, так что детали тебе известны.

Лететь в Бразилию. С Изабель. Разве можно отказаться?! Заявление об уходе подождет.

— Если, конечно, ты не против, — добавил Рикарду. — После того, что с тобой там случилось, такое нежелание было бы понятно.

— Я об этом и не думал. Когда вылетаем?

— Сегодня вечером.

— Сегодня?!

— А в чем проблема? Ты разве еще не выспался?

Он наконец-то отошел. Я посмотрел на Изабель. Она, конечно, все слышала.

— Ты как, не возражаешь? — тупо спросил я. Всю неделю она держалась на расстоянии, а сейчас, похоже, злилась из-за моего участия во вчерашней вечеринке.

Она улыбнулась.

— Конечно, нет. Твое участие пойдет только на пользу. Ты уже знаешь все детали проекта, а Рикарду прав и в том, что о мексиканских чудесах ты осведомлен гораздо лучше меня.

Издевается она, что ли?

— Прекрасный шанс для серьезных инвесторов, — сказал я.

Изабель взяла со стола бумаги и протянула их мне.

— Вот, скопируй это. И прочти. Увидимся в Хитроу, в зале ожидания, терминал три, в восемь-тридцать. Рейс Varig. Вылет в десять. Билеты будут у меня.

— Йес, мэм, — сказал я и направился к ксероксу.

В конце дня перед уходом я подошел к столу Джейми.

— Я сегодня улетаю. В Бразилию.

— Серьезно? — Он нахмурился. — Будь там поосторожнее.

— Не волнуйся. Буду.

— Ты летишь с Изабель?

— Да.

— Ну что ж, желаю хорошо провести время.

Я едва не ответил «спасибо», но вовремя прикусил язык.

— Поживем — увидим.

0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733 0,
0,9655 8,
0,5312 0,
0,0197 0,
0,9913

16

0,2918
0,6135
0,1527
0,2589
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

Самолет пошел на снижение. Я смотрел из иллюминатора на второй по величине мегаполис мира. В Сан-Паулу обитало двадцать миллионов человек. Землю до самого горизонта покрывали красноверхие домишки. Сотни, если не тысячи, небоскребов, разбросанные там и сям, тянулись к небу, как белесые побеги по весне. Казалось, бестолковый сеятель взял и рассыпал из горсти стеклобетонные семена как придется. На горизонте, между коричневой красной горой города и лазурной голубишной неба, тянулась полоса серого смога. Вот в ландшафт вплелась серая лента реки и десятки строительных площадок. Промелькнуло какое-то немислимо зеленое озеро. Бог создал Рио в порыве вдохновения, человек создал Сан-Паулу из-за абсолютного отсутствия такового. Сан-Паулу — деловой и финансовый центр

Бразилии. *Paulistas* с гордостью сравнивают свой город с Нью-Йорком — и действительно, длинные авенюиды с торчущими вдоль них башнями выглядели весьма деловито. Солидные люди сновали туда-сюда по этим авеню, дороги кишели автомобилями. Люди делали дело, и люди делали деньги. И хотя столбик термометра перевалил за тридцать, а от влажности разжижались мозги, *paulistas* не собирались прерывать ни то, ни другое.

В финансовом департаменте мы познакомились с копией Умберту. Однако здесь совершенно иначе подошли к идее *favelas*. Проект назывался «Сингапур» — ведь именно в Сингапуре родилась эта идея. Заключалась она в том, что позднее было названо «вертикализацией». Это означало снос временных построек и возведение на их месте современных многоэтажных жилых домов. Решение показалось мне более жестким и авторитарным, чем то, с которым мы имели дело в Рио.

Сейчас они готовы вилять хвостом перед кем угодно. Проект был на ходу уже несколько лет, но в последнее время мэрия переживала трудности с финансированием очередных этапов строительства. Изначальная идея Изабель относительно организации трастового фонда была прекрасным способом добраться до Фонда развития и получить необходимую городу наличность. Теперь, когда сделка с Рио провалилась, Сан-Паулу лидировал на рынке, и весь план становился куда более привлекательным.

Весь сегодняшний день был расписан буквально по минутам, впрочем, завтрашний, суббота — тоже, что недвусмысленно говорило о твердом намерении отцов города добить сделку. К вечеру мы с Изабель были почти на сто процентов уверены, что проект состоится. На сей раз Bloomfield Weiss даже не высывалась. После сокрушительного провала в Рио никто не принял бы ее всерьез.

День выдался суматошный, но нам славно работалось вместе. За ночь в самолете я прочитал солидную стопку документов и был готов к подвигам. Как команда мы, несомненно, состоялись. Мы понимали друг друга с полуслова. Мне было плевать на Dekker, но Изабель подводить не хотелось. Кроме того, меня заражал ее энтузиазм. В полдевятого вечера мы обессиленно упали на сиденье такси. Субботняя встреча была назначена в муниципалитете на девять утра.

— А ты знаешь, что здесь у лучшие японские рестораны в мире, не считая Японии? — спросила Изабель.

— Понятия не имею.

— Хочешь попробовать?

— Конечно.

Она наклонилась к таксисту.

— *Liberdade*.

Нас высадили возле шумного уличного рынка. Пряный аромат жареного мяса витал в теплом ночном воздухе. Кого тут только не было! Бразильцы с кожей любых оттенков, японцы, корейцы. После всех наших

поездок было так приятно видеть самых обычных пешеходов. Мимо прошла стройная темнокожая красавица, держа на ручку глазастого малыша. Она поймала мой взгляд. «Эй, как дела?» — спросила она по-английски, плотоядно усмехнувшись. До меня дошло, что молодая мать вполне может одновременно быть и проституткой. Смутившись, я отвернулся.

Изабель вела меня по улице, где жили японцы. В Сан-Паулу их более миллиона. Столько же выходцев с Ближнего Востока. Мне бросилась в глаза вывеска на английском и японском «Бистро Хабиба». Очень по-бразильски.

Мы подошли к изогнутым аркой деревянным воротам, за которыми прятался крошечный японский садик и ресторан. Зал разделялся на небольшие уютные кабинки. Повар, непривычно крупный для японца, мастерски и немного бахвалясь, управлялся с огромными ножами. Я буквально оцепенел, когда лезвия замелькали у него в пальцах, казалось, еще миг, и кусок окровавленной плоти с невыносимым звуком шмякнется на доску, где лежали куски сырой рыбы.

Заведение было битком набито бразильцами всех цветов и оттенков, но после недолгого ожидания мы втиснулись в тесную кабинку на двоих и заказали пиво.

— Кажется, проект все-таки состоится.

— Давно пора. Ты это заслужила.

— Спасибо. Я так рада, что наконец-то работаю не в одиночку. Обычно приходится все делать самой. Ты мне здорово помог.

— Я рад. Жаль, что я не смогу довести эту работу до самого конца.

— Не сможешь? Почему?

Меня тронула нотка разочарования в ее голосе.

— Как только мы вернемся в Лондон, я собираюсь уволиться.

— Ты это серьезно? Но почему?

— Ты знаешь. Мы с тобой уже говорили об этом. Я просто не могу примириться с тем, как Рикарду все делает.

Изабель опустила глаза.

— Понимаю, — сказала она.

Подошла официантка, чтобы принять у нас заказ. С минуту поразмышляв над меню, я остановился на темпуре. Изабель заказала суши.

— И что ты собираешься делать?

Я пожал плечами.

— Может, закончу диссертацию. Попытаюсь устроиться куда-нибудь.

— Не слишком оптимистично ты все это произнес.

— Откуда взяться оптимизму? Мне нужна была эта работа в Dekker. И деньги. Того, что я получил бы за продажу квартиры, при нынешних ценах не хватит даже на покрытие долгов по закладной. Работы, правда, и на горизонте не видно, но зато я с удовольствием вернулся бы к своей диссертации.

Изабель сочувственно кивнула. Ей, имея отца-миллионера, наверное, трудно было понять мои проблемы. Но, похоже, она все-таки понимала.

— Мне жаль, что все так сложилось, Ник.

— Мне тоже. Неприятно сознавать себя неудачником.

— И все-таки я думаю, что ты принял правильное решение. Знаю, мне легко так говорить, мне не нужно думать, как себя прокормить, но мне кажется, ты не смог бы оставаться в Dekker и быть в ладах с самим собой.

— А как тебе это удается?

— С трудом. Не будем об этом, ладно?

— Извини. Не стоило спрашивать.

— Да нет, ничего страшного. Я все еще пытаюсь доказать себе, что могу делать эту работу, и делать ее хорошо. И иногда — как, например, сегодня — мне кажется, что игра стоит свеч.

— Ну что ж, удачи, — я поднял свой бокал.

— И тебе удачи. — Мы чокнулись. Она помолчала и вдруг добавила: — Мне будет тебя не хватать.

Сердце бешено заколотилось в моей груди. Суэта и шум ресторана исчезли как из бокового зрения, так и из слуха. Осталась только Изабель.

Мы оба молчали. Я улыбался как идиот. Изабель изучающе уставилась на тарелку с супом. Потом она подняла голову и улыбнулась мне. Я почувствовал, что проваливаюсь в эту улыбку, в эти огромные темные глаза.

Она вдруг хихикнула. Ужин продолжался.

Поездка в отель заняла полчаса. Было уже поздно, день выдался нелегкий, и оба мы изрядно устали. Изабель склонила голову мне на плечо и прикрыла глаза.

Я боялся шевельнуться и старался дышать как можно реже. Прядь темных волос щекотала мне подбородок, но я стоически терпел.

Она открыла глаза, когда такси остановилось у гостиницы. Была уже полночь. Лифт стоял внизу. Нас поселили на том же этаже, что и в прошлый раз. Когда лифт двинулся вверх, мы не сговариваясь посмотрели друг на друга.

Дальше все происходило как во сне. Мы оказались в ее номере. Она смотрела, как я раздеваюсь. У меня дрожали руки. Я никак не мог справиться с пуговицами на рубашке.

Изабель оказалась гораздо проворней меня. Обнаженная, она сидела на кровати, поджав под себя одну ногу. Я потянулся к ее губам. Они были мягкими и податливыми, а язык быстрым и подвижным. Я привлек ее к себе. Она была легкой, как пушинка. И отзывалась на каждое мое прикосновение.

Ее тело словно парило надо мной, бледно мерцая в свете уличных фонарей, падавшем из окна. Темная копна распущенных волос почти целиком закрывала от меня ее лицо. Я забыл обо всем на свете.

Когда я очнулся, на меня смотрели бездонные озера глаз. Видимо, оставшись довольной осмотром, она тихонько вздохнула и уткнулась лицом мне в плечо.

— Мне так хорошо, Ник, — она провела пальцем по почти зажившему шраму на моей груди. Потом пошевелилась и отодвинулась.

— Не уходи, — попросил я.

— Я быстро!

Я смотрел, как она идет через всю комнату в ванную — такая хрупкая и одновременно такая гибкая.

Через пару минут она вернулась, налила в стакан минералки, стоявшей на столе, и забралась обратно в постель.

— Не пялся на меня так!

— Не могу!

— У меня комплексы из-за тебя разыграются.

— Какие еще комплексы? Ты само совершенство.

— Я, наверное, единственная женщина в Рио, не обращающаяся к пластической хирургии.

— Ты это серьезно?

Она кивнула.

— Для всех остальных это обычное дело.

— И чем бы ты занялась в первую очередь?

— Ну, во-первых, этим. — Она указала на свой нос. — Не мешало бы также подтянуть попу. Вот здесь. Грудь, впрочем, в порядке.

— Да уж, грудь действительно хороша, — весело поддакнул я и еле успел увернуться от удара подушкой по голове.

— Знаешь, за последние две недели я никак не мог понять, как ты ко мне относишься.

— Ты мне всегда нравился, — сказала она.

— Я надеялся, что это так. Но ты все время держалась на расстоянии. Мне казалось, что шансов у меня нет.

— Прости. Ты прав. Дело в том, что мне хотелось быть рядом с тобой, но, с другой стороны, очень не

хотелось снова вступить в отношения с кем-то из Dekker. И я... В общем, я запуталась.

Я едва не спросил ее, не новость ли о моем предстоящем увольнении послужила мне пропуском в ее постель. Но это был бы удар ниже пояса, а этого она не заслужила. Пока еще нет.

Она сказала «снова». Что она имела в виду?

— Джейми как-то сказал, что... — я замялся, не зная как продолжить фразу. — Насчет тебя и Эдуарду.

Изабель расхохоталась.

— И ты в это поверил?

— Нет, на тебя это не похоже. Если бы он сказал *Рикарду*...

Она на секунду напряглась. В любой другой ситуации я бы этого не заметил. Но после того, что между нами произошло, я ее чувствовал, как самого себя.

— У тебя ведь ничего не было с Рикарду?

Она хотела было возразить, но потом передумала.

— Было.

— Хм.

— Это длилось недолго.

— Только не вздумай оправдываться. Если не хочешь, не рассказывай...

— Но я хочу. Я хочу хоть с кем-то поделиться.

— Это другое дело. Тогда давай делись.

— Это случилось вскоре после того, как я пришла в Dekker. Президент одного из банков Сан-Паулу пригласил нас провести уик-энд на лыжном курорте в Аспене. Рикарду был в великолепном настроении. Кон-

тора только что завершила год с блестящими показателями... Между нами будто искра проскочила. Он умеет находить подход к людям. Но мне кажется, тогда все-таки было иначе.

Она посмотрела на меня, словно убеждаясь, верю ли я ей. Я верил.

— Продолжай.

— Понимаешь, я была просто околдована. Как он смотрел на меня... Это было... Это было так же, как смотришь ты.

— Ты хотела сделать мне комплимент?

Она проигнорировала мой язвительный тон.

— В общем, там все и случилось. Потом мы часто вместе ездили в командировки.

— А что обо всем этом думала Люсиана?

— Она ни о чем не знает.

— Твое счастье. Не хотел бы я перейти ей дорогу.

— Но она-то ему изменяет! Всем в офисе это прекрасно известно. Всем — кроме Рикарду. Спроси того же Джейми.

Я нахмурился.

— Ну хорошо, ты прав. А я — нет. Больше такого не будет. Особенно после всего.

— Чего «всего»?

— Он меня бросил.

— Страдала?

— Да. Очень. Он сказал, что не должен был все это начинать. Что впервые изменил жене. Что поставил

под удар свое семейное счастье и свою работу. Что служебный роман — это не есть хорошо.

— В общем-то я с ним согласен.

— Его выдержке можно только позавидовать. Интересы Dekker для него превыше всего. И он всегда говорит о том, как важна для него семья — хотя при этом почти не видится с Люсианой. Это, скорее, некий придуманный мир, в который он сам поверил.

— А ты поверила ему? Насчет того, что это для него было впервые?

— Да. Конечно, любая женщина хочет верить в это, но я думаю, он говорил правду. Мне кажется, его испугало то, что ему изменило его хваленое самообладание.

Я смотрел в потолок, обдумывая услышанное. Мне не понравилась эта история. И дело не только в ревности. Я хотел, чтобы Рикарду исчез из моей жизни, а теперь он входил в нее еще глубже.

— И как вы сейчас?

Она вздохнула.

— Чисто деловые отношения. Он дружелюбен, но относится ко мне точно так же, как к остальным. Я пытаюсь вести себя так же. Правда, не всегда удается.

— А откуда взялись разговоры о тебе и Эдуарду?

— Видимо, народ заметил, что со мной что-то происходит. Просто на ум пришел не тот Росс, вот и все. — Ее передернуло. — Эдуарду... Меня тошнит даже при мысли об этом.

— А как ты жила потом?

— Никак. Больше никого не было. До сегодняшнего дня.

Я не мог на нее долго обижаться.

— Мне безусловно не следовало этого делать, — она поцеловала меня.

Мы жили в отеле для бизнесменов, расположенном между рекой Пиньейрус, отдававшей странным металлическим запахом, и автострадой. Сквозь смог пробивался красный рассвет. Из окна был виден пустырь с футбольным полем и небольшой фавелой. Изабель говорила, что хороших видов в Сан-Паулу вообще не бывает, а здесь хотя бы вся техника была на должном уровне. Кроме того, отель располагался не очень далеко от аэропорта.

Я пошел в свой номер переодеться и вернулся через несколько минут за Изабель.

Увидев меня, она рассмеялась.

— Ты выглядишь ужасно.

Я посмотрел в зеркало. Темные круги с желтоватыми краями вокруг глаз. М-да...

— На себя посмотри.

Она зевнула и потянулась. Какой желанной она сейчас была. Усталой — но желанной.

— В муниципалитете подумают, что мы всю ночь работали над проектом, — усмехнувшись предположил я.

Изабель рассмеялась.

— Англичане так бы и подумали. Но эти ребята — бразильцы. Они будут уверены, что мы провели бурную ночь.

— Только этого не хватало.

— Да ладно, какая разница! Тем более к таким вещам они относятся с пониманием.

Подозреваю, что бразильцы обо всем догадались, но их это ни в коей мере не заботило. Мы хорошо поработали и многое успели сделать. Закончили в шесть и провели субботний вечер в постели, питаюсь тем, что заказывали в гостиничном сервисе.

Изабель как истинная *caríosa* даже слышать не хотела о том, чтобы проторчать все выходные в Сан-Паулу. Она предложила вылететь в Рио в воскресенье утром — с тем чтобы вернуться в понедельник. Мы могли бы погулять по пляжу, а потом поужинать с ее отцом.

Поначалу я был не в восторге от такой перспективы. Мне не слишком хотелось снова оказаться на одном из пляжей Рио. Но Изабель уверила меня, что этот пляж абсолютно безопасен, а ужинать с ее отцом мы будем, скорее всего, в яхт-клубе, где есть вооруженная охрана. Я устыдился своего малодушия и, конечно, согласился.

Мне казалось, что я уже знаю все городские пляжи, но я ошибался. Пойнт оказался небольшим участком Барра да Тижука, пляжа, располагавшегося южнее Ипанемы. Я захватил с собой полотенце и книгу в надежде, что нам удастся еще и позагорать, но из этого ничего не вышло.

На пляже яблоку упасть было негде. Атлетического вида мужчины демонстрировали великолепную мус-

кулатуру — результат регулярных тренировок. У женщин была гладкая и нежная, загорелая кожа, купальники бикини практически ничего не скрывали, скорей наоборот. В Бразилии очень трепетно относятся к женским округлостям, поэтому дамы всячески стараются их подчеркнуть.

Бикини Изабель состоял буквально из нескольких веревочек, выглядела она сногсшибательно. Не смотреть на нее было выше моих сил, поэтому я и пялился вовсю.

Но самое удивительное, что никто не лежал на солнце и не читал книги, как это обычно бывает на европейских пляжах. Здесь все сидели на песке или на корточках, стояли — парами или группами — и болтали без умолку. Шум стоял невыносимый. Я закрыл глаза. Разговоры, крики, звонки мобильных — я словно попал в набитую посетителями кафешку.

Изабель, казалось, здесь знали все и были ей рады. Ко мне тоже отнеслись вполне по-свойски. Несмотря на свою вызывающе бледную кожу, я чувствовал себя вполне комфортно. Вокруг нас словно по волшебству возникали бутылки местного пива, и вскоре я окончательно расслабился, очарованный всеобщим дружеством.

Я с интересом наблюдал за Изабель и ее друзьями. Ее будто подменили. Она улыбалась, смеялась, сплетничала, спорила — делая все это радостно, открыто и свободно. Это было как в сказке — словно настоящая Изабель, та, которую я открыл для себя всего день

назад, внезапно вынырнула из-за длинной, зловещей тени Dekker Ward.

Часа в четыре мы поймали такси и отправились в отель. Зажегся красный светофор, машина остановилась. На углу, прислонясь к сине-белому автомобилю, стояли двое полицейских в бейсбольных кепках и темных очках. У них на груди красовались жетоны с фамилиями. Прямо перед ними две девчонки пытались подзаработать на проезжавших, протирая стекла авто. Удавалось им это плохо. За спиной стражей порядка долговязый тип в каких-то лохмотьях справлял малую нужду прямо на боковое стекло чьей-то машины. Полицейские курили и с деловым видом оглядывали территорию.

Движение увлекло нас дальше, мимо пляжа Ипанема и *того* злополучного места. Фавела, нависшая над пляжем на краю обрыва, казалась оживленной, но мирной. Где-то там обитали и те, кто напал на меня.

Изабель погладила мою руку.

— Попытайся забыть.

— Постараюсь. — Я отвернулся, до конца поездки мы молчали.

На этот раз мы пошли в мой номер и продолжили начатое вчера. Мы уже не торопились и предавались любви долго и со вкусом. Наши тела блестели от соли и солнца.

Потом, когда мы отдышались, я задал ей вопрос, который стал для меня очень важным.

— Мы будем видеться в Лондоне?

— Конечно.

Я облегченно выдохнул.

Рассеянно перебирая ее волосы, я размышлял о том, куда нас все это может привести. Отношения с Джоанной были единственной серьезной связью за всю мою жизнь. Мы прожили вместе пять лет — пять лет, которые теперь казались мне потраченными впустую. Конечно, бывали у нас и хорошие времена, но сейчас они как-то не приходили на ум. Зато я хорошо помнил ежедневные стычки из-за мелочей, в которых всегда уступать приходилось мне. Когда она наконец сбежала с Уэсом в Америку, я только обрадовался своей вновь обретенной свободе.

С тех пор я старательно избегал близких отношений. Я встречался с женщинами, но никогда не заходил далеко. Я побаивался серьезности в чувствах и ревниво оберегал свою свободу. До сих пор.

Изабель была совсем другая. Сильная, независимая, естественная, добрая, нежная. И ослепительно, возмутительно красивая.

Я говорил себе, что ради нее стоит рискнуть, — убеждая себя так, словно я действительно мог владеть своими чувствами. Да нет, конечно же, не мог. Я уже давно потерял от нее голову. И теперь жил в радостном предвкушении будущего.

Хотя Dekker был в тысячах миль от нас, на завтра нам предстояло возвращаться в Сан-Паулу, чтобы продолжить работу над проектом. Но по возвращении в Лондон я сразу же подам заявление. Интересно, как

Рикарду это воспримет? Вряд ли с удовольствием. А Эдуарду? Меня передернуло.

— Это правда, что младшенький когда-то убил? Какого-то студента?

Изабель ответила не сразу. Ее голова по-прежнему покоилась на моей груди.

— Нет. Неправда, — наконец сказала она.

— Честно говоря, меня бы это не удивило. Но... Что ж, значит, еще один миф.

— Не совсем.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Студента убил Рикарду.

— ???

Она приподнялась, опершись на локоть.

— Все произошло абсолютно случайно. На одной вечеринке в Каракасе. Парень крепко подвыпил и ударил Росса, который просто болтал со своей подружкой. Тот в ответ ударил его сильнее, чем хотелось бы, и парень, перевалившись через перила балкона, упал вниз с четвертого этажа. Вот такая грустная история.

— Значит, Эдуарду ни при чем?

— Не совсем. Было множество свидетелей, друзей того студента. Приехала полиция, Рикарду очутился в тюрьме. Но тут появился Эдуарду и все уладил.

— Как?

— Не знаю. Но он уже тогда умел делать такие вещи.

— Он сам тебе об этом рассказал?

— Да. Он до сих пор испытывает чувство вины. И благодарности к брату.

— Надо думать...

Его чувство вины было мне понятно. Я хорошо помнил тот вечер в Оксфорде, когда Джейми сцепился с двухметровым черным регбистом из университета Кейптауна. Рост противника никогда не был препятствием для Джейми. Наоборот, его удар головой в корпус становился еще эффективнее. Южноафриканец отлетел и рухнул на проезжую часть. По пустой улице на большой скорости ехал фургон. Водитель резко ударил по тормозам. Он зацепил упавшего, но самую чуточку, практически не причинив ему никакого вреда. Но промедли водитель хоть на миг...

— Вообще-то отношения братьев выглядят довольно странно, — сказал я. — Теперь понятно почему.

— Не только поэтому. Я думаю, отчасти дело и в их отце. Он, судя по всему, был вполне преуспевающим бизнесменом. Сыновья его почти не видели — как, собственно, и жена, главной заботой которой было тратить деньги, заработанные мужем. Рикарду преклонялся перед отцом. Говорил, что всю жизнь пытался доказать ему, что тоже чего-то стоит, но тот просто не обращал на это внимания, и Рикарду каждый раз приходилось удваивать свои усилия.

— Да, он мне как-то рассказывал об этом. А что Эдуарду?

— Я думаю, Рикарду — аргентинец, а вот Эдуарду — венесуэлец. Их мать, кажется, хотела, чтобы Эдуарду учился в Венесуэле. Рикарду там практически никогда не жил — во всяком случае, став взрослым, но

Эдуарду провел там много времени. Модная одежда, шикарные автомобили, катера, девочки, жилье в Майами. Типичный представитель золотой молодежи.

— И машина под стать.

— Знал бы ты, сколько раз он пытался меня в нее затащить!

Я хмыкнул. Мне это было очень понятно.

— Но потом, — продолжала Изабель, — их отец запил. В начале восьмидесятых, когда рухнули цены на нефть, его бизнес накрылся, и он пытался залить горе выпивкой. А в шестьдесят два года умер. Рикарду тогда было двадцать семь. Ты знаешь, насколько серьезно он ко всему относится. Заботу о матери и брате он воспринял как личный долг. Особенно о брате, он тогда уже вовсю подсел на наркотики. Рикарду нашел деньги на одну из лучших реабилитационных клиник в Америке и убедил младшенького лечь в нее.

— Значит, Эдуарду больше обязан Рикарду, чем тот ему?

— Это палка о двух концах. Они всегда выручают друг друга. Но не думаю, что они столь уж дружны. Эдуарду считает, что Рикарду слишком щепетилен и помешан на том, чтобы все контролировать. Он просто завидует успеху брата и хочет сам добиться такого же положения. А Рикарду убежден, что Эдуарду слишком безалаберный и что он опасен и для себя, и для окружающих. И оба они правы. Но друг за друга стоят горой. Хотя я считаю, что им было бы лучше, если бы они вообще не имели друг с другом никаких дел.

Она рывком поднялась с кровати и, обнаженная, подошла к окну.

— Смотри, кажется, тебе доведется увидеть настоящую грозу в Рио.

Я подошел и встал рядом, обняв ее за плечи. Небо на горизонте было темным и плотным. Черная полоса росла, быстро двигаясь в нашу сторону. Бриз, дувший из открытого окна, стал мягче, но одновременно тяжелее. Город, еще несколько минут назад залитый светом, словно съехался перед лицом грозных туч. Потом темная масса накрыла все, затянув небо сплошной чернотой и обрушив вниз потоки воды. Огромные капли через открытое окно влетали и в комнату. Двор под нами превратился в тысячи брызжущих водой фонтанчиков, образовавшихся от ударов ливня по лужам, а поверхность плавательного бассейна покрылась мириадами сердитых водоворотов.

— Боже, вот это зрелище, — сказал я.

— Нам лучше выезжать сейчас. Движение в такую погоду становится просто кошмарным.

Мы быстро сполоснулись, переоделись и вышли ловить такси. Устраиваясь на заднем сиденье, я вдруг заметил знакомое лицо. Когда мы тронулись с места, я обернулся и посмотрел в окошко.

— Что там? — спросила Изабель. На кончике ее носа висела капля воды.

— Кажется, я узнал водителя такси, стоявшего за нами. Могу поклясться, это он сегодня утром подждал кого-то в аэропорту.

— Где он? — Она завертела головой.

Но за плотной завесой тропического ливня было ничего невозможно разглядеть.

— Сейчас не вижу, ни его, ни машины. По-моему, это был «фиат». Синий.

— Ты уверен?

— Честно говоря, нет. Может быть, просто воображение разыгралось.

Она взяла меня за руку.

— Ты просто нервничаешь из-за того, что с тобой здесь случилось. Но Рио не так опасен, как ты думаешь.

— Может быть, может быть. — Время от времени я все-таки оборачивался, но так ничего и не увидел.

С Луисом мы договорились встретиться в яхт-клубе. Поездка заняла без малого час. Машины едва ползли. Потоки воды при малейшем уклоне превращались в ревущую бурную реку, а вода достигала верхнего края колес.

Когда мы добрались до места, уже стемнело. Луис ждал нас. Отец с дочерью крепко обнялись. Мне показалось, что он рад видеть и меня. Клуб располагался у небольшой пристани, и при желании мы могли взять одну из яхт и выйти в исхлощенное водяными плетями море. Ливень постепенно перешел в обычный дождь, и можно было различить высотные здания Ботафого на другой стороне залива и фантастические очертания горы со смешным названием «Сахарная голова», возвышавшейся над городом.

Я пил непреременный кайпериньо — ни одному иностранцу в Бразилии не удастся избежать этого напитка, — и ел восхитительно вкусную рыбу, названия которой не удосужился узнать. Луис и Изабель старательно избегали опасных тем, девушка казалась оживленной и счастливой.

— Так тебе не очень хотелось проводить уик-энд в Сан-Паулу, а, Ник? — спросил Луис с улыбкой.

— По-моему, это Изабель не очень жаждала оставаться там.

— Куда ты его водила? — спросил он дочь.

— На Барра да Тижук.

— О, прекрасно. Думаю, тебе понравилось все, что ты увидел, Ник?

— *Parai!*

Я улыбнулся.

— Один из наших поэтов как-то сказал: «Вода, кругом вода — а выпивки ни капли».

Луис расхохотался, а Изабель почему-то на меня сердито посмотрела.

— Хорошо, что ты смогла выкроить часок повидаться, — Луис, заметив ее взгляд, перевел разговор на другую тему.

— Жаль, что не смогу остаться у тебя на ночь. Надо быть в аэропорту рано утром, да и ты сегодня весь день проторчал в Петрополисе. Нам с Ником проще остановиться в отеле, а уже оттуда двинемся.

Фраза получилась торопливой и сбивчивой. Луис, похоже, обратил на это внимание. Я сделал вид, что ничего не заметил.

Он покладисто кивнул.

— Ничего страшного. Я все понимаю. Ты уже успела привыкнуть к Sorocabana Palace, тебе там удобней. В любом случае, — он изобразил шуточный церемонный поклон, — я рад, что ты поделилась со мной этот скромный ужин.

Изабель покраснела и сделала вид, что увлечена едой.

— Жаль, что с проектом ничего не вышло.

— Мне тоже. Рикарду раскрутил весь этот скандал. Смех один, мафию приплели... Он просто хотел, чтобы Bloomfield Weiss не увела у нас право на разработку идеи.

— Я так и подумал. То, что писали газеты Освальду, меня не убедило ни в малейшей степени. Да я их, честно говоря, не особо и читаю.

— Но сейчас у нас появился еще один шанс. Власти города очень заинтересованы в аналогичном контракте.

— Вот и хорошо. Что ж, удачи с новой затеей. Значит, завтра вы снова летите туда?

— Летим.

— И не забудь, Ник, что в Сан-Паулу вполне можно выдыхать. А вот вдыхать там не рекомендуется.

Я рассмеялся.

— Учту.

Около полуночи мы наконец встали из-за стола. Дождь превратился в обложной, готовый поливать город всю ночь.

— Вас подвезти? — предложил Луис.

— Нет, не надо, — отказалась Изабель. — Я попросила таксиста, чтобы он вернулся за нами сюда. Наверное, и так уже пару часов прождал.

Луис подозрительно прищурился и хмыкнул. Я увлеченно смотрел в сторону.

— Ну что ж, тогда до встречи, детка. — Он поцеловал дочь, потом протянул мне руку. Я заставил себя посмотреть ему в глаза и с огромным облегчением увидел в них дружелюбие. И больше ничего. Мы обменялись рукопожатием. — Приятно было снова встретиться, Ник. Если соберетесь когда-нибудь в Рио, обязательно загляните ко мне.

— Спасибо. Непременно загляну.

Он побежал под дождем к своему лимузину, а мы нырнули в подъехавшее такси.

— Почему мы не поехали с ним?

— Не знаю. Как-то это... — она запнулась, подбирая слова. — Представь, как он высаживает нас вместе возле отеля.

— По-моему, он и так обо всем догадался.

— Серьезно? Ну, значит, так тому и быть. Кажется, ты ему нравишься.

— Он мне тоже нравится.

Изабель улыбнулась и устроилась поудобней.

— Как же я устала...

После всей выпивки и бессонной ночи я тоже с трудом удерживал глаза открытыми. Дорога впереди была почти пустой, если не считать ехавшей перед нами машины. Вдруг она остановилась.

Водитель выругался и резко затормозил, гневно надавив на клаксон. Внезапно впереди, слева и справа заматались чьи-то тени. Водитель запоздало ударил по кнопке блокировки. Клацнули предохранительные защелки на дверях. Мы сдали назад и тут же почувствовали удар. Я обернулся. Еще один автомобиль перекрыл сзади путь к отступлению. Водитель сменил тактику. Такси рванулось вперед и влетело в машину, остановившуюся перед нами. В ту же секунду его стекло разлетелось вдребезги. В образовавшемся проеме возник пистолетный ствол, а голос за ним резко выкрикнул что-то. Таксист снял руки с баранки и заблокировал левую переднюю дверцу.

Изабель закричала.

Дверца с моей стороны распахнулась, в щеку мне уткнулся ствол пистолета. Мужчина в вязаной шапочке, скрывавшей лицо, что-то прокричал на португальском. Я до сих пор помню его глаза. Карие, с расширившимися зрачками, в которых застыло выражение панического страха. В вырезах для глаз виднелись густые брови и кустики волос, росших на переносице. Пистолет был серебристого цвета, что-то вроде кольта 45-го калибра. Рука, изо всех сил сжимавшая оружие, дрожала от напряжения. Чудо, что сведенный судорогой палец еще не нажал на курок.

Этот тип был на грани нервного срыва.

Крик перешел в истерический визг. Я с трудом выдавил из себя: «*Não entendo*»*. Он продолжал во-

* Не понимаю (*португ.*).

пить. Я почувствовал толчок, это Изабель выдернули из машины, но я не мог оторвать взгляда от дула пистолета.

Тип в маске наклонился и, продолжая орать, схватил меня за лацкан пиджака. Я послушно выбрался наружу, под струи дождя. Он толкнул меня в спину по направлению к стоявшей сзади машине. Я слышал, как кричала Изабель, которую волоком тащили в передний автомобиль.

Чьи-то руки нервным рывком спихнули меня в промежуток между сиденьями. Я застрял. Переднее сиденье дернулось вперед, и я упал лицом на пол, вонявший пылью и сигаретным дымом. Один из нападавших сел в нашу машину. Захлопнулась дверца, холодный ствол уперся мне в шею.

Раздался резкий окрик на португальском, и мы рванули вперед. Визжа тормозами, машина заложила крутой вираж, тут же выехав на прямую дорогу. Мы ехали быстро и ровно, однако я понятия не имел, в каком направлении.

0,4583
 0,7733,9913
 0,9615,3147
 0,5340,6652
 0,0197

0,2918
 0,6135
 0,1527
 0,2389
 0,4391
 0,6308
 0,4986
 0,3527

0,2589

8,6308

0,4986

0,3527

17

Я пытался собраться с мыслями. То, что нас похитили, очевидно. Лишь бы они не причинили вреда Изабель! Интересно узнать, куда нас везут и что намерены с нами делать. Если нас похитили, то мы нужны им живыми. Стоит это запомнить. Надо постараться не злить их и делать все, что они хотят.

Но кто заплатит выкуп? За Изабель, конечно, Луис. А за меня? Рикарду, если верить тому, что о нем говорят, всегда заботится о своих людях. Слава Богу, он не знает о том, что я собирался уволиться.

Как долго все это продлится? Говорят, похищения в Рио — обычное дело, так что Изабель, возможно, знает, как себя вести в таких ситуациях.

Я лежал скрючившись, ноги-руки затекли. Я попробовал пошевелиться, но тут же услышал окрик, а ствол пис-

толета чувствительно посоветовал не рыпаться лиш-
ний раз.

Машина замедлила ход и съехала с дороги. Еще
через несколько минут мы начали подниматься в гору,
поворачивая то влево, то вправо по серпантину.

Так продолжалось полчаса — а, может, и час, труд-
но сказать. Мы повернули еще раз, машина, вибрируя
от натуги, передвигалась рывками. Грунтовка, размы-
тая дождем. Мы взбирались по еще более крутому
склону, который постепенно выравнился. Приехали.

Мне завязали глаза какой-то черной плотной тканью.

Я слышал голоса и звуки открывающихся и хлопа-
ющих автомобильных дверей. Чья-то рука схватила
меня за шиворот и выволокла наружу. Я и сам был
рад оказаться на свежем воздухе. Я выпрямился и по-
тянулся, разминая онемевшие конечности.

Через повязку не видно было ничего. Дождь пре-
кратился. Воздух был наполнен звуками: стрекотани-
ем сверчков и цикад, кваканьем лягушек, криками
ночных птиц.

— Изабель?

— Я здесь!

— *Cale a boca!** — заорал кто-то над самым моим
ухом.

В ту же секунду пистолет ткнул меня под ребро.
Ничего! По крайней мере, я теперь знал, что она жи-
ва и находится здесь же.

* Заткнись! (*португ.*)

Похитители что-то оживленно обсуждали. Я различил четыре голоса. Мне связали руки, так туго, что веревка больно врезалась в кожу. С уже ставшим почти привычным толчком в спину одновременно раздался резкий окрик по-португальски. Я догадался, что это означало «шевелись».

Дорога под ногами была мокрой и грязной. Мы начали подниматься по узкой тропинке вверх по склону холма. Ветки кустов нещадно хлестали меня по ногам. Снизу доносился звук отъезжающих машин. С повязкой на глазах я не мог защититься от веток, царапавших лицо. Пробираясь через неведомые джунгли, я был сейчас во власти первобытного страха, опасаясь змей и невидимых обрывов.

Примерно через час подъем стал менее крутым, и идти стало гораздо легче. Еще минут через десять я услышал оклик «*Pare!*», и мы остановились.

Пока я пытался отдышаться, с меня сняли повязку.

Мы стояли на небольшой поляне посреди густого леса. Была ночь, но после повязки я видел как кошка в темноте. Между тремя деревьями была растянута брезентовая палатка, метрах в десяти от нее — еще одна. Я увидел Изабель и двоих мужчин в шапочках-масках. Тот, что снял с меня повязку, стоял в двух шагах, наставив на меня пистолет. Сквозь прорези на меня смотрели темные настороженные глаза.

Освободившись от повязки, Изабель начала озираться, и наши взгляды встретились. Похоже, с ней все в порядке, хотя, присмотревшись, я понял, что то,

что показалось мне тенью на ее щеке, было кровоподтеком. Эти подонки осмелились ее ударить!

Один из них вынул из мешка, лежавшего на земле, наручники и цепь. Другой по-прежнему держал нас под прицелом. Еще несколько секунд относительной свободы, и нас посадят на цепь. Свободы — если не считать связанных рук и нацеленного пистолета.

Мысли Изабель, видимо, двигались в том же направлении, потому что когда человек, достававший наручники, выпрямился, она изо всех сил ударила его ногой в пах.

Второй бандит немедленно повернул ствол в сторону Изабель.

— Нет! — я бросился к нему.

Он все еще колебался, не нажимая на курок. Может быть, не хотел хладнокровно расстреливать женщину — не знаю. Я нанес рубящий удар по его правому запястью, и он выронил оружие. Сейчас он был ближе к пистолету, чем я, и лучшее, что я мог сделать, — это отфутболить пистолет в кусты, прежде чем мой противник сможет до него дотянуться.

— Беги! — крикнул я.

К опушке сходились две тропы — та, по которой мы пришли, и еще одна, ведущая к спуску по другую сторону холма. Изабель выбрала ее, я ринулся вслед за ней. Тот, кого она успела ударить, стонал, держась за ушибленное место, второй пытался найти в кустах свой пистолет.

Тропинка круто спускалась вниз, и мы отчасти бежали, а отчасти скользили по ней. Невозможно удерживать равновесие со связанными руками, и мы падали, дальше скользя на спине. Я скатывался, вскакивал и прыжками несся вниз по склону. Изабель отставала. Сейчас она скользила прямо по направлению ко мне, но внезапно остановилась. Ее связанные руки зацепились за куст. Я полез обратно.

Выше по тропе раздался треск. Один из бандитов сейчас съезжал по склону. Без оружия.

Веревка и ветки были мокрыми, и мне никак не удавалось освободить Изабель.

— Беги отсюда!

Не обращая внимания на ее слова, я продолжал возиться с веревкой.

— Беги! Оставь меня!

Я выпрямился и увидел, что первый похититель уже в нескольких шагах от нас. Его напарник что-то прокричал, раздался выстрел.

Остаться? Смогу ли я помочь ей, оставшись — или, наоборот, если сбегу от бандитов?

Одному Господу известно.

— Бога ради, беги! — закричала она.

Я побежал.

Спускаясь по тропинке я споткнулся, посмотрел вверх. Бандиты остановились рядом с Изабель. Только бы с ней ничего не случилось!

Я опять побежал, не обращая внимания на глубокие царапины от веток и камней, стараясь не сойти

с тропы. Минут через десять остановился и прислушался.

Ничего, кроме обычных звуков ночного леса. Меня никто не преследовал. Я сел, прислонившись к стволу дерева и перевел дыхание.

Высокие деревья с раскидистыми ветвями почти полностью закрывали ночное небо. Ниже лес был темным, мрачным и влажным, а вся земля покрыта густой растительностью. Нельзя и думать о том, чтобы свернуть с тропы. Со связанными руками далеко не уйдешь. С другой стороны, кто поручится, за то, что, выйдя на дорогу, я не нарвусь на поджидающих меня бандитов? Выбора не было. Надо торопиться.

Если заблудишься в горах Шотландии, то самое надежное — двигаться вниз по склону. Рано или поздно выйдешь к какому-нибудь жилью. Наверное, та же теория годилась и для бразильского леса. А я был почти уверен, что нас привезли в лес Тижуча, клочок бразильской сельвы к западу от Рио. Рано или поздно я выйду к людям. Должен выйти.

Через полчаса я вышел к вымоине. Она была образована огромными валунами, между которыми журчал неглубокий поток. Камни наверняка принесло сюда какое-то наводнение. Можно представить себе силу водяной стихии — особенно после недавно прошедшего ливня. Я усмехнулся про себя, только наводнения сейчас не хватало.

Мне не улыбалось сейчас попасться кому-нибудь на глаза, поэтому я решил сойти с тропы. Было совсем

не просто идти среди валунов и обломков скал в темноте, поэтому продвигался я медленно.

Небо начало понемногу светлеть, ниже по склону показался мост. А что, если они ждут меня на мосту? Или у дороги? Лучше всего пройти под мостом и ниже по течению ручья, до тех пор пока не дойду хоть до какого-нибудь обжитого места.

Усталость давала о себе знать. Ноги были исцарапаны, в ссадинах от веток и камней, все мышцы тела ныли от перенапряжения. В Бразилии светает рано, и сейчас я отчетливо видел только лес и крутые холмы, вершины которых скрывались в облаках. Ночные звуки стихли, наступила странная тишина. Зловещая тишина, мрачный лес, пронизывающая сырость. Внизу не было ничего — сплошная серая полоса. Я начал замерзать.

Внезапно я заметил, как в воздух поднимаются кло-чья светло-серого дыма! Жилье!

Дым поднимался над довольно большим домом, задней стеной выходившим к протоку. Преодолевая усталость и боль, побрел туда. Шатаюсь как пьяный, обогнул дом. Какой-то ресторан. Или закусовая. Я нажал на кнопку дверного звонка.

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,2918
0,6135
0,1527

0,7733,4391
0,9615
0,5312
0,0197
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733 0,
0,9615 0,4583
0,5312 0,9913
0,0197 0,
0,3147 0,
0,6652 0,
0,2589 0,
0,6308 0,
0,4986 0,
0,3527 0,
0,9913

18

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589

6308

4986

3527

Владелец ресторана говорил по-английски. Он заставил меня поесть, прежде чем самолично отвез в отель. Дорога заняла два часа, и большую часть времени сожрали утренние пробки в Рио. Мой добрый самаритянин не возражал, когда я попросил не сообщать ни о чем в полицию. Сначала мне хотелось поговорить с Луисом. Бразильская полиция оставалась пока уравнением со многими неизвестными. Я боялся, что, обратившись к ней, подвергну жизнь Изабель еще большему риску.

Когда в изодранной одежде я ввалился в холл гостиницы, служащие не смогли скрыть своего изумления. Я отправился напрямик к себе. Отыскав нужный номер, я позвонил Луису.

— Ник? Что случилось? — Глубокий голос звучал вполне приветливо, но вместе с тем недоуменно.

— Изабель похитили.

Молчание.

— Где ты сейчас? — спросил он после долгой паузы.

— В отеле.

— Ты можешь приехать прямо ко мне домой? Я буду там через полчаса.

Я быстро принял душ, переоделся и через тридцать пять минут прибыл на место. Луис уже ждал, расхаживая взад и вперед по большой гостиной. Он жестом пригласил меня сесть на низкую плетеную софу, а сам устроился в кресле напротив. Выглядел он спокойно и деловито.

— Рассказывай.

Я рассказал о похищении и о нашей неудачной попытке бегства.

Когда я договорил, Луис вздохнул.

— Похищения — обычное дело в Рио. Я знал, что это может рано или поздно произойти, но, честно говоря, думал, что это скорее случится со мной или с Корделией.

Он помолчал с минуту, глядя куда-то поверх моего плеча. Потом его глаза снова остановились на мне.

— Есть один человек, Нельсун Зарур. Он часто консультирует меня по таким вопросам, советует, какие меры предосторожности предпринять, — и так далее. Специалист по охране и безопасности. Он помог семье моего друга, когда того похитили. Надо позвонить ему.

— Мне остаться?

Луис кивнул.

— Если ты не против. Кроме того, нам нужно связаться с вашей конторой. Черт, придется обо всем рассказать Корделии. — Его взгляд затуманился. — В такое время хорошо, чтобы кто-то из друзей Изабель был рядом.

Конечно, хорошо, только вопрос в том, насколько хорош этот друг. Во всяком случае, меня обрадовала возможность остаться.

Луис сделал несколько звонков. Я не понял, о чем он говорил. В большинстве случаев тон его голоса был прежним: спокойным и уравновешенным. В какой-то момент его лицо исказила болезненная гримаса — он явно говорил с Корделией. Потом он вышел из комнаты. Минуту спустя я услышал громкие горестные вскрики. Мария.

Было непросто вот так сидеть и ждать, ничего не делая и лишь наблюдая, как кто-то другой прорабатывает план спасения. Я никак не мог отойти от шока, как физического, так и психологического. Мышцы ныли и болели, синяки и ссадины напоминали о себе при каждом неосторожном движении. Детали похищения всплывали в памяти одна за другой, в том числе и безрассудный поступок Изабель. Если бы бандит не замешкался на секунду, она могла погибнуть. Хотя, возможно, она все рассчитала: похитители без крайней необходимости не пойдут на убийство.

Теперь же перед глазами снова всплыло то мгновение, когда я оставил ее, — с руками, запутавшимися в кустах. Она сама хотела, чтобы я бежал, но мне все-таки казалось, что надо было остаться с ней, и будь что будет.

Что они делают с ней? Бьют? Мучают в наказание за побег?

И самый главный вопрос. Сможем ли мы вернуть ее живой и невредимой?

Луис повесил трубку и жестом указал на телефон.

— Может быть, ты позвонишь на работу?

Испытав облегчение от того, что хоть что-то могу сделать, я набрал номер в Лондоне.

— Рикарду, это Ник.

— Что случилось?

— Изабель похитили.

— Как?

Он воспринял мой рассказ с убийственным спокойствием, словно мы обсуждали неудачную сделку.

— Я понял, Ник. Не дергайся. Похищение — популярный вид спорта в Рио. Практически всегда это кончается выплатой выкупа, после чего жертву отпускают.

Я опешил. Я предполагал, что Рикарду может быть жестким и даже жестоким. Но неужели он сможет...

Он сам ответил на мой не высказанный вопрос.

— И не волнуйся. Если потребуют выкуп с нас, то мы заплатим. Все наши сотрудники на такой случай застрахованы в Lloyds.

— Разве можно страховаться от похищения?

— Можно. И мы застрахованы. Правда, до сих пор этой страховкой не приходилось пользоваться. Но процедура известна. Как только станут известны их требования, мы найдем человека для ведения переговоров. Но поскольку речь идет об Изабель, похитители скорее всего свяжутся с ее отцом.

— Он уже все знает. Я сейчас у него.

— Хорошо. Как он все воспринял? Он знает, что ему дальше делать?

— Такое впечатление, что он был готов к этому. Уже связались с каким-то специалистом по безопасности.

— Чудесно. Ты мог бы остаться в Рио, пока все не прояснится?

— Конечно.

— Вот и отлично. Держи меня в курсе.

Я положил трубку, чувствуя себя гораздо увереннее. Раз Луис и Рикарду так спокойны, можно надеяться, что жизнь Изабель вне опасности. Тем более если у них тут *так* принято... Если и мы, и похитители будем играть по правилам, Изабель скоро освободят. Рано или поздно. После того как ее Бог знает сколько продержат в какой-то чертовой дыре. Меня не очень грекла мысль, что Рикарду будет вести переговоры, где на кон поставлена жизнь Изабель. Слишком уж он бескомпромиссен.

Я старался не поддаваться панике, но удавалось это с трудом. Вдруг ей будет больно? Когда ее отпустят?

Как с ней обращаются? И почему я, черт подери, не остался с ней?

Появился Нельсун Зарур. Невысокий, с круглым желтоватым лицом и выпуклыми глазами. На нем была ярко-зеленая рубашка с короткими рукавами и светло-коричневые брюки. Луис говорил, что он бывший полицейский, сейчас на пенсии. Я дал бы вошедшему лет сорок пять от силы.

Луис представил нас друг другу и попросил Нельсуна говорить по-английски.

Мне снова пришлось рассказать о случившемся. Нельсун дешевой авторучкой делал пометки в своем блокноте, время от времени задавая уточняющие вопросы.

— Известное место, — сказал он. — Только за прошлый год три случая. Тихие улицы рядом с автострадой. В лесу Тижука всегда прятали жертв, прежде чем перевезти их в более надежное место.

— Что делать будем? — спросил Луис.

— Самое важное — помнить, что это чисто деловая операция, — сказал Нельсун. Он говорил по-английски правильно и быстро, хотя и с сильным акцентом. Нельсун казался уверенным в себе, и эта уверенность передавалась нам. Он явно знал свое дело. — У похитителей есть нечто, представляющее ценность для вас. Это они и хотят продать. А сделать это они смогут, только если товар будет в хорошем состоянии. Вот почему они должны пылинки с нее сдувать.

— Мне неприятно думать о своей дочери как о товаре, — сказал Луис.

— Вполне понятное чувство. На этом похитители и будут играть. Они сделают все, чтобы вы решили, что имеете дело с закоренелыми садистами, готовыми изуродовать вашу дочь за просто так. Но киднеперы обычно очень рациональные люди. Им нужен выкуп. Моя работа заключается в том, чтобы напоминать вам об этом, обеспечить бесперебойность нашей коммерческой операции и сделать так, чтобы Изабель вернули в целости и сохранности за как можно меньшую сумму.

Он прикоснулся к руке Луиса.

— Я был консультантом при шестнадцати похищениях. Во всех случаях, кроме двух, жертвы были возвращены живыми. Так что шансы в вашу пользу.

Луис нахмурился.

— Но она... то есть они с ней...

Нельсун прервал его.

— У нас нет возможности узнать условия содержания. Придется положиться на удачу. Но они ее не тронут. Насколько мне известно, *этого* никогда не делают.

Лицо Луиса немного прояснилось. До сих пор мысль об изнасиловании, слава Богу, даже не приходила мне в голову. Но рано или поздно я подумал бы и об этом и сейчас обрадовался словам Нельсуна.

— Вам самому нужно решить, сообщать ли о случившемся в полицию, — продолжал он. — Я со своей стороны очень советую это сделать. Они тогда будут держаться на расстоянии и не станут вмешиваться

в ход переговоров. Если мы откроем перед ними все свои карты, то шанс, что они случайно влезут во что-то в самый неподходящий момент, значительно уменьшится.

Луис колебался.

— Но если сами похитители потребуют от нас не связываться с полицией?

— Скорее всего, они так и сделают. Но полиция будет вести себя сдержанно. А вот прессу стоит держать от всего этого дела как можно дальше. Чем меньше людей в курсе, тем лучше.

— Насколько велик этот лес? — спросил я. — Полиция в состоянии их разыскать?

Нельсун покачал головой.

— Практически нереально. Когда ты исчез, бандиты наверняка оттуда убрались. Но возможно, удастся что-то выяснить, если найти место, где стояли палатки.

Луис кивнул.

— Хорошо. Полиции мы сообщим. А что дальше?

— Дальше мы будем ждать, пока похитители свяжутся с нами. Это может произойти сейчас, а может — через несколько дней.

В этот момент в комнату влетела Корделия и бросилась к отцу. Он обнял ее и прижал к себе, словно защищал от невидимой опасности. Лицо его по-прежнему было спокойным, но он долго не отпускал дочь.

Встретившись со мной глазами, Нельсун незаметно кивнул, и мы вышли небольшую гостиную, где стоял телевизор.

Нельсун повернулся ко мне.

— Пока он держится хорошо. Старая закалка. Но это не надолго. Сложно сохранять спокойствие, когда речь идет о твоей дочери.

— Бесспорно.

— Вы ее друг?

Вопрос прозвучал вполне невинно, в отличие от взгляда, который его сопровождал. Я кивнул, предоставив Нельсуну самому делать выводы.

— Мы работаем вместе. Кажется, наша фирма имеет страховку на случай похищения.

— Такая страховка в Бразилии практически не имеет силы. Но я знаю кое-какие лондонские фирмы, работающие в этой области. Передайте своему боссу, чтобы его страховщики связались со мной.

— Хорошо.

Я подумал о том, что нам приходится целиком доверять мнению этого человека. Но Рикарду утверждал, что существуют разработанные процедуры для таких случаев, и я был рад, что здесь есть кто-то, кто с ними знаком.

Еще один вопрос непрестанно мучил меня.

— Я бежал, оставив ее одну. И чувствую себя жуткой скотиной. Наверное, надо было остаться там. Как-то помочь...

Нельсун успокаивающе похлопал меня по руке.

— Чувство вины — одна из первых и самых обычных реакций семьи и друзей на похищение. Вины за то, что они должны были сделать что-то, чтобы пре-

дотвратить случившееся. Такое чувство — не просто потеря времени. Оно может помешать мыслить рационально и делать нужные шаги по освобождению человека.

— Но если бы я остался с ней, я мог бы ее как-то приободрить. Помочь ей пройти через все это.

Нельсун понизил голос.

— Честно говоря, Ник, вам здорово повезло. Изабель в безопасности. У нее богатый отец, готовый в любой момент внести за нее выкуп. А вы? Вас они могли убить просто для того, чтобы показать серьезность своих намерений. Поверьте, вам куда лучше быть здесь.

По моему телу прошла дрожь. Наверное, Нельсун прав. Но я бы сделал все, все что угодно, только бы выволить Изабель.

Остаток дня я провел в квартире Перейры. Приходил представитель полиции, назвавшийся да-Силвой, — в таком же помятом костюме и с таким же кричащим галстуком, которые носят сыщики на всей планете. Как и предполагал Нельсун, он согласился пока ни во что не вмешиваться. Да-Силва расспрашивал меня около часа, выуживая все детали, которые я мог вспомнить. К телефонной линии подключили подслушивающее устройство.

Ожидание всегда невыносимо, а ведь еще все только начиналось. Луис безуспешно пытался заниматься делами банка. Он бесцельно слонялся по квартире, беря в руки то одни, то другие документы.

Корделия осталась с нами. Какое-то время она делала вид, что читает, но потом сдалась, включила телевизор в соседней гостиной и, не моргая, уставилась на экран.

Я чувствовал себя прескверно. Хотя прошлую ночь я ни разу не сомкнул глаз, сна не было. Мне хотелось кричать, вопить, *делать* что-то.

Меня обуревали отвратительные мазохистские мысли, и я ничего с этим не мог поделать. Я цеплялся за воспоминания об упоительных минутах, которые мы провели вместе, так, словно эта ниточка могла меня привести к Изабель. Конечно же, это было глупо. Скорее всего, ее отпустят, не причинив ей никакого вреда, и мы снова увидимся. Но страх не отпускал меня.

Нельсун тоже был здесь, но старался оставаться незаметным. Ему удалось связаться со страховыми брокерами в Lloyds, занимавшимися полисами Dekker. Нельсуна там знали, и это было для меня хорошей новостью. Страховая компания была готова выплатить сумму в размере до миллиона долларов.

Телефон весь день звонил не умолкая. В банке Луис сказал, что у него заболела дочь и ему нужно побыть дома. В детали он не вдавался. Все это звучало не слишком убедительно, но кому придет в голову спорить с боссом.

Мы поужинали, и я отправился в отель. Без Изабель он казался пустым и вымершим. Я прошел в ее номер и упаковал все вещи. Мне было не по себе, когда пришлось собирать всякие личные мелочи.

Я прикасался к ним и чувствовал, что сейчас мы с ней близки как никогда, несмотря на то, что нас так варварски разлучили.

Я вернулся к себе с чемоданом и собрался лечь. Зазвонил телефон. Я посмотрел на часы. Одиннадцать.

— Алло?

— Николас Эллиот?

Голос был хриплым, а акцент настолько сильным, что я с трудом разобрал собственное имя.

— Да?

— Ваша подруга у нас. Вы даете мне миллион долларов. Я ее отпускаю.

Я принялся лихорадочно соображать. Я не умел вести подобные переговоры. Нужно связать их с Луисом и Нельсуном.

— Она не моя подруга. Мы с ней просто вместе работаем.

— Если вы не дадите миллион, она умрет! — Акцент говорившего был каким-то нарочитым, а слова словно взяты из дешевой мелодрамы. Происходящее казалось нереальным, несерьезным. Однако все было очень всерьез.

— Стоп, погодите! Позвоните ее отцу. — Я продиктовал им номер телефона Луиса.

— О'кей. — В трубке раздались короткие гудки.

Я бросился набирать номер Луиса, чтобы опередить похитителей. Он ответил сразу же. Я пересказал разговор и сказал, что выезжаю.

Я добрался за пятнадцать минут. Луис и Нельсун негромко переговаривались, Корделия внимательно слушала.

— Они требуют, чтобы мы привезли деньги в среду, в два часа ночи. Пообещали, если я не заплачу, ее убьют. Я попросил их перезвонить утром, — скучным голосом сообщил Луис.

Сегодня вечер понедельника. До назначенного времени оставалось чуть больше суток.

Я почувствовал какое-то напряжение между Нельсуном и Луисом.

— Что еще?

Они переглянулись.

— Миллион долларов в сравнении с жизнью моей дочери ничего не стоит. Я дам им то, что они требуют.

— Мы должны потребовать от них доказательства, что Изабель жива. Любые, лишь бы убедиться, что она действительно у них и что она жива, — с нажимом возразил Нельсун. — И только после этого можно договариваться о цене. Они ожидали именно такого поворота разговора.

— Но мы же знаем, что она была жива, когда ее похитили. Я не хочу их злить. И уверяю тебя, миллион долларов меня не разорит, — голос Луиса сорвался.

Нельсун помолчал и тихо произнес:

— Мы не знаем, у них ли она. Они могли обмануть.

— Обмануть? С какой стати? Никто не знает, что ее похитили. Только сами бандиты, полиция и мы.

— А каким может быть доказательство того, что она жива? — я решил, что пора вмешаться. — Фотография со свежей газетой в руках?

— Нет, это как раз несложно подделать. Самое лучшее — задать вопрос, ответ на который известен только Изабель. Если мы получим правильный ответ, значит, она у них — и она жива.

Оба выжидательно посмотрели на меня.

— По-моему, Нельсун дело говорит. Если Изабель действительно у них, вреда от этого не будет.

— Хорошо. — Луис вздохнул и потер виски пальцами.

Ночевать я остался в маленькой гостиной. Заснуть толком так и не удалось. Всю ночь я проворочался с боку на бок, обуреваемый мириадами самых разных мыслей, предположений и предчувствий.

Похитители позвонили в девять утра. Луис объяснил, что за оставшееся время не успеет собрать необходимое количество наличных. Потом он спросил, как звали любимого плюшевого медведя, с которым в детстве играла Изабель. Трубка взорвалась бранью, которую было слышно даже на расстоянии.

Бледный, как мел, Луис аккуратно положил ее на рычаг.

— Если к двум ночи денег не будет, Изабель умрет. Они не намерены ждать.

Неужели я ошибся?

Нельсун был невозмутим, как скала.

— Если она действительно у них, то они скоро перезвонят.

— А как же их требование — последний срок две ночи?

— Да никак. Глупости!

Однако за весь день никто не позвонил.

На ночь я снова остался у Луиса. Он сам настоял, а я был только рад этому. В два часа телефон так и не зазвонил. Мы угрюмо переглядывались. Бессонница и напряжение наконец-то дали о себе знать. У меня глаза закрывались на ходу. Луис с мрачным видом расхаживал по комнате. Шел уже третий день с момента похищения. Корделия уехала к себе, взяв с нас слово, что мы будем сообщать ей все новости. Вечером в среду ситуация не изменилась: никто так и не позвонил. Нельсун тоже уехал, потребовав, чтобы при любом повороте событий мы тут же с ним связались.

На ужин дали омлет и салат. Луис едва прикоснулся к еде. Все эти дни он умудрялся хотя бы внешне сохранять спокойствие, сорвавшись лишь раз, когда обсуждал с Нельсуном первое требование похитителей. И вдруг сейчас его губы задрожали, и он обхватил лицо ладонями. Он плакал.

Я немножко подождал и осторожно и коснулся его рукава.

— Ее нет в живых, — горько всхлипнул он.

— Неправда. Они еще позвонят.

— Зачем? Все очень просто. Они могли бы заставить ее позвонить мне. Но вместо этого сказали, что,

если я не заплачу до двух ночи, ее убьют. Изабель нет в живых.

— Это могла быть игра, жульническая схема. Может быть, звонившие вовсе не похитители?

— А кто же? Мы уже об этом говорили. Кроме нас и них, никто не знает о похищении.

— А почему они позвонили ко мне в отель?

— Они же следили за вами с самого отеля. Они знали, где вы остановились.

— Да, но твой номер они легко могли узнать у своей пленницы. Почему же они этого не сделали?

В логике мне было не отказать. Луис умолк на минуту. Лицо его внезапно прояснилось, но он тут же помрачнел.

— Если она уже была мертва, они ничего не могли узнать у нее.

— Луис, но им нет никакого смысла ее убивать! — Мой мозг, на протяжении последних трех дней выворачивавшийся наизнанку, внезапно успокоился. — Все ясно! Конечно, это был таксист! Он видел, как нас похитили, и сорвался оттуда. А теперь, видимо, рассказал об этом своим друзьям, с которыми и решил попытать счастья.

Луис внимательно слушал.

— Я позвоню Нельсуну и спрошу, что он обо всем этом думает.

Но прежде чем я успел протянуть руку к телефону, раздался звонок. Я замер. Луис схватил трубку.

Я взял наушник для прослушивания, который подцепил Нельсун. Голос звонившего был незнакомым.

Молодой, спокойный. Они беседовали минуты две. Я не понял ни единого слова, но увидел, что Луис, кладя трубку на рычажки, улыбается.

— Ну что?

— Это был другой человек. Сказал, что его зовут Зико. Сказал, что Изабель у него. Ему нужен выкуп. Я задал ему вопрос о плюшевом медвежонке, и это его ничуть не смутило. Он перезвонит и сообщит ответ.

Я почувствовал невероятное облегчение. Значит, первый звонивший действительно был просто мошенником. Голос Зико мне понравился куда как больше.

— Зико... Кажется, так зовут знаменитого футболиста?

— Точно. Великолепный был мастер. Играл за Flamengo, мой любимый клуб.

— Сколько он потребовал?

Луис нахмурился.

— Пятьдесят миллионов.

— Пятьдесят миллионов?! Господи! И у тебя есть такие деньги?

— В принципе моя доля в Horizonte может стоить около того. Но я же не могу обратить ее в наличность, не продавая банк. А это будет сложно сделать. Вернее, невозможно.

— Но это хоть какое-то начало, — с преувеличенной бодростью сказал я.

Луис вымученно улыбнулся.

Да. Хоть какое-то начало.

0,2945

0,7123

0,2918

0,52,91

0,6135

0,3356

0,1527

0,7733,4391

0,9615

0,5312

0,0197

0,3147

0,6652

0,2589

0,6308

0,4986

0,3527

0,2945

0,7123

0,52,91

0,3356

0,7733

0,

19

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2589
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589

Следующие два дня мы пережили гораздо легче. Зико действительно перезвонил, сказав, что медвежонка звали Лулу. Он пригрозил, что если к концу недели не получит пятидесяти миллионов, то Изабель убьют, но ни Луис, ни я не придали его словам большого значения. Мы были слишком рады, что дело сдвинулось с мертвой точки и что она жива.

Нельсун подоспел к завтраку.

— Итак, господа, обсудим план действий, — предложил детектив. На нем была кричаще-яркая лиловая рубашка. Верхние пуговицы были расстегнуты, на груди курчавилась седеющая завитка. Он говорил четко и деловито. Он уже доказал свою правоту, сказав, что первым звонком нас просто брали на пушку.

— Обсудим, — эхом отозвался Луис.

— Надо понять, какую сумму ты готов заплатить за Изабель.

— Что за бред? — Перейра возвысил голос, но быстро взял себя в руки. — Что значит «какую»? Любую!

— Не забывай, это сугубо коммерческая сделка. Правильный ответ — наименьшая сумма, за которую удастся успешно завершить операцию. Рано или поздно придется сказать последнее слово. Если нам поверят, то Изабель вернут.

Луис с шумом втянул в себя воздух.

— Будь по-твоему.

— Как ты думаешь, сколько денег ты сможешь собрать? Я имею в виду наличными.

Я почувствовал себя неловко. Я не хотел знать подробности финансового положения человека, с которым едва знаком, — и более того, человека, который был и остается конкурентом моего босса. Я начал подниматься из-за стола.

— Пожалуй, я пока вас оставлю...

Луис жестом остановил меня.

— Нет. Оставайся. Прошу тебя.

Я посмотрел на Нельсуна. Тот кивнул.

— Хорошо.

— Думаю, удастся собрать пять миллионов долларов. Может быть, немного больше. Но это значит, что мне придется рассказать обо всем кое-кому из своих коллег. Деньги ведь придется занимать.

— Отлично. — Нельсун вытащил блокнот и авторучку. — Надеюсь, мы обойдемся гораздо меньшей суммой. Итак, пройдемся по цифрам. Средняя величина выкупа двести тысяч долларов. Но я думаю, они

знают, насколько ты богат, — и уж во всяком случае догадываются. Они немножко перегнули палку, наверно, решили припугнуть.

— Я не в состоянии заплатить пятьдесят миллионов.

— Они и не рассчитывают на это. Золотое правило этого, с позволения сказать, бизнеса гласит, что конечная сумма составляет примерно одну десятую первоначального требования. Что означает пять миллионов долларов. Но это все равно многовато.

— Это уже реально. Как-нибудь извернусь.

Нельсун накрыл ладонь Луиса своей.

— Нет. Я уверен, что двух миллионов хватит с лихвой. Потом ты сможешь получить миллион долларов от страховщиков, хотя сейчас искать наличные тебе придется самому.

— Может быть, Dekker поможет и с наличными? — вмешался я.

Глаза Луиса недобро сузились.

— Нет уж. Я не желаю занимать деньги у Росса.

Такая неожиданная резкость немного меня удивила, но, с другой стороны, хорошо, что он и в нынешнем состоянии может молниеносно просчитывать ходы.

Нельсун и Луис еще долго спорили о том, какой должна быть максимальная цифра, и в конечном итоге сошлись на трех миллионах.

— Прекрасно. Итак, с суммой мы определились. Но не стоит рассчитывать, что они так сразу согласятся. Назовем меньшую цифру, пусть поторгуются, мы будем поднимать ставку, поиграем, одним словом. Выдай

мы предельную цифру сразу, и они ни за что не поверят, что три миллиона и есть наше последнее слово.

Луис открыл было рот, чтобы возразить, но Нельсун опередил его.

— Назови большую цифру — это все равно не гарантия мгновенного освобождения Изабель.

Луис нехотя кивнул, соглашаясь с его логикой.

— Предлагаю начать с миллиона долларов, а затем поднимем еще на пятьсот тысяч, в итоге дойдем до двух. После этого нам нужно двигаться вверх еще меньшими шажками, так, чтобы казалось, что каждое дополнительное увеличение выкупа дается нам с большим трудом. Мы прекратим переговоры, немного не доходя до окончательной суммы.

— От пятидесяти миллионов до одного путь не близкий, — с сомнением произнес Луис.

— Для начала это более чем солидная сумма.

Мы ему верили.

Зико позвонил в четверг вечером. Услышав о миллионе, он презрительно рассмеялся, сказав, что ему известно, кому принадлежит Banco Horizonte. Луис сдержанно возразил, что ему принадлежит только часть банка, и он не может вот так запросто продать свою долю. Он вообще держался молодцом, хотя я видел, как ему тяжело. Даже я поверил, когда он сказал Зико, что не в состоянии собрать больше миллиона наличными.

Мы снова и снова прослушивали запись разговора. Хотя я и не понимал, о чем шла речь, голос Зико ме-

ня гипнотизировал. Спокойный, взвешенный, бесстрастный, умный какой-то. Неявные угрозы не имели ничего общего с безмозглой кровожадностью, звучавшей в голосе мошенника, который позвонил нам первым. Но в этой бесстрастности таилась и опасность. Он не тронет Изабель, пока ему это удобно. Но если это перестанет быть удобным?..

Появилась полиция. Блюстители порядка забрали кассету, чтобы передать ее в лабораторию звукового анализа. Им удалось отследить, откуда поступил звонок. С мобильного телефона на одной из многолюдных торговых улиц северной части города. Мобильник в Рио — обычнейшая картина. АТС настолько обветшали, что жители просто вынуждены пользоваться сотовой связью. Отследить такие звонки практически невозможно.

С десятков полицейских прочесывали Тижуку, но, увы, безуспешно.

Мария, как наседка, хлопотала вокруг Луиса и меня. Она, казалось, уже успокоилась, но в любой момент могла выбежать из комнаты в слезах. Корделия приходила каждый день, оставаясь на пару часов, но томительное ожидание было для нее невыносимо. Она замкнулась и была совсем не похожа на ту сильную и уверенную в себе женщину, которую я впервые увидел в приюте для бездомных детей. Туда она больше не ходила. Пока все не решится, сказала она.

Дни я проводил теперь у Луиса, а на ночь отправлялся в отель. Пару раз я совершал прогулки по Ипа-

неме. Было приятно снова оказаться среди людей, наблюдать, как они делают покупки в дорогих бутиках, проходить мимо магазинчиков, торгующих цветами, коврами или индийской бижутерией. Ипанема напоминала лес дорогих высотных жилых зданий, втиснувшихся между пляжем и лагуной. Иногда среди этих зданий попадался старый дом в колониальном стиле, но «старый» по здешним стандартам означало, что ему все равно не больше полувека. В одном из таких домов я обнаружил симпатичный бар и зашел выпить кружку пива. Я читал где-то, что человек, написавший шлягер «Девушка из Ипанемы»*, был завсегдатаем одного из местных баров. Наверняка он так же, как и я, потягивал пиво и провожал взглядом местных красоток. А их здесь было в избытке: молодых, загорелых, очаровательных. Впрочем, я никаких красоток не замечал. Все мои мысли занимала Изабель.

Где она сейчас? Кормят ли ее? Разрешают ли мыться? Наверняка ей тяжелее, чем нам. Но она сильная, она обязательно выдержит.

А я — я не должен был оставлять ее одну. *Я не должен был оставлять ее одну!*

Я старательно избегал появляться на пляже. После похищения я как бы забыл о том, что случилось там незадолго до этого со мной, — и не хотел вспоминать. Все мои опасения по поводу отмывания денег и отно-

* «Девушка из Ипанемы» — популярнейшая босанова Антонио Карлоса Жобима; в 1964 г. обогнала хиты «Битлиз» и получила приз «Грэмми». — *Прим. ред.*

шений с Dekker отошли на задний план. Я хотел лишь одного: чтобы Изабель была рядом.

Я регулярно звонил в Лондон. Меня успокаивал невозмутимый тон босса. То, как Нельсун организовал переговоры, произвело на него хорошее впечатление. Рикарду согласился и оплачивать мое дальнейшее пребывание в отеле. Луис в довольно категоричной форме попросил его разрешить мне остаться в Рио.

Пообщался я и с Джейми. Друг был полон сочувствия. Он сказал, что весь офис в шоке от случившегося. Но жизнь продолжается. Мексиканские облигации приходится продавать, а дело это пока идет со скрипом, и на руках у Dekker их еще чертова уйма. Да и в самой Мексике неспокойно. Все волнуются, сможет ли правительство рефинансировать кредиты, срок погашения которых истекает в этом году.

Меня все это не заботило ни на грош.

Снова появилась полиция. Голос Зико совпал с двумя уже имевшимися записями, сделанными во время похищений, имевших место раньше. В обоих случаях с жертвами обращались хорошо, и они в конце концов вернулись домой. Услышав эту новость, Луис оживился.

Но все-таки вынужденное ожидание порядком нас измотало. Прошло всего четыре дня, а нам казалось, что целая вечность. Нельсун предупредил, что надо приготовиться к долгому ожиданию. Такие ситуации решаются неделями, иногда месяцами. И все-таки каждый раз, когда звонил телефон, все мы с надеждой кидались к аппарату. И каждый раз ошибались.

Корделия предложила провести уик-энд на фазенде. Обычно там по выходным собиралась вся семья. Нам всем надо было немного развеяться, но что, если позвонит Зико и не застанет нас?! Корделия успокоила отца, сказав, что если кто-то позвонит на квартиру, ему дадут номер в Петрополисе.

Луис заехал за мной в отель в пятницу днем. Шофер привез нас в небольшой аэропорт «Сантус-Дюмон» в центре города. Я удивился. До Петрополиса около сорока километров. Зачем лететь-то? Луис с рассеянным видом прошел через весь аэропорт к небольшому микроавтобусу, который доставил нас прямо к синему вертолету. Машина была рассчитана на пятерых, а внутри нас уже ждали Корделия с мужем. Я с деланным безразличием залез в кабину. Вертолет поднялся в воздух, и мы полетели над волнами залива Гуанабара.

Минут через двадцать под нами поплыли вершины окружавших Рио гор. Внизу змеились дороги и дома, следуя за причудливыми извивами склонов холмов. Мы начали спускаться. Теперь поросшие лесами горные склоны высились по обе стороны от нас. Машина сделала еще один поворот и внезапно у самого подножия горы глазам открылся большой белый особняк на берегу озера. С роскошным садом и деревьями. Позади дома виднелась ровная площадка со скошенной травой и большой буквой «Н», выписанной белой краской.

Фазенда располагалась в центре большой кофейной плантации. Комнаты оказались просторными и про-

хладными. Обставлен дом был со вкусом, без излишней роскоши: темное бразильское дерево, восточные вазы, французская живопись XIX века. Здесь было чуточку прохладнее, чем в Рио, но все-таки жарче, чем хотелось бы мне. К тому же в гостиной вовсю пылал огромный камин.

Как только мы оказались на месте, Луис будто ожил. Я понял, почему Корделия настояла, чтобы приехать сюда. Для него, видимо, было привычкой приезжать на фазенду по пятницам, сбрасывая бремя повседневных забот и позволяя себе расслабиться. А именно это сейчас ему было необходимо.

Вечер прошел на удивление хорошо. Муж Корделии, Фернанду, оказался вполне компанейским парнем. Адвокат и умница, наделенный к тому же великолепным чувством юмора и абсолютной неспособностью воспринимать что бы то ни было всерьез: себя самого, свои дела или свою собственную страну. Но в Корделию он влюблен без ума.

Мы ужинали и смеялись, — да, даже смеялись! — рассевшись вокруг длиннющего обеденного стола, когда зазвонил телефон.

Один аппарат стоял и в столовой. По тону Луиса мы сразу догадались, кто звонит. На его лице застыло скорбное выражение, но голос звучал спокойно и уверенно. Разговор продлился от силы пару минут. Зико заявил, что миллион долларов — предложение оскорбительное. Луис парировал, что пятьдесят миллионов — абсурдная цифра. Зико не шел на уступки.

Луис поднял ставку до полутора миллионов. Он хотел, чтобы Зико не сомневался: он, Луис, понимает правила игры и готов платить.

Луис тут же позвонил Нельсуну, и тот пообещал завтра приехать. Он был спокоен. Детектив считал, что все идет по плану.

Утром Луис повел меня прогуляться по саду. Он стоял на небольшом подъеме, тянувшемся на полмили от дома и упиравшемся в кромку леса. От такой красоты захватывало дух. С трех сторон фазенду окружали гигантские горы причудливой формы. Здесь были и просто скальные глыбы, и другие, заросшие деревьями в нижней части и буйным травяным покровом вверху. Сам сад представлял собой долину, состоявшую из газонов, деревьев, кустарников, сбоку от него вытянулось продолговатое озеро. Воздух был прохладным и чистым, хотя и довольно влажным. Тишину нарушало только журчание воды и редкие выкрики птиц. В озере обитали белые и черные лебеди, фламинго, диковинные утки и прочая водоплавающая живность, мне доселе неизвестная.

— Поразительно красиво.

— Это все спланировал Берль Маркс, немец, перебравшийся сюда во время войны. Да, великолепная работа. В этом саду более двух тысяч видов растений. Какие здесь бывали вечеринки...

Я искоса взглянул на Луиса. Не слишком-то он был похож сейчас на любителя развлечений. Передо мной

стоял высокий, одинокий человек, старающийся не согнуться под гнетом обстоятельств.

— Давно вы здесь?

— Пять лет.

Все это стоит кучу, просто кучу денег. Я знал, что Изабель небедная девушка, но даже представить не мог насколько! Для меня что Лувр, что Версаль, что этот домик «дворцового типа», — было почти одно и то же. В голове не укладывалось, что здесь можно просто жить. Я почувствовал себя самозванцем.

Луис словно читал мои мысли.

— У нас не всегда водились деньги. Во всяком случае, у меня их не было. Наша семья — старых корней, одна из *quatrocentonas*, тех португальских семей, что прибыли в Бразилию четыре столетия назад. Дед владел плантациями в штате Сан-Паулу, многие из них были размером со среднюю европейскую страну. Тридцать тысяч рабов. Потом рабство отменили. Еще позже рухнули цены на кофе. Потом случился крах двадцать девятого года. Отец никогда не отличался предусмотрительностью. У брата остался клочок прежней собственности, маленькая кофейная плантация. А я уехал.

У берега началась склока. Белый лебедь ретиво пытался охмурить черную лебедушку. Луис расхохотался.

— Настоящие бразильцы!

— Вы переехали в Рио? — мне захотелось услышать продолжение рассказа.

— Да. Поступил в университет, потом начал работать в банке. Финансы влекли меня как магнит. Бра-

зильская финансовая система невероятно запутана. Когда инфляция и банковская ставка достигают сотен процентов в год, появляется возможность делать огромные деньги. В восемьдесят шестом я тоже решил подзаработать. Так и появился Banco Horizonte. Сейчас это один из крупнейших инвестиционных банков в Бразилии. Мы уже планируем начать операции за границей. Вот так мне все это и стало по карману.

Луис не скрывал своей гордости — да ведь и вправду ему было чем гордиться.

— Но было бы грустно, если бы все это умерло вместе со мной. Мы так хотели сына. Вивиан и я.

— Вивиан звали вашу жену?

Он кивнул. Потом, повернувшись, обвел взглядом свои владения.

— Она этого так и не увидела. Ничего из того, что я создал. Может быть, она видит это сейчас...

— Но ведь у вас есть Изабель.

Луис фыркнул.

— Изабель! Да она ни за что не пойдет ко мне работать! Она слишком упряма. Ты же слышал, что она говорила. Непростая комиссия быть взрослой дочери отцом, прав был классик. А уж если их две... Ну почему, почему нельзя хоть раз сделать что-нибудь разумное, что было бы лучше для нас всех! Может быть, случившееся все-таки заставит их задуматься о будущем.

— Возможно, так оно и будет. Но не уверен, что это хорошо.

Он удивленно-выжидающе уставился на меня.

— Они так похожи на вас. И хотят сами выбирать свою дорогу в жизни. Хотят сами принимать решения. Во всяком случае, Изабель.

Луис издал короткий сухой смешок.

— Пожалуй, ты прав.

— Это мне в ней и нравится.

Повисла пауза. Луис не сводил с меня взгляда.

— Вы ведь с ней близки, верно? Не просто коллеги? Не просто друзья?

Я вздрогнул, ожидая, что сейчас горячий папаша-латинос обвинит меня в том, что я лишил его дочурку девственности. Но во взгляде Луиса я не увидел никакой угрозы.

Я молча кивнул.

Луис повернулся и побрел вверх по холму. *Вет*, пробормотал он. Во всяком случае, мне так показалось.

Мы решили остаться на фазенде. Для Нельсуна это означало лишние хлопоты: дорога из Рио занимала полтора часа. Но Луису, да и мне тоже, пребывание здесь пошло на пользу. Если нам удастся выдержать напряжение ожидания, Изабель будет свободна.

В воскресенье под вечер Корделия и Фернанду улетели в город. И почти сразу позвонил Зико. Я навострил слух. Мне показалось, что я расслышал цифру в тридцать миллионов, и, чуть погодя, Луис выдвинул контрпредложение. Два миллиона. Разброс был еще слишком велик, но мы постепенно двигались навстречу друг другу. При таких темпах мы увидим Изабель

уже на будущей неделе. Не вернуться ли в Лондон? Дело сдвинулось с мертвой точки, а помочь я все равно ничем не мог. Да и не оставаться же в Рио до бесконечности.

Мы уже начали привыкать к этой неспешности. Но во вторник, на восьмой день, все внезапно изменилось.

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

20

Нельсун примчался к завтраку в невероятном возбуждении.

— Есть новости.

Луис поднял голову от тарелки, на которой лежала крошечная булочка. Он по-прежнему почти ничего не ел.

— Изабель?!

— Да. Полиция получила информацию, которая им кажется серьезной. Ты слышал о *Disque Denuncia*?

Луис кивнул.

Нельсун повернулся ко мне.

— Это анонимная телефонная линия, по которой каждый может сделать заявление в полицию. Так вот, похоже, кто-то видел, как среди ночи женщину с завязанными глазами вытащили из машины и завели в небольшой сарай. Все это происходило в Ираже, в северной части города. Полиция сейчас собирается туда.

— Надеюсь, никакого штурма не будет?

— Да-Силва уверял, что штурмовать они не станут. Если они обнаружат Зико и его приятелей, то выждут момент, освободят Изабель и только тогда арестуют бандитов.

— И ты им веришь? — Луис с подозрением смотрел на Нельсуна.

— Я знаю да-Силву пятнадцать лет. Он дал мне слово.

Луис выглядел обеспокоенным, да и мне было не по себе. Нельсун бывший полицейский. Конечно, он и сам считает, и легко убедит кого угодно, что полиции верить нужно и можно. С другой стороны, вряд ли им есть резон врать коллеге, пусть и бывшему. Что ж, проживем — увидим. Во всяком случае, я был уверен, что штурм — не лучший способ вызволить Изабель. На душе заскребли кошки.

Нельсун заметил реакцию Луиса.

— Сарай вот-вот возьмут под наблюдение. Да-Силва обещал сразу позвонить.

Детектив сдержал слово. Полиция нашла сарай, но он оказался пустым. Внутри обнаружился подвал, в котором, судя по всему, держали жертву. Там же, в сарае, сохранились характерные вмятины от палатки. Как я понял, это было обычным способом не позволить жертве рассмотреть своих похитителей. Повсюду валялись пакеты из-под еды, пустые бутылки из-под минеральной воды и крошки хлеба, даже не успевшие зачерстветь. Следов крови не было.

Кого-то действительно держали там и перевезли совсем недавно.

Через полчаса раздался телефонный звонок. Зико.

Разговор шел на повышенных тонах. Я не понимал, о чем идет речь, но Луис был в ярости. Через пару минут он с силой швырнул трубку и, сверкая глазами, повернулся к Нельсону.

Они обменялись несколькими резкими фразами на португальском, и Луис выбежал из гостиной в сад. Я взглянул на Нельсуна. Впервые он выглядел обеспокоенным и злым. Повернувшись, я зашагал в сад.

Луис тяжело дышал, невидяще глядя на деревья. У вершины холма собиралась большая туча, грозившая вот-вот разразиться дождем.

— Что случилось? — спросил я.

— *Merda!* — пробормотал он. И потом громче: — *Merda! Merda!* Зико потребовал объяснений, почему мы обратились в полицию. Я сказал, что мы ничего не сообщали, что они сами получили какую-то информацию по своим каналам. Он не поверил. — Луис с шумом втянул воздух. — Говорит, наше счастье, что Изабель еще жива. Он дает последний шанс. Я должен к завтрашней ночи заплатить ему десять миллионов долларов — или Изабель умрет. Он говорит, что теперь полиция охотится за ним, и у него нет времени играть в переговоры. Он позвонит через два часа. И он говорил серьезно. Очень серьезно.

Луис дернул головой в направлении дома.

— И ведь говорил я этому идиоту: полиция все должна согласовать со мной прежде, чем двинется к проклятому сараю! Как я мог ему довериться!

— И что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю. Платить выкуп — что же еще. Я больше не могу рисковать.

— Ты сможешь достать десять миллионов долларов до завтрашнего дня?

— Не знаю. Это не просто сделать.

— А что говорит Нельсун?

— Да плевать я хотел, что говорит Нельсун!

По тропинке мы прошли к озеру. Прямо перед нами возникло какое-то дерево, сплошь усыпанное оранжевыми цветами. Тучи у края долины сгустились и темнели, хотя сад все еще был залит солнцем.

Я вздохнул.

— Похоже, полиция совершила ошибку. Может быть, и Нельсун ошибся, так доверившись им. Но до сих пор его советы были разумны. Он объективен, к тому же и раньше сталкивался с подобными ситуациями. Может быть, все-таки стоит его выслушать? А уж тогда мы решим, что делать.

Какое-то время мы оба молчали. Я места себе не находил от страха за Изабель, но все же по-прежнему считал, что лучшее, что мы можем сделать, — вести себя смирно и следовать правилам. Зико готов отпустить Изабель. Луис готов заплатить выкуп. Если мы не сорвемся, все должно пройти хорошо.

— Ладно, — сказал Луис, — пойдем к Нельсуну.

Мы едва успели дойти до дома, как небо почернело и на землю полетели крупные капли дождя.

— Надо продолжать переговоры, — сказал Нельсун. — Он так легко пошел на снижение суммы, потому что знает, что вас беспокоит вся эта ситуация с полицией. Он надеется быстро добить сделку. Нас это тоже устраивает, за одним исключением — не за десять миллионов. Мы уже поднимали цену — по полмиллиона за раз. Теперь надо делать это не так размашисто, пусть почувствует, что мы уже почти достигли потолка. Предложи ему два миллиона двести тысяч.

— Нет! — отрезал Луис. — Я ведь могу заплатить больше! Почему бы не предложить ему три?

— Потому что тогда он решит, что можно играть по-крупному! — Нельсун начал терять терпение. — Разве ты не понимаешь, что если ты повышаешь предложение на крупные суммы, все переговоры протянутся еще дольше?

Нельсун, конечно, прав. Но и Луиса можно было понять.

Зико позвонил строго в назначенное время. Луис предложил два миллиона двести тысяч. Бледный как смерть Луис твердо настаивал на своем. Беседа была короткой.

— Он хочет пять миллионов. И обещает убить ее завтра к ночи, если не получит денег. Почему-то я ему верю. Он перезвонит через два часа.

Нельсун был явно озадачен.

— Слишком быстро он сбрасывает цену, — покачал он головой. — Я никогда еще не видел, чтобы требуемая цена снижалась вот так, одним прыжком. Похоже, ему срочно нужны эти деньги.

— Он же сказал, что его разыскивает полиция, — проворчал Луис.

— Вряд ли это его так уж заботит. Любой похититель знает, что полиция всегда бросается по его следу.

Теперь мы оба, не отрываясь, смотрели на Нельсуна, который выглядел еще более озабоченным.

— В чем дело? — спросил я.

Он вздохнул.

— Надо снова потребовать доказательства того, что Изабель жива.

Луис взорвался.

— Ты же слышал, что он сказал! Он больше не пойдет ни на какие игры! У нас у всех нет времени!

Мне стало дурно. Я понял, что имел в виду Нельсун. Луис вопросительно посмотрел на мое лицо.

— Что с тобой?

Я молчал. Язык словно прилип к гортани.

— В чем дело? — Он повысил голос.

— Нельсун думает, что уже поздно, — сказал я еле слышно. — Поэтому бандиты торопятся получить выкуп.

— Нет! — Луис почти кричал. — С чего вы это взяли? Этого не может быть!

Нельсун поднял руки.

— Возможно, ты прав. Надеюсь, что ты прав. Но нам следует в этом убедиться.

— А между делом я, как тебе хотелось бы, подниму свою цену на еще чуть-чуть?

Нельсун кивнул.

— Так вот, я этого не сделаю! Я приму их требование, соглашусь на все пять миллионов — а завтра к вечеру Изабель будет дома!

Я взглянул на Нельсуна, который не сводил с Луиса глаз. Он вздохнул и пожал плечами.

— Я всего лишь консьеро.

— Луис? — я заколебался. Он, нахмурившись, повернулся в мою сторону. — Я знаю, что ты можешь заплатить пять миллионов и готов это сделать. Прекрасно. И я очень хочу, чтобы Изабель вернулась целая и невредимая и как можно раньше. Но Нельсун прав: мы должны убедиться, что она жива. Почему бы тебе не согласиться на пять миллионов — но при условии, что они предоставят доказательства того, что с ней все в порядке? Если она у них, а они знают, что получают требуемые деньги, что может помешать им это сделать?

Я повернулся к Нельсуну, ища поддержки. Он кивнул.

— Хорошо, — согласился Луис. — Но вопрос придумывай сам.

Вопрос был таким: в каком городе жил Дейв? Проблема была в том, что Луис так и не успел его задать.

Когда Луис потребовал доказательства, что его дочь жива, Зико взбеленился и наотрез отказался.

Луис положил трубку. Его застывшее лицо напоминало маску.

— Ты понимаешь, что это значит? — негромко спросил Нельсун. — Ее, может, уже нет.

Луис стоял, глядя на нас, — высокий, мрачный и высохший. Последние дни и особенно последние несколько минут превратили его в старика.

— Я поднимусь в ее комнату, — пробормотал он.

Я почти бежал по тропинке, а тропические заросли обступали меня со всех сторон. Я ничего не видел перед собой, только землю под ногами. У меня перед глазами стояла Изабель.

Противоречивые чувства обуревали меня. Ведь мы почти не были знакомы, но мне казалось, что я знаю ее лучше, чем кого бы то ни было в этом мире. Я снова и снова прокручивал в памяти наши разговоры, особенно ночные, когда говорилось одновременно обо всем и ни о чем. Передо мной возникали какие-то обрывки образа: огромные глаза, робкая улыбка, черные волосы. Я вспомнил, как впервые увидел ее в трейдинговом зале Dekker Ward, такая гибкая, соблазнительная, манящая.

Я выбежал из леса на небольшое пастбище. За моей спиной открывался изумительный вид, но я не обернулся.

Я был зол, страшно зол. На себя за то, что оставил ее; на Нельсуна за то, что он вовремя не остановил полицию и спугнул бандитов; на Луиса за то, что он не взял все под свой контроль. Но больше всего — и в этом

я даже самому себе не хотел признаваться — я был зол на Изабель. Ведь она знала, что представляет собой лакомую поживу, так почему не вела себя осторожнее? Почему позволила себя похитить и убить — именно сейчас, когда она стала так много для меня значить?

Штука была в том, что я до сих пор не знал, что она для меня значит. Я запутался. Наши отношения только-только начались. А как было бы дальше? Что из всего этого могло бы получиться? В голове словно включилась ускоренная перемотка вперед — картинки нашей будущей жизни. Как бы она чувствовала себя в моей крошечной квартирке на Примроуз-Хилл? Трудно представить Изабель в такой обстановке.

Все это начало казаться мне абсурдным. Скорее всего, из наших отношений ничего бы не вышло. Из-за Зико и его прихвостней я никогда не узнаю, как оно могло бы быть.

С этим смириться я не мог.

Действительно ли ее убили? Нельсун полагал, что да. Луис верил, что она жива. От Зико мы так ничего и не добились.

Логика подсказывала, что прав Нельсун. У него был опыт в подобных делах. Но пока не будет доказательств, я не поверю в ее смерть. Здесь я на стороне Луиса. Я должен надеяться и молиться, чтобы она была жива, — пусть и вопреки логике.

Последние несколько дней были ужасны. Луис превратился в ходячий призрак. Корделия попала в больницу, врачи беспокоились, как стресс может отразить-

ся на ее беременности. Нельсун Зарур порывался отказаться от гонорара, но Луис тут проявил твердость.

Я позвонил Рикарду и сказал ему, что не исключен самый страшный исход событий. Голос в трубке звучал глухо и безжизненно. Я сказал, что скоро возвращаюсь в Лондон. Он отделался какой-то короткой фразой и повесил трубку. Изабель была права: она действительно что-то для него значила.

— А знаешь, ведь она жива.

Уже наступил вечер. За стеклом больших двустворчатых окон последние лучи солнца скрывались за вершиной горы, закрывавшей вход в долину. Перед нами пылал камин. Мы сидели каждый со своим «Баллантайнз», хмуро смотрели на огонь и молчали.

Я кивнул.

— Знаю.

— Мы должны в это верить, что бы ни говорили Нельсун или Зико.

— Да.

Снова молчание.

Луис пошевелился.

— Какой она была? На работе?

— Сдержанной. Очень собранной. Всегда старалась докопаться во всем до сути. Ее уважали.

Луис покачал головой.

— Я так удивился, когда она связалась с финансами. Удивился и, как ни странно, даже разочаровался. Она всегда была такой идеалисткой. Я, конечно, с ней во многом не соглашался, мы спорили. Но я уважал ее

взгляды. Потом она уехала в Штаты, а вернувшись, решила доказать всем и вся, что разбирается в банковском деле лучше, чем я. Почему?

— Не знаю. Мне трудно судить о ее мотивах. А доказать, наверно, она хотела именно тебе.

— Но зачем?! Довольно того, что она просто моя дочь! Неважно, разбирается она в финансах или нет!

— Может быть, поэтому. Потому, что ты не возлагал на нее особых надежд. Впрочем, не знаю. Не вини себя. У тебя прекрасная дочь. Ты можешь ею гордиться.

Луис промолчал, глядя на огонь.

— И она вовсе не отказалась от своих взглядов и идеалов, — продолжал я. — Один проект *favela* чего стоил. Она так верила в него. Это был беспроигрышный шанс использовать свои знания и опыт и сделать что-то по-настоящему хорошее.

— Это и было по-настоящему хорошее. Чертовски жаль, что все пошло насмарку.

— Пошло, потому что Росс своими руками уничтожил проект.

— Боччи подонок. А Рикарду совершил колоссальную глупость, связавшись с ним. Dekker — серьезная организация, но их иногда слишком заносит. Я всегда был против, чтобы она там работала.

— У них настолько дурная репутация?

— Достаточно дурная. Впрямую в коррупции их, конечно, не обвиняли. Для этого Рикарду слишком умен и осторожен. Но все равно, вокруг них... — Он

запнулся, ища подходящее слово. — Вокруг них был такой запашок. Они работали с людьми, с которыми нельзя было иметь дело. Тот же Боччи. И обходили правила там, где их не следует обходить.

— Меня это не удивило.

— Но Изабель, наверное, знала обо всем этом, устраиваясь к ним на работу.

— Знала. Я пытался ее отговорить, но это еще больше утвердило ее в правильности принятого решения. Она сказала, что это прекрасная возможность для профессионального роста, а уж сама она намерена вести все дела честно. Уверен, что так оно и было. В Бразилии у нее прекрасная репутация.

— Вот вернусь и уволюсь, — вдруг вырвалось у меня.

— Уволишься? — Луис выпрямился в кресле. — Почему?

— Мне не нравится мир финансов. А может быть, мне просто не нравится Dekker. Я уже все решил, еще до отъезда сюда.

Луис не ответил. Мы снова погрузились в молчание. Каждый думал об одном и том же.

— Проект можно спасти, — наконец произнес Луис.

— Каким образом?

Впервые за все это время он улыбнулся. Слабая улыбка, тронувшая уголки его губ, мучительно напомнила мне Изабель.

— Боччи для прессы пока никто, так, мелочь. У меня есть друзья в солидных изданиях. Росс еще покажет о своих выходах.

21

В понедельник утром, идя на работу, я изрядно волновался. Но меня встретили улыбками, дружескими кивками и выражениями сочувствия, а вопросы, если и задавались, то очень деликатно. Любопытство явно не значилось среди пороков моих коллег.

Все придерживались принципа «меньше знаешь — крепче спишь». В общем, все было так, как будто я вернулся домой после длительного отсутствия. Но это продолжалось недолго.

После летучки я устроился за своим столом. За три недели бумаг накопилась целая гора. Стол Изабель сиял девственной пустотой. Ни одного листка бумаги. Рабочее место было готово принять нового обитателя.

Погруженный в свои мысли, я не услышал, как подошел Рикарду. Он уселся напротив и внимательно посмот-

рел на меня, словно желая понять, о чем я думаю. В отличие от трейдерского квадрата, где всюду трещали телефоны, здесь стояла тишина.

— Как ты себя чувствуешь?

Я молча пожал плечами.

— Здесь все в шоке. Последние две недели выдались очень напряженными. И только все начало налаживаться, как...

Пришлось понимающе кивнуть.

— Ее отцу сейчас, должно быть, тяжело. Она для него очень много значила.

Ну конечно. Наверняка Изабель рассказывала ему о себе и своей семье. Так же, как и мне. Мне стало неприятно.

— Да, ему нелегко. Жить, не зная — жива она или нет.

— Этот Нельсун Зарур, он действительно считает, что шансов нет?

— Шансы есть всегда. Просто он предполагает худшее. И полиция тоже.

Мне не хотелось ничего обсуждать с Рикарду. Но в его откровенности было, как всегда, что-то притягательное.

— Она нравилась мне, — сказал он. — И, если не ошибаюсь, тебе тоже.

— Нравилась, — откликнулся я негромко. — Точнее, нравится.

Нельзя говорить об Изабель в прошедшем времени. Она должна быть живой. Обязана быть живой.

— Прости. Ты прав. Я тоже не могу примириться с мыслью, что она... что ее нет. — В его голосе звучала необычная нежность. — Люди реагируют на подобные вещи по-разному. Не знаю, что сейчас чувствуешь ты. Если можешь, попробуй как-нибудь расслабиться, отвлечься, что ли. Или ты хочешь с головой погрузиться в работу? В общем, делай, что считаешь нужным. Мы все понимаем.

Ага, злорадно подумал я, понимают они. Все это понимание продлится ровно до того момента, как вы раскроете бразильские газеты. Луис сказал, что вся история должна появиться в печати уже в начале этой недели. Задним числом я уже начал сомневаться в том, что мы затеяли. Тогда, в гостиной Луиса, я принял его идею на ура. Теперь же я несколько засомневался. Пока не грянул гром, надо смываться отсюда.

— Рикарду...

— Да?

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да?

— Я увольняюсь.

— Что?

— Я увольняюсь.

Он хотел что-то возразить, но, увидев выражение моего лица, промолчал. Откинулся на спинку стула и сейчас смотрел мне прямо в глаза. Я выдержал его взгляд.

— Почему?

— Я думал об этом еще до поездки. А после того, что случилось... Я больше не хочу здесь работать.

— Ник, ты расстроен, это вполне естественно, отдохни несколько дней...

— Дело не только в Изабель. — Я вздохнул. — Я вам не гожусь, я не могу работать так, как вам надо.

— А как нам надо? Ты о чем? — нахмурился Рикарду.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Любое неосторожное слово Рикарду сумеет обернуть против меня. Кроме того, против его дара убеждения трудно устоять.

— Мы уже говорили с тобой об этом, когда летели из Бразилии. С тех пор мне пришлось столкнуться и с другими странными вещами.

— Ты видел битву за Брейди, которую мы вели против Bloomfield Weiss? Ну да, конечно, ты ее видел! Ты же сыграл чуть ли не первую скрипку!

— Да, видел.

— И что? Ты недоволен?

— Напротив, мне очень понравилось.

Рикарду смерил меня выразительным взглядом с головы до ног.

— Ты знаешь, сколько можешь заработать за этот год, если у тебя все будет идти, как прежде?

— Понятия не имею.

— А ты прикинь.

— Ну что ж... Девять месяцев работы — это порядка двадцати тысяч фунтов. Плюс бонус...

— Какой же?

Черт бы его побрал. Я попался на простейшую удочку. В чем, в чем, а в уме Рикарду не откажешь. Я посту-

пил в Dekker, чтобы заработать деньги. Сколько — оставалось открытым вопросом. Сейчас я мог это узнать.

— Не знаю. Тысяч десять?

— Я бы очень удивился, если бы твой бонус за год составил меньше ста тысяч.

Боже мой, Боже! Я изо всех сил старался, чтобы Рикарду не заметил ни охватившего меня возбуждения, ни жадного блеска в глазах. Рот расплывался в глупой, недоверчивой улыбке. Мне потребовалось усилие воли, чтобы стереть ее с лица.

— Вот как, — потрясенный услышанным, я вдруг охрип.

— И конечно же, мы собираемся делать для тебя инвестиции в наш трастовый фонд. Через три года у тебя будет по меньшей мере полмиллиона. Через пять — миллион. Ну что, ты все еще намерен уволиться?

Он не врал. Он не пытался водить меня за нос. С миллионом фунтов я смогу бросить все и заниматься чем только захочу до конца своих дней. А если уйду сегодня, то не смогу даже бойлер отремонтировать.

Но я потерял бы себя. Я стал бы другим человеком, богатым, да, — но не тем, каким всегда хотел быть. И которого могла бы полюбить Изабель.

— Да, намерен. Извини.

Рикарду вспыхнул.

— Для обдумывания возьми неделю отпуска.

— Нет. Я хочу уволиться сегодня.

— Если ты не со мной, то ты против меня. Я ведь тебе это уже говорил, не так ли?

Я выставил ладони вперед.

— Эй, я не собираюсь с тобой враждовать, а тем более с фирмой! Просто я влез не в свое дело, вот и все.

— Не так все просто, Ник. Я, лично я, доверился тебе. А ты подвел меня. И я этого не забуду.

Его глаза потемнели, зрачки сузились. Они, казалось, прощупывали меня насквозь. Мне стало не по себе. Захотелось виновато склонить голову и отчеканить: «Виноват, был не прав, исправлюсь». Но я поборол это искушение и промолчал.

— Ладно. Во всяком случае, у тебя нет нужды уходить прямо сейчас. Ты же не к конкурентам от нас уходишь. Или? — Он снова впился в меня взглядом.

Я покачал головой. Нет уж. Дважды одну и ту же ошибку я совершать не намерен.

— Ну как знаешь. Наведи порядок на столе и к вечеру можешь быть свободен. Обсудишь с Эдуарду свой P45* и ссуду.

С этими словами он поднялся и зашагал прочь.

Чувствовал я себя отвратно — так, словно это я не лояльный и бесчестный человек, законченный негодяй и трус, и все это в одном лице. Как он мог так поступить со мной? Как мог вот так взять и растоптать?

Еще несколько минут назад он излучал обаяние и доброжелательность. И вдруг... Наверное, проблема все-таки была в его абсолютной преданности делу. Все, что могло угрожать его детищу, его работе, угрожало

* Форма P45 выдается работодателем при увольнении. Она необходима при приеме на новую работу (для расчета налогов). — *Прим. ред.*

ему лично — даже если речь шла о заявлении на увольнение какой-то пешки вроде меня.

Вспомнились слова: «Если ты не со мной, ты против меня». М-да... Шаг влево, шаг вправо...

Я знал, что принял правильное решение. В Бразилии все мои раздумья насчет отмывания денег, обмана Войтека, увольнения Дейва — все отошло на второй план. Но теперь все встало на свои места. Изабель тоже одобрила мое решение уйти с работы. Кроме того, в прессе вот-вот появится история, состряпанная Луисом, так что смываться надо прямо сейчас. Вся моя затея с Dekker наглядно подтверждала поговорку «не в свои сани не садись».

Я занялся сборами.

Внезапно я почувствовал за спиной чье-то присутствие. Эдуарду. Взбешенный до предела.

— Говорят, ты увольняешься.

— Увольняюсь.

— Тогда убирайся сейчас же.

— Но Рикарду сказал, что у меня есть время до вечера, — запротестовал я.

— А я говорю, что ты уберешься сейчас, — отрезал Росс-младший. — Охранники будут здесь через пару минут.

Я пожал плечами. Меня вполне это устраивало. Все свои вещи я уже собрал в картонную коробку.

Эдуарду сверлил меня грозным взглядом.

— Когда уберешься, советую забыть и Dekker, и все, что ты здесь видел. Но я о тебе не забуду. Я буду приглядывать за тобой. И если увижу, что ты собира-

ешься сделать что-то, пусть даже самую малость, которая может повредить нам, то предприму меры.

Он говорил очень негромко, почти шепотом. У меня по спине побежали мурашки.

— Ты меня понял?

В горле у меня пересохло. Эдуарду не бросается пустыми обещаниями. Но я не хотел, чтобы он заметил мой страх.

— Моя жизнь — это мое личное дело, — с вызовом заявил я.

— С этого момента — не совсем, — Росс-младший недобро оскалится. — Теперь это и мое дело.

Я стал надевать пиджак, пытаясь попасть дрожащими руками в рукава. Они правы, относясь ко мне с такой настороженностью. Ему еще предстоит убедиться в своей правоте, когда появятся статьи в бразильских газетах.

Вошли двое охранников. Меня обыскали, вывернули все карманы. Ничего не нашли. Эдуарду был явно разочарован этим фактом.

Шум в трейдерском зале замер, наступила мертвая тишина. Джейми смотрел на меня во все глаза, беззвучно шевеля губами. Он не знал, что я решил уволняться.

Я оглянулся в поисках Рикарду. Он мазнул по мне отсутствующим взглядом

Все смотрели в нашу сторону. От такого внимания у меня зачесались лопатки. Ничего, Дейва забыли быстро, меня забудут еще быстрее. Охранники повели меня к лифту мимо замерших людей, как сквозь строй.

Спустившись на сорок этажей, я оказался в реальном мире.

22

У меня словно крылья выросли, когда я укатил на велосипеде, оставив за спиной ненавистную башню. Все, больше никаких братьев Росс, никаких грязных денег, никаких убийств. Я удрал!

Пока я ехал домой, я почувствовал, что зверски проголодался. Едва ввалившись в квартиру, я бросился к холодильнику. Пусто. Впрочем, пол-литра молока в нем все-таки было, так что я приготовил себе хлопья с молоком. В дверце стояли две банки пива. Вообще-то днем я не пью, но на сей раз взял одну банку. Довольно быстро выяснилось, что пиво и хлопья с молоком — сочетание не из лучших.

Какое счастье, что я расстался с этой конторой! Какой я идиот, что вообще туда пошел. Сколько еще придется расхлебывать! Идти на поклон на факультет русистики к Расселу Черчу, каяться

0,2918

0,6135

0,1527

0,2389

0,4391

0,6308

0,4986

0,3527

2589

6308

4986

3527

и просить любую работу. Я вздрогнул, подумав о куче заявлений, интервью, объяснений по поводу отсутствия у меня формального образования. Если, конечно, удастся продвинуться настолько далеко, чтобы возникла необходимость в таких объяснениях. А отец вообще решит, что я просто рехнулся.

И деньги. Зарплату я получил лишь однажды, и это меня здорово выручает. Однако ипотека оставалась невыплаченной. Неделя-другая, и этот чертов Норрис снова на меня насыдет. Пять тысяч я еще должен Рикарду. Три из них до сих пор лежат в моем банке. Они позволяют как-то просуществовать ближайшие несколько месяцев. Когда-нибудь я верну этот долг. Может быть, верну.

Наверху раздались тяжелые удары молотка, вслед за которыми послышался звук отлетающей штукатурки. Я вспомнил, что старушка сверху предупреждала меня, что у нее будет какой-то ремонт. Днем меня никогда не бывало, поэтому раньше я ничего и не замечал.

Я доел хлопья и направился в спальню, по дороге перешагнув через сумку с формой для регби, которую так и не выстирал с прошлого сезона. Эйфория быстро улетучивалась, по мере того как приходило понимание того, что никаких финансовых поступлений мне в ближайшее время не светит. Я плюхнулся ничком на постель, в голове бушевал водоворот мыслей.

Где же Изабель?! Выдержка, спасавшая меня все эти дни, изменила мне, сменившись тягучим, неути-

хающим отчаянием. Тяжелее всего была неопределенность. Чаще всего мне удавалось убедить себя, что она жива. Но сейчас мне казалось, что я никогда больше ее не увижу. И оставались вопросы, проклятые вопросы. Если ее убили, почему до сих пор не нашли тело? Если она жива, почему Зико не звонит, чтобы дать простой ответ на простой вопрос? Зачем ему убивать, если ему в руки идет целое состояние? Зачем таскать ее за собой живой, когда по твоему следу идет полиция? Мне нужна правда, какой бы она ни была. И все же... По крайней мере, пока у меня была надежда.

Зазвонил телефон. Джейми. Шум и гомон операционного зала отчетливо слышались в трубке.

— Ты что, черт побери, наделал?

— Уволился.

— Я знаю, что ты уволился. Но почему? Рикарду вне себя! Он, к твоему сведению, рассчитывал на тебя. И почему ты мне ничего не сказал?

Конечно, я должен был предупредить его. Но я боялся, что у меня не хватит духу сначала все объяснить ему, а потом повторить то же самое Рикарду. Кроме того, после моего возвращения нам так ни разу и не удалось пересечься.

— Прости, дружище, но ведь ты знаешь, что я с первого дня сомневался. Эта не моя работа.

— Ты в своем уме? Говорят, что с тех пор, как Изабель пропала, ты малость не в себе. Ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь?

— Абсолютно. Ее исчезновение, конечно, угнетает, но я решил уволиться еще до этой поездки.

— Ну что ж... Повторяется история с Дейвом. Денек-другой народ пошущукается, а потом наплюет и забудет. В твоём случае, как ты понимаешь, забвение наступит еще быстрее.

— И почему я не удивлен?

Впрочем, в глубине души мне стало обидно. Ребята в Dekker мне нравились. Но память слишком скоротечна, когда речь идет о собственном благополучии. Кто я, в сущности, для них?

Джейми прервал мои размышления.

— Что-то ты мне не нравишься. Давай я заскочу к тебе, выпьем, а? Сегодня не получится, а как насчет завтра?

— Конечно, буду только рад.

Я не сомневался, что мое увольнение никак не отразится на нашей дружбе. Правда, он рискнул своей репутацией, рекомендуя меня Рикарду, а я выставил его идиотом — чего Джейми очень не любил. Но я знал, что он не повернется ко мне спиной. Приятно будет посидеть и потолковать.

Я допил вторую банку пива, потом сходил в магазинчик на углу и купил еще. Придя домой, поставил один из компакт-дисков Джоанны. Я наивно надеялся, что музыка напомнит мне о ней и хотя бы на время вытеснит тяжелые мысли. Заказал пиццу и съел ее до последней крошки. Позвонил Луису сообщить, что уволился. У него никаких новостей

не было. За окнами начало темнеть, и я завалился спать.

Проснулся я с неукротимым желанием собраться и начинать новую жизнь. Я навел порядок в квартире, сходил в супермаркет за продуктами, приготовил себе настоящий завтрак: бекон, сосиски, яйца, тосты. И сварил полный кофейник свежего кофе.

Сытый и почти умиротворенный, я пил кофе и смотрел через окно на свой крошечный садик. Там царил полный хаос: сорняки нещадно забивали те немногие цветы, что пережили зиму. Аккуратный английский газончик превратился в поляну для сенокоса. Может быть, стоит заняться этим после завтрака?

А еще надо позвонить Расселу Черчу. Нет, не сегодня. Это можно сделать завтра.

Зазвонил телефон.

— Алло? — Первое слово, которое я сказал за весь день. Оно прозвучало как-то хрипло и грубо.

— Ник? Это отец.

— Привет.

— Как ты там?

— В порядке, спасибо. Как у тебя?

Отец никогда не звонил мне. Вообще никогда. Мать звонила от случая к случаю: в дни рождения, либо тогда, когда от меня месяцами не было никаких вестей. Но отец — нет.

— На прошлой неделе звонил тебе в офис, но мне сказали, что ты в командировке в Бразилии. Надеюсь, была интересная поездка. Потом я позвонил сегодня

утром, и какой-то вежливый молодой человек сказал мне, что я скорее всего застану тебя дома.

— Ну вот, как видишь, застал.

— Слушай, Ник. Я на следующей неделе собираюсь на денек выбраться в Лондон. Встретиться со старыми приятелями. Ты не против, если я заскочу повидать тебя?

О Боже, только этого мне и не хватало.

— Конечно, в любое время, — сказал я.

— Кажется, я еще помню, где находится Dekker.

Они ведь не переехали, нет?

— Я там больше не работаю.

— Что? — Кажется, он был в шоке.

— Я уволился. Вчера.

— Но почему?

Я едва не застонал. Как мне ему все объяснить?

— Работа в Сити оказалась не для меня, отец.

Воцарилась пауза.

— Что ж, понятно, — наконец сказал он. От его голоса за сотни миль веяло холодом. — Это была прекрасная возможность стать кем-то в этой жизни, Ник.

— Я выбрал не самое удачное место, отец. Честно. И то, что я ушел, только к лучшему.

— Что ж... Твоя мать очень расстроится, — сказал он. Я, напротив, был уверен, что она, скорее, обрадуется.

— Но я все равно хотел бы увидеться с тобой, — сказал я, к своему немалому удивлению.

— Э... Хм... Да... Может быть, в другой раз. Я-то надеялся повидать тебя в твоём офисе. Но раз ты боль-

ше там не работаешь, то, наверное, и смысла особого нет, как ты считаешь?

— Наверное.

— Ну, будь здоров.

— До свидания.

Я повесил трубку. Я старался оставаться спокойным, но все равно чувствовал вину и злость. Вину за то, что разочаровал старика, — и злость за то, что он не захотел встретиться со мной.

Мне было одиноко. Джейми сказал, что они сейчас проделывают со мной ту же процедуру, что и с Дейвом, — стирают из памяти. Интересно, как он поживает. Я его толком и не знал, но мне он как-то сразу понравился. А теперь мы с ним родственные души. Бывшие коллеги, бывшие сотрудники, ныне безработные парни.

Я разыскал телефонный список, который мне дали в начале работы в Dekker. В нем были все телефоны, включая домашние номера сотрудников. Подчиненные должны были быть под рукой круглосуточно.

Трубку сняли сразу.

— Ник? Вот это сюрприз! Я уж думал, что больше никогда не пересекусь с кем-нибудь из конторы.

Я поделился своими злоключениями и спросил, можно ли к нему как-нибудь заглянуть.

— Конечно, что за вопрос. Да хоть сегодня, если хочешь. У меня теперь, увы, много свободного времени. Ты на колесах?

— На двух.

— Мотоцикл или велосипед?

— Тот самый, с педалями.

— Годится. Доезжай на метро до Тейдон Буа и со станции позвони мне. Я тебя подхвачу.

Дейв приехал на стареньком «форде эскорт». Мы проскочили чистенькие улочки и очутились возле большого современного дома. У фасада стояла вывеска «Продается». Дейв нажал какие-то кнопки на пульте дистанционного управления, ворота огромного пустого гаража открылись и мы въехали внутрь.

— Не слишком ли просторно тут твоему малышу?

— Раньше здесь стоял «порше» 911, внедорожник и еще «тойота» жены. Увы, увы... прошли те времена.

Через гараж мы прошли в дом.

— Знакомься, это моя жена, Тереза.

Она оказалась крупной женщиной с крашеными волосами и радушной улыбкой.

— Привет, располагайтесь, чаю налить?

— С удовольствием.

Мы устроились в гигантской гостиной, из окон которой открывался вид на ухоженный газон и бассейн. Дейв был практически моим ровесником. А ведь такое жильё наверняка стоит целое состояние.

— Нравится, да? — сказал он, проследив за моим взглядом. — Мне тоже, жаль, что не мое.

— Не твое?

— Ага, он собственность конторы. Если я не внесу плату за следующий месяц, его просто конфискуют. Так что я из кожи вон лезу, чтобы успеть его до этого продать.

— У тебя что, нет никаких сбережений?

— Они все были в трастовом фонде. И коль скоро я уволен за нарушение условий договора, все эти деньги в фонде сгорели для меня синим пламенем. Так что я в дерьме по самые уши.

— Ты пробовал найти работу?

— Пробовал, конечно. Шиш с маслом. Не знаю, как Рикарду проворачивает такие дела, но со мной всюду разговаривают так, словно я Ник Лисон.

— И что собираешься делать теперь?

В комнату вошла Тереза с двумя чашками чая.

— Спасибо, дорогая. — Дейв отпил пару глотков и только потом ответил на мой вопрос: — Что делать? Во-первых, продавать этот дом. Есть пара старых приятелей еще с форековских времен, которые помогут собрать деньги на небольшой паб. Там мы с женой и будем работать — в собственном заведении. И, честное слово, я жду не дождусь, когда так оно и будет. Работой в Сити я сыт по самое горло.

— Я тоже, — поддакнула Тереза.

— Могу вас понять, — искренне сказал я.

— Значит, тебя тоже вышибли?

— Не совсем. Я сам соскочил.

— Но почему?

Я поделился почти всем, что знал, рассказал о похищении Изабель. Дейв вытаращил глаза.

— Симпатичная девчонка. И умная, кстати. Значит, неизвестно даже, жива она или нет?

— Неизвестно.

— И кто ее похитил?

— Тоже никто не знает. Похищение людей — это целая индустрия в Бразилии. Такие вещи происходят там постоянно.

— Вроде того, как работника банка грабители убивают за кошелек?

Я бросил на него быстрый взгляд.

— В своем интервью ты сказал, что тебе это показалось подозрительным. Почему?

— Потому, что это было подозрительно. *Очень* подозрительно. В Dekker Trust есть номерные счета, которыми, судя по всему, занимается Эдуарду. Рикарду утверждает, что знает, откуда поступает каждый доллар, но вряд ли это действительно так. А младший братик не страдает избытком щепетильности и закон ему не писан.

— Хорошо, скажем, на этих счетах могут быть какие-то левые деньги. Но ведь доказательств-то нет?

— Нет. Зато есть куча разговоров на рынке.

— Разговоров?

— Конечно. Все знают, что Chalmet оперирует не самыми чистыми деньгами, а ведь этим швейцарцам принадлежит двадцать девять процентов Dekker. Так что постепенно стали поговаривать и о нашей фирме. Рикарду об этом ничего не знает — да и кто осмелится рассказать ему об этих слухах? Но во время пивных посиделок можно узнать массу интересных вещей.

— И ты думаешь, это правда?

— Сначала я и сам не был уверен. Сидел, слушал, но в основном игнорировал. Интерес появился, когда этот парень, Бельдекос, стал рыть глубже. Он задавал неудобные вопросы и старался найти ответы, которые бы объясняли происходящее. А потом — как кстати! — его случайно убили. И когда тебя в Бразилии ударили ножом, все перестало казаться совпадением.

— Тогда ты и решил поговорить с людьми из *IFR*?

— Да. Это была серьезная ошибка.

— Почему?

— Потому что их репортер написал, что информация была получена «от источников в Dekker Ward», помнишь? К тому же у него хватило ума позвонить мне сюда. А Эдуарду, как я потом догадался, поставил мой домашний телефон на прослушку. Так меня и поймали.

— Но зачем ты вообще говорил с ними? Ты же понимал, что если узнают, тебе несдобровать.

Дейв отхлебнул чаю и посмотрел на Терезу.

— Не знаю. Одного человека убили, на другого напали, все довольны, никто не задает неудобных вопросов. Я долго размышлял над всей этой ситуацией, и слишком многое не стыковалось. Наверное, я и до сих пор держал бы рот на замке, но так уж вышло, что принял пару лишних кружек и подумал: да гори все огнем! И так вот как-то само с языка сорвалось. Я и не ожидал, что меня так отрикошетит.

Я кивнул. Возможно, мне раньше стоило поинтересоваться кое-какими вопросами.

— А знаешь, я ведь ходил и в полицию, — сказал он.

— Ты серьезно?

— Да. После того как меня уволили. Я был так зол, что хотел хоть как-то с ними поквитаться.

— И что тебе сказали в полиции?

— Ни черта. Только время потерял.

— Почему?

— Ну, во-первых, убийство в Венесуэле — не совсем их юрисдикция, верно? А Мартин Бельдекос был американским гражданином, к тому же постоянно проживавшим на Кайманах. И с какой точки им было начинать?

— А отмывание денег? Их это тоже не заинтересовало?

— Здесь они интерес проявили. Умеренный, правда. Но ведь Рикарду хитер как черт. Его деятельность практически никем не регулируется.

— Как это?

— Ну вот тебе для начала. Брокерская фирма Dekker Ward контролируется не Банком Англии, а Советом по ценным бумагам и фьючерсам. SFA же мало интересуют проблемы отмывания денег. Далее, Рикарду ведет все свои дела из Кэнери Уорф, а Совет работает с главным офисом Dekker в Сити. Большинство развивающихся рынков вообще никак не регулируются, это же не Лондонская биржа, где все под жестким кон-

тролем. Вдобавок многие сделки проводятся на Кайманах — то есть через практически независимую компанию, вне досягаемости британских властей.

— Понятно...

Да, Рикарду сплел сложную сеть, не подкопаешься.

— Потому-то Совет и не пытался что-то рыть. Коль скоро деньги отмываются не в Лондоне, — а так оно и есть, — они ничего не могут сделать.

— А полиция?

— А что полиция? Сказали, что, если я наткнусь на «подозрительную операцию», ее заведут в компьютер. И все. Я понял, что они завалены информацией о таких сомнительных сделках.

Я обдумал услышанное.

— В прошлом месяце мне случайно попался некий факс на имя Бельдекоса из United Bank of Canada. Из него следовало, что Управление по борьбе с наркотиками Соединенных Штатов занималось расследованием деятельности Франсиску Арагана и проследило выплаты, сделанные им на счета Dekker Trust. Теоретически они могли бы связать его с конторой, Араган все-таки шурин Росса.

— Франсиску Араган, значит? — Дейв задумчиво потер подбородок. — Что ж, это похоже на правду. Скользкий тип.

Он вздохнул.

— Можешь, конечно, попытаться проинформировать их, но не рассчитывай на успех. — Дейв заметил, что я нахмурился. — А лучше всего, Ник, наплюй

и забудь. Этот монстр нам с тобой не по зубам. Лучше заглядывай ко мне на кружечку пива, как только я открою паб. Зайдешь?

— Конечно, — сказал я. — Если ты не забудешь дать мне адрес.

— Не беспокойся.

Я встал. Пора было и домой. Дейв подбросил меня до станции метро. Когда я уже вылезал из машины, он окликнул меня:

— Ник!

— Что?

— Будь осторожен. Если Dekker за кого-то берется всерьез, то играет без правил.

— Постараюсь. — Я кисло улыбнулся, захлопнул дверцу и зашагал к метро.

Несмотря на весь скептицизм Дейва по поводу УБН, я считал, что стоит попробовать связаться с ними. Теперь, когда я безработный, терять мне нечего. Наплевав на солидные цифры, которые украсят мой телефонный счет в следующем месяце, я через справочную выяснил номер United Bank of Canada на Багамах. Меня соединили с Дональдом Уинтерсом.

— Доброе утро. Это Ник Эллиот из Dekker Ward в Лондоне. Я коллега Мартина Бельдекоса.

— Да, конечно, здравствуйте, чем могу быть полезен?

Мне повезло. Похоже, Уинтерс еще не в курсе, что Мартин погиб.

— В прошлом месяце вы отправили факс, где общались, что вам удалось связать перевод денег в нашу

дочернюю компанию на Кайманах с Франсиску Араганом.

— Совершенно верно. По-моему, все это имело отношение и к некоему юристу, Тони Хемпелу, я не ошибаюсь?

— Кажется, да. Помнится, вы упоминали и о том, что деятельность Арагана расследуется Управлением по борьбе с наркотиками США.

— Да. Не могу, правда, сказать, что из всего этого вышло. Они с нами больше не связывались. Но если вас это интересует, я могу дать вам их контактный телефон.

Я записал имя и номер телефона, поблагодарил Уинтерса и повесил трубку.

Теперь Управление. Все эти коды зон были для меня китайской грамотой, поэтому я понятия не имел, где они находятся.

Мне ответили после первого же гудка.

— Доннели слушает.

— Доброе утро. Говорит Николас Эллиот, Dekker Ward, в Лондоне. Дональд Уинтерс из United Bank of Canada дал мне ваши координаты.

— Уинтерс. Конечно, чем могу помочь?

— Я располагаю определенной информацией, имеющей отношение к Франсиску Арагану. Вы, кажется, расследуете его деятельность.

— Слушаю вас.

Я рассказал о факсе на имя Мартина, о его гибели, о нападении на меня самого. На другом конце провода отчетливо слышалось царапанье авторучки по бумаге.

— У вас сохранилась копия этого факса? — спросил Доннели.

— Нет, но если она вам нужна, вы наверняка сможете получить ее у Дональда Уинтерса.

— Хорошо. — Снова царапанье. — Вы уже сообщали о ваших подозрениях касательно убийства Мартина Бельдекоса или нападения на вас?

— Нет. Я не знал, куда мне с этим обращаться.

Я продиктовал номер своего домашнего телефона. Но я не хотел, чтобы он исчез, ничего не сказав мне о том, какие шаги они намерены предпринять.

— Так вы займетесь этим расследованием?

Воцарилась неловкая пауза.

— Ваша информация может оказаться полезной. Сейчас мы ведем несколько расследований, и то, что вы сообщили, может помочь.

— Но вы будете вести расследование по Dekker? — я начал терять терпение.

— Прошу прощения, но я не вправе сообщить вам о наших планах. В любом случае благодарю вас за информацию, господин Эллиот. Мы знаем, как с вами связаться. До свидания — и всего доброго.

Я положил трубку в расстроенных чувствах. Я наивно полагал, что из Штатов в Лондон немедленно вылетит группа захвата и наведет шороху в конторе. Увы, похоже, ничего подобного не произойдет.

Я попытался взглянуть на ситуацию глазами другой стороны. Наверняка у этой стороны есть цель. И скорее всего, эта цель — Араган. Да, они воспользуются

любой информацией, которая может помочь им накрыть цель, но вряд ли они будут заниматься проверкой чьих-то подозрений, не подкрепленных — и тут уж не поспоришь — никакими фактами.

Но настроение у меня поднялось. Я выполнил свой долг и сообщил куда следует. Теперь можно забыть Dekker.

Но я не мог забыть Изабель.

— Ну и заварил ты кашу, ничего не скажешь.

Мы сидели в «Замке Пембрук», уютном пабе неподалеку от моего дома. Джейми, как и обещал, все-таки заскочил на кружечку.

— Какую кашу, ты о чем?

— В Рио все газеты только об этом и говорят. И не прикидывайся, что ничего не знаешь.

— Я догадывался, что нечто подобное должно произойти. И что же пишут?

— А пишут то, что финансовый скандал, разразившийся месяц назад и связавший Умберту Алвиса и наркоторговлю с проектом *favelas*, сфабриковала Dekker Ward. Что Освальду Боччи согласился опубликовать эту утку в обмен на финансирование его новых медиапроектов.

— Вполне правдоподобное изложение событий.

— Кое-кто очень задет за живое. Рикарду обеспокоен. Очень обеспокоен. А Эдуарду — тот просто в бешенстве. Кипит и булькает.

Я довольно улыбнулся. Кажется, мне удалось расшевелить этот муравейник.

— Поосторожнее, Ники, ты нажил себе серьезных врагов.

— Меня это не волнует. А вот то, как торпедировали уже готовый проект, — это возмутительно. И ты сам это знаешь. Луис просто расставил точки над «i».

— Но Росс во всем винит тебя.

— Ну и дурак.

— Вот ты ему сам об этом и скажи.

Я отхлебнул пива.

— Сегодня я виделся с Дейвом, — как бы невзначай обронил я.

— Как он?

— Зол как черт. Рикарду его просто утопил. Он не может найти никакую работу в Сити.

— И что собирается делать?

— В складчину с друзьями купить паб. И заделаться в нем менеджером.

— Не худший вариант.

— Ты знаешь, он тоже считает, что в конторе творится что-то неладное. Что Бельдекоса убили потому, что он наткнулся на какой-то компромат.

— Доказательства у него есть?

— Нет. Он звонил в полицию, но там никто этим делом не заинтересовался. А я сегодня звонил в Штаты в Управление по борьбе с наркотиками.

— Ты?!

— Да. Они все записали, но не похоже, чтобы очень уж заинтересовались.

— Кто-нибудь еще знает?..

Я покачал головой. И вдруг меня словно током ударило. Дейв говорил, что ему поставили прослушку на телефон. О Боже!

— Молись, чтобы никто не узнал, — мрачно посоветовал Джейми. — Не знаю, есть ли правда во всех этих разговорах об отмывании денег. И, честно говоря, не хочу знать. Но знаю одно: Рикарду не из тех, кто прощает.

— Дашь знать, если заметишь что-нибудь подозрительное?

— Нет, Ник, прости. Этого я делать не буду. Я тихо залягу на дно и ни во что не буду совать свой нос. Давай лучше поставлю тебе еще кружечку.

23

Меня разбудил звон бьющегося стекла и треск ломающегося дерева. Из гостиной доносились глухие удары. Я вскочил и как был, в одних трусах, побежал на звук.

Их было трое: высокие крепкие парни, затянутые в джинсы. Я бросился на того, что стоял ближе к дверям, прижав его к книжному стеллажу.

— Держите его!

Меня попытались схватить, но я пытался добраться до горла своей жертвы, которая неловко сползала на пол. Я все-таки успел его достать. Но силы были неравны. Эти двое все же скрутили меня, а их приятель успел прийти в себя, выпрямился, пошатываясь, и внезапно изо всех сил ударил меня ногой ниже пояса. Я заорал и почувствовал мгновенную тошноту. Еще один удар, который едва не разнес мне почку, а потом чье-то

колени врезалось мне в лицо. Во рту сразу стало со-
лоно, но боль в паху заставляла забыть обо всем ос-
тальном. Я пытался согнуться, чтобы защититься от
следующего удара, но что-то с силой ударило меня
в висок и я провалился во тьму.

— Скорую! Быстро!

Потрескивание полицейского радио. Кто-то, встав
на колени, наклонился надо мной.

— Он дышит! Рана на голове. Проверьте спальню!

У меня не было сил шевельнуть ни рукой, ни ногой.
Все тело кричало от боли. Вокруг кто-то суетился, бе-
гал, на меня набросили мягкое и легкое одеяло, завы-
ли сирены. Меня положили на носилки, холодный
воздух остудил лицо, и я открыл глаза.

Я увидел собственный дом. Стояла глубокая ночь, но,
казалось, огни были повсюду: оранжевые лучи уличных
фонарей, голубые вспышки маячка скорой помощи.

Надо мной склонился санитар в зеленой форме.

— Держись. Все будет в порядке, сынок.

Меня запихнули в машину. Я вдруг почувствовал
невероятную усталость и снова потерял сознание.

Второе пребывание в больнице оказалось короче
первого. Меня выписали утром, предупредив, что, ес-
ли головные боли усилятся, чтоб я снова приехал сю-
да. Висок, куда пришелся удар, нещадно ныл, а сама
голова просто гудела как большой колокол. Все тело
было сплошным синяком.

Домой я добирался на такси, ожидая самого худ-
шего. Предчувствия меня не обманули. Квартира бы-

ла разгромлена, кое-что пропало: золотые запонки, которые родители подарили мне на восемнадцатилетие, видеомэгнофон. И, о ужас, компьютер!

Черт, черт, черт! В нем же были материалы трех лет работы над диссертацией! Я бессильно рухнул на диван и тупо уставился на осиротевший стол. Так, соберись. Это еще не конец света. Где-то тут стояли коробки с бумагами. Господи, хоть бы там были распечатки черновиков!

Черт! Только несколько набросков и черновики первых трех глав. А остальное? Исчезло. Я уткнулся лбом в колени. Чтобы восстановить все, понадобятся месяцы, долгие месяцы.

Повсюду валялись книги, дверцы всех шкафов были распахнуты настежь. Кажется, я попал. Работы нет. Впереди месяцы унылого переписывания и восстановления всего, что пропало. И Изабель — либо уже мертва, либо томится в какой-то грязной яме в тысячах миль отсюда.

Стоявший на полу телефон зазвонил. Я прополз пару метров, отделявших меня от аппарата, и снял трубку.

— Алло.

— Ник?

Я похолодел. Этот голос трудно было не узнать.

— Да.

— Как поживаешь?

— Ты, черт бы тебя драл, прекрасно знаешь, как я поживаю. Ты же подстроил все: и то, что меня избил, и то, что квартиру разнесли в пух и прах!

— Тебя избили? О, Ник, мне очень жаль. — Эдуарду даже не пытался скрыть иронию. — Кстати, вчера в бразильской прессе была неприятная статья. Очень неприятная. Помнишь, я ведь сказал: я буду присматривать за тобой. И мне хотелось бы, чтобы ты сидел тихо. Ты меня понимаешь?

— Да пошел ты!.. — проорал я и выдернул шнур из розетки.

Чтобы навести порядок, понадобится куча времени. А у меня не было ни настроения, ни сил, так что двигался я еле-еле. Пришел полицейский, сделал опись пропавших вещей. Я рассказал о звонке. А почему бы и нет? Вряд ли им удастся найти какую-то зацепку, которая позволила бы связать Эдуарду с нападением, но хоть чуточку подпортить ему настроение, наверно, можно. Констебль явно решил, что я параноик, обиженный на увольнение, — что, по сути, было правдой, — но обещал во всем разобраться.

Я, наконец, разделался с уборкой и позвонил Расселу Черчу, шефу моей кафедры на факультете русистики.

— Ник, как ты? А я как раз собирался звонить тебе, чтобы сказать спасибо.

— Ты это серьезно? О чем ты вообще говоришь?

— О том, чтобы поблагодарить тебя за спонсорство.

У меня внутри все опустилось. Сволочи поганые.

— Какое спонсорство?

— Мне только что звонил некий господин по фамилии Росс. Dekker Ward хочет организовать программу финансовой поддержки факультета русистики.

В течение года они опробуют эту программу, а дальше будет видно.

— И что же они хотят получить взамен?

— Доступ к некоторым нашим исследователям и к нашим контактам. По словам Росса, они собираются расширять свой бизнес в России. К тому же они будут платить — и по хорошим расценкам — за любую консультационную работу, которая им понадобится. Ну разве не чудо? Такое финансирование нам было по-заказу необходимо. Так что спасибо, старина.

— Честно говоря, я впервые обо всем этом слышу.

— Да? А я предположил, что это твоя инициатива. Ну, уж во всяком случае, ты наверняка произвел на них самое хорошее впечатление. Как там у тебя дела, как работа?

— Да никак. — Я старался, чтобы мой голос звучал не совсем уж похоронно. — Я уволился. Ты говорил, чтобы я позвонил тебе, если когда-нибудь решу, что Сити не для меня.

Рассел неожиданно страшно обрадовался.

— Ну, теперь-то мы для тебя наверняка что-нибудь подыщем. Мы еще не оговорили все детали проекта, но ты бы мог стать кем-то вроде посредника-координатора.

— Погоди, Рассел. Вряд ли из этого что-то получится. Мы с твоими благодетелями расстались не очень мирно.

— Вот как...

— Для меня было бы полезнее, если бы мы могли обсудить возможные вакансии в других университетах. И мне понадобятся твои рекомендации.

Сработало. Голос Рассела стал более осторожным.

— Ладно. Давай встретимся и потолкуем об этом.

— Как насчет завтра?

— Устраивает. В одиннадцать? Тогда до встречи.

Стуча в полуоткрытую дверь Рассела, я нервничал так же, как пять лет назад во время рабочего интервью.

— Входите!

Как только я вошел, то сразу же понял: Рассел успел переговорить с кем-то из Россов. Он всегда приветствовал меня радостной открытой улыбкой. На этот раз Черч неуклюже поднялся из-за стола и пожал мне руку, явно избегая встречаться глазами.

— Привет, Ник. Проходи, садись.

Можно подумать, мой визит явился для него неожиданностью. Я присел на стул. Бумажная гора на столе была легко узнаваема. На большинстве документов стояла шапка факультета русистики. Административная галиматья. Гималаи мусора. И ни одной страницы, на которой были бы видны русские буквы.

Он снял очки и с хмурым видом принялся их протирать.

— Так о чем, собственно, ты хотел поговорить?

— Я ищу работу. Может быть, ты слышал о каких-нибудь вакансиях?

— Практически ничего, с тех самых пор, как ты от нас ушел. Думаю, что скоро может появиться работа в Шеффилде. Возможно, откроется вакансия в университете Суррея. Вот, пожалуй, и все.

Это был мой учитель. Почти друг — все последние пять лет. Человек, который ради меня не раз рисковал своей репутацией, несмотря на отсутствие у меня диплома по русской филологии. И это все, что он мне мог сейчас сказать?

Мне нужно было знать наверняка.

— Ты, надеюсь, дашь мне свои рекомендации?

Рекомендации от Рассела в моей ситуации значили все. Его прекрасно знали в научных кругах Великобритании, да и всего мира. Без его помощи у меня не было ни единого шанса получить работу.

Рассел с удвоенной энергией полировал стекла очков.

— Это не так просто. Конечно, что-то я могу написать. Но вряд ли из этого что-нибудь выйдет.

— Почему? Что случилось? Что они сказали тебе?

— Господин Росс посвятил меня в обстоятельства, при которых ты ушел из его фирмы.

— Который Росс?

На мгновение Рассел заколебался.

— Он представился как Эдуарду Росс, но я не уверен...

— Продолжай. И что же он сказал?

Рассел поерзал в кресле.

— Он сказал, что тебя прихватили, когда ты пытался дать взятку бразильским чиновникам, чтобы

пробить какую-то сделку. Поэтому им пришлось с тобой расстаться.

— Но это же бред сивой кобылы!

— Я читал статью в газете, Ник. — Он показал мне ксерокопию статьи из газеты Боччи.

— Dekker сама организовала эту публикацию. Я могу показать тебе статью, где говорится об этом!

— Росс предупредил, что ты за их спиной обратился к прессе.

Рассела словно подменили. Он набычился, будто готовясь к схватке.

— А ты не хочешь услышать и мою версию событий?

— Что ж. Валяй.

Это я и сделал. Было сложно изложить все, не вдаваясь в массу деталей, но мне это удалось. Однако Рассел не слушал. Он не слышал. Он *не хотел* слышать.

Когда я умолк, он задумчиво постучал карандашом по столу.

— Ник, это лишь твое слово против того, что утверждает Dekker и, кстати, бразильская пресса. — Он ткнул пальцем в лежавшую перед ним статью. — А в данный момент кафедре, чтобы выжить, необходимы деньги. Я просто не могу позволить себе усомниться в их словах.

Мне вдруг все надоело.

— Рассел! Тебя купили!

— Глупости!

— Нет, не глупости. Ты выслуживаешься перед этими негодьями, только потому, что они обещали кинуть тебе кость!

— Ты участвовал в подкупе государственных чиновников, поэтому я не могу дать тебе хорошую рекомендацию.

— Да ты ведь знать не знаешь ни о каком подкупе! Тебе известно только то, что сказал Эдуарду Росс. Это спонсорство связано с дополнительными условиями, первое из которых — перекрыть мне кислород! Это первая коммерческая сделка в твоей жизни, и в первый же день твоя хваленая независимость накрылась медным тазом!

Рассел, словно защищаясь, выставил руки ладонями вперед.

— Ник, Ник, успокойся. Давай лучше поговорим о вакансии в Суррее, хорошо?

— Пошел к черту!

В ярости я выскочил из его кабинета.

Я долетел на велосипеде до Примроуз-Хилл в рекордное время, забыв про боль в спине и ноге. Реакция Рассела была предсказуема, но все равно я чувствовал горькое разочарование. Став главой кафедры три года назад, Черч мечтал обеспечивать ее финансовое выживание на стратегии привлечения спонсоров. До сих пор у него ничего не получалось. Из-за этого его положение на факультете стало очень шатким. А человек он амбициозный. Так зачем ему рисковать своим благополучием из-за какого-то жалко-

го преподавателя русского, у которого за душой нет даже ученой степени?

Зачем? Да затем что он был моим другом, моим наставником. Затем что факультет русистики все-таки не биржа.

Подлец!

Но зачем это все нужно? Неужели я такая важная птица, что на мое моральное уничтожение не жалко выбросить миллион-другой? Конечно, в каком-то смысле это был неглупый ход. Факультет русистики всегда располагал хорошими связями и знанием российских реалий, чем с удовольствием воспользовался бы Рикарду. Сейчас Рассела кормят обещаниями. Dekker в любой момент может дать задний ход, и Черч останется с носом.

Я зашел в паб около дома, заказал себе кружку пива и сэндвич с ветчиной. Надо все хорошенько обдумать. Получить в университете должность преподавателя русского почти невозможно. Дорога в Сити для меня заказана. До завершения диссертации требуется минимум полгода, а надо добавить еще три-четыре месяца, чтобы довести работу до того уровня, на котором она была до недавней катастрофы. Кровь из носу, но я должен, обязан добить начатое. На моем банковском счету лежало три тысячи фунтов, остаток тех денег, которые Рикарду одолжил мне на покупку одежды. Надо растянуть их на как можно дольше.

А как платить за квартиру? Еще одна неразрешимая проблема. Черта с два ее продашь за цену, которая

позволила бы разделаться с долгами. Пожалуй, надо ее сдать, а самому поискать какое-нибудь дешевое съемное жилье. Очень дешевое. Может быть, даже в каком-нибудь заброшенном доме. Я посмотрел на сэндвич с ветчиной, лежавший на тарелке. Скоро я не смогу позволить себе такую роскошь.

И что же ожидает меня в будущем? Будь Изабель рядом, или если бы я хотя бы знал, что она жива, — все было бы иначе. Неуверенность придавливала меня как скала, затягивала в болото апатии. С каждым днем я все больше и больше терял веру в то, что ей удалось выжить, — а без нее будущее выглядело безнадежно-серым.

Квартира выглядела почти пристойно. Рабочие приладили временные двери там, где раньше были окна от пола до потолка. Днем обещали поставить что-нибудь более постоянное. Слава богу, страховка хоть это покрывала.

Я прошелся по всем углам, заглядывая на кухню, в гостиную, ванную и спальню. Будет жалко расстаться со всем этим. Когда мы с Джоанной только купили эту квартиру, она казалась чрезмерно дорогой, а со временем и вовсе превратилась в кандалы. Но сейчас в ней стояли стеллажи, на сборку которых я потратил многие часы, — да нет, дни! — с полками, вмещавшими мои две тысячи книг. И крошечный садик, где я знал каждый цветок и каждый сорняк.

Внезапно на меня накатила волна гнева. Я теряю квартиру из-за этих негодяев. Они перечеркнули мою

карьеру. Из-за них меня избили до полусмерти. Да что они о себе возомнили, черт бы их всех подрал? Это надо как-то остановить. Надо найти их слабое место и ударить по нему. Вопрос только в том, как его искать.

Обнародование того, что Рикарду манипулировал публикациями Боччи, неприятно, но, по сути, все равно что слону дробина. Я же горел жаждой мести.

А что я мог сделать? Бывший сотрудник, нынешний безработный, в финансовых махинациях полный профан. А чтобы доказать обвинение в отмывании преступных денег, понадобилось бы мощное международное расследование. Между тем непохоже, чтобы Управление по борьбе с наркотиками горело желанием это расследовать. Во всяком случае, делишками Dekker они не очень-то заинтересовались. Дейв был прав, когда говорил о безразличии властей.

Собственное бессилие сводило с ума. Должно же быть хоть что-то, что я мог бы сделать!

Телефонный звонок прервал поток моих мрачных мыслей.

— Ник? Это Кейт. Я только что обо всем узнала, это кошмар! Как ты?

— Что узнала? Какой кошмар?

Я почувствовал неуверенность на другом конце провода.

— Ну, и то и другое. Изабель. И то, что ты остался без работы. Должно быть, ты ужасно себя чувствуешь.

— Так и есть. А кроме того, они вломились в квартиру, избили меня и унесли компьютер.

— О Господи! Когда?

— Позавчера ночью.

— Тебе сильно досталось?

— Сознание потерял. Голова болит, спина, нога, ну и так, по мелочи.

— Чем занимаешься?

— Думаю о том, чтобы сдать квартиру.

— А ты не можешь подыскать другую работу?

— Нет. Dekker Ward внезапно решил стать спонсором факультета русистики. Обязательное условие договора — я должен оставаться безработным.

— Не может быть! Но где же ты собираешься жить?

— Не знаю. Найду где-нибудь дом, который идет под снос. Кажется, Камден вполне подходящий район для таких поисков, — уныло поделился я своими планами.

Кейт умолкла, а пару секунд спустя решительно произнесла:

— Ну вот что, хватит хандрить. Собирай чемодан и немедленно приезжай. Поживешь у нас, пока не найдешь халупу по вкусу. Тебе нужно быть с людьми — даже если этих людей всего двое, я и Оливер.

Внезапно я понял, что хотел бы этого больше всего на свете.

— Спасибо, родная, — дрогнувшим голосом поблагодарил. — Тогда я пошел собираться. До вечера.

Навьючив на велосипед две дорожные сумки, я сел в поезд. Нужная станция располагалась на окраине старинного городка, в тридцати милях от Лондона — городка, которому, несмотря на все усилия, так и не удалось стать центром студенческой жизни. Дом Джейми и Кейт стоял в трех милях от станции, в местечке Боденхэм.

Было еще светло, и я бодро катил по узким улочкам. Повсюду росли каштаны, украшенные гроздьями белых цветов. Впрочем, тихой эту деревушку назвать было нельзя: птицы галдели как сумасшедшие, а на окрестных полях всюду грохотала сельхозтехника разного калибра. Я скатился с крутого холма и резко свернул налево, едва не задавив утку, чинно переходившую дорогу в сторону пруда.

Дом моих друзей расположился в конце дороги. Я не слышал звука двигателя до тех пор, пока в метре от меня не взревел клаксон, отчего я едва не слетел с велосипеда. Я дернулся и увидел, что за мной почти бесшумно едет Джейми на своем «ягуаре». Теперь он пытался меня обогнать, но я завилал, не пуская его. Как был мальчишкой, так и остался.

Они жили в Докенбуше, старом фермерском доме, окруженном хозяйственными постройками. С одной стороны к дому прилегал сад с пол-акра размером — симпатичный полудикий заброшенный участок с чахлыми кустиками роз. По другую сторону раскинулась давно нестриженная лужайка с колокольчиками. Заблудившаяся желтая роза обвила

фасад, и мне пришлось пригнуться, чтобы не оцарапаться о шипы.

— Надо бы ее как-нибудь подвязать, — сказал Джейми. — Хотя, с другой стороны, если кто-то решит сюда забраться, то рискует лишиться глаз.

— Я подвяжу, — сказал я. — Да и вообще надо облагородить ваши облезлые насаждения.

Они въехали сюда два года назад, сразу как только Джейми устроился на работу. Дом казался бессмысленно огромным для молодой пары с ребенком, я с ностальгией вспомнил их крошечную двушку в Чизвике. Этот дом напомнил мне тот, в котором вырос Джейми, и где я пару раз бывал до того, как его отцу пришлось продать имение. То, что мой друг выбрал такой дом для своей семьи, вряд ли было случайностью. Как, наверно, не случайно и то, что Рикарду тоже предпочитал жить в роскошном особняке подальше от города.

Кейт вышла в прихожую и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула меня в щеку.

— Привет! Ужин почти готов. Никаких разносолов, тушеное мясо с овощами.

На большой кухне в старинном стиле весело шипела супермодная плита, повсюду были разбросаны на полках и сверкали начищенные до блеска кастрюли со сковородками. Мясо оказалось великолепным. Мы распили бутылку чилийского красного вина, и я слегка повеселел. Взяв с тарелки кусочек французского сыра, Джейми как бы между прочим обронил:

— Сегодня Рикарду вспоминал тебя.

— Неужели?

— Он даже произнес небольшую речь. Объяснил, почему ты ушел. Сказал, что ты не воспользовался предложенным шансом уйти по-человечески и что он не допустит вольнодумцев и отступников. И добавил, что работать ты больше не будешь нигде — ни в Сити, ни в университетской среде.

— А ты, неужели ты промолчал? — Кейт резко повернулась к мужу.

Джейми молча пожал плечами.

— А что он мог сказать? — вмешался я. — С Рикарду не спорят. — Я посмотрел на приятеля. — А что народ говорит?

— Трудно сказать. После того, что случилось с Изабель, все как будто придавлены. Да еще этот мексиканский контракт, будь он неладен... Кроме того, все же знают, что мы с тобой друзья, поэтому со мной на эту тему не говорят. Рикарду объяснил все достаточно четко. Держись меня — и я тебя не оставлю. Решишь дернуться — пеняй на себя.

Кейт страдальчески смотрела на мужа. Тот старательно избегал встретиться с ней взглядом, делая вид, что изучает содержимое тарелки.

— По-моему, предложить факультету русистики спонсорство только для того, чтобы оставить меня без работы, — это перебор.

— Это предупреждение всем. Если они вознамерятся наказать, то не остановятся ни перед чем. Но

есть и другой момент. Нам нужна информация о России, нужны контакты в этой стране. А твое прежнее заведение может в этом плане очень пригодиться.

— А как насчет того, как меня едва не искалечили? Разнесли квартиру? Об этом Рикарду тоже рассказал?

— Не думаю, что он вообще об этом знает. Это же явно почерк его брата.

— Джейми, тебе нужно отсюда уйти! — заявила Кейт. — Особенно после того, что случилось с Ником. И уйти нужно сейчас, пока еще не слишком поздно.

— Уже слишком поздно. Тем более сейчас. С меня теперь глаз не спускают.

— Да наплюй ты на него, — возмутилась Кейт. — Уволься и все.

— Не так все просто, дорогая. За дом-то нужно платить. Мне понадобятся хорошие премиальные минимум за два года, чтобы пробить хоть какую-то брешь в ипотеке. А если уходить — то куда? Рикарду не тот человек, которого стоит иметь в числе своих врагов. Латиноамериканский рынок — тесная площадка. Все друг друга знают.

— Ты мог бы работать в Bloomfield Weiss, — неуверенно предположила Кейт. — Они только рады были бы.

— Ага, а если они проиграют свою войну с Dekker, что случится почти наверняка, я им нужен буду как собаке пятая нога. И снова окажусь на улице.

— О, Джейми! — Кейт в отчаянии швырнула салфетку и выбежала из-за стола.

Мы оба молчали. Неловкая пауза затягивалась, Джейми ее нарушил первым.

— Извини.

— За что? Я волен ломать свою судьбу, как мне угодно. Это не значит, что ты из солидарности должен сделать то же самое. У тебя жена, сын.

И амбиции, закончил я мысленно фразу. В конторе Джейми был на хорошем счету, и если он будет паинькой, то через несколько лет станет миллионером. А это мечта всей его жизни.

Но все-таки он был моим старым другом. И я не хотел, чтобы из-за меня он отказывался от своей мечты.

Мы вдвоем убрались на кухне и разошлись спать. Кейт так и не появилась.

Наш разговор состоялся на следующий день. Джейми отправился на работу, а Кейт только что отвезла Оливера в школу. Погода стояла великолепная, светило солнышко, дул теплый ветерок. Мы сели в саду, прихватив с собой по чашке кофе.

— А ты знаешь, что у твоего крестника появилась подружка?

— М-мм? А не рановато ли?

— По-моему, как раз в этом возрасте они начинают интересоваться противоположным полом, а через год-другой теряют к нему интерес.

— И как же ее зовут?

— Джессика.

— Хорошенькая?

— Об этом лучше спросить Оливера. На мой взгляд, чересчур пухленькая. Но она играет с его ракетами и прочей техникой, а это главное. Как-то он спросил меня, может ли Джессика прийти к нам поиграть. Робел — не то слово! Такой трогательный.

— Надеюсь, ты меня представишь юной леди? — хмыкнул я.

Грачи, мирно сидевшие в кустарнике, вдруг взметнулись в воздух. Над нами сердито загалдела черная туча. Интересно, что их испугнуло?

— Ты думаешь, ее найдут?

— Изабель?

Кейт кивнула. На мгновение я задумался.

— Да. Должны найти.

— Она показалась мне хорошим человеком.

— Она и есть хороший человек.

— Но я ненавижу женщин с такой фигурой. Что ни наденут, все к лицу.

Я улыбнулся, и тут меня больно кольнуло в сердце. Передо мной пронесся вихрь воспоминаний, голос, кожа, запах, о Господи, она *обязана* быть живой! Просто обязана.

Кейт накрыла мою ладонь своей.

— Прости, что так вышло вчера вечером, — сказала она. — Джейми мне всю душу вымотал. Для него, кроме работы, ничего не существует. Такое впечатление, что он продал Рикарду душу.

— В чем-то ты права. Рикарду держит всех на коротком поводке. Он позволяет людям работать так,

как они считают нужным, но при условии, что его и их интересы полностью совпадают. Но я могу понять и Джейми. Ему ведь нужно за все это платить. — Я обвел рукой сад.

— Нет, не нужно! — сердито выпалила Кейт. — Нам вовсе не нужно все это! Конечно, здесь очень мило и симпатично, но мы были счастливы в нашей маленькой квартирке в Чизвике. А то, что ему приходится обеспечивать еще и меня, так это вообще чушь собачья. У меня была прекрасная работа в юридической фирме в Сити. Я и сейчас могла бы иметь вполне пристойную зарплату. Хотелось бы, конечно, проводить побольше времени с Оливером, пока он еще так мал, но ничего страшного не случилось бы.

Я молчал. Меньше всего мне хотелось становиться между другом и его женой. Особенно здесь и сейчас.

— Знаешь, как он бушевал, узнав, что я пригласила тебя пожить у нас? Он сказал, что в конторе это могут неправильно понять. Я посоветовала ему заткнуться.

— Если так, мне лучше съехать от вас...

— Ты остаешься, — отрезала Кейт. Ее глаза сверкали. Я был поражен. Она всегда была спокойной и уравновешенной.

Настороженное изумление, очевидно, отразилось на моем лице.

— Не беспокойся, — Кейт улыбнулась. — Джейми вовремя опомнился. До него все-таки дошло, что он сморозил глупость.

Она сделала еще глоток кофе и посмотрела куда-то вдаль, в сторону холмов за оградой сада.

— В последнее время он меняется. На глазах.

Я промолчал. Но Кейт явно хотела выговориться. Она бросила на меня быстрый взгляд, почувствовав мое нежелание развивать тему, но остановиться уже не могла.

— Ты ведь помнишь его в университете. Он никогда и ни к чему не относился слишком серьезно. Всегда веселый, добрый, всегда открытый и живой. Да и после университета тоже. Как он поддерживал меня, когда погиб отец...

Отец Кейт разбился на машине. Джейми показал себя идеальным мужем в тот момент. Он, казалось, всегда знал, когда ее нужно чуточку растормозить, а когда оставить в покое.

— Я всегда считал его своим настоящим другом. В конце концов, он помог мне получить работу. Да, закончилось все печально, но ведь ради меня он рисковал своей репутацией.

— Тоже верно, — Кейт грустно усмехнулась, но тут же снова нахмурилась. — А Оливер? Когда он родился, Джейми от него не отходил. А сейчас он его практически не видит.

— Кейт, это не его вина. Я работал в Dekker. Там приходится пахать — и пахать на износ. Джейми проводит там не больше времени, чем остальные сотрудники. Возможно, даже и меньше.

— Но почему, почему он вообще должен там работать? После всего, что эта работа сделала с тобой? После всего, что она делает с ним?

В голосе Кейт звучала боль. Я знал ответ на ее вопрос. Мне как-то довелось играть с Джейми в регби. Дух соревнования был в нем сильнее, чем в ком бы то ни было. И он никогда не сдавался. Если он решил стать миллионером, то ни Кейт, ни я не сможем свернуть его с пути.

— А знаешь, — вдруг сказала она, — ты молодец.

— Ты о чем? О том, что я уволился? У меня просто не было другого выбора.

— Это я и имею в виду.

Теперь она повернулась ко мне и улыбнулась, как раньше, тепло и по-дружески. Солнце играло в ее волосах. Белая майка и длинная хлопчатобумажная юбка приятно облегли ее чудесную, чтоб она ни говорила, фигуру.

Джейми не заслуживал такой женщины.

Пара дней ушла на то, чтобы разобраться с квартирой. Я встречался с агентами по найму, искал водопроводчика, чтобы он починил бойлер, паковал вещи. И наконец нанял фургон, который перевез мой нехитрый скарб, львиную долю которого составляли книги. Риелторы были уверены, что найдут подходящих жильцов за сумму, которая почти покрывает выплаты по ипотеке.

Я возобновил работу над диссертацией. Поначалу казалось, что восстанавливать пропавшие главы будет тоскливо и нудно, но все оказалось не так уж страшно. Я хорошо помнил все, что успел написать, и, хотя приходилось то и дело нырять в немногочисленные

уцелевшие записки, работа мне даже начала нравиться. К тому же во второй редакции диссертация выглядела гораздо лучше. Но мне недоставало моих бумаг со ссылками на источники, а ссылки были необходимы. Чтобы их восстановить, придется провести несколько дней в библиотеке факультета русистики в Лондоне. Все остальное я спокойно мог делать здесь, в Докенбуше.

Моя комната располагалась под самой крышей дома. У окна пристроился рабочий стол, на котором уже красовался новехонький компьютер, который я купил в расчете на страховые деньги. Здесь открывался великолепный вид, за деревьями расстилались ячменные поля, а еще дальше виднелись пологие, поросшие кустарником холмы. Идиллическая картина. Я работал как одержимый, с восьми до восьми, делая перерыв на ланч с Кейт и Оливером. Я настолько погрузился в мир Пушкина, что почти забыл о своем собственном. Да, в нем еще существовали братья Росс, Dekker, но где-то совсем, совсем далеко.

Единственным напоминанием о прошлой жизни оставался Джейми, который, возвращаясь домой вечером, словно приносил с собой запах конторы. Однако и этот запах довольно скоро выветрился: никто из нас не стремился касаться скользкой темы. Обстановка в доме значительно улучшилась со времени ссоры супругов в день моего прибытия. Мы засиживались допоздна за бутылочкой вина и разговорами. Не жизнь, а сплошные каникулы.

Я позвонил в полицейский участок в Кентиш Таун, чтобы узнать, как продвигается расследование по делу 1521634/Е. Меня не удивило, что полиция не могла похвастаться успехами. Ни одну из украденных вещей обнаружить не удалось. Они допросили Эдуарду, но тот начисто отрицал, что знал что-либо об этом ограблении, а кроме моих подозрений, никаких твердых улик, позволявших связать его с этим делом, не было.

Об Изабель я думал уже не постоянно, а так, иногда. Совесть, конечно, грызла, но я понимал, что так оно и лучше. Ведь мы провели вместе всего несколько дней. Я не раз спрашивал себя: могло ли вообще выйти что-нибудь из наших отношений — и каждый раз убеждал себя: да, могло. Все могло быть просто прекрасно. И тогда я вновь приходил в ярость оттого, что мне не дано узнать, как бы оно было на самом деле.

Я позвонил Луису узнать, нет ли новостей. Он обрадовался моему звонку, рассказал, что помог голландскому банку с хорошими связями в Бразилии связаться с Алвисом, убедив обе стороны обсудить проблемы финансирования проекта *favela*. Чтобы воскресить проект, понадобится месяца два-три, но Умберту считает что все проблемы разрешимы. Ну-ну, пусть Рикарду попляшет.

— А Изабель?.. — наконец решился спросить я.

Луис надолго замолчал.

— Нет, — с усилием выдавил он. — Ничего.

— Полиция ничего не нашла?

— Нет. Но она жива, поверь мне. Тело не нашли. Если бы ее убили, то нашли бы уже давно. Я знаю, что она жива. Я это чувствую.

— Дай-то бог. — Его уверенность придала мне сил.

Однажды вечером, на второй неделе моего пребывания в Докенбуше, в нашу жизнь вмешался Dekker. Джейми вернулся домой взвинченный до предела, даже стакан вина, который он залпом осушил, не снял напряжения. Похоже, настало время нарушить наше негласное табу.

— Что случилось? — спросила Кейт.

— Да так, на работе неприятности.

— Какие именно?

Джейми искоса взглянул на меня.

— Нику это, наверное, понравилось бы. Судя по всему, у нас начались серьезные проблемы. Рынок всю прошлую неделю катился вниз и, похоже, на этой неделе падение продолжится.

— Но почему? — В последнее время я сознательно избегал читать любые новости, связанные с Латинской Америкой.

— Мексика летит в тартарары. Банки лопаются один за другим, у правительства гигантская проблема с рефинансированием долгов в этом году — в общем, все напуганы до полусмерти.

— А на конторе еще с прошлого месяца висят те два мексиканских миллиарда?

— И это, и еще до черта всего. Мексиканские облигации рухнули на двадцать пунктов, а Рикарду продол-

жает их покупать. У него такая теория: в девяносто пятом США помогли Мексике своим поручительством — значит, они снова сделают это. Ему вся эта катавасия представляется прекрасной возможностью под шумок купить облигации по бросовой цене. Дополнительное финансирование он получает от Chalmet, ну ты знаешь, это швейцарский банк, которому принадлежат двадцать девять процентов наших акций. У нас сейчас столько этих мексиканских бумаг, хоть печку топи.

— Сколько?

Джейми поморщился.

— На четыре миллиарда долларов мексиканцев. И еще на два миллиарда прочих аналогичных бумаг.

Я длинно присвистнул.

— Ничего себе! И что же теперь? Рикарду завибрировал?

— Не Рикарду. Конгресс США. Ты что-нибудь слышал о билле Пиннока?

— Нет.

— Это новый законопроект, который потребует одобрения Конгресса для любого пакета иностранной помощи, превышающего некий установленный размер. И проект этот внесен специально для того, чтобы не дать Штатам в очередной раз вытащить Мексику из долговой ямы.

— Но получит ли этот законопроект одобрение? А если президент наложит вето?

— Может, да, а может, и нет. Здесь вообще творится черт знает что: сделки внутри сделок, и никто ниче-

го не знает наверняка. Ситуация вокруг Мексики весьма шаткая. И сразу же некоторые из облигаций Брейди рухнули до тридцати с небольшим долларов.

Ого! Месяц назад они доходили до семидесяти.

— Значит, премии за этот год не будет?

— Все гораздо хуже. В начале года наш капитал составлял полтора миллиарда долларов. При нынешних ценах убытки уже перекрыли эту цифру. Строго говоря, мы просто неплатежеспособны. Банкроты. Конечно, еще не все убытки заявлены и показаны. Никто, кроме нашей группы, об этом не знает, даже лорд Кертон. Есть мизерный шанс, что, если рынок развернется, нам удастся выплыть. Но пока мы зависим от швейцарских денег и творческого подхода к отчетности.

Я действительно был рад. Однако постарался, чтобы моя радость не отразилась на лице. В глубине души я чуть-чуть сочувствовал другу. Он вовсе не хотел, чтобы Dekker приказал долго жить до того, как он, Джейми, успеет ухватить свой кусок пирога.

Наутро, когда я сел работать, я вдруг понял, что совершенно не могу сосредоточиться. Записки и наброски, которыми я был так поглощен еще вчера, сейчас мертвым грузом лежали, разбросанные на столе. Я смотрел на зеленые холмы.

Значит, Dekker в дерьме по самые уши? Великолпно! Я жалел лишь об одном, что не я их туда засунул. Конечно, ребят немножко жалко, они теперь останутся без премиальных, ради которых они тянули из се-

бя последние жилы. Но Джейми и так счастливчик: у него есть Кейт. Для чего ему все эти деньги?

Контора как-нибудь, да и выкрутится. Мексиканские облигации еще могут подняться. И кто знает — может быть, в конечном итоге она окажутся той самой спасительной соломинкой? Однако сейчас Dekker очень и очень уязвима, и если я хочу мстить, то сейчас самый подходящий момент.

А я жаждал мести. Россы растоптали мою карьеру, украли мою диссертацию, наняли головорезов, чтобы те избили меня, заставили бросить свой дом... Я не допущу, чтобы все это сошло им с рук. Как там говорил Рикарду? «Если ты не с нами, то ты против нас»? Что ж, я был против них на все сто.

Но что я мог сделать?

Я вспомнил, как Кейт предлагала Джейми перейти в Bloomfield Weiss. Да, если бы он согласился, это бы в какой-то степени разозлило Рикарду. Но если бы это сделал я, он и бровью бы не шевельнул. Не говоря уж о том, что на работу меня — с моим жалким опытом — наверняка бы не взяли.

Стоп. Вот оно. Сначала сама мысль показалась мне абсурдной, но чем больше я над ней думал, тем более реальной она начинала выглядеть. Я отложил Пушкина в сторону и злобно ухмыляясь, набросал основные пункты своего плана.

Немножко везения — вот что мне нужно. Но если мне удастся совершить задуманное, Dekker пойдет ко дну. И утоплю ее я.

24

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

Я попросил у Кейт разрешения сделать несколько международных звонков. Она не возражала. Начал я с того, что попросил международную справочную дать мне номер Bloomfield Weiss в Нью-Йорке. Позвонив в приемную, я узнал имя президента компании и то, что этот Сидни Шталь сейчас находится в Лондоне. Вот это удача! Секретарша любезно снабдила меня его лондонским номером телефона. Я ни секунды не колебался.

— Офис мистера Вольпина, — произнес женский голос.

— Могу я говорить с господином Шталем? Насколько мне известно, он сейчас в Лондоне.

— Это действительно так. Но он сейчас на совещании с мистером Вольпином. Я могу быть вам полезной?

— Ник Эллиот. Dekker Ward.

— Может быть, вы переговорите с кем-нибудь еще, мистер Эллиот? Боюсь, что господин Шталь нескоро освободится.

Меня вежливо отфутболивали на два-три этажа ниже. Это нормально.

— Увы, нет. Мне необходимо поговорить с господином Шталем. Пожалуйста, передайте ему, что я звоню насчет убытков Dekker Ward по Мексике. И пусть он перезвонит. — Я продиктовал ей номер Кейт и Джейми.

— Не беспокойтесь, я обязательно все передам, — уму непостижимо, как эти секретарши умудряются одной лишь интонацией дать понять, что вам ничего не светит.

Сначала я хотел выйти на Bloomfield Weiss через Стивена Трофтона, приятеля Джейми. Но довольно быстро отказался от этой идеи. Я не хотел упускать контроль из своих рук. Гораздо надежнее пробовать пробиться к человеку на самом верху.

Я устроился в гостиной у телефона с газетой в руках. Кейт играла с Оливером в саду. Через несколько минут она зашла в дом взять ребенку сок.

— Перерыв? — недоуменно поинтересовалась она. Обычно я не отрывался от работы более чем на несколько минут.

— Закончил очередную главу. Решил вознаградить себя чтением новостей.

Я уже дошел до спортивного раздела, когда зазвонил телефон. Я схватил трубку.

— Могу я говорить с Ником Эллиотом? — спросил спокойный молодой голос с американским акцентом.

— Слушаю.

— Это Престон Моррис. Я коллега господина Штала. Вы сегодня ему звонили.

Я оглянулся. Кейт уже снова была в саду.

— Мне необходимо говорить с ним лично.

— Боюсь, сэр, сегодня это вряд ли возможно. Может быть, я смогу чем-то помочь?

Отфутболивание шло по полной программе.

— Возможно. Итак. Я до недавнего времени работал в Dekker Ward и сейчас располагаю информацией об их нынешних убытках в трейдинговых операциях на развивающихся рынках. Более того, у меня есть кое-какие предложения. Я хотел бы обсудить их завтра... с господином Шталем. Это займет не более пятнадцати минут. Если ему не понравится то, что он услышит, он волен послать меня ко всем чертям.

— Я переговорю с ним и перезвоню.

Весь день я старался не отходить от телефона. Звонка все не было. Наконец — уже в седьмом часу — телефон зазвонил. Несмотря на все мои ухищрения, Кейт оказалась у аппарата первой.

— Престон Моррис, — сказала она, протягивая трубку.

После недолгого разговора мне назначили встречу завтра утром, без четверти десять.

— И что это было? — не удержалась Кейт.

— Так, один человек хочет встретиться.

— Голос как у типичного банкира.

— В самом деле? Обязательно передам ему, — ответил я и неспешно удалился, спиной чувствуя на себе озадаченный взгляд.

Лондонский офис Bloomfield Weiss располагался в Бродгейте, деловом центре, выстроенном из коричневого мрамора, рядом со станцией метро «Ливерпуль-стрит». Я миновал службу охраны, приемную и секретаря, прежде чем мне указали на диван, стоявший возле закрытой двери. Я улыбнулся, вспомнив, какую выволочку Изабель устроила Алвису из-за контракта *favela*. Да, чтобы осуществить мою затею, мне сейчас не помешала бы ее отвага и дерзость. Я словно ощущал присутствие Изабель рядом с собой и дал себе слово не подвести ее.

Через полчаса дверь открылась, и из нее вышел маленький человечек с птичьим лицом, в белой рубашке и брюках на подтяжках. Он оценил меня взглядом в одно мгновение, и было видно, что впечатление сложилось не самое благоприятное. Казалось, он соображает, как ограничить встречу пятью минутами вместо назначенных пятнадцати.

Он протянул мне руку.

— Сидни Шталь. Входите.

Я оказался в роскошно отделанном кабинете с огромным столом. Вдоль стен стояли кресла с кремовой обивкой и пара таких же диванов. Двое мужчин при нашем появлении резво поднялись. Один из них был молод, высок и походил скорее на студен-

та-старшекурсника, второй выглядел гораздо старше и невозмутимее. Шталь сделал жест рукой в их сторону:

— Мой ассистент, Престон Моррис. С ним, кажется, вы уже говорили. Сай Вольпин, глава нашего лондонского департамента развивающихся рынков.

Мы обменялись рукопожатиями. Шталь говорил с отчетливым нью-йоркским акцентом. В нем было от силы метра полтора с небольшим и весил вряд ли более шестидесяти килограммов. Рядом со своими помощниками он выглядел карликом, но относительно того, кто здесь главный, сомнений не возникало. Те двое держались немного позади, оставляя боссу пространство для маневра, и явно старались казаться ниже своего роста.

— Чем можем быть вам полезны, мистер Эллиот? — Шталь сел. Остальные последовали его примеру. Сел и я. Шталь смотрел прямо на меня, но взгляд был отсутствующий. Интересно, о чем он думает. Впрочем, я здесь не за этим. Надо брать быка за рога.

— Я работал в Dekker Ward немногим более месяца. Пару недель назад уволился.

На лице Шталя читался безмолвный вопрос: «А я при чем?»

— Я располагаю информацией о том, что за последние несколько недель Dekker накопила огромную позицию по мексиканским облигациям.

— Это нам известно, — вмешался Сай Вольпин. — Dekker дирижировала мексиканским контрактом, ко-

торый лопнул, и теперь они вынуждены выкупать все эти облигации.

Я проигнорировал его слова. Меня больше интересовало, что на лице Шталя появилось слабое подобие заинтересованности.

— Позиция Dekker гораздо крупнее, чем представляется. Сейчас у них на руках мексиканских облигаций на четыре миллиарда долларов, плюс еще на два миллиарда прочих бумаг. Их убытки таковы, что в настоящий момент они практически неплатежеспособны. Единственное, что пока удерживает их на плаву, это финансирование, которое они получают от своих швейцарских компаньонов, банка Chalmet.

Теперь они слушали очень внимательно.

— Продолжайте, — подбодрил меня хозяин кабинета.

— Насколько мне известно, Bloomfield Weiss ищет способ выхода на развивающиеся рынки. Но на этих рынках хозяйничает Dekker. Мое предложение заключается в следующем. Вы должны купить их. И тогда эти рынки станут вашими, и ничьи больше.

Шталь рассмеялся. Это был странный кудахтающий смех, словно прорывавшийся из легких сквозь толстые слои табачной смолы. На лицах помощников заиграла саркастическая усмешка.

— Нет, вы слышали, мальчишки? Парень-то не промах! С ходу нацеливается на слияния и поглощения, надо же!

Он достал из кармана сигару и принялся ее раскуривать. Сигара в его лапках казалась просто дубиной.

Все складывалось не так уж плохо. Шталь просто решил взять минуту на размышление.

— А разве Dekker не частная компания? Разве этот тип, которого все почему-то зовут маркетмейкер, не ее владелец? Как там его? Рикарду Росс, кажется. И он продаст свою контору нам вот так, ни с того ни с сего?

— Это действительно частная компания. Но Рикарду там почти ничем не владеет.

Шталь приподнял тонюсенькие, словно выщипанные, бровки.

— У Росса есть другие способы зарабатывать. И зарабатывать много.

Бровки вернулись на место.

— Так кто же владеет компанией?

— Пятьдесят один процент принадлежит лорду Кертону и его семье. Его предки и создали эту фирму сто тридцать лет назад. Chalmet владеет двадцатью девятью процентами. Они прикупили свой кусок в восемьдесят пятом году, перед «Большим взрывом». Оставшиеся двадцать процентов принадлежат членам совета директоров.

— И Росс один из них?

— Штука в том, что нет. Росс отказался войти в совет. Все, что ему было нужно, — это развивающиеся рынки. Его группа создавалась так, чтобы быть максимально независимой.

Мои слушатели обменялись многозначительными взглядами. На лице Вольпина читалось: «А ведь я предупреждал!» Лицо босса выражало скорее раздражение.

Я понял, что случайно ступил на поле, где происходила уже не одна схватка. Шталь что-то быстро просчитывал в уме.

— Но как мы сможем купить эту компанию, если ею владеют такие серьезные люди?

— Кертон понятия не имеет, в какую пропасть сталкивает его Росс. Если ему объяснить ситуацию, он вполне может предпочесть продать свою долю. Особенно если, обрисовав проблему, мы тут же предложим ее решение.

— И что же это за решение? — Шталь пыхнул сигарой.

— Вы скупаете весь портфель бумаг Dekker, а затем постепенно избавляетесь от них. Немногие компании в мире способны сделать это. Такие фирмы должны быть огромными, они должны уметь работать с облигациями, они должны знать развивающиеся рынки. Bloomfield Weiss умеет это как никто другой.

— Это не просто позиция, это Гималаи облигаций, — негромко произнес Вольпин. — Это очень серьезный риск.

Я не сводил глаз со Шталя.

— Мне казалось, вы этим и занимаетесь. Тем, что постоянно рискуете, и по-крупному.

Шталь хохотнул.

— Мне нравится этот парень. Сайрес, мы можем позволить себе рискнуть. Облигации пойдут за гроши. Но что насчет этих швейцарцев?

— Не знаю. Понятия не имею, что им посулил Росс. Невозможно понять и то, откуда поступают их деньги.

О Chalmet нет почти никакой информации. Теоретически это обычный небольшой банк в Женеве, но ворочают они миллиардами, и, думаю, используют деньги клиентов, чтобы финансировать Dekker.

Вольпин перебил меня.

— В Южной Америке швейцарцы имеют репутацию банка, куда удобно вкладывать грязные деньги. Почти наверняка в списке их клиентов можно найти наркоторговцев и продажных политиков.

От этой темы я предпочел бы держаться подальше. Об отмывании преступных денег говорить пока рано. Чтобы не спугнуть.

— До сих пор их руководство было очень лояльно по отношению к Россу, — сказал я. — Но если они поймут, что могут потерять все, то, наверное, пересмотрят свою позицию. И опять-таки, лучший способ вернуть свои деньги — это позволить вам скупить весь портфель Dekker и затем распродать его.

— Интересно, — пожевал губами Шталь. — Ну хорошо, юноша, а чего хотите вы сами? Вознаграждение в два процента? Аналитики нам не нужны. Наши люди прекрасно разбираются во всех этих схемах.

Я улыбнулся.

— Конечно, своих людей у вас хватает. Вознаграждения мне не нужно. Да вы бы и не заплатили, я же не дурак, чтобы этого не понимать. Все, что мне нужно, — это чтобы вы держали меня в курсе событий. Информировали обо всем, что происходит.

— Тогда в чем же вы ищете свою выгоду?

— Со мной поступили очень непорядочно. — Запальчивость, с которой я произнес эти слова, удивила меня самого. — Я хочу расквитаться.

Шталь улыбнулся. Чувство мести было понятно ему так же хорошо, как и чувство жадности. Любые более благородные мотивы возбудили бы в нем подозрение.

— Что ж, они заплатят. Если мы, конечно, решим воспользоваться вашей идеей, — быстро добавил он. Однако что-то в его голосе подсказало мне, что воспользуются, да еще как. Я не смог сдержать улыбку. Шталь увидел это и подмигнул мне.

— Договорились, — сказал он, вставая. — Мы с вами свяжемся. И скоро.

— Ну, и куда тебя носило с утра пораньше, да еще в таком шикарном костюме? — подколола меня Кейт. Мы только что сели ужинать, салат выпало готовить мне. — Интервью?

Супруги выжидающе смотрели на меня. Я весь день ломал голову над тем, что придется отвечать, когда меня об этом спросят. Но я никак не мог сказать правду. Во-первых, вряд ли Джейми сможет держать язык за зубами, а во-вторых, после того, что я сделал, мне вряд ли будет удобно оставаться в этом доме. По отношению к ребятам я совершил предательство, и на душе у меня скребли кошки. Пришлось солгать:

— Да, интервью. Консалтинговая фирма, занимающаяся подбором кадров для менеджмента. Они

прощупывают почву для выхода на российский рынок.

— Серьезно? — Джейми, казалось, обрадовался моим словам. — Что за компания?

— KEL, — сказал я, — маленькая, никому не известная фирма.

— Я знаю их! Там работает Кристиан Дирбури. Он еще учился с нами в Оксфорде. Неужели не помнишь?

Черт! Надо же так проколоться!

— Нет, кажется, не помню, — промямлил я.

— Я могу ему позвонить. Чтобы он замолвил за тебя словечко.

— Не надо, не трать зря время. Вряд ли мы с ними вообще подойдем друг другу. Консалтинговая система слишком похожа на банковскую. Мне вообще не стоило с этим заводитьсь.

Друзья почувствовали мое замешательство. Но я не мог им признаться, где был и с кем разговаривал. Они поняли, что продолжать разговор мне не хотелось, и не стали настаивать.

Я перевел дыхание.

— Наверное, скоро я отсюда переберусь. Пора искать свой угол.

— Нет! — воскликнули оба одновременно.

— Оставайся здесь. Ну, пожалуйста, Ник.

Я посмотрел на Джейми. Он кивнул, как бы подтверждая слова жены.

— Спасибо вам, ребята, что бы я без вас делал.

В эту ночь я сидел за своим столом, глядя на зали-
тую лунным светом долину. Остаться или нет? Мне
здесь было очень хорошо, да и идти, если честно, боль-
ше было некуда. Моя квартира уже сдана, и на хоро-
ших условиях. Но почему Кейт так горячо настаивала?
Скорей всего, дело в Джейми. Возможно, она считала,
что я смогу его как-то изменить или, точнее, не дать
ему измениться окончательно. Я вздохнул. На это
шансов было очень немного.

Но если я останусь, как они отреагируют, когда
узнают обо всем? А ведь рано или поздно они узнают.
Что ж, Кейт, пожалуй, одобрила бы мой поступок.
Она не могла простить конторе то, как поступили со
мною, и те перемены, которые произошли с Джейми.
А он?

Для него это будет шок. Но в конечном итоге вряд
ли он останется в проигрыше. Одна из главных цен-
ностей Dekker с точки зрения Bloomfield Weiss — кад-
ры, а Джейми — одна из ключевых фигур. Ему навер-
няка предложат должность. А это куда лучше, чем
вместе с Dekker пойти ко дну.

В общем, мне удалось убедить себя, что своим дру-
зьям я не причиню вреда.

А братья Росс — что ж, они получают то, чего заслу-
живают.

Шталь позвонил рано утром, еще восьми не было.

— Мы решили сыграть в эту игру, — проворчал
он. — Приезжайте на Бродгейт в десять сорок пять.
Мы встречаемся с лордом Кертоном.

Когда Шталь появился в сопровождении двух телохранителей, я уже ждал в холле. Его сопровождающие среднего роста, но все равно возвышались над ним на целую голову. Эта троица забавно смотрелась: вылитый крестный отец в окружении преданных костоломов.

Да они и были костоломами. Люди Bloomfield Weiss славились своей агрессивностью, которая проявлялась не только в финансовой сфере. Технически такая активность называлась слияниями и поглощениями, иначе M&A*. Но кое-какие словечки куда лучше передавали смысл того, что обычно происходило: сокращение, рост дохода акционеров, отказ от второстепенных направлений деятельности, выжимание наличных. Впрочем, были и те, что ласкали слух, например «золотой парашют», схема стимулирования менеджмента, и особенно сладкое слово «вознаграждение».

Шталь представил меня просто и энергично: «Паренек, о котором я вам говорил». Его спутников звали Шварц и Годфри. Мы быстро пересекли Бродгейт и направились к автомобилю, поджидавшему нас на одной из боковых улочек, прилегавших к бизнес-комплексу. Головной офис Dekker Ward находился на небольшой улице позади Британского банка. Неминуемые пробки отняли пятнадцать минут. Пешком мы уложились бы за пять.

Раньше мне не доводилось бывать здесь. Именно здесь занимались традиционным, далеким от методов Рикарду бизнесом: трейдингом британскими и бив-

* Merges and acquisitions (англ.). — Прим. ред.

шими колониальными акциями, делами частных клиентов, небольшими фондами и корпоративными финансами. По крайней мере я полагал, что занимаются они именно этим. Сидя над облаками в трех милях от Сити в Кэнери Уорф, команда Рикарду не знала и знать не хотела, чем на самом деле занимаются в центральном офисе.

Фирма располагалась в элегантном четырехэтажном здании в георгианском стиле со светло-зеленым фасадом. Мы прошли через холл, который вполне мог бы быть просторной прихожей какой-нибудь загородной усадьбы. Человек за стойкой в приемной больше напоминал лакея, чем охранника. Когда наши документы были подвергнуты тщательной проверке, нас проводили к лифту. Этажом выше мы вышли и попали в зал для совещаний. На стенах висели портреты банкиров и финансистов викторианской эпохи, они бесстрастно взирали на длинный полированный стол. Я прошелся вдоль стен, читая надписи на табличках. Там и сям попадались Деккеры и Уарды, но в большинстве это были Кертоны.

Шталь тоже с любопытством осматривался. Ему здесь явно нравилось. Очень нравилось.

— Эй, Дуайт, как ты думаешь, мы можем оформить свой тридцать восьмой этаж в таком же стиле?

Я бросил взгляд на спутников Шталя и с трудом сдержал улыбку.

— Почему нет, — откликнулся тот, которого звали Дуайтом. — Понадобятся фотографии твоего семей-

ства, предков и все такое. А уж художника, который наведет лоск, мы наверняка найдем.

Шталь расхохотался.

— И чтобы обязательно повесили портрет моей бабушки. Ты знаешь, что она была профессиональной свахой? Ну, это такие старушки, которые обстригали нужные браки? Великая была женщина, умудрялась делать деньги из воздуха!

Его воспоминания прервал звук открывающихся дверей. Лорд Кертон, высокий, светловолосый, в элегантном костюме, он был воплощением респектабельности и уверенности в себе.

— Доброе утро, — он протянул руку. — Эндрю Кертон.

Шталь пожал руку лорда.

— Сидни Шталь. Это Дуайт Годфри и Джерри Шварц. Ника Эллиота, думаю, вы знаете.

— Боюсь, что нет, — несколько недоуменно сказал лорд, но пожал и мне руку и одарил дружелюбной улыбкой.

Шталь метнул в меня озадаченный взгляд.

— Ник до недавнего времени работал у вас.

Кертон нахмурился.

— В группе развивающихся рынков, — торопливо уточнил я. — Мы встречались однажды.

— О, прошу прощения. Я многих там знаю, но не сразу узнал вас. Спортивный костюм, верно?

— Именно так, сэр.

Холодные голубые глаза Кертон излучали меня еще несколько секунд, после чего он повернулся к Шталю.

— Прошу садиться, джентльмены.

Вошел слуга и поставил на стол поднос с кофе.

— По вашей просьбе я пришел один. Никто не знает о нашей встрече, но, признаюсь, мне очень хотелось бы знать, о чем, собственно, пойдет речь.

— Хорошо, сэр... хм... — Шталь замялся, что ему было явно не свойственно. Похоже, он редко общался с лордами. — Можно просто Энди?

Кертон улыбнулся.

— Просто Энди вполне годится, Сид.

Дуайт Годфри замер. Видимо, сам Шталь предпочитал, чтобы его звали Сидни.

— Значит так, Энди. Дело-то простое. Мы хотим купить вашу компанию.

Кертон откинулся на спинке кресла.

— Я польщен, — сказал он. Лицо его при этом действительно казалось вполне довольным. — Но Dekker Ward вполне успешно развивается, и мы рассчитываем на дальнейший рост. Не думаю, что в настоящий момент мы хотим продать компанию.

Шталь держал паузу.

— Что ж, — сказал Кертон с прежней вежливой улыбкой на лице. — Вы меня заинтриговали. И какую же цену вы имели бы в виду?

— Десять миллионов фунтов.

Лорд фыркнул.

— Десять миллионов? Это абсурд. Наши финансовые результаты конфиденциальны, но могу сказать, что годовые прибыли значительно превосходят на-

званную вами цифру. Да что там годовые — наши ежемесячные прибыли в несколько раз больше.

— О, это нам известно, — коротышка буравил Кертон темными глазками. — Штука в том, что нам известно и еще кое-что. У вас серьезные проблемы на поле развивающихся рынков. Впрочем, мы не уверены, что *вам известно*, насколько серьезны эти проблемы.

— Вы говорите об эмиссионном контракте, который мы в прошлом месяце запустили для Мексики?

— Не только о нем.

— Да, мексиканский контракт пока не увенчался успехом. Время было выбрано крайне неудачное. Но ошибки случаются с каждым. Смею вас уверить, с этой проблемой мы справимся. Если вы пришли поговорить о развивающихся рынках, то вам лучше поговорить с Рикарду Россом.

Кертон потянулся к телефонной трубке.

— Не надо, Энди, — остановил его Шталь. — Есть и кое-что еще. Ник?

— Сэр, насколько мне известно, Росс скупил мексиканские облигации на четыре миллиарда долларов, выкупив и другие латиноамериканские долги. Это еще два миллиарда. Рынок за последние две недели резко упал. По моей оценке, убытки в настоящий момент составляют около полутора миллиардов долларов.

Лорд Кертон молчал. Выражение его лица медленно менялось, вежливое внимание сменялось враждебностью. Ни о чем подобном он не знал, и сейчас оказался в идиотском положении. Его загнали в угол,

откуда он попробовал предпринять неуклюжую контратаку.

— А вы-то кто такой, черт возьми? Надо полагать, мы вас уволили?

— Я ушел сам.

Он резко повернулся к Шталю.

— Не понимаю, как вы вообще можете принимать этого человека всерьез. У него явно свои обиды. Поэтому-то он все это и выдумал.

— Все это совпадает с тем, что мы видим на рынке, Энди, — сказал Шталь. — Я ему верю.

— А я нет. И, думаю, вам следует уйти. Я не собираюсь отвечать на инсинуации подобного рода.

Шталь поднялся.

— Хорошо, мы уйдем. Но я настоятельно рекомендую проверить то, что сказал Ник. Позже мы свяжемся с вами, вдруг к тому времени вы передумаете. И сделайте одолжение, ради вашего же блага, не говорите Россу о нашей маленькой беседе. По крайней мере до тех пор, пока не убедитесь, что он от вас ничего не скрывает.

В ледяном молчании мы дошли до двери.

Шталь позвонил на следующий день около полудня.

— Кертон готов к разговору. Он хочет приехать в наш офис. Успеешь к трем?

— Нет вопросов.

Времени было в обрез, но я успел переодеться, доехать на велосипеде до станции, поймать поезд на Лондон, потом влетел в метро, идущее до Ливер-

пуль-стрит, и прибыл на место без двух минут три. Мы расположились в конференц-зале: Кертон, Шталь, два финансиста и я. Здесь было гораздо уютней, чем в Dekker, где мы встречались днем раньше. Правда, из окна открывался захватывающий вид на гигантский фаллос из стекла и стали, который, казалось, раскачивался на ветру. Кертона сопровождал человек, которого он представил как Жилия Тилфорда из известного «бутика» по части корпоративных финансов. То, что он прихватил с собой независимого консультанта, было хорошим знаком. Похоже, он рассчитывает на какой-то результат наших переговоров.

Кертон держался молодцом. Ему удавалось сохранять спокойствие. Несмотря на выражение глубокой задумчивости на лице, он вовсе не выглядел человеком, который только что обнаружил, что, вместо нескольких сотен миллионов фунтов, владеет от силы пятью миллионами.

— Возможно, стоит еще раз пройтись по деталям вашего предложения...

Переговоры продвигались быстро. В сложившейся ситуации и не могло быть иначе. Любое негативное движение рынка могло превратить Dekker Ward в ничто — и даже хуже чем в ничто. Она могла превратиться в груз задолженности, поднять которую было бы не по силам даже этому пройдохе.

К слову сказать, Шталь, хитрая бестия, в тот же день покинул Лондон, но Годфри и Шварц остались,

и постоянно держали меня в курсе событий. Кертон постарался, чтобы Рикарду не пронюхал о переговорах. Он отправил троих людей в Кэнери Уорф якобы для текущей проверки. Это не слишком понравилось Россу, но не возбудило никаких подозрений. Он был слишком уверен в своих талантах обвести вокруг пальца любого аудитора.

Каждый день я покупал *Wall Street Journal*. Дела в Мексике не двигались ни в лучшую сторону, ни в худшую. Было все еще не ясно, что произойдет в Конгрессе с биллем Пиннока. Похоже, эта проблема отошла на второй план, уступив место дебатам о закрытии военных баз на территории США.

Я с трудом мог сосредоточиться на диссертации, хотя и честно пытался. Часами я просиживал в своей комнатке на верхнем этаже, а мои мысли неизменно возвращались к переговорам. Я пребывал в состоянии эйфории. Тысячи раз я представлял выражение лица Рикарду, когда он узнает о том, что Dekker продали, выдернув фирму из-под самой его задницы. Продали — и кому! Bloomfield Weiss! Вряд ли ему удастся сохранить свое хваленое хладнокровие. У них с братцем наверняка припрятано достаточно денег на черный день, но все же такой удар посильнее, чем просто потеря денег. Это публичное унижение. Всесильная машина, перед которой трепетал весь рынок, оказалась мешком ничего не стоящих бумажек.

Я подумал об Изабель и мстительно усмехнулся. Ей бы все это понравилось. При этой мысли меня

охватила ставшая привычной тревога. Я подумал было позвонить Луису, чтобы справиться о новостях, но потом решил, что в этом нет смысла. Он сам бы связался со мной, если бы узнал что-то новое. Если он вообще когда-нибудь что-нибудь узнает.

Меня немного беспокоила судьба моих бывших коллег, за короткий срок я успел привязаться ко многим из них. Шарлотта Бакстер, Мигел, Педру и, конечно, Джейми. Но Шталь предполагал оставить большинство сотрудников на своих местах — в конце концов именно людей они и покупали. Все они были профессионалами, лучшими из лучших.

Мои мысли были прерваны стуком в дверь.

— Да!

Вошла Кейт. Лицо ее было необычно серьезным. В руках она держала конверт.

Черт! Это же отчет, подготовленный аналитиками Шталя о положении дел в Dekker.

— Откуда это у тебя?

— Он лежал внизу у телефона.

Черт, черт, черт! За день до того я звонил Дуайту Годфри, пока Кейт ездила в детский садик за Оливером. Годфри хотел знать, насколько их выкладки совпадают с тем, чему я был очевидцем. В основных чертах анализ был точным.

— Ты прочитала?

— Да.

Кейт была профессиональным юристом, довольно долгое время проработавшим в Сити. Разумеется, она

все поняла. У меня загорелось лицо, я почувствовал себя воришкой, которого поймали с поличным.

— Откуда у тебя эти бумаги, Ник?

Я сделал глубокий вдох. Клянусь говорить правду и только правду, и да поможет мне Бог.

— Потому что это изначально была моя идея.

— Твоя?

— Да. Я порекомендовал Bloomfield Weiss купить Dekker.

Кейт, пошатнувшись, присела на краешек кровати, по-прежнему сжимая конверт в руке.

— Почему?

Я проглотил слюну.

— Рикарду заслужил это, — сказал я медленно и уверенно. — Эдуарду тоже. Они хотели растоптать меня. Разнесли мой дом, уничтожили трехлетний труд над диссертацией. И это они проделали не только со мной. Точно так же они поступили с Дейвом. И с теми бедолагами, которые до сих пор ютятся в трущобах Рио. И кто знает, за что на самом деле убили Мартина Бельдекоса? Рикарду полагает, что законы писаны не для него. Я хочу доказать ему, что он ошибается. Пусть на своей шкуре убедится, каково это — когда у тебя из рук вырывают дело твоей жизни.

Кейт недобро прищурилась.

— А Джейми? Ты подумал о нем?

Я вздохнул.

— Подумал. Но Dekker обречена. Если Bloomfield Weiss их все-таки купит, то Джейми, скорее всего, со-

хранит работу. — Теперь я посмотрел ей в глаза. — Ты собираешься ему рассказать?

— Не знаю. — Кейт не обернувшись вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь.

25

После ужина я постарался как можно быстрее улизнуть к себе, сославшись на необходимость доделать кое-что по диссертации. Я сидел за письменным столом, на котором лежали всевозможные выписки и наброски, но мыслями был далеко. Расскажет ли она обо всем мужу? И как он на это отреагирует?

Конечно же, оправдания у меня были наготове — те же самые, которые я предъявил Кейт. Но Джейми вся картина может представиться в совсем другом ракурсе. Dekker был делом его жизни. А я... Я жил в его доме — и предавал его. А предавать Джейми мне совсем не хотелось.

Может, не стоило ввязываться во все это? Забыл бы обо всем, как советовал Дейв. И пусть бы Рикарду все сошло с рук. Но поезд ушел. И уже поздно включать задний ход.

Когда наутро я спустился вниз, Джейми уже не было. Он всегда уезжал, когда весь дом еще спал. Мы завтракали втроем: я, Кейт и Оливер.

— Ты говорила с ним?

Она повернулась к мальчугану в пижамке, гонявшему овсяные хлопья по тарелке.

— Иди к себе, Олли, поиграй.

Его как ветром сдуло. Малыш ненавидел одеваться по утрам, а сейчас представлялась неожиданная отсрочка.

— Нет, не говорила. Но ты мог бы поставить меня в известность о своих планах! — возмущенно выпалила она.

— Не мог. Это поставило бы тебя в очень двусмысленное положение.

— А в каком положении, по-твоему, я нахожусь сейчас?

Я поморщился. Возразить трудно.

— Так ты собираешься ему рассказать?

Кейт мотнула головой.

— Нет. Я всю ночь думала об этом. Лучше, чтобы он не знал. А потом, ты ведь сказал, что ему ничего не грозит?

— Прости меня, Кэtti. Но я делаю то, что должно быть сделано.

— Я знаю. Надеюсь, что ты все-таки накажешь этих подонков.

Днем я позвонил Шталю в Нью-Йорк. Несмотря на положение, которое он занимал, ему, судя по всему, нравилось говорить со мной напрямую. Правда, это бесило его подручных, но какое мне до них дело.

— Как наши дела?

— Прекрасно, Ник, просто прекрасно. Я только вчера вернулся из Женевы. Встречался там с директорами банка. Ну, скажу тебе, солидную ракету я вставил им в задницу! Они понятия не имели, что происходит. Честно говоря, мне показалось, что они не знают, чем занимаются их собственные сотрудники. Они даже не знали, что Chalmet швыряет сотни миллионов долларов клиентских денег на то, чтобы держать Dekker на плаву! — Шталь хихикнул. — Видел бы ты их физиономии. Картинка была такая, будто я вывалил целый грузовик дерьма прямо на их полированные столы! Впрочем, пожалуй, именно это я и сделал.

— Что же они намерены делать?

— Сваливать! И быстро. Будут продавать.

— Чудесно. Значит, мы добились своего?

— Почти. Мы установили последний срок для подписания. Четырнадцатого июня. Нужно подбить еще кое-какие цифры, Кертон обещал позаботиться, чтобы SFA и Лондонская биржа одобрили сделку. А уже после этого — *finita*, дело сделано.

Четырнадцатое июня. Следующая пятница.

— Великолепно. Просто великолепно.

— Да. Симпатичная операция, Ник.

— Рикарду что-нибудь известно?

— Он понятия ни о чем не имеет. — В трубке раздался смех, больше напоминавший довольное хрюканье. — Ну, ладно, мне пора, Ник.

Победа!

На сей раз я действительно работал, когда раздался стук в дверь.

— Ник, тебя к телефону. По-моему, это отец Изабель.

Я чуть ли не кубарем слетел по лестнице. Кейт деликатно вышла, оставив меня одного.

— Луис! Как ты?

— У меня новости.

— ???

— Изабель жива.

Я замер, боясь спугнуть его слова.

— Где она? С тобой?

— Нет. — По его тону я понял, что последует дальше. — Зико связался со мной. Изабель по-прежнему у них.

— Она точно?

— Да. После прошлого опыта я не хотел звонить тебе прежде, чем не буду в этом уверен.

— Так что же случилось? Почему они так долго молчали?

— Зико сказал, из-за полицейской облавы. Но мне это кажется абсолютной бессмыслицей.

Мне тоже. Но главное, что Изабель жива!

— И какую же сумму они требуют на этот раз?

— Вот здесь и начинается самое интересное, Ник.

Им не нужны деньги.

— Тогда что же им нужно?

— Зико требует, чтобы ты отменил операцию по Dekker.

Я остолбенел. Откуда, черт его дери, этот Зико знает о том, что кто-то собирается... И какое ему-то дело?

— Ник? Ты слушаешь?

— Да. Просто сложно было проглотить столько информации за раз. Главное, что Изабель жива. Теперь нужно придумать, как вырвать ее из лап бандитов.

— Что это за история? — требовательно спросил Луис.

Я сделал глубокий вдох и рассказал о событиях последних дней. Безопасность Изабель была гораздо важнее любого долга и конфиденциальности по отношению к кому бы то ни было.

Луис внимательно слушал.

— Но почему похитителей вообще интересует судьба конторы?

— Не знаю. — Сейчас я размышлял вслух. — Единственный человек, более других озабоченный судьбой Dekker, — это Рикарду.

— Но тогда это значит, что именно он стоит за похищением Изабель?

— Думаю, да. Или он сам, или его братец. Вся эта операция вполне в его стиле.

— *Filho da puta!**

— Но откуда Росс мог узнать о нашей сделке?

— Если Зико об этом знает, кто-то же должен был ему об этом сообщить, — пробормотал Луис. — Кстати, он сказал и кое-что еще. Если мы обратимся в полицию, он пришлет нам голову Изабель.

* Сукин сын! (*португ., груб.*)

— Ты хочешь сказать... — Желудок свело внезапной судорогой. — О Боже...

— Я говорил с Нельсуном. Кстати, он и сейчас здесь.

Зарур с его спокойствием и рассудительностью сейчас как нельзя кстати.

— И что он сказал?

— Он считает, что нам нельзя ничего сообщать полиции Рио. Похитители могли получать информацию от кого-то из полицейских.

— Похоже на правду. А если обратиться к британской полиции?

Я ждал, пока они обсуждали возможность того, что братья Росс связаны с похитителями.

— Нельсун считает, что это рискованно. Он говорит, что последняя угроза не похожа на обычное запугивание. Особенно если они поймут, что мы в состоянии связать похищение с какими-то конкретными людьми. Если кто-нибудь прознает, что в дело вовлечена полиция, похитители могут привести свою угрозу в исполнение. Разве что ты можешь убедить ваших копов ни во что не вмешиваться напрямую.

— Нет уж, лучше пока их не трогать.

— Хорошо.

— Значит, Зико хочет, чтобы я отозвал Bloomfield Weiss?

— А ты можешь? — В голосе Луиса смешивались страх и надежда.

— Не знаю. Сколько у меня времени?

— Полтора дня. Последний срок — четверг, в полночь по бразильскому времени.

Интересная деталь. Сделка назначена на пятницу.

— А если мне не удастся?

— Они убьют ее, — прошелестел голос в трубке.

— А где гарантия, что если я сделаю это, они ее отпустят?

— Обещали отпустить. Нельсун, правда, думает, что они могут потребовать вдобавок и денежный выкуп. Если так оно и случится, я буду только счастлив.

— Если за похищением действительно стоит Эдуарду, не думаю, что ему понадобятся деньги. Но он, скорее всего, не станет ее возвращать — ведь после ее освобождения ничто не помешает нам обратиться в полицию.

— Может, ты и прав. Но если ты не сумеешь остановить покупателей, Изабель скорей всего погибнет.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Я повесил трубку и принялся размышлять. Кто стоит за похищением Изабель? Рикарду способен пойти практически на все, чтобы только спасти Dekker. Но ведь Изабель его бывшая любовница. С другой стороны, я почти ничего о нем не знаю. Вспомнив угрозы Эдуарду, я вздрогнул. Уж для него это не представляло бы ни малейшей проблемы.

Все постепенно становилось на места. Но зачем им девушка? На этот вопрос ответа по-прежнему не было.

Как не было и времени на раздумья. Надо звонить Шталю. Но что, черт возьми, я ему скажу?

Я задумчиво посмотрел в окно. Девушка верхом на белогривой лошади двигалась трусцой по ездовой дорожке, ведущей на холм. То, что мне приходилось жонглировать жизнью человека и судьбой гигантской компании, расположившейся на трех континентах, сидя в идиллическом раю сельской Англии, было чистым сюрреализмом. Проблема, однако, что сам я не жонглировал ничем. Шары уже были в воздухе, и у меня не было ни единого шанса поймать их прежде, чем они обрушатся вниз — прямо мне на голову.

Я не мог просить Шталя отменить сделку. Я ломал голову над тем, какие бы финансовые аргументы я мог ему предложить. И не нашел ни одного. Я мог поступить иначе: сказать ему всю правду и положиться на его человечность.

Но Bloomfield Weiss известна как одна из самых жестких и кровожадных компаний на Уолл-стрит.

Я прорвался через секретаря, сказал Моррису, что у меня крайне срочная информация, и через две минуты я уже говорил с Сидни.

— Что у тебя, Ник? У меня срочное совещание.

Я сделал глубокий вдох.

— Я хотел бы, чтобы вы отозвали сделку.

— Почему? — Вопрос прозвучал мгновенно и хлестко, как удар кнута.

— Сотрудницу Dekker в прошлом месяце похитили. В Бразилии. Похитители заявили, что убьют ее, если мы не отменим операцию.

— Что за бред? Это что, всерьез?

— Да. Всерьез.

— Но я уже не могу ничего отменить. Да и вообще, с какой стати мне это делать? Я не несу ответственности за сотрудников Dekker. Если им взбрело в голову убивать своих людей, я не могу им помешать. Это все вообще какая-то собачья чушь.

— Эта женщина очень много значит для меня, Сидни.

На другом конце провода воцарилось молчание. На какое-то мгновение в моем сердце шевельнулась надежда.

Увы.

— Извини, Ник. Ты хороший парень, я действительно благодарен тебе за то, что ты предложил нам эту сделку — классную сделку. Но это бизнес. Это может стать самой серьезной операцией за всю мою карьеру. Я не могу ее остановить. Отступись. Сошлись на меня, скажи, что отказал.

— Но она погибнет!

— Слишком поздно. Мне очень жаль. Пока, Ник.

В трубке раздались гудки.

Господи! Узнать, что она жива — только для того, чтобы понять, что я не могу ее спасти. О чем она сейчас думает, на что надеется? Знает ли, что ей грозит? Грозит смерть из-за того, что я думал только о том, как бы поквитаться с ее начальством?

Я обхватил голову руками, осознавая собственное бессилие и никчемность.

А если все-таки пойти в полицию? Они могут арестовать Эдуарду — чем больше я думал об этом, тем

больше утверждался в мысли, что именно он заказал это похищение. Но хотя для меня его вина была очевидной, доказательств все-таки не было. Кроме того, британской полиции пришлось бы сотрудничать со своими коллегами в Рио. К тому же преступление было совершено в Бразилии в отношении бразильской гражданки. У нашей полиции оказались бы связаны руки.

Я клял себя на чем свет стоит. Мечь, поначалу казавшаяся такой сладкой, сейчас отдавала тленом.

Шталя я, честно говоря, не винил. Смешно ожидать, что такая акула, как он, растрогается и поведет себя как человек.

Я набрал номер Луиса. Потребовалось несколько попыток, чтобы пробиться сквозь перегруженную линию на Рио, но в конце концов в трубке раздался гудок вызова. Луис ответил мгновенно.

— Ник?

Казалось, он перестал дышать.

— Шталя отказался.

— Нет! — Голос несчастного отца сорвался. Потом — долгая пауза, в течение которой он пытался взять себя в руки.

— Неужели ты не мог его убедить? Неужели у него нет сердца? Может быть, мне поговорить с ним?

— Это ничего не даст. Он не изменит своего решения.

— Я позвоню ему. Я все ему объясню.

Мне оставалось только смириться с тем, что он действительно будет пытаться это сделать. Смириться, зная, что у нас нет ни малейшего шанса на успех.

В эту ночь я практически не спал. Около двух я встал с постели и пошел к телефону. Разумеется, у Луиса ничего не вышло. Нашей последней надеждой было убедить похитителей в бессмысленности убийства: для них разумным было бы принять выкуп. Впрочем, я очень сомневался. Что значат для Эдуарду эти деньги? К тому же он ненавидел меня. Как, пожалуй, ненавидел и Изабель.

Четверг тянулся невыносимо долго. Я чувствовал себя как в тюремной камере. Выходил только умыться или перекусить. Я избегал встречаться с Джейми и Кейт, проглатывал еду на ходу и снова нырял за дверь комнаты.

Я знал одно: пока она жива — есть надежда. Есть же хоть какой-то шанс, что бандиты ее пощадят. Что они все-таки согласятся взять за нее выкуп.

Минуты таяли одна за другой. Сумеет ли Луис договориться с Зико? Но Зико марионетка. Главный кукловод...

Стоп! Вот оно! С Россом-младшим говорить я не мог, но вдруг удастся достучаться до Росса-старшего!

Я ринулся вниз, схватил трубку и набрал его номер.

— Росс у телефона.

Было странно снова слышать этот голос. Ровный, невозмутимый.

— Это Ник Эллиот.

Молчание. И — после паузы:

— Да, Ник. Чем могу быть полезен? — Холодно, но без агрессии, и на том спасибо.

— Мне нужно поговорить.

— Я слушаю.

— Нет, не по телефону. Встретимся на скамейке рядом с *Corney & Barrow*.

Я посмотрел на часы. Без четверти два.

— В три часа.

Пауза.

— О'кей, — в трубке раздался щелчок отбоя.

Я попросил Кейт подбросить меня до станции. Всю дорогу мы ехали в молчании. Она ни о чем не спрашивала, а я не собирался пока ничего говорить. Пригородный поезд, короткая поездка на такси. Я опоздал на десять минут. Рикарду, как и договорились, ждал на скамейке.

Я сел рядом. День был теплым. Рикарду пришел без пиджака, рукава рубашки были закатаны почти до локтей. Он задумчиво смотрел на ржавеющий старый буксир, навечно пришвартованный к докам. Из открытых дверей бара долетали взрывы смеха. Любители пропустить рюмочку во время ленча уже были на своих местах. Над нами горделиво возвышался небоскреб, его бесчисленные стеклянные глаза отражали послеполуденные лучи солнца.

— Что тебе нужно? Я очень занят, — не меняя позы, сообщил Рикарду.

— Изабель жива.

Я не сводил с него глаз. Мне показалось, какая-то черточка дрогнула на его лице, чуточку расширились зрачки, он застыл, но все эти перемены длились мгновение, не дольше.

— Ты знал об этом?

— Нет. Не знал. Но я рад это слышать.

— Ты знаешь, что Шталь ведет переговоры с лордом Кертоном о поглощении Dekker.

Росс промолчал.

— Луис получил известие от похитителей. Если Bloomfield Weiss до завтра не откажется от своих планов, ее убьют.

Снова молчание. Но я не сдавался.

— Я хочу чтобы вы оба, ты и твой брат, знали, что я уже говорил со Шталем и просил его отказаться. Он не стал меня даже слушать. — Я чувствовал, как во мне поднимается волна отчаяния. — Рикарду, я не могу остановить его! Ты должен мне поверить!

Теперь он повернулся ко мне. Его холодные голубые глаза оценивающе осмотрели меня с головы до ног.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Потому что похищение было организовано вами! — выпалил я. — Если даже и не тобой, то уж Эдуарду во всяком случае, а это одно и то же. Я не хочу, чтобы ее убили!

Я уже не просто просил, я умолял. Но ничего другого мне не оставалось.

Рикарду смотрел сквозь меня. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Ты предал меня. Ты отдал мою фирму в руки моего главного конкурента. А теперь ты приходишь и говоришь какие-то небылицы о том, что якобы я организовал похищение своего специалиста. Я хочу,

чтобы она осталась в живых, не меньше, чем этого хочешь ты. Да нет, пожалуй, больше. Но о похищении мне ничего не известно, Ник. И помочь тебе я ничем не могу. Мне пора возвращаться.

Он встал и зашагал прочь.

— Хотя бы поговори с братом, — сказал я, подстраиваясь под его шаг. — Эдуарду наверняка все известно. Поговори с ним, прошу тебя!

Рикарду холодно посмотрел на меня.

— Оставь меня в покое, Ник.

Я будто споткнулся о невидимую стену и замер как вкопанный.

— Ты не можешь позволить ей умереть! — прокричал я ему вслед. — Не можешь!

Мой голос эхом отразился от стен окружавших площадь зданий.

Не помню, как я добрался обратно. Все это время я прокручивал в памяти мельчайшие подробности разговора. Росс весьма убедительно отрицал, что ему хоть что-то известно о похищении. Но он дока по этой части. С другой стороны, Эдуарду мог обстригать грязное дельце без ведома старшего брата. Тогда последний просто обязан заинтересоваться и начать разговор первым. Он ведь понимает, что я не лгу. Может, он убедит оставить ее в живых? Или вообще прикажет ее освободить?

Я цеплялся за соломинку.

За ужином мне кусок не лез в горло. На вопросы Джейми о диссертации я отвечал совершенно невпопад.

Мы с Луисом были уверены, что Зико непременно позвонит ему в полночь по бразильскому времени, то есть в четыре утра по лондонскому. Сна не было ни в одном глазу.

Часов в одиннадцать в дверь постучала Кейт.

— Доброй ночи, Ник. Мы идем спать.

— Спокойной ночи, Кейт.

Она вошла и присела на край кровати.

— В чем дело? Что происходит?

— Ничего. Все в порядке.

— Происходит, я же вижу. И дело не только в этой сделке, верно? Здесь что-то другое.

И тут я выложил ей все, будто плотину прорвало.

— Если в течение ближайших пяти часов я не придумаю, как остановить сделку, Изабель погибнет.

— Погибнет? Но я думала...

— Что она уже мертва? Так вот, хорошая новость в том, что она жива. Плохая в том, что жить ей осталось недолго.

— Но с какой стати похитителей заботит, купит кто-то Dekker или нет?

Я поделился с ней своими домыслами и соображениями.

— Невероятно!

— Ты можешь предложить какое-то другое объяснение?

Кейт нахмурилась.

— И что ты собираешься делать?

— Ждать, когда пробьет последний срок.

— О Господи. Ты говорил с покупателем?

Я кивнул.

— И он, конечно, ничего не собирается менять?

Я вздохнул и кивнул еще раз.

— А Рикарду?

— К нему я и ездил сегодня. Он был не слишком расположен к беседе. Сказал, что о похищении ничего не знает, — с чем и ушел.

— Ты веришь ему?

Я мотнул головой.

— Ты же знаешь, что он соврет — недорого возьмет.

— А Кертон? С ним ты говорил?

Я непонимающе вытаращил глаза.

— Ведь для того, чтобы сделка состоялась, необходимо его формальное согласие, так?

— Боже мой, ты гений! — Тут я осекся. — Вряд ли он пойдет на это. Это его единственный шанс продать рухнувшую компанию.

— Сделает он что-то или нет, ты не узнаешь, пока не поговоришь с ним.

Я посмотрел на часы. Четверть двенадцатого. Осталось меньше пяти часов. Я начал лихорадочно собираться.

— Ты знаешь, где он живет? — спросил я Кейт.

— Понятия не имею. Но можно спросить в справочной.

— Наверняка его номера и адреса в справочной не будет.

Все-таки я попытался. Увы, мои предположения подтвердились.

— Джейми может знать, где он живет, — сказала Кейт. — Кажется, он однажды был у него дома.

— Я не хотел бы его впутывать.

— У тебя нет выбора.

Джейми на кухне вытирал посуду.

— Ты знаешь, где живет лорд Кертон?

Он изумленно повернулся.

— Зачем тебе?

— Дорогой, пожалуйста, не тяни! — В голосе Кейт слышалась просьба.

— Где-то на Кенсингтон-Сквер. Номер дома не помню.

— Пошли, Ник. Я отвезу тебя.

Джейми оставил стакан, который он старательно тер полотенцем.

— Что, в конце концов, происходит? — спросил он.

— Потом. Все потом, — сказала Кейт, и мы вышли из дома.

	0,2945
	0,7123
0,2918	0,52,91
0,6135	0,3356
0,1527	
0,7733	0,4391
0,9615	
0,4583	
0,5342	
0,09913	
0,0197	
0,3147	
0,6652	
0,2589	
0,6308	
0,4986	
0,3527	

26

Дорога заняла не больше сорока пяти минут. Мы оказались в районе элитной застройки, но как понять, где здесь искать Кертона?

На заднем сиденье лежал желтый конверт. Взяв его, я засунул внутрь инструкцию по техобслуживанию и выбрал первый же дом — наугад. Я позвонил в дверной звонок. Через пару минут седой мужчина в пижаме открыл дверь. Столь поздний звонок его, похоже, не удивил.

— Могу я видеть лорда Кертона?

— Боюсь, вы ошиблись адресом.

— Прошу прощения, сэр. У меня для него срочный пакет. Вы не можете подсказать, который из этих домов его?

— Четвертый, считая отсюда, — мужчина махнул рукой.

Я поблагодарил его и зашагал в указанном направлении. Кейт увидела меня и выбралась из машины.

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391

— Не надо, я справлюсь сам.

— Надо.

Она оказалась права.

Я позвонил в дверной звонок. Кертон открыл довольно быстро. На нем были старые зеленые брюки и полосатая хлопчатобумажная рубашка. Он был босиком, в одних носках.

Увидев меня, он нахмурился, а лицо его приобрело выражение крайней брезгливости.

— Какого черта тебе здесь нужно?

— Можно мы войдем?

— Нет, нельзя. Пошел вон.

Он попытался закрыть дверь, но я не дал ему этого сделать.

— Прошу вас. Всего лишь пять минут.

— Я сказал, пошел вон. Иначе я вызову полицию.

Кейт внезапно втиснулась между нами. Она была гораздо меньше ростом нас обоих, ее макушка едва доходила лорду до подбородка.

— Если вы откажетесь поговорить с нами, Изабель Перейра погибнет.

Он на мгновение остолбенел.

— Она жива?

— Да. Пока жива.

Кертон колебался. Он явно был более расположен говорить с Кейт, чем со мной.

— Что ж... Я, черт возьми, понятия не имею, о чем вы тут говорите, но... Входите.

Он провел нас вверх по лестнице в большую, со вкусом обставленную гостиную.

— Садитесь, — он жестом указал на диван, торопливо схватил книгу с кресла и положил ее на кофейный столик названием вниз. Но я успел мельком увидеть обложку. Терри Пратчетт, «Плоский мир». Кертон слегка покраснел.

— Говорите, с чем пришли, — и уходите.

Он выглядел усталым, но, кажется, дело было не во времени. Когда твоя компания, твоя гордость и фамильная слава, рассыпается в прах, это нелегко пережить.

— Вы знали Изабель? — спросил я.

Кертон кивнул.

— Ее трудно было не заметить. Но сказать, что знал, было бы преувеличением.

— Вы, конечно, в курсе, что в прошлом месяце ее похитили. Сначала все думали, что ее убили, но оказалось, что все это время ее прятали. Вчера бандиты пригрозили, что, если завтрашняя сделка не будет отменена, Изабель убьют. Луис Перейра и Нельсун Зарур, специалист по работе с заложниками, уверены, что угроза абсолютно серьезна. Я тоже в этом уверен.

Кертон потер виски.

— А какое дело этим киднепперам до нашей сделки?

— Думаю, за этим может стоять Эдуарду Росс.

— Бред! У вас есть доказательства?

— Неоспоримых доказательств нет. Но с чего вдруг такая заинтересованность в будущем компании?

— Не думаю, что Эдуарду Росс способен на такое, — высокомерно отрезал хозяин дома. Впрочем, прозвучало это заявление несколько нелепо.

Кертон знал Эдуарду. А каждый, кто его знал, знал и то, что он способен практически на все. Я устало усмехнулся.

— Ну допустим. Но откуда Эдуарду узнал о готовящемся поглощении Dekker? Мы постарались, чтобы Рикарду оставался в неведении.

Я пожал плечами.

— Утечка информации, это бывает.

— Хм... И чего же вы теперь ждете от меня?

— Отмените сделку.

Кертон нахмурился.

— Я не могу. И вам это хорошо известно. Dekker Ward банкрот. Если ее продать, то она пусть и в другом качестве, но все-таки сможет выплыть, а я получу хоть какую-то компенсацию. Если сделка будет отменена, то мне останется только вызвать комиссию по банкротствам.

— Но можете вы хотя бы отложить подписание бумаг? Нам нужно время!

— Как раз времени-то у меня и нет. Если рынок будет падать и дальше, Bloomfield передумает. Я не могу так рисковать. Да и что дали бы вам эти несколько дней?

Ответ на этот вопрос я продумал еще в машине.

— Они дали бы возможность узнать, кто похитил Изабель, и добиться ее освобождения.

— Но если бразильская полиция оказалась неспособной найти ни похитителей, ни жертву более чем за месяц, каким образом вам удастся ее разыскать?

— Теперь мы знаем, что ее похищение связано с Dekker Ward. Более чем вероятно, что Россы — неважно, который из них, — как-то здесь замешаны. Это поможет нам напасть на нужный след.

— Послушайте, я очень сожалею, но я действительно ничего не могу сделать. У меня просто нет выбора.

— Нет, есть! — чуть ли не выкрикнула Кейт.

Кертон вздрогнул от неожиданности и резко выпрямился.

— Если Изабель погибнет, ее смерть будет на вашей совести до конца дней. Вы не сможете этого забыть. И будьте уверены, что, глядя на свой банковский баланс и видя в нем на несколько миллионов больше, чем там было прежде, вы вспомните, почему вы дали ей умереть. Но это не даст вам удовлетворения. Это не даст вам ничего, кроме вечного чувства вины.

Эти слова привели Кертона в замешательство.

— Но поймите же, я-то тут при чем? — слабо протестовал он. — Ко мне это не имеет никакого отношения.

— Имеет. Все это имеет отношение именно к вам.

Кертон впери́л в меня ожесточенный взгляд.

— И почему я вообще что-то должен делать ради вас? Между прочим, вы, именно вы затеяли всю эту кашу!

— Это не ради него. Это ради Изабель, — сказала Кейт. — Я понимаю, вы не желаете ничего знать об

этом, но именно *вы* президент компании. И это *ваша* ответственность.

Кертон встал. Он медленно подошел к огромному окну, выходявшему в сад посреди площади. Мы за-таили дыхание.

Наконец он принял решение.

— Совсем отменить сделку я не могу. Завтра будет сделано официальное предложение. Если это вам поможет, я задержу ответ до понедельника.

— До среды.

Кертон бросил на меня раздраженный взгляд.

— Хорошо. До среды. Но в среду утром я приму предложение Bloomfield Weiss, если, конечно, сумма окажется разумной. Надеюсь, что к тому времени вам удастся найти вашу любимую.

— Спасибо. — Я готов был упасть перед ним на колени. Кейт сияла. Она все-таки оказалась права. Кертон не был прожженным мерзавцем, в его жилах течет кровь благородного человека. — Вы не могли бы дать нам номер своего домашнего телефона? Если понадобится срочно с вами связаться?

Он подошел к столику, на котором стоял телефон, нацарапал номер на листке бумаги и протянул его мне.

— И последняя просьба.

Кертон страдальчески поморщился. Он надеялся, что наконец избавился от меня.

— Можно воспользоваться вашим телефоном?

Брови потомка благородных кровей сошлись на переносице.

Я посмотрел на часы. Ровно час ночи. Значит, в Бразилии девять вечера.

— Мне нужно позвонить отцу Изабель, чтобы он смог сказать похитителям о том, что сделка отложена.

Кертон пожал плечами и нехотя кивнул.

Я набрал номер Луиса. Линия оказалась свободна, а он ответил после первого же гудка.

— Алло.

— Луис, это Ник. Я сейчас у лорда Кертона, президента Dekker Ward. Он обещал отложить одобрение сделки до среды.

— Слава Богу! — Луис выдохнул с облегчением. Но тут же озабоченно поинтересовался:

— А что нам это даст?

— Найдем Изабель.

— Как, Ник?

Кертон внимательно наблюдал за мной.

— Будем думать об этом завтра, ладно? Позвони мне, как только они свяжутся с тобой.

— Обязательно.

Я повесил трубку.

— А ведь вы понятия не имеете, где она может быть, верно? — Кертон наконец позволил себе подобие улыбки.

Я неопределенно пожал плечами.

— Что ж, в таком случае — удачи.

— Спасибо, Кейт, — сказал я, когда мы въезжали в деревушку. — Если бы не ты, он бы меня на порог не пустил.

- Но ведь пустил же.
- Это все благодаря тебе.
- И что ты собираешься делать?
- Ждать звонка. Потом нырять в постель и спать.

Потом — думать.

Когда мы подъехали к дому, был уже третий час ночи. Джейми не спал, он сидел перед включенным телевизором, на полу у кресла стояли бутылка виски и стакан.

Увидев нас, он вскочил на ноги.

— В конце концов, что все-таки происходит?

— Нам нужно было встретиться с лордом Кертоном.

— Зачем?

Я не нашелся что ответить.

— Послушайте, он как-никак президент конторы, в которой я работаю. Вы не можете просто так встретиться с ним и держать при этом меня в полном неведении. Кейт! Я требую объяснений!

Она с беспомощным видом стояла посреди гостиной. Я кивнул. Я был не в праве требовать от нее и дальше скрывать все от мужа.

Кейт подошла к дивану и буквально упала на него. Джейми сел в свое кресло. Я остался стоять.

— Мы просили Кертона отложить продажу Dekker Ward банку Bloomfield Weiss до среды, — голос прозвучал еле слышно, но твердо.

— Кому? Что ты несешь? Зачем Bloomfield Weiss понадобилась Dekker?

— Они покупают у Эндрю его компанию. Это уже решенное дело.

— Боже! — Джейми вдавился в спинку кресла. — А вы-то, вы оба — какое вы имеете к этому отношение?

Я слотнул слюну.

— Это была моя идея.

— Твоя идея?!

— Да.

— Но почему?

— Росс это заслужил.

— Поверить не могу. — Джейми дикими глазами посмотрел на жену. — И ты обо всем знала?

— Я узнала всего пару дней назад.

— И ничего мне не сказала?

Кейт отвела взгляд.

— Это невероятно! Как вы могли так со мной поступить, вы оба? — Его удивление постепенно сменялось гневом.

— Джейми, послушай, — я постарался придать своему голосу рассудительность. — Dekker на грани банкротства. В случае ее покупки ты сохранишь свою работу.

— Речь не об этом! Речь совсем не об этом! — Джейми вскочил на ноги и сейчас нервно расхаживал взад и вперед по комнате. — Мы единая команда! И нравится это тебе или нет, мы — команда Рикарду. Ты пытаешься расколоть нас, вот что ты делаешь!

Теперь начал злиться я.

— Послушай себя! Ты сейчас говоришь, как Росс! Он далеко не невинная овечка, и ты, кстати, тоже. Он очень, очень богатый человек, зарабатывающий на том, что идет по головам. Включая мою!

Если бы Джейми мог испепелять взглядом, от меня бы уже осталась кучка пепла.

— Изабель похитили те, кто заинтересован в независимости и безнаказанности Dekker. И эти же люди угрожают убить ее, если Dekker будет куплена. Так что не пытайся убедить меня, что Рикарду ни при чем!

Он надолго умолк, обдумывая услышанное.

— В общем, так, Ник. Мы были друзьями. Но оставаться в моем доме после всего, что случилось, ты больше не можешь.

— Джейми! — запротестовала Кейт.

— С тобой мы поговорим отдельно.

— Я всего лишь пыталась сделать хоть что-то, чтобы девушка не погибла!

Он с нажимом повторил:

— Уходи.

— Куда? Ему некуда идти! — Кейт чуть не плакала.

— Хорошо. Значит, тебя не должно здесь быть на следующей неделе. И постарайся не попадаться мне на глаза.

С этими словами он вышел из комнаты.

Кейт, закусив губу, смотрела на меня. На губе выступила капелька крови.

— Прости, Ник...

— Это ты меня прости. Иди. Сейчас тебе нужно быть рядом с ним.

Она кивнула и направилась к лестнице.

Оставшись один в полутемной гостиной, я взял чистый стакан и плеснул себе виски.

Это нужно было предвидеть. Джейми действительно предан Dekker. Раньше я видел в этом более примитивные мотивы: жадность или хотя бы амбицию — амбицию, нацеленную на то, чтобы сколотить состояние. Что в общем-то сводилось бы к той же жадности. Но все оказалось не так просто. Джейми был одним из людей Рикарду. Он был тем, во что превратился бы и я, останься я в Dekker. Росс заботился о своих людях и ожидал в ответ безоговорочной лояльности. Что ж, Джейми в этом его не подвел.

Джейми всегда приравнивался к кодексу той системы, в которой оказывался. В семнадцать лет его назначили школьным старостой. В Оксфорде у него выстроилась вполне успешная университетская карьера — если не в академическом плане, то, во всяком случае, в общении с товарищами и в спорте. В Gurney Kroheim он легко надевал на себя маску солидного консервативного банкира, когда того требовало дело. А в Dekker он свято следовал правилам Рикарду, что всегда шло ему на пользу. Во всяком случае, пока он преуспевал.

Но черт подери, ведь Джейми мой друг! Какое право имеет Рикарду отнимать его у меня?!

Но... Тогда почему же я ввязался в эту аферу с продажей за спиной Джейми? Теперь я начинал жалеть об этом. Похоже, моя принципиальность или мсти-

тельность, называйте как хотите, будет стоить мне потери лучшего друга. А Изабель — жизни. Если не произойдет чудо.

Джейми-то ничего не потеряет. А Кейт? Нельзя было втягивать ее во все это. Мы всегда были хорошими друзьями, и я видел, как она постепенно теряет уважение к мужу. Меньше всего на свете я хотел бы, чтобы они отделились друг от друга. Но, если я не буду осторожен, именно это может произойти.

И конечно, оставалась самая трудная, самая жесткая проблема. Как найти и освободить Изабель.

Я вздохнул, допил виски и посмотрел на часы. Три ночи. Еще час. Еще целый час.

Я клевал носом, сидя в кресле, когда меня разбудил телефонный звонок. На часах было десять минут пятого. За окном галдели черные дрозды.

— Ник? Это Луис.

— Что, говори!

— Они пока оставят ее в живых. Я сказал, что сделка не отменена, но всего лишь отложена. Он ответил, что, как только они узнают о том, что контракт о продаже Dekker подписан, Изабель убьют.

— Значит, мы должны найти ее до среды.

— Да. По крайней мере, она жива.

— По крайней мере, она жива, — повторил я.

Надежда на то, что Изабель все-таки будет жить, сверкнула, как первые лучи восходящего солнца, пробивавшиеся сквозь портьеры гостиной. Тяжело ступая, я побрел по лестнице к себе.

Проснулся я в девять. Пяти часов сна мне всегда хватало для того, чтобы чувствовать себя выспавшимся и свежим. Кейт уже повезла Оливера в детский сад, а Джейми уехал еще на пару часов раньше. Я сварил кофе, поджарил тост и вернулся в комнату. Мне было о чем подумать.

Я выбросил из головы все мысли: о ребятах, о работе, о жилье. Мне нужно было решить главную задачу: как найти Изабель до среды. Я достал чистый лист бумаги и, не отрываясь, смотрел на его девственно белую поверхность.

Кто бы ни организовал похищение Изабель, он хотел, чтобы Dekker сохранил независимость. Братья Росс заинтересованы в этом больше всех. Но Рикарду категорически отрицал, что знал что-либо о готовящемся похищении, а доказать обратное здесь, в Англии, невозможно.

Но если подойти к делу с другого конца? Если искать ответ не в Великобритании, а в Бразилии? В Рио? Это уже что-то. Я начал набрасывать на бумаге возникавшие идеи.

Похитители были местными бандитами. Местными были и те головорезы, что напали на меня в Рио, пусть даже это всего лишь шайка подростков. Дейв предполагал, что существует связь между убийством Мартина Бельдекоса в Каракасе и отмыванием денег. Отмыванием денег, которое было организовано Франсиску Араганом, шурином Рикарду Росса.

Но зачем Арагану Изабель?

Я посмотрел на лист бумаги, уже испещренный квадратиками и стрелками. Если я хочу узнать, в чьих руках сейчас Изабель, мне нужно лететь в Бразилию. Но здесь, в Англии, все еще оставался один след.

Я нашел свой список домашних телефонов сотрудников Dekker и набрал нужный номер.

— Алло?

— Могу я говорить с Лусианой Росс?

— Слушаю.

— Доброе утро. Это Ник Эллиот. Мы познакомились с вами на вечеринке в вашем загородном доме, в апреле. Не уверен, помните ли вы меня...

— А, Ник! Конечно же я вас помню! — Ее хрипловатый голос звучал тепло и дружелюбно. — Как дела, как поживаете?

— Спасибо, хорошо. Вы говорили о латиноамериканском дизайне в своей городской квартире, а я как раз подумываю о том, чтобы переделать кое-что у себя в том же ключе. Если вы не против, я с удовольствием приехал бы взглянуть на вашу работу.

— Ради бога. В любое время.

— А если сегодня?

— Годится. Приезжайте к ленчу.

— Договорились. — Я посмотрел на часы, вспоминая расписание поездов. — Я буду около часа.

— До встречи.

Россы жили в Белгрейвии. Я пристегнул велосипед цепью к перилам лестницы и позвонил в дверной звонок. Я вырядился в самую элегантную одежду из своего гар-

дероба, хотя и понимал, что все равно выгляжу сельским учителем, а не одним из местных обитателей.

Сквозь потрескивание динамика прорвался голос.

— Ник?

— Да.

— Второй этаж. Поднимайтесь на лифте.

На втором этаже была только одна дверь, и я позвонил в бронзовый колокольчик, висевший у входа. В то же мгновение дверь открылась, и на пороге появилась Лусиана. На ней были простая белая блузка и обтягивающие джинсы. Густые черные волосы рассыпались по плечам. Она улыбалась так радушно, словно мы были старинными друзьями.

— Входите, Ник, прошу!

Она подставила щеку для поцелуя, меня окутал аромат дорогих духов, после чего мы проследовали в гостиную.

Впечатление было ошеломляющим. Мебель темного дерева, дорогие ковры, позолота отделки и тяжелые узорчатые портьеры — от всего этого разбегались глаза. Но мое внимание сразу же привлекли три картины на стенах: вихреобразные мазки зеленого, синего и красного.

Лусиана проследила за моим взглядом.

— Это полотна модного в последнее время художника из Баии. Нравится?

— Они напомнили мне работы моей матери.

Хотя пустынное побережье Норфолка и тропический лес были совершенно несхожими, но скручивав-

шиеся вихрями мазки вызывали то же самое чувство депрессивного отчаяния. Это ощущение не спутать ни с каким другим.

— Серьезно? Тогда она, должно быть, хороший художник.

— Хороший.

Лусиана внимательно смотрела на меня. Она знала и любила эти картины. Теперь она как будто открывала для себя и мою мать.

— Вина?

— С удовольствием.

— Садитесь, я сейчас вернусь.

Я сел на диван и принялся рассматривать все вокруг: ковры, вазы, часы, подсвечники. Новые вещи и антиквариат, сколько же это все стоит?! Между картинами висело большое старинное зеркало в золоченой раме. Что за блажь превращать свои жилища в музей? У богатых свои причуды.

Присутствие Рикарду здесь не ощущалось совершенно. Должно быть, он обустроил свой офис где-то подальше отсюда. Это была территория Лусианы.

Она вернулась с двумя бокалами белого вина и по-кошачьи свернулась в огромном кресле рядом с диваном. Она была босиком. Ногти на ногах выкрашены ярко-красным лаком.

— Значит, вы решили заняться декорированием своей квартиры?

— Да. Теперь, когда я стал хорошо зарабатывать, захотелось заняться благоустройством. В Бразилии мне

понравились кое-какие вещи, и я подумал, что, возможно, вы поделитесь со мной своими идеями.

— Легко. — Ее темные глаза смотрели поверх бокала прямо на меня. — Но сначала давайте все-таки выпьем и немного перекусим. Совсем немножко, всего лишь салат.

Я отхлебнул вина. Мне стало не по себе. От этой женщины веяло силой, как и от ее мужа, — пусть иначе, но тем не менее. Она явно привыкла добиваться всего, чего хотела. Что ж, мне, в свою очередь, кое-что нужно было от нее. И лучше всего перейти к делу сразу, пока я еще владею ситуацией.

— Вообще-то я хотел спросить вас кое о чем еще.

— Да?

— Речь о вашем брате.

Она озадаченно прищурилась.

— И что же вы хотите знать о Франсиску?

— Вы, наверное, знаете, что Изабель Перейру похитили?

— О да. Кошмар. Такое в Рио, увы, случается. Ужасно, ужасно.

— Похоже на то, что Dekker имел там дела с наркоторговцами. И возможно, существует связь между отмыванием денег и похитителями.

— И вы думаете, что Франсиску и есть та связь? — Лусиана выглядела изумленной, но не рассерженной.

Я сделал глубокий вдох.

— До меня дошли слухи, что он каким-то образом связан с наркодилерами.

— Вы хотите сказать, что мой брат занимается торговлей наркотиками?

Похоже, Лусиану это скорее развлекало, чем оскорбляло.

— Нет. Я знаю, что ваш брат — бизнесмен. И я уверен, что он не занимается наркотиками. Но ведь деньгами-то он занимается?

— И что?

— Так вот, одни люди инвестируют деньги в его проекты, а он инвестирует эти деньги в проекты других людей. Возможно, он вложил энную сумму и в фирму Рикарду, такое ведь могло быть? Деньги, которые принадлежали связанным с ним людям? Его контакты в сфере импорта-экспорта?

Я блефовал, и Лусиана это понимала.

— А с какой стати вы решили, что я стану обсуждать с вами этот вопрос?

— Потому что это никому ничем не грозит. Мне все равно, откуда у Франсиску берутся деньги. Я не собираюсь создавать ему никаких проблем. Все, что мне нужно, это напасть хоть на какой-то след, ведущий к Изабель. Мне нужно зацепиться хоть за что-то, хоть за какую-то ниточку. Если я не найду ее в течение нескольких дней, она погибнет.

— Она действительно так много значит для вас? — Лусиана смотрела мне прямо в глаза. Я кивнул.

— Ваш бокал пуст. Я принесу еще вина.

Она снова вышла, вероятно, в кухню, откуда вскоре вернулась с бутылкой вина. Налила в оба бокала.

Теперь мы сидели рядом, я почувствовал прикосновение к своей руке, но не шелохнулся. Это самый изысканный вид пытки: изображать безразличие, когда рядом сидит красивая и чрезвычайно сексуальная женщина.

— Рикарду, кажется, не слишком вам симпатизирует, верно?

— Не слишком. Это что-то меняет?

— Нет, — сказала она, проведя пальцем по моему рукаву. — Напротив, меня это устраивает даже больше.

— Так вы расскажете мне о брате? — в упор спросил я.

— Возможно, — сказала она и, улыбнувшись, посмотрела на меня из-под густых ресниц.

Я понимал, чего от меня ждут в обмен на информацию. Но, честно говоря, это не вызвало у меня никакого протеста.

И все же точно так же, как я не хотел, чтобы мною манипулировал ее муж, не хотел я и того, чтобы сейчас мной манипулировала эта женщина. Она придвинулась почти вплотную, задев грудью мою руку.

— Не будь таким робким.

— И часто ты так развлекаешься?

— Иногда. Для удовольствия. А уж удовольствие я могу гарантировать.

— Да, Джейми говорит то же самое, — не моргнув глазом солгал я.

— Он рассказывал обо мне? — спросила она с наигранным гневом.

— Мне — да. Мы с ним старинные друзья.

— Я-то думала, что вы, англичане, слишком чопорны и щепетильны, чтобы вообще разговаривать о сексе.

— А что обо всем этом думает твой муж?

— У нас есть другие темы для разговоров. Скорей всего, он догадывается, что у меня есть увлечения на стороне. Не догадывается он о том, что кое-кто из них — его подчиненные.

— И тебя это не беспокоит?

— Наоборот. Мне это нравится.

— Нравится?

Лусиана выпрямилась.

— Люди такого типа помешаны на том, чтобы помыкать другими. А я не люблю, чтобы мною помыкали. Я сама решаю, что, как и с кем мне делать. И если он даже и узнает — что с того?

— Это я, пожалуй, могу понять.

— Большинство людей не осмеливаются выступить против него. А ты решился. И это доводит его до бешенства. Может быть, именно поэтому ты мне и нравишься.

— А как же Джейми?

— Этому мальчику приятно думать, что он трахает не кого-нибудь, а жену босса. На здоровье, я не возражаю. Он любит ходить по краю, и я тоже. К тому же он симпатяга.

— И где же в таком раскладе отведено место для меня?

Она мягко поцеловала меня в губы.

— Прямо здесь.

Я словно очнулся. Либо я остаюсь, чтобы ублажать эту дамочку и, возможно, услышать от нее какую-нибудь заведомую ложь о ее братце, — либо ухожу.

— Спасибо за вино, — я поднялся. — Сожалею, но не смогу остаться на ланч.

Я оставил ее, свернувшуюся калачиком на диване и безмятежно потягивающую вино.

— Чао, — донеслось мне вслед.

0,3356
0,7733 0,
0,9615 0,4986
0,5312 0,6527
0,0197 0,
0,9913 0,

2589
6308
4986
3527

27

В третий раз за последние три месяца я смотрел на покрытые коричневой пылью северные пригороды Рио из иллюминатора самолета. Но в этот раз все было иначе. Прежде, прилетая сюда, я был радостно возбужден и полон ожиданий. Теперь же я ощущал лишь отчаяние и страх. Страх за Изабель — и страх за себя. В первую поездку я едва не погиб, во вторую меня похитили. Поневоле задумаешься.

Билет на вечерний рейс обошелся мне в половину суммы, оставшейся от того, что Рикарду одолжил мне. Но выбора не было. Я должен разыскать Изабель — а для этого надо лететь в Бразилию. Если бы я этого не сделал, а похитители все-таки осуществили свою угрозу, я никогда бы себя не простил.

Луис обрадовался, когда узнал о моих планах. Кейт тоже. Ее желание по-

мочь мне спасти Изабель было трогательным, но иного я от нее и не ожидал. Она попросила держать ее в курсе событий. Джейми скоро должен был вернуться с работы. Уж он-то наверняка будет только счастлив, когда обнаружит мое отсутствие.

Я испытывал смешанные чувства по отношению к бывшему другу. Во-первых, злость. Злость за то, что он отвернулся от меня. За то, что он так бесстыдно изменял своей жене с женой босса. Было несложно представить его возражения. Немножко приключений, немножко развлечений, сказал бы он. Мол, Луисана по-настоящему мне даже и не нравится, а Кейт я люблю. Как же все это мерзко.

Но я чувствовал и собственную вину. За то, что, живя в его доме, плел интриги, да еще и Кейт сделал своей сообщницей. В том, что десять лет нашей дружбы пошли прахом, есть и моя вина.

Но теперь надо оставить все эти мысли и сосредоточиться на одном: как вызволить Изабель. Времени в обрез, а я понятия не имел, как можно оттянуть последний срок. Что ж, поживем — увидим.

Луис встретил меня в аэропорту. Его шофер повез нас в Ипанему. Там уже ждали Нельсун и Корделия с мужем. Она заметно округлилась. Я с радостью отметил, что исчезновение Изабель не повредило ее беременности.

Меня горячо приветствовали, а я был искренне рад снова оказаться среди этих людей. Мы устроились в гостиной и, несмотря на всю сложность стоящей

перед нами задачи, меня не покидал оптимизм. Как будто уже само то, что мы вместе и настроены решительно, гарантирует нам победу несмотря ни на что.

— Что ты обо всем этом думаешь, Ник? — первым не выдержал Луис.

— Я почти уверен, что знаю, кто за всем этим стоит.

— Кто? — ахнула Корделия.

— Франсиску Араган.

— Араган? Шурин Росса? Меня бы это не удивило, — пробормотал Луис.

— Я думаю, что он сработал все это вместе с братьями Росс. Не знаю, кто играл первую скрипку, но подозреваю, что именно эта троица виновна в убийстве Бельдекоса и похищении Изабель.

— Но зачем?

— Похоже, Dekker занимается отмывкой денег для Франсиску. Он связался с Dekker через свою сестру, жену Рикарду, Лусиану.

— Ты говорил с ней?

— Да, пробовал. — Я кашлянул. Вдаваться в подробности мне не хотелось. — Впрямую она, конечно, не призналась, но сама мысль ее, похоже, ничуть не удивила. Франсиску открыл несколько счетов в Dekker Trust на Каймановых островах с помощью американского адвоката из Майами, Тони Хемпела. Американское управление по борьбе с наркотиками завело дела на обоих. Мартин Бельдекос уже был близок к тому, чтобы распутать всю схему, поэтому его и убили. На меня, возможно, напали по той же самой причине.

Я перевел дыхание и посмотрел в окно. Полосу песка, где меня ударили ножом, отсюда не было видно.

— Но какое отношение ко всему этому имеет Изабель?

— Трудно сказать. Ведь сначала мы думали, что это было стандартное для Рио похищение. Ради выкупа. Мы полагали, что именно это единственная цель киднепперов, и ты уже готов был заплатить деньги.

Луис кивнул.

— Но теперь уже ясно, что это не было настоящей причиной. Бандиты, похоже, больше заинтересованы в сохранении Dekker, чем в вымогании денег.

— Но при чем тут она?

Во время всего полета я размышлял над этим вопросом, и, как мне казалось, все-таки нашел ответ.

— Похитили не только ее. Меня тоже схватили. Возможно, они думали, что информация, которой я располагал о Мартине или Франсиску, для них опасна. Они хотели убрать нас просто так, на всякий случай. Даже когда мне удалось бежать, они отвлекали мое внимание переговорами о выкупе, а когда я вернулся в Англию, то, конечно же, ушел из Dekker.

— Тогда почему они просто не убили ее, как сделали это с Бельдекосом? — спросил Нельсун.

— Хороший вопрос. Не знаю.

Конечно, я мог предположить почему, — особенно если в операции участвовал Рикарду. Но я не хотел говорить Луису о связи его дочери с боссом. Уверен, она сама этого не хотела бы.

— По каким-то своим соображениям они хотели, чтобы мы поверили в ее смерть. Именно поэтому они перестали требовать выкуп и отказались предоставить доказательства того, что она еще жива. Но вдруг они решили, что она нужна им живой. И слава Богу.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил Нельсун.

— Нет. Но именно так вся картинка складывается воедино.

Луис потер подбородок.

— Возможно, ты прав. Во всяком случае, то, что ты рассказал, звучит вполне логично.

— Ты его знаешь?

— Франсиску? Нет. То есть мы пересекались раз-другой, но никогда не имели никаких дел.

— Чем он вообще занимается? Все, что мне известно, — это то, что он какой-то финансист.

— Его отец член Сената, сенатором был и дед. У старшего брата компания-подрядчик, которая неплохо зарабатывает на правительственных контрактах. Но в Бразилии это нормально.

— А сам Франсиску?

— В восьмидесятые он заработал кучу денег через офшорные инвестиционные компании. Тогда это было и очень легко, и очень выгодно. Многие этим занимались. В основном все строилось на спекуляции валютой и игре на разнице курса в различных правительственных программах. Единственное, что приходилось делать, это уводить деньги в офшорные

банки и фонды, чтобы избежать контроля над операциями.

— Говоря «офшорные», ты имел в виду Панаму?

Мне на ум вдруг пришел Тони Хемпел и International Trading and Transport Ltd.

— Да, Панама, конечно, тоже. И Каймановы острова, и Багамы, и даже Майами. Люди делали немислимые деньги. Правда, потом многие их потеряли.

— Каким образом?

— Из-за плана «Реал». Его запустили в девяносто четвертом, привязав новую валюту, реал, к доллару. Процентная ставка была высокой, и первое время инфляцию удавалось держать под контролем. Легкие деньги кончились. Банки, фонды и инвестиционные компании разорялись десятками.

— Но Франсиску это не коснулось?

Луис пожал плечами.

— Насколько я знаю, нет. По слухам, он диверсифицировал свои капиталы, перенаправив их в недвижимость и сырьевые товары. Кроме того, поговаривали, что он имел дело и с наркоторговцами. А уж если они его субсидировали, то крах ему не грозил.

Луис скрипнул зубами, на лице заходили желваки.

— Если этот подонок виноват в том, что случилось с моей дочерью, я убью его, — прорычал он.

— Но что нам делать сейчас? — спросила Корделия.

— Требовать, чтобы он вернул мне дочь! — взорвался Луис. Теперь гневу, который накапливался с того страшного дня, было на кого выплеснуться.

— И что ты ему скажешь? — поинтересовался Нельсун.

— Я скажу, что мать его была шлюхой. — Лицо Луиса побагровело. — Я скажу ему, что если он не вернет мне дочь, я оторву ему... — Он запнулся, вспоминая, как это слово звучит по-английски: — Оторву ему яйца и забью их ему в глотку.

— Не думаю, что это что-нибудь даст, — негромко произнес Нельсун.

— Почему это?

— Потому что Франсиску будет утверждать, что Изабель у него нет, — сказал Нельсун. — А у нас нет доказательств обратного. В результате и он ее не отпустит, и мы не узнаем, где она находится. К тому же это послужит для него предупреждением, что нам удалось узнать о его планах — а тогда он сам или кто-то из его сообщников постарается замести все следы.

Луис встал с кресла и принялся расхаживать взад и вперед по комнате. Его грудь тяжело вздымалась. Похоже, выдержка окончательно изменила ему.

Мы молчали. Он тяжело дышал, стараясь взять себя в руки. В конце концов он повернулся к Нельсуну:

— Извини. Ты прав. Сейчас не время сходить с ума. Нам нужны ясные головы. С чего начнем?

— Необходимо побольше узнать о Франсиску, — предложил я. — Выяснить, чем он занимается сейчас. С кем имеет дело. Если работает с наркодельцами, то с кем именно.

— Это я могу узнать.

— Я задействую свои полицейские контакты, — сказал Нельсун. — Если он действительно завязан с наркотой, в полиции об этом знают.

— А что насчет того паренька, что пырнул меня ножом? Если это дело рук наркомафии, слухи могут гулять и по фавелам.

— Вполне возможно, — одобрительно кивнул Нельсун. — Я поспрашиваю.

— Я тоже, — сказала Корделия. — Мои мальчишки бегают по всему городу. В другой ситуации я бы ни за что не стала у них спрашивать о чем-то подобном, но сейчас...

В глазах Луиса застыло отчаяние пополам с надеждой.

— Что ж... По крайней мере теперь мы хоть что-то можем *делать*.

Мы с Луисом сидели на балконе с видом на залив. Я пил пиво, он — минеральную воду.

— Мне не следовало утром давать волю ярости, — повинился он.

— Нормальная реакция, железных людей не бывает.

Он вздохнул.

— Шесть недель. — В его голосе чувствовалась неимоверная усталость. — Я верил, что она жива, но все равно звонок Зико оказался неожиданностью. Только бы успеть до среды. Иначе я не знаю, как жить дальше.

— Мы найдем ее. — Я откашлялся. Наступал момент опробовать выношенную мною идею. — Есть возможность получить дополнительное время.

— Каким чудом?

— Помнишь, ты говорил, что Vanco Horizonte подумывает о том, чтобы расширить сферу активности, выйти за границу?

— Я так сказал?

— По-моему, да. Так это правда?

— В общем, да. Мы подумываем, как разместить наши операции в Южной Америке, скажем в Аргентине или Уругвае.

— А что насчет Dekker?

Луис потер лоб.

— Это, конечно, идея. Но до сих пор ни один бразильский банк не покупал крупные европейские фирмы.

— Тебе это, возможно, окажется по карману. Bloomfield Weiss предложила Кертону всего десять миллионов фунтов.

— Да, такая сумма нам по силам, — взвешивая каждое слово, сказал Луис. — И стратегически это был бы, конечно, огромный прорыв. Мы стали бы ведущим инвестиционным банком в Южной Америке. Но проблема заключается в их портфеле облигаций. Как я понял с твоих слов, он фантастически огромен, а цена этих бумаг достигла почти нулевой отметки. Нужно быть великаном вроде Bloomfield Weiss, чтобы постепенно избавиться от них, выпуская их в продажу. У нас попросту не хватит на это капитала.

Я не смог скрыть своего разочарования.

— Ты что, даже не можешь сделать бид, чтобы хотя бы потянуть время?

Луис колебался.

— Это можно было бы сделать, но я не думаю, что лорд Кертон примет наше предложение всерьез. Ведь оно явно не может быть реальным. Он же понимает, что нам не поднять такой портфель. Он сразу догадается, что мы тянем время.

Я совсем упал духом.

— В любом случае погляди кое-какую информацию по Dekker. Потом скажешь, что ты об этом думаешь.

Я вышел с балкона в квартиру и вскоре вернулся с копиями документов.

— Не уверен, что тебе следует давать это мне, — сказал Луис.

— Почему? Если есть хоть какая-то возможность спасти Изабель, я ею воспользуюсь. И мне плевать на правила, установленные одной акулой, чтобы ей легче было проглотить другую.

Луис улыбнулся и принялся листать бумаги. Я смотрел на залив. Был почти самый пик бразильской зимы, и в легком ветре, дувшем с моря, ощущалась мягкая обволакивающая прохлада. По меркам Рио было, наверное, холодно, но меня такая погода радовала. Несмотря на субботний день, народу на пляже было не слишком много, хотя то тут, то там молодежь играла в волейбол, футбол и странный гибрид того и другого, который мне когда-то так понравился. Ближе к линии горизонта виднелась знакомая цепь островов с полукруглыми вершинами, окруженная сверкающим в лучах послеполуденного солнца океаном.

— А знаешь, способ все-таки есть, — наконец отозвался Луис.

— Какой?

— KBN, голландский банк. Те самые люди, которых я представил Алвису, чтобы снова запустить трущобный проект. Один из самых крупных игроков. Они смогли бы поднять тот груз облигаций, который отправил Dekker на дно.

— Значит, речь о том, чтобы они купили Dekker? Луис улыбнулся.

— О нет. Купить Dekker хочу я. Но они могут взять на себя портфель облигаций.

— С чего бы они на это согласились?

— Мы могли бы структурировать расчеты так, чтобы им это стало выгодно.

Я оживился.

— И?

Луис встал, сунув бумаги под мышку.

— Мне надо сделать пару звонков.

Все воскресенье Луис провел у телефона, потревожив законный отдых своих партнеров по Banco Horizonte и некоторых ведущих менеджеров KBN. Корделия почти все выходные провела в приюте в *favela*. Нельсун названивал своим старым коллегам. А я нетерпеливо расхаживал по квартире Луиса, иногда давая ему требуемую информацию по Dekker.

Улучив минутку, когда Луис освободил телефон, я решил позвонить Кейт, чтобы рассказать о наших делах. Набирая номер, я молился про себя, чтобы

она сама подошла к телефону. Но и господь дает промашки.

— Алло?

В первую секунду я чуть не повесил трубку. Но это было бы совсем глупо. Если уж я хочу поговорить с Кейт, так и надо сказать.

— Алло? — В голосе Джейми появились раздраженные нотки.

— Джейми, привет, это Ник. Я в Бразилии.

— И?

— Можно поговорить с Кейт?

Молчание. О черт, но не может же он, в самом деле, запретить мне говорить с ней!

— Ее нет. — Фраза далась ему с трудом.

— Когда она вернется?

— Хотел бы я сам это знать.

— Что случилось? С ней все в порядке?

Снова пауза.

— Она меня бросила. Ушла. Вчера вечером. И забрала Оливера. Пока переехала к сестре.

— Но почему?

— Почему бы не спросить об этом себя самого? — Телефонная трубка буквально сочилась ядом, и тут же в ней раздались короткие гудки.

Какое-то время я тупо смотрел на телефон. Зная Кейт, можно было предвидеть, чем все закончится, но я все равно не мог поверить. Я кругом виноват, кругом. Я втравил ее в это дело, невольно настроив против отца ее ребенка. Но ведь я хотел поквитаться с конторой,

а не с Джейми. Я всего лишь пытался спасти Изабель. Не будь Кейт, ее бы уже убили. Впрочем, Джейми, конечно, смотрит на все это совершенно иначе.

Мне вспомнилась их свадьба. В традиционном английском стиле, в церкви пятнадцатого века, в одной из деревушек Сассекса, где отец Кейт работал врачом. Стоял прекрасный июньский день. Новобрачные были чудо как хороши. Лица родителей жениха и невесты лучились счастьем. Всех подробностей я, конечно, не запомнил. Я больше беспокоился, справлюсь ли я с обязанностями шафера, но мне удалось не потерять кольцо, а мой спич был четким, коротким и даже пару раз вызвал взрывы смеха. Шампанское текло рекой, а вместе с ним в душу вливалось и греющее чувство удовлетворения от того, что двое людей, столь дорогих мне, решили связать свои жизни воедино. На некоторых свадьбах сразу видно, что молодые созданы друг для друга, на других — нет. Эта пара подходила друг другу идеально.

Я до сих пор убежден, что тогда так оно и было. Но все течет, и все меняется.

В моей записной книжке был телефон Лиз, сестры Кейт. Я набрал номер.

— Кейт, это Ник. Что у вас стряслось?

Она вздохнула.

— Я ушла.

— Я уже в курсе. Как ты? Совсем хреново?

— Да, — ответила она бесцветным голосом. — Но сейчас мне полезно побыть подальше от дома. Нужно хотя бы несколько дней, чтобы обо всем подумать.

— Надеюсь, это не из-за меня?

— Нет, дружище. Честно говоря, мне очень не понравилось, когда он указал тебе на порог, зная, что идти тебе некуда. Он так изменился, Ник. И мне не нравятся эти перемены. — Кейт понизила голос: — У него когда-нибудь... ты понимаешь, о чем я... другие женщины?

Я давно ждал этого вопроса, удивляюсь, как она не задала его раньше. Я подумал о Лусиане, вспомнил Джейми с «моделью» на коленях на вечеринке у Эдуарду.

— Не знаю, правда, не знаю.

Кейт всхлипнула. Она хотела знать правду, а правды я ей не сказал. Но у кого хватит решимости сказать женщине, что муж ей изменяет?

Конечно, она знала.

— А ты сама с ним об этом говорила?

— Не впрямую. Но он знает, что я чувствую. Я не хотела и не хочу, чтобы он продавал душу за какой-то мифический бонус в миллионы долларов. И я не хочу, чтобы он путался с другими женщинами. Но он уже не изменится, Ник. И ты это знаешь.

— Но ведь он любит тебя.

— Я тоже его люблю. Того, прежнего, Джейми. Но через десять лет он превратится в толстого вороватого банкира, которого в каждом городе по всему миру будут ждать дорогие цыпочки. А я себя во всем этом не вижу. Я была бы гораздо счастливее с тобой, — неожиданно призналась она и, прежде чем я успел произнести хоть слово, повесила трубку.

В понедельник Луис уехал рано утром, а к ланчу уже вернулся, сияющий. Мы с Нельсуном и Корделией сгорали от нетерпения.

— Говорят, дело стоящее. Banco Horizonte выставит бид в двадцать миллионов фунтов за Dekker при условии тщательной финансовой проверки. KBN всецело нас поддержит. Сегодня же позвоню лорду Кертону.

— Но, *Papai*, ведь это не вернет нам Изабель! — Корделия восприняла новость мрачно и раздраженно.

— Это позволит нам выиграть время.

Радости в его голосе, однако, поубавилось. Реплика дочери словно перечеркнула его внезапно вспыхнувший оптимизм. Теперь он, казалось, чувствовал вину за свое не слишком уместное оживление, ведь Изабель все еще в опасности.

— Удалось что-нибудь узнать о Франсиску? — спросил я.

Луис вздохнул.

— Немного. Очень скрытный тип. Но говорят, последние года два он стал заправлять большими капиталами. Вроде бы у него ряд крупных контрактов по недвижимости в Бразилии и Штатах.

— Откуда деньги?

— Опять-таки, по слухам, — от экспортеров наркотиков. И не только бразильских. У него, похоже, налажены контакты с Колумбией и Венесуэлой.

— Тогда понятно, почему убили Мартина в Каракасе.

— А хоть что-нибудь о том, с какими конкретными группами наркодельцов он имеет дело? — спросил Нельсун.

Луис покачал головой.

— В общем нет. А ты что-нибудь узнал?

— Время от времени его видят в компании «крестных отцов». Изабель может быть в руках любого из них. Я выяснил, где он живет и работает, и приставил человека следить за ним. Правда, за истекшие два дня он не сообщил ничего интересного.

— А что насчет тех подростков, что напали на меня? — спросил я.

— Я беседовал с детективом, занимавшимся твоим делом. У него такое чувство, что это было не просто ограбление — все будто спланировали заранее. В фавеле об этом вообще никто не стал разговаривать, а у моего сотрудника сложилось впечатление, что они что-то знают, но боятся трогать эту тему. Вооруженное ограбление само по себе означает лишние неприятности. А если к тому же речь об иностранце, которого едва не убили...

— Значит, Ник все-таки прав, — сказал Луис. — Связь между убийством Мартина, нападением на него и похищением Изабель действительно есть.

Нельсун мрачно кивнул.

— Я уверен, что за всем этим стоит Франсиску.

Луис с силой хлопнул ладонью по столу — так, что жалобно зазвенела посуда на столе.

— Теперь мы знаем это почти наверняка, неужели ничего нельзя сделать?

— Мы можем только попытаться узнать, где прячут Изабель, — спокойно ответил Нельсун.

Мария принесла ланч — стейк и салат — на балкон. Мы едва притронулись к еде, погруженные каждый в свои мысли. Я разделял чувства Луиса. Раз уж мы знаем, что похищение Изабель дело рук Арагана, мы просто обязаны что-то предпринять. Но идти в полицию, не имея никаких доказательств, бессмысленно. Более того, это очень чревато. Но прав и Нельсун: любая конфронтация — это пустая трата времени. Конфронтация — да. Но почему не переговоры?

— Надо поговорить с Араганом.

		0,2945
		0,7123
	0,2918	0,52,91
	0,6135	0,3356
	0,1527	
	0,7733	0,4391
	0,9615	
	0,5340	0,4583
	0,097	0,9913
	0,3147	

28

Мы ехали в гору по крутой извилистой дороге, вымощенной крупными булыжниками. По обе стороны дороги за мощными металлическими решетками красовались в ярком солнечном свете роскошные особняки в колониальном стиле, увитые зеленью и цветами. Позади виднелся залив Гуанабара, а над нами возвышалась статуя Христа, почти касавшаяся головой облаков.

— Эти дворцы, должно быть, стоят целое состояние, — предположил я.

— Так и есть, — сказал Луис. — Санта Тереса — один из самых дорогих районов в городе. Когда Рио еще был столицей, здесь гнездились посольские резиденции. Судя по всему, дела у здешних обитателей идут неплохо.

Нас было четверо: Луис, его водитель, Нельсун и я. Выяснив, что Франсиску дома, мы решили ехать без про-

0,4583

0,7733,9913

0,9615,3147

0,5340,6652

0,0197

волочки. Мы притормозили возле выдавшей виды «тойоты», и Нельсун вышел из машины. Незачем лишним людям знать его в лицо.

Проехав еще с полсотни метров, мы остановились у кованых ворот. Водитель вышел и, нажав на кнопку переговорного устройства, сообщил о нашем приезде. Нас попросили подождать.

С шаркающим дребезжанием проскрипел обшарпанный старый желтый трамвай, облепленный коричневыми телами пассажиров.

Тут что-то щелкнуло, зажужжало, и ворота открылись. Мы въехали во двор и оказались перед белоснежным особняком с высокими окнами и расписными стенами. Я вышел из машины, и меня подхватил благоухающий вихрь. Нас окружали сотни и сотни цветов: синих, оранжевых и белых, свисавших со стен или тянувшихся из многочисленных ваз. У ног порхали и кружились в хороводе синие и черные бабочки немыслимой красоты.

Слуга распахнул перед нами дверь и знаком предложил следовать за ним. По лестнице сбежал парень лет семнадцати и, едва удостоив нас взглядом, выскочил на улицу. Высокий, худощавый, в нарочито небрежной, но явно очень дорогой одежде.

Половину огромной светлой гостиной почти целиком занимал огромный рабочий стол со всевозможной офисной атрибутикой. Несколько кресел и диван, вот и вся обстановка. Из окна открывался захватывающий вид на город и залив.

Слуга удалился за кофе, и сразу же появился Франсиску. Они с Луисом заговорили по-португальски. Луис был само спокойствие, можно подумать, он просто заглянул навестить приятеля. Пока шел обмен любезностями, из которых я не понял ни слова, я наблюдал за хозяином дома. Лет сорока, чуть ниже среднего роста, лысый и какой-то рыхлый. Сходство с Лусианой было, как говорится, налицо. Но если ей пышность форм невероятно шла, то брата она не украшала. Такие же черные, как у сестры, глаза излучали жестокость. Белозубая улыбка больше напоминала хищный оскал.

Я услышал свое имя, потом «Dekker» и увидел, как Луис кивнул в мою сторону.

— Рад познакомиться, — Франсиску недурно говорил по-английски. — Прошу вас, садитесь.

Мы сели на низкий диван. Араган устроился напротив.

— Чем могу вам помочь? — спросил он, дружеским жестом разведя ладони.

— Мою дочь похитили. — Луис умудрился сказать это таким тоном, словно речь шла о том, что его дочь слегка простудилась.

На лице хозяина дома появилось выражение вежливой озабоченности.

— Боже! Это ужасно. Конечно, в Рио такие вещи случаются, но то, что это произошло даже с вами... В голове не укладывается. Похитители уже предъявили свои требования?

Конечно, я ожидал, что Франсиску разыграет удивление, но, увидев, как он это сделал, едва сдержал гнев. Актер он был никудышный.

Луис невозмутимо кивнул.

— Да, и весьма необычные.

— В самом деле?

— Они потребовали, чтобы Ник остановил операцию по поглощению Dekker Ward неким американским инвестиционным банком. Нику принадлежала идея этой покупки, и я полагаю, похитители решили, что в его силах будет всю эту затею отменить.

— Невероятно.

— Да, странно, по меньшей мере. Но Ник ничего не может сделать. Американцы отказались даже разговаривать на эту тему. И тогда у нас появилась другая идея.

— Не очень понятно, какое это имеет отношение ко мне, — удивленно произнес Франсиску, однако слушал он очень внимательно.

— Как вам известно, я возглавляю Banco Horizonte. Мы решили сегодня представить Dekker наше предложение. Dekker вот-вот обанкротится. Если мой банк приобретет эту компанию, мы позаботимся о том, чтобы должным образом обезопасить инвесторов и вкладчиков. Я не имею в виду то, что все они гарантированно получат назад свои деньги. Однако при любом расследовании их личные и коммерческие данные останутся конфиденциальными. При условии, конечно, что мою дочь освободят.

Франсиску слегка нахмурился, словно недоумевая, зачем Луис рассказывает ему всю эту историю. Но перебивать не стал, и Луис продолжил.

— Если Изабель освободят, Вансо Horizonte станет владельцем Dekker Ward, а заинтересованные инвесторы сохранят свое инкогнито.

Араган поерзал в кресле.

— Идея, несомненно, интересная, но я до сих пор не пойму, какое отношение она имеет ко мне.

Луис молчал, бесстрастно изучая собеседника.

Молчание затягивалось, и надо было как-то выходить из положения.

— Ну хорошо, Рикарду Росс — мой шурин, это понятно. Но у нас нет никаких совместных дел. И я не имею с Dekker Ward ничего общего. У нас с Рикарду слишком разные взгляды на бизнес. — Он с заговорщическим видом наклонился вперед: — Его стратегия, скажу вам откровенно, для меня слишком агрессивна. Я предпочитаю более консервативные методы.

Я чуть не поперхнулся кофе. Луис поднялся с дивана.

— Что ж, спасибо, что уделили нам время. Не сомневаюсь, что похитители в самом скором времени свяжутся со мной, чтобы сообщить, устраивают ли их эти условия.

Франсиску тоже встал. Он был явно сбит с толку. В итоге он избрал тон сочувственной озабоченности:

— Я по-прежнему не понимаю, почему вы сочли необходимым рассказать мне обо всем этом. Но я очень сожалею о том, что случилось с вашей дочерью, Луис.

И надеюсь, что скоро она вернется к вам живой и здоровой.

— Я тоже, друг мой, я тоже. — Впервые за все время в голосе Луиса послышалась яростная нотка.

Мы направились к дверям, и тут я решил внести свою лепту.

— Кстати, сеньор Араган, молодой человек, которого мы встретили здесь на лестнице, это не ваш сын?

— Да. Франсиску-младший. В этом году заканчивает школу.

— А...

Я многозначительно улыбнулся, и мы распрощались, оставив Франсиску-старшего в полной растерянности.

Возвращаясь, мы подобрали изнывающего от любопытства Нельсуна.

— Изабель у него, это ясно как божий день, — резюмировал я наш визит.

— Не знаю, как я сдержался, чтобы не задушить негодяя, — прорычал Луис. — Вместо этого сидеть и улыбаться вору!

— Думаешь, он согласится?

— Надеюсь. Уж больно внимательно он слушал. Но он ли принимает решения? Может быть, последнее слово как раз за Россами. А они вряд ли захотят, чтобы именно я прибрал к рукам Dekker.

— Но Франсиску мог бы и в этой ситуации действовать самостоятельно, если бы решил, что это для

него лучший выход, — подал голос Нельсун. — То есть освободить Изабель, позволить тебе приобрести Dekker, забрать деньги и смыться.

— На это и остается надеяться, — сказал Луис. И добавил негромко: — Как хочется упечь его за решетку...

В сложившейся ситуации Франсиску будет вынужден положиться на добрую волю Луиса — на то, что после освобождения Изабель он не передаст данные о счетах Dekker властям. Он может решить, что для него выгоднее заставить нас искать способы, как затянуть всю операцию по поглощению, чтобы потом вообще ее отменить. Ведь если Dekker все-таки будет куплена, а доверия к нам у Франсиску не будет, какой смысл оставлять Изабель в живых? Он был не из тех, кого убийство человека в состоянии лишить сна.

Луис решил наведаться в банк, а мы поехали домой. Ждать новостей.

— Друзья мои, я переговорил с лордом Кертонем. Он не возражает против того, чтобы рассмотреть наше предложение. Но он хочет встретиться со мной и кем-нибудь из руководителей KBN.

— И ты полетишь? — утвердительно спросила Корделия.

— Придется. Я очень хотел бы остаться здесь. Но Лондон сейчас важнее. Нам нужно купить Dekker и убедить Франсиску, что все следы его вкладов и операций будут уничтожены.

Луис торопливо собирался, когда раздался звонок. Зико.

Нельсун слушал разговор по параллельной трубке. Я, как обычно, наблюдал. Их лица мрачнели с каждой секундой. Луис попытался что-то возразить, но разговор, как выяснилось, уже закончился.

— Что он сказал? — спросил я, когда обе трубки легли на рычажки.

— Сказал, что никаких — абсолютно никаких — изменений в их требованиях не будет. *Покупка — неважно, кем именно, — не должна состояться.* Иначе...

Мое сердце словно сдавило тисками.

— Они собираются ее отпустить?

— Нет. Она останется у них до тех пор, пока будет существовать хоть какая-то опасность для автономности Dekker.

— Он упоминал Арагана?

— Нет. Я сам спросил о нем, но Зико ответил, что впервые о таком слышит.

Мы подавленно переглядывались. Корделия закусила губу, стараясь не разрыдаться.

— Значит, он решил, что такая игра ему не выгодна.

Луис слабо улыбнулся.

— Попытаться все-таки стоило, Ник.

Я тоже заставил себя изобразить хоть какое-то подобие улыбки. Да, стоило, подумал я. Но не сработало.

Луис тяжело вздохнул.

— И что же теперь?

Нельсун пожал плечами.

— Тебе все равно надо лететь в Лондон. Хоть какая-то отсрочка.

— Тоже верно.

Уже на пороге, перед выходом, Луис вдруг остановился и поочередно заглянув каждому из нас в глаза, попросил:

— Ищите. И найдите ее, ради Бога найдите.

Пролетел вторник, не принеся ничего нового. Корделия и Нельсун приехали на квартиру Луиса, где я остановился, в среду утром. На этот день была назначена встреча с Кертоном. Луис позвонил, как только освободился.

— Мы в игре, но пока ничего нельзя сказать наверняка. Я предложил двадцать миллионов фунтов с условием контрольной финансовой проверки. Его это заинтересовало. Но он сказал, что хочет дать Штально еще один шанс. В общем, будет аукцион. Конверт от нас и конверт от Bloomfield Weiss.

— Сколько времени нам это дает?

— Неделю. Аукцион состоится в следующую среду.

— Только неделю?! — задохнулся я.

Не знаю почему, но я надеялся, что мы можем получить и месяц. С другой стороны, учитывая, что мы нисколько не продвинулись в своих поисках, неделя или месяц — разницы никакой.

Луис вздохнул.

— Сделку нужно завершить до конца месяца. Тридцатое июня — это срок подачи отчетов контролерам. А уж тогда никаким чудом убытки не спрячешь.

— А ты сможешь через неделю предложить больший бид?

— Думаю, да. Рынок, похоже, начинает стабилизироваться, поэтому в КВН почувствовали себя более уверенно. Мы проработали структуру взаимного контракта, которая позволит им получить солидную прибыль, если дела в Dekker, после того как мы его купим, пойдут как надо. И еще я предложил лорду место в директорате.

— Ну уж это ему наверняка пришлось по душе.

— Похоже на то. Вообще, мы нашли общий язык.

А что у вас?

— Пока ничего.

— Ничего? Совсем ничего?

— Прости, Луис. Мы пытаемся. Но создается впечатление, что никто ничего не знает.

— *Merda!* — пробормотал он.

— Что-нибудь все равно прояснится.

— Надеюсь, Ник. Очень надеюсь.

И кое-что действительно вдруг прояснилось. Наутро в четверг одному из подопечных Корделии удалось что-то выяснить. Он согласился поговорить с нами, но только в стенах приюта.

Нельсун повез меня в фавелу. День был пасмурным, моросило. Движение напоминало одну большую пробку. Самые безнадежные заторы возникали в горных тоннелях. Но в конце концов мы добрались.

Мы шли по той же тропе, по которой поднимались два месяца назад с Изабель. Тогда день был жарким, сегодня — влажным и дождливым. В воздухе витали миазмы прокисшего под дождем мусора. Стайки под-

ростков внимательно наблюдали, как мы с Нельсуном, пыхтя, взбирались на вершину холма. Я чувствовал себя мишенью. Лопатки невольно сводило в ожидании выстрела.

Окутанные грязной дымкой лачуги густо облепили склон. Нас уже ждали.

— Пойдемте.

Корделия привела нас в маленькое складское помещение, до потолка набитое коробками со школьными принадлежностями и консервами. На одной из коробок сидел худенький мальчишка лет двенадцати. Я сразу же узнал его. Эуклидис.

— Привет, ми-и-истер, — он криво улыбнулся.

— Привет.

Корделия и Нельсун заняли два стула, больше здесь не было, я устроился на корточках возле стенки. Корделия представила Нельсуна пареньку, который смотрел на него с выражением крайней подозрительности. Он безошибочно узнал в моем спутнике бывшего полицейского.

Нельсун терпеливо задавал вопросы. Мальчишка отвечал резкими односложными словами, лишь единожды дав чуть более обстоятельный ответ, когда Корделия попросила его об этом. И, хотя я не понимал ни единого слова, я видел, как складываются отношения между этой троицей. Эуклидис не доверял Нельсуну, но Корделию боготворил, хотя и пытался это скрывать. Взгляды, которые он время от времени бросал на нее в поисках одобрения, и то, как он реагировал на ее про-

сьбы, выдавали его детскую привязанность. Но глаза оставались жесткими и настороженными. Что такое насилие, паренек знал не понаслышке.

— Что он говорит? — спросил я Нельсуна во время одной из пауз.

— Говорит, что знает одного из тех, кто напал на тебя. Все было спланировано заранее. Организовал это некий тип, которого здесь называют Борболета. Он главарь банды в одной из соседних фавел.

— Ты когда-нибудь слышал о нем?

— Нет. Борболета не имя. Это по-португальски просто бабочка.

— А почему его так зовут?

Нельсун перевел мой вопрос, на который паренек ответил довольно охотно.

— Раньше он был футболистом. И, кажется, хорошим. Никто не мог догнать его с мячом.

— Это может быть Зико.

Нельсун на секунду задумался.

— Может. Но у настоящего Зико миллионы поклонников. Любой болельщик мог бы взять такой псевдоним. А уж болельщиков в этой стране хватает.

— Так он знает, кто похитил Изабель или нет?

Нельсун вздохнул.

— Говорит, что вообще ничего не знает об Изабель.

— Так попроси его узнать.

Нельсун пожал плечами и что-то сказал по-португальски. Ответ последовал сразу. *Não.*

— Почему «нет»? Спроси, почему он не хочет этого сделать.

— Он говорит, что его друг мог бы что-то выяснить. Но Эуклидис не хочет задавать слишком много вопросов. Это опасно.

— Скажи, что речь идет о сестре Корделии. Ее единственной сестре. Он должен помочь нам найти ее.

Отчаяние в моем голосе заставило Эуклидиса наконец-то обратить на меня внимание. Он впервые посмотрел в мою сторону, потом бросил виноватый взгляд в сторону Корделии и неопределенно пожал плечами.

— У него есть сестра?

— Да, — сказала Корделия. — Она тоже живет здесь.

— Не рассказывай мне. Спроси его самого об этом.

Паренек кивнул.

Я начал задавать вопрос за вопросом, попросив Нельсуна переводить их сразу же.

— Как ее зовут?

— Марта.

— Сколько ей лет?

— Восемь.

— Ты ее любишь?

Пауза.

— Да.

— Ты любишь Корделию?

Снова пауза.

— Да.

— Если бы пропала твоя сестра, ты бы стал ее искать?

Он молча смотрел на меня в упор. Я выдержал взгляд цепких карих глаз. Для ребенка двенадцати лет в них было слишком много: бравада, страх, загнанность. Но и прятавшееся за всем этим человеческое тепло.

— Корделия спасла жизни многим детям, живущим здесь. И сейчас ты можешь помочь ей.

Нельсун внезапно наклонился и вынул из пристегнутой к лодыжке кобуры маленький револьвер. Металл тускло поблескивал в слабом свете складского помещения. Он протянул револьвер Эуклидису. Сказать, что мы с Корделией остолбенели, значит не сказать ничего.

Мальчишка деловито засунул смертоносную игрушку за пояс.

— Ладно. Я найду ее.

Прошла пятница, потянулись выходные. Луис задержался в Лондоне. Эуклидис пока не давал о себе знать.

Я сидел дома, когда вдруг прорезался Зико.

— Аллю?

— Это еще кто? — Голос был низким и угрожающим.

— Ник Эллиот. Луис сейчас в Лондоне.

Оказалось, что Луис предупредил Зико, что во время его отсутствия переговоры можно вести со мной. Зико, как выяснилось, говорил по-английски.

— Покупка прекращена?

Его английский был правильным, но медленным, словно он проговаривал про себя каждую фразу, прежде чем ее произнести. А вот акцент был очень сильным. «Прекращена» он произнес как «прекраш-тена».

— Еще нет. Но Луис будет тянуть время и делать новые предложения до тех пор, пока конкуренты не отступятся.

— Ясно. Что ж, надеюсь, вам это удастся. В противном случае ты сам знаешь, что будет. Никто, никто, ты понял, не должен трогать Dekker.

— Я понял.

В трубке раздались короткие гудки.

Что же делать, лихорадочно соображал я, что же делать? Вариантов всего два. Либо компанию купит Шталь, либо компанию купит Луис. Третьего не дано. Ни один из возможных вариантов Зико не устроит. Меня передернуло. Почему молчит Эуклидис? Удалось ли ему хоть что-нибудь узнать?

Корделия с мужем приехали в пятницу вечером. Как они сказали, чтобы мне было не так одиноко и чтобы быть поближе к «штабу». Фернанду привез с собой русское издание «Доктора Живаго», которое одолжил у кого-то из коллег в университете. Я был благодарен ему за это. Конечно, роман я читал и прежде, но, перечитывая ее заново, я мог хотя бы на полчаса спрятаться в мире прошлого от неумолимости мира настоящего.

— Ты не думаешь, что Эуклидис, обзаведясь револьвером, теперь просто взял и удрал куда-нибудь вместе с ним? — спросил я Корделию за ужином.

— Не думаю. Он бесстрашный до абсурда и ужасно этим гордится. Для многих ребят его круга это важно.

— Похоже, твоим землякам совсем не ведом страх смерти.

— Наверно. Жизнь здесь недорого ценится. Ты знаешь, что такое трейн-серфинг?

— Нет.

— Любимый вид спорта уличной детворы. Они на ходу впрыгивают в поезд и взбираются на крыши вагонов. Поезд движется и в какой-то момент должен проезжать через тоннель. И эти дети соревнуются друг с другом, кто спрыгнет последним. В этой игре они погибают десятками каждый год. Эуклидис, кстати, считается одним из лучшим трейн-серферов.

— Но отыщет ли он Изабель?

— Ради меня он сделает все, что в его силах.

— Он очень привязан к тебе.

Корделия вдруг вся как-то поникла.

— Я знаю. Поэтому он берет пистолет и рискует жизнью, шныряя среди людей, которые убьют его на месте, если узнают, чем он сейчас занят. А в один прекрасный день он ведь и сам пустит этот пистолет в ход, не сомневайтесь.

Фернанду накрыл ее ладонь своей.

— Нельсун правильно поступил, что отдал ему пистолет, *minha querida**. Трущобы все равно что джун-

* Моя дорогая (португ.).

гли. Это тебе не обычный, нормальный, человеческий мир. Здесь другие законы. Ты сама знаешь.

— Я знаю. Я видела, как другие прибегают к жестокости, ножу, пистолету. Я просто никогда не думала, что стану такой же...

После ужина, когда мы сидели на балконе и пили *caipirinhas*, я заметил, что Корделия с улыбкой наблюдает за мной. Эта улыбка немного напоминала улыбку ее сестры, хотя и была более уверенной в себе, более открытой. И все-таки она была напоминанием об Изабель и уже потому вызывала приятное чувство.

— Забавно. Наконец-то я встретила с кем-то из бойфрендов своей сестры.

— Она их так хорошо прячет?

— Она говорит, что их у нее просто нет. Во всяком случае, с тех времен, когда она была с Марселу.

— Мне она сказала то же самое. — Я решил не упоминать Росса. — А что за птица этот Марселу?

— Красивый. Очень красивый. Но, к сожалению, он и сам об этом знал. — Корделия поморщилась. — Сестренка была от него совершенно без ума. Думаю, когда они были вместе, он, пожалуй, любил ее. Но как только она уехала в Штаты, его внимание сразу переключилось на других ценительниц его неотразимой физиономии. Изабель тяжело это переживала. Хорошо, что они все-таки не поженились.

С этим я был вполне согласен.

— Не знаю, гожусь ли я на эту роль.

— Бойфренда? — Корделия лукаво прищурилась. — Очень даже, если она хоть что-то понимает в людях. А в людях она разбирается хорошо.

— Посмотрим.

Эти дни нас как-то особенно сблизили. Я уже чувствовал себя частью этой семьи. Но слова Корделии не только вселили в меня надежду, но и обеспокоили. Мне часто казалось, что я почти не знаю, какая она — Изабель. Она провела в плену больше времени, чем мы были знакомы. Если удастся выволить ее, получится ли что-нибудь из наших отношений? Что я могу ей предложить? Нищий, безработный преподаватель никому здесь не нужного языка? И все-таки я не терял надежды. Главное — выволить ее живой, остальное приложится.

В воскресенье вестей от Эуклидиса по-прежнему не было. У нас оставалось три дня.

В понедельник утром Корделия отправилась в приют. Она позвонила, как только добралась. Как выяснилось, Эуклидис уже ждал ее. Он нашел Изабель.

На сей раз парнишка был гораздо разговорчивей, а глаза его блестели от пережитых приключений. Его приятель не знал, где прячут пленницу, зато знал двоих из похитителей, и он согласился показать место, где они ставят свой грузовичок, вечно набитый каким-то мусором. В воскресенье Эуклидис спрятался в кузове. Машина бандитов направилась за город к холмам. В какой-то момент они вырулили через какую-то деревню на размытую грунтовку и остановились у за-

брошенной фермы. Эуклидис запомнил название деревни. К счастью, его не обнаружили, но он похвастался, что припас на этот случай байку о том, что якобы просто хотел выбраться из города. Я содрогнулся при мысли о том, что могло его ожидать, если б его поймали и не поверили.

Деревушка называлась Сан-Жозе.

Эуклидис вызвался быть нашим проводником. По дороге Нельсун купил мне бейсбольную кепку, которая хотя бы частично скрывала английскую бледность. Часа полтора мы ехали в северном направлении, через холмы, пастбища и лес, пока не добрались до Сан-Жозе.

Это была всего лишь горстка домишек с выбеленными стенами, оранжевыми крышами и ярко-голубыми дверями, примостившаяся у входа в долину. На холмах мирно паслись овцы. Эуклидис показал, как проехать через деревню к мосту. Мы переехали на другую сторону, и паренек дал команду остановиться. Разбитая, в вымоинах и колдобинах дорога вела вправо. Она серпантинном извивалась по склону и уходила через пастбище мимо двух небольших ферм, обрываясь почти у самой вершины, у одинокого белого домика.

— *La**.

На обратном пути мы до хрипоты спорили о том, что делать дальше.

— Нужно идти в полицию, — настаивал Нельсун. — У нас нет выбора. Сегодня понедельник. Оста-

* Там (*португ.*).

лось меньше двух дней. Мы должны освободить ее до того, как они истекут.

— Но ведь ты помнишь, что случилось в прошлый раз, — возразил я. — Кто-то дал знать похитителям, и Изабель едва не погибла. На этот раз они наверняка ее убьют.

— Риск есть. Но у ребят большой опыт в подобных делах.

— Брось, Нельсун. Я могу представить эту операцию. Твои мачо ворвутся внутрь, паля налево и направо, и еще неизвестно, кому достанутся их пули.

— Говорю тебе, это может сработать. Здесь важна неожиданность.

— Но ее-то скорее всего и не будет! Кто-нибудь из скромных служащих местной полиции успеет предупредить гадов.

— Я поговорю с да-Сильвой. Мы не скажем, кого собираемся освобождать до самого последнего момента. В Рио постоянно ищут заложников. Даже если кто-то из кротов и пронюхает об операции, откуда ему знать, за кем поехали на это раз. А когда придет группа захвата на место, будет уже поздно.

Эуклидис на заднем сиденье внимательно прислушивался к нашему спору, хотя ни слова не понимал.

— Ник, я разделяю твои опасения. Но если мы оставим Изабель там, где она сейчас, ее убьют почти наверняка. А так у нее появляется шанс выжить, как ты не понимаешь?! Надо еще обсудить это с Луисом, а потом я позволю да-Сильве.

Я промолчал, признавая таким образом его правоту. Риск, конечно, огромен. Поэтому последнее слово должен сказать Луис.

Идея штурма негласно витала в воздухе с самого начала. Все понимали, что как только мы найдем, где ее прячут, операция по освобождению должна начаться сразу же. Но все это время все мы цеплялись за надежду вообще найти ее. Теперь же, когда мы знали, где она находится, и надо было предпринимать что-то, чтобы выволить ее из плена, риск, связанный с этим, внезапно стал ощутимым и очень серьезным.

Я подумал о Россах и понял, что готов растерзать их своими руками. Они, именно они были виноваты во всем. Они — и Франсиску. Черт, ведь у него у самого сын. Хотел бы я, чтобы он почувствовал то, что все эти дни чувствовал Луис.

Конечно! Как я сразу не догадался!

— Нельсун, у меня идея.

Он обреченно вздохнул.

— Опять? Ник, у нас слишком мало времени для новых идей.

— Ты послушай. Эта сработает.

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,2918
0,6135
0,1527

0,7733
0,9615
0,5312
0,0197

0,4391
0,4583
0,9913
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733

0,9615

0,5312

0,0197

0,
0,4583
0,
0,9913

29

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589
6308
4986
3527

Корделия осталась дежурить у телефона. Нельсун, его помощник Роналду, Эуклидис и я караулили в машине — одной из двух, которые Нельсун купил вчера у знакомого угонщика. Луис все еще был в Лондоне, в отеле Savoy, где ему оставалось только молиться за успех нашего предприятия. Мы были вооружены пистолетами. Эуклидису позволили поехать с нами при условии, что он на время оставит свой драгоценный револьвер Корделии или где сам сочтет возможным. Сам паренек мог нам пригодиться.

Прежде я никогда не держал в руках оружие. Я сунул его за пояс джинсов, прикрыв рубашкой, которую надел на выпуск. Пистолет оказался тяжелым. Холодный металл быстро нагрелся от моего тепла. Нельсун на скорую руку повел со мной ликбез, показал, как и на что нажимать.

Мне было по-настоящему страшно. Сейчас на кону стояла и моя жизнь. Но я ощущал и возбуждение. Впервые я чувствовал, что делаю что-то действительно стоящее. Нельсун был спокоен, собран, расчетлив в движениях. Худощавый, с неприметным помятым лицом и тонкими усиками, Роналду невозможно смотрел на проносящиеся мимо автомобили.

Наша машина стояла неподалеку от дома Арагана. Да, такие дела наспех не делаются. С другой стороны, никакой ювелирной работы не предполагалось. Главное — застать противника врасплох. Быстро и эффективно. Нам не нужно было прятаться, скрывать лица, прилагать усилия к тому, чтобы оставаться неизвестными. Вряд ли *это* дело дойдет до полиции.

Наступил вторник. Рассветное солнце еще только начинало свой путь, первые тени легли поперек дороги. В полседьмого ворота распахнулись, и из них выехал маленький серый «рено». Дороги были свободны. Кто-нибудь наверняка нас заметил, но Нельсун был спокоен: нормальная реакция бразильцев в такой ситуации — ехать мимо и не вертеть головой по сторонам.

Когда автомобиль Арагана свернул влево, к спуску с холма, Нельсун завел двигатель. Он разогнался и с силой прижал «рено» к стене. От удара ремень безопасности больно врезался мне в грудь и плечи. Я мигом отстегнулся и выскочил из машины. Нельсун меня опередил. Франсиску-младший был не пристегнут и поэтому впечатался лицом в руль. Он был без сознания, с уголков губ стекала кровь. Роналду с Нель-

суном вытащили его из машины, а я побежал ко второму автомобилю, припаркованному чуть ниже по дороге. Эуклидис уже успел открыть багажник, и мы забросили юного Арагана внутрь раньше, чем он успел понять, что вообще происходит. В следующее мгновение нас здесь уже не было.

Роналду показал себя виртуозным водилой. Нельсун позвонил Корделии сообщить, что дело сделано.

Из багажника раздавались приглушенные невнятные звуки, особенно их было слышно, когда мы останавливались на красный свет. Но на нас никто не обращал внимания.

Прошла целая вечность, прежде чем мы выбрались из Рио. Большую часть пути мы двигались в направлении, обратном тому, в котором вливались в город машины в час пик. Время казалось резиновым. Я сидел в каком-то оцепенении. Сцепленные пальцы побелели от напряжения, а пистолет больно впивался в бедро. То ли дело мои спутники. Этим все было нипочем. Они безмятежно улыбались и смотрели перед собой. Молча.

Примерно через час после того, как мы выехали из Рио, запиликал телефон Нельсуна. Он перебросился парой фраз с невидимым собеседником и сунул мобильник в карман.

— Корделия связалась с Франсиску.

— Что он сказал?

— Говорит, что ему нужно подумать. Дескать, а вдруг это засада на него. Корделия объяснила, что,

если бы мальчишку хотели убить, то придумали более простой способ. Она дала ему десять минут.

Семьям похищенных первым делом советуют не торопиться принимать первые же требования преступников — и Франсиску это хорошо знал. Но мы не требовали денег. Мы хотели, чтобы он отправился в определенное место и взял приготовленную для него записку.

Через пятнадцать минут Корделия перезвонила.

Нельсун послушал, что она говорит, и довольно ухмыльнулся.

— Он согласен.

Через полчаса мы были километрах в двадцати от Сан-Жозе. Мы встали на обочине так, чтобы было видно заправку, на которой красовался знакомый оранжевый с зеленым знак *Petrobrás*. Араган должен остановиться у заправки и ждать дальнейших инструкций. Обслуге бензоколонки в количестве двух человек заранее заплатили за то, чтобы они ничего не видели и не слышали.

Мы вытащили Франсиску-младшего из багажника, дали ему воды, сунули в рот кляп, связали руки и снова затолкали в багажник.

Я успел рассмотреть его поближе. Щека опухла, но кровь уже не текла. Он смотрел на нас круглыми от страха глазами и умоляюще бормотал что-то по-португальски. Мне было жаль парня. В конце концов, он не виноват, что у него такой отец. Если все пойдет как надо, он скоро окажется дома.

Роналду курил одну сигарету за другой, а пару раз, стрельнув сигареты у напарника, закурил и Нельсун.

— Не знал, что ты куришь, — удивился я.

— А я и не курю.

Франсиску был уже в паре километров отсюда. Корделия еще не сказала, где ему нужно остановиться. Связь была постоянной. Нельсун достал бинокль.

Через пять минут к бензоколонке подъехал синий автомобиль и остановился. Рабочий-заправщик тут же испарился. Из машины никто не выходил, но я видел, что в ней сидит только один человек. Мы выждали десять минут, чтобы убедиться, что никто не последовал за Франсиску. Ну, тронулись.

Араган то смотрел на часы, то начинал нервно озираться. Заметил.

Мы с Нельсуном вышли из машины, то же самое сделал Франсиску. Ему было явно жарко: крупные капли пота стекали по его лысине, придавая ей неопрятный засаленный вид. Он никогда прежде не видел Нельсуна, но меня узнал сразу и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и промолчал. Он все еще не знал, какой информацией располагаем мы.

— Спасибо, что приехали, — я ласково улыбнулся. — Не возражаете, если мы обыщем вас и ваш автомобиль?

— Это произвол, — успел выкрикнуть толстяк, но Нельсун уже прижал его к капоту и не торопясь, обстоятельно стал прощупывать одежду. Араган дернулся пару раз, но, осознав безнадежность своих действий,

быстро уgomонился. Я осмотрел машину. В бардачке лежал пистолет, я вручил его Роналду.

— Где мой сын?

Нельсун приглашающим жестом открыл багажник. Франсиску-младший дергался и мычал, но, увидев отца, умолк.

— Отпустите его немедленно!

— Отпустим, — пообещал я. — Всеу свое время. Сначала мы кое-куда съездим. На вашей машине.

Мы с Франсиску загрузились на заднее сиденье. Нельсун вручил заправщику деньги — очевидно, премия в придачу к тому, что тот уже получил раньше, — и сел за руль. Роналду, Эуклидис и, конечно же, наш трофей, по-прежнему лежавший в багажнике, ехали следом.

Рубашка Арагана насквозь промокла от пота. Стиснув зубы, он мрачно наблюдал за маршрутом.

Чем выше мы забирались в гору, тем серее становилось небо. Солнце исчезло. Мы ехали по верхнему краю широкой долины, вдоль которой текла бурная река. По обе стороны долины земля была возделана, и каждые несколько километров нам попадалась очередная небольшая деревушка. Ближе к вершинам холмов травянистый покров сменился плотной стеной деревьев. Мне вспомнилась ночь, когда я плутал в темноте Тижуки.

Вот и Сан-Жозе. За фермами Нельсун заглушил двигатель. В четверти мили от нас стоял заброшенный домик. Еще выше были уже только деревья и скалы, а долина сливалась с горным склоном.

Я открыл дверцу машины и жестом велел нашему невольному пассажиру выйти.

Здесь было прохладно. Трава и грунтовая дорога блестели от росы. Под небольшим мостом мутный ручей торопливо сбегал к Атлантическому океану. Тишину нарушало лишь далекое урчание трактора, плеск воды и бляение овец. Все будто вымерло. Две большие, похожие на ворон, птицы кружились над белым домиком.

— В том доме, вон там, сидит похищенная Изабель Перейра, — сказал я. — Вы должны ее освободить.

Франсиску запротестовал.

— Я уже сказал, что не имею никакого отношения к ее похищению! Я не могу освободить ее. Верните моего сына. Немедленно!

— Нет, дорогой мой, — мне все труднее удавалось сохранять спокойствие. — Сейчас ты пойдешь к этому дому и объяснишь людям в нем, что им нужно отпустить пленницу. Твой сын у нас. Как только Изабель начнет спускаться к нам, мы пошлем твоего сына наверх. Даю слово, полиция ничего не узнает. Тебе и всем тем, кто сейчас находится наверху, не причинят никакого вреда.

— Да вы сдурели все, что ли? — Голос Арагана сорвался на визг. — При чем тут я? Я ничего не знаю!

Я посоветовал ему заткнуться.

— Думаю, ты найдешь способ убедить их отпустить Изабель. Мы подождем. Кстати, если через десять минут она не появится, мы уедем. Вместе с твоим сыном.

— И что вы с ним сделаете?

— Это решать Луису. Ты ему не нравишься. И вряд ли он будет тебе сочувствовать. А теперь шевелись.

Я подтолкнул Франсиску по направлению к домику.

Он двинулся вверх по склону быстрым шагом, размахивая руками. Когда он приблизился, дверь приоткрылась, и он исчез внутри.

Хороший знак. Ясно, что кто бы там ни был, они знают нашего гонца. Хотя я и не поверил его яростным протестам, в глубине души все-таки зашевелилось беспокойство: вдруг он и в самом деле непричастен, и мы совершаем чудовищную ошибку?

Нельсун выволок Франсиску-младшего из багажника и поставил его посреди дороги, повернув лицом к заброшенному белому домику.

Теперь мы ждали на дороге вчетвером: Роналду, Нельсун, я и перепуганный паренек.

К двум черным птицам присоединилась еще пара таких же. В нашу сторону двигался трактор, но он вскоре свернул к первой ферме. Мы были видны как на ладони.

Я не сводил глаз с дверей заброшенной фермы. Впрочем, ферма — это слишком сильно сказано. Скорее, двухэтажная хибарка. Наверное, пара-тройка закутков на каждом этаже. Краска на стенах облупилась и теперь свисала лохмотьями, обнажая серый цемент. Я поежился, не дай Бог оказаться запертым здесь на два месяца. Рядом с домом стоял красный грузовичок — видимо, тот самый, на котором сюда добирался тайком Эуклидис.

Мои нервы были натянуты как струна. Причиной был не только вполне понятный страх за жизнь Изабель — хотя и этого достаточно. Но сейчас, когда она вот-вот должна появиться, именно сейчас я запаниковал. Причинили ли ей боль, изнасиловали, изувечили? Как она меня встретит? Горько осознавать себя эгоистом, но я ужасно боялся обнаружить, что, возможно, ничего для нее не значу. И никогда не значил.

Но где же она? Я посмотрел на часы. Десять минут прошли. Пусть даже несколько из этих минут ушли на то, чтобы Франсиску, пыхтя, поднялся вверх по холму, — но им пора ее выпустить.

Я повернулся к Нельсону.

— И что дальше?

Он тоже посмотрел на часы.

— Дадим им еще немного времени. Возможно, они обсуждают, как лучше все сделать. Но мы не можем оставаться здесь слишком долго.

Я с беспокойством посмотрел на дорогу. Машин почти не было, но чем черт не шутит. Если те, кто в доме, успели связаться с сообщниками, те уже в пути. Другой вопрос, что путь им может предстоять неблизкий, но все же...

Даже если мы ее не дождемся, это еще не значит, что все потеряно. Франсиску-младший по-прежнему будет у нас, а пока он в наших руках, Изабель в безопасности. Но играть в такого рода игру долго не получится, и не только потому, что мы не приучены похищать чужих детей. Но нас теперь знают в лицо.

Они начнут искать нас, искать паренька — а их методы вряд ли будут отличаться гуманизмом. Нет, такого поворота событий надо избежать любой ценой.

Я снова посмотрел на Нельсуна. Он пожал плечами. Наш юный пленник страшно трусил, даже губу себе прокусил от страха, бедолага.

Вдруг он напрягся. Я быстро обернулся и увидел, как дверь домика открывается. Чьи-то руки вытолкнули какую-то фигуру. Тонкую, хрупкую. Изабель.

Я повернулся к Нельсуну. Он без церемоний придал ускорение пареньку. Обмен был в самом разгаре.

Я прикинул, что между нами и фермой было метров четырехста. Мальчишка, хотя ему предстоял подъем, двигался быстрее, чем Изабель, и должен был оторваться от нас раньше, чем она от своих похитителей.

Внезапно от дверей отделился какой-то человек и рванул вниз по склону. Высокий, подвижный, спортсмен, что ли? За ним, что-то крича, бежал Араган-старший.

— Беги, Изабель, беги! — запоздало закричал я.

Она споткнулась, повернула голову, увидела преследователя, и только тогда ускорила темп. Франсиску-младший мчался как ветер.

Черт бы их всех побрал! Я не мог стрелять в мальчишку, но если он уйдет, все наши усилия пойдут псу под хвост. Я должен поймать его раньше, чем он добежит до спортсмена.

Меня словно ветром сдуло с места.

Сзади раздались два выстрела. Нельсун стрелял в сторону Франсиску-младшего, и я увидел, как фонтанчики грязи взлетели вверх слева от него. Разумеется, он не собирался убивать беглеца, но выстрелы только заставили парня бежать еще быстрее.

Быстрее — но не так быстро, как я. Расстояние между нами неуклонно сокращалось. Пистолет за поясом ужасно мешал, но я не решался его выбросить. Парень был длинноногим, но явно уделял недостаточно внимания спорту, к тому же руки у него по-прежнему были связаны, а кляп наверняка затруднял дыхание. Спортсмен наконец настиг Изабель, набросился на нее, и они оба упали на землю. Пока они пытались подняться — всего в нескольких метрах от нас, — я буквально на лету успел поймать мальчишку за ногу. Он тоже полетел на землю, и я тут же оказался сверху, приставив пистолет к его виску. Предохранитель был предусмотрительно снят.

Араган-младший был еле жив от страха и боялся шевельнуться. Его грудь бурно вздымалась. Изабель тем временем удалось встать на ноги. Но преследователь уже обхватил ее шею левой рукой, держа в правой пистолет, который нацелился ей в голову. Изабель с ужасом смотрела на меня. Я попытался приободрить ее хотя бы взглядом, но не успел. Бандит потащил ее обратно. Теперь я смог рассмотреть его. Ему было лет тридцать, жилистый, крепкий парень.

— Стой! — заорал я. — Забери лучше мальчишку!
— Нет! Я забираю ее!

Голос был звучным и властным. Я узнал бы его где угодно. Зико.

Я рывком заставил мальчишку встать на ноги.

— Отпусти ее! — крикнул я. — Мы дадим вам уйти!

— Так я тебе и поверил. Может, полиция уже поджидает нас. Нет. Она пойдет со мной!

Они удалялись. Я со своим «прицепом» последовал за ними. На вершине холма маячил папаша Араган и какой-то подросток. Тоже из этих, наверное.

Мы приближались к ферме и красному грузовику.

— Стой! — резко выкрикнул я. — Иначе я застрелю его!

— Нет! — как резаный завопил паренек.

Зико дьявольски расхохотался.

— Да ради бога. Стреляй на здоровье, это же не мой сын.

Он смотрел мне прямо в глаза и откровенно издевался. Конечно же, я не мог стрелять. У меня бессильно опустились руки. Араган-младший тут же побежал вверх по склону навстречу отцу.

Зико тащил Изабель к грузовику. Она обернулась, в глазах стояла мольба.

Черт, черт, черт! Она здесь, рядом, в двух шагах от меня. Освобождение было так близко. Если бы не этот проклятый Зико, который сейчас просто уедет и увезет ее у меня из-под носа! И я ничего не могу поделать. Даже прицелиться. Раньше, чем я это сделаю, он убьет ее. И меня заодно. Весь мой опыт обращения с оружием сводился к ликбезу Нельсуна.

Что будет дальше? Возможно, он ее убьет. Или, наоборот, отпустит, когда в ней отпадет необходимость. Или отдаст ее за выкуп. У нее все еще есть шанс. Пусть уходят. Главное, сохранять спокойствие, тогда с ней все будет в порядке.

Я заметил какое-то движение за грузовиком. Тонкие загорелые ноги быстро метнулись к бочке с водой. Мгновение спустя из-за нее высунулись голова и короткий ствол серой стали. Эуклидис! Он все-таки взял с собой револьвер Нельсуна! Где же он его прятал? Только этого не хватало — малолетнего сопляка, которого потянуло на подвиги.

Зико обернулся, наши глаза встретились. Только бы он ничего не заметил.

— Не подходи! — крикнул он.

Я остановился.

Эуклидис бесшумно, короткими перебежками приближался к грузовику. По сей день я не знаю, что он задумал. Наверное, хотел спрятаться в кузове и уже по дороге напасть на ничего не подозревающего Зико. Внезапно мальчишка оступился, споткнувшись о кусок рифленого железа. Раздался скрежещущий звук. Зико крутанулся на пятках. Эуклидис растерялся и замер. Он направил револьвер на Зико, но не рискнул выстрелить, боясь попасть в Изабель. Зико молниеносно отвел ствол от виска Изабель. Один за другим раздались два выстрела. И детский крик.

Я плохо помню, что было дальше. Я действовал как в тумане. Каким-то чудом я успел нажать на курок

в тот самый момент, когда Зико поворачивался ко мне. Пуля попала ему в правое плечо, рука дернулась, из нее выпал пистолет.

Он на секунду отпустил Изабель и наклонился, чтобы поднять оружие. Я уже почти добежал до врага, но вдруг прогремел еще один выстрел. Голова Зико дернулась в сторону, и он рухнул.

Эуклидис лежал на земле. Револьвер его по-прежнему был нацелен на упавшего врага, и он счастливо улыбался. Трава вокруг него была забрызгана чем-то темным.

Я подскочил к безутешно рыдавшей Изабель.

— Цела?

Она подняла голову, и на ее лице, покрытом слезами, расцвела улыбка — улыбка, которую я за последние недели тысячи раз представлял в своем воображении.

Я опустился на колени рядом с умирающим мальчиком. Лужа крови расползлась на глазах. Я беспомощно гладил его руку. Эуклидис с усилием открыл глаза. Губы его зашевелились. Я наклонился.

— Я попал в него, ми-и-истер, — прошептал он.

— Да. Ты в него попал. Ты герой. — Слезы текли по моему лицу.

Я перевернул его лицом вверх и попытался заткнуть огромную рану в груди его же рубахой, чтобы как-то остановить кровотечение. Но это было бесполезно. Вместе с кровью на траву вытекала и его жизнь.

30

0,7733
0,4391
0,9615
0,4583
0,5312
0,9913
0,0197
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733
0,6308
0,4986
0,5312
0,0197
0,99

Изабель съехала на заднем сиденье нашей машины, невидяще глядя на дорогу. На рулем сидел Роналду. Нельсун остался наводить порядок. Работа ему предстояла изрядная. Обоих Араганов мы отпустили, сдержав таким образом свое обещание. В конце концов отец мальчишки свою часть договора тоже выполнил. Ведь это не он, а Зико в последнюю минуту бросился за Изабель. Продолжать обвинять Франсиску в похищении было бессмысленно. Это привело бы только к нескончаемым разборкам и прениям в полиции. А с нас уже было достаточно приключений.

И еще Нельсун пообещал привезти с собой тело Эуклидеса, чтобы похоронить его по-человечески.

Несмотря на выпавшие на ее долю испытания, Изабель выглядела лучше, чем я ожидал, разве что похудела не-

много. И еще в ней появились какая-то незащищенность.

Она улыбнулась мне и вложила свою ладошку в мою руку.

— Как же хорошо быть свободной.

Мне так много нужно было ей сказать, о стольком расспросить, но нужно было дать ей время прийти в себя. Я молча кивнул.

— А где отец?

— В Лондоне.

— В Лондоне?!

— Это долгая история. Корделия ждет нас у него дома.

— Как она? Я имею в виду...

— Не беспокойся, она в полнейшем порядке. Округляется с каждым днем.

— Хорошо. Он заплатил выкуп?

— Это еще одна долгая история.

— Расскажи.

— Я все расскажу позже, когда ты немного отдохнешь.

— Нет, сейчас.

И я рассказал ей все. О том, как требовали выкуп, о неудачной полицейской операции. О том, как внезапно появились новые требования, после того как я предложил Шталю купить Dekker. О том, что братья Росс и Франсиску наверняка приложили руку и к убийству Бельдекоса, и к нашему похищению, — чтобы предотвратить утечку информации о махинациях

с отмыванием денег. О том, как мы выкрали сына у Франсиску, чтобы вынудить его пойти на обмен.

Она слушала в полном изумлении.

— Значит, за всем этим стоял Рикарду? — Она произнесла это едва слышно.

— Боюсь, что да.

Она отвернулась к окну, за которым уже проплыли пригороды Рио.

— Подонок, — прошептала она. Потом снова повернулась ко мне: — Выходит, ты все-таки оказался прав.

— Сейчас неважно, кто прав, а кто нет. Я просто очень рад, что ты жива.

Она сжала мою руку.

— Спасибо. Спасибо тебе за все.

Когда мы прибыли на квартиру Луиса, поднялась волна радостных криков и восклицаний. Корделия надолго припала к сестре, а Мария приплясывала вокруг. Фернанду был здесь же. Общее возбуждение вывело Изабель из состояния полутранса, в котором она пребывала с тех пор, как ее освободили. Она заметно ожила. Вскоре она уже звонила Луису в его отель в Лондоне. Слезы ручьем текли по ее щекам. Португальские слова сыпались со скоростью сто миль в час, а я наблюдал за всем этим со счастливой глупой улыбкой.

Нашу радость омрачала только гибель Эуклидиса. Но мне показалось, что он сам рвался под пули. И наивно надеялся, что сможет застать врасплох зрелого

бандита. Двенадцать лет, всего лишь двенадцать лет. Он спасал сестру Корделии. И погиб с оружием в руках, все-таки застрелив противника. Наверняка он сам считал, что это самый достойный уход для мужчины. Но от этого было не легче. В разыгравшейся трагедии были виноваты все: и правительство, и обыватели, ускоряющие шаг, оказываясь в районах фавел. И больше всех мы трое — Нельсун, Корделия и я, давшие пареньку оружие и отправившие его на смерть.

Изабель надолго заперлась в ванной и лишь после этого поведала о своих злоключениях. Обращались с ней вполне сносно. Первые пару недель ее держали в палатке внутри какого-то подвала, а потом неожиданно перевезли на ферму, где держали в сарае с наглухо заколоченным окном. Бандиты постарались, чтобы у нее было тепло, электрический свет, еда и вода. Раз в день ей позволяли купаться, дали радиоприемник, книги, газеты. Своих похитителей она видела только в масках, — до самого последнего дня, когда наконец увидела лицо Зико, но она быстро научилась различать их по голосам. Ей показалось, что их было пятеро. Охраняли ее по очереди.

С самого начала она решила, что наилучшим шансом выжить будет абсолютное послушание. Изабель постоянно спрашивала, как идут переговоры, но ей ничего не отвечали. Единственным свидетельством того, что с ее отцом поддерживали связь, были те два вопроса, на которые она должна была ответить, чтобы мы убедились, что она жива.

Но, несмотря на все это, она сохраняла спокойствие. Подобные переговоры порой тянутся месяцами. Обо всем этом она рассказывала то по-английски, чтобы понятно было мне, то по-португальски — для Марии. Когда Изабель закончила свой рассказ, я незаметно выскользнул из комнаты, пусть наговорятся. Я прихватил бутылку пива и вышел на балкон.

Через несколько минут на мое плечо легла легкая рука.

— Привет.

— Привет.

Она привстала на цыпочки и приникла к моим губам долгим поцелуем.

— Ты даже не представляешь, как это прекрасно. Снова видеть все это. Море. Песок. Людей. Тебя.

Я едва не задохнулся от нахлынувшей на меня волны счастья. Я так долго мечтал услышать эти слова. Я притянул ее к себе, и мир вокруг перестал существовать.

Через некоторое время Изабель неохотно высвободилась из моих рук.

— И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю. Пока не думал.

Честно говоря, так оно и было.

— Ты все же думаешь, *Paraí* действительно купит Dekker?

— Скоро узнаем. Аукцион завтра после полудня.

— Значит, Рикарду все-таки проиграл? До сих пор не могу поверить, что это он. Похитить. Торговаться...

Конечно, между нами давно ничего нет, но... я думала, что все-таки хоть что-то для него значу.

— Ты ведь знаешь его. Когда на кону стоит Dekker, он способен на все. А ты выжила.

Изабель, задумавшись, нахмурилась.

— Да. Ты, пожалуй, прав.

Снаружи быстро темнело. На улицах зажглись фонари, выхватывая из темноты белые клочки пены на песке. Сколько раз я наблюдал ту же картину, думая об Изабель... А сейчас она стоит рядом.

Мои мысли обратились к Луису и завтрашнему аукциону. Я молился, чтобы победа досталась ему. Мне до смерти хотелось, чтобы жизнь ткнула Рикарду носом в простой факт: он не так уж неуязвим. Нельзя играть чужими жизнями и оставаться безнаказанным.

Похоже, Изабель задумалась о том же.

— Давай полетим в Лондон. Сегодня же. И поможем ему с аукционом.

— Но уже поздно. Тебе все-таки лучше сейчас отдыхать.

— Я уже наотдыхалась. Для него это очень важный момент. Кажется, есть десятичасовой рейс в Лондон. У нас еще куча времени.

— Уговорила. Летим.

Самолет прилетал в Хитроу около полудня. Луис пообещал встретить нас в аэропорту. Мы летели первым классом, и на этот раз я даже не стал возражать. Хотя она и утверждала, что отдохнула с лихвой, на-

пряжение двух месяцев давало о себе знать. Она проспала весь полет, а я перебирал в памяти события последних недель и мечтал о будущем.

Луис на голову возвышался над толпой встречающих. Они кинулись друг к другу, обнялись и долго стояли, словно боялись, что их разнимут. Он гладил ее волосы, в его глазах стояли непролитые слезы. Наконец он отпустил ее и пожал мне руку. Точнее сказать, сжал, и очень крепко. Человек, с которым я провел столько времени в последние недели, который согнулся, но не сломался под грузом обрушившегося на него несчастья, снова выпрямился и обрел силу.

Пока мы шли к машине отец и дочь оживленно болтали по-португальски. Но когда мы помчались по трассе, ведущей в Лондон, Луис перешел на английский.

— Я забронировал для вас номера в Savoy, так что жить будем в одном отеле. Я высажу вас там, а сам поеду в Сити.

— Как все идет?

— Пока успешно. Мы пригласили в качестве наших представителей Gurney Kroheim. Слышал о них?

Это была фирма, где раньше работал Джейми. Один из самых влиятельных коммерческих банков в Великобритании и надежный консультант в международных сделках.

— Приходилось. У них солидная репутация.

— Они ее заслуживают. KBN тоже в игре. Мы разработали довольно сложную схему офшорных ком-

паний и конвертируемых привилегированных акций. KBN получит экономический контроль над портфелем облигаций, не беря на себя напрямую убытки Dekker, которые съели бы их капиталы. KBN получает двадцать процентов Dekker, мы забираем остальные восемьдесят.

— А что говорят ваши нынешние партнеры?

— Слава Богу, они настроены очень оптимистично. В последние дни рынок серьезно поднялся. И, похоже, Конгресс намерен вообще забыть о билле Пиннока.

— Хорошая новость.

— Хорошая, но не очень. Хорошо здесь то, что вся наша задумка становится менее рискованной. Плохо, однако, то, что это повышает цену Dekker Ward. A Bloomfield Weiss способен заплатить больше, чем мы.

Шталь был безусловно более мощной фигурой, чем Луис. Но он не тот человек, который будет переплачивать за что бы то ни было. Так что наши шансы были совсем неплохи.

— Что Рикарду?

— Ничего. Кертон тешит себя иллюзией, что Рикарду до сих пор ни о чем не знает, но у меня на этот счет другое мнение. Я думаю, что он все еще пытается барахтаться. И надеется, что, пока существует угроза жизни Изабель, ради ее спасения мы найдем способ как-то поломать всю сделку.

— Да, но Изабель на свободе. И, естественно, он вот-вот об этом узнает.

— Да, — сказал Луис задумчиво. — Думаю, узнает.

— Ты спрашивал Франсиску о нем? — поинтересовался Луис.

— Честно говоря, нет. Франсиску, надо отдать ему должное, умен. Он ни разу не обмолвился, что причастен к похищению, не говоря уж о том, чтобы упоминать в этой связи кого-то еще.

— И ты просто его отпустил?

— Да, — сказал я. — Я пообещал ему это. И Нельсун меня поддержал.

— Жаль. Но все равно, в один прекрасный день он заплатит мне за все.

— Рикарду заплатит за все уже сегодня.

Луис рассмеялся.

— Это уж точно.

— Ты уже решил, какой будет твоя цена, *Рарай*?

— Еще нет. Это зависит от того, насколько окреп рынок. Мы решим этот вопрос перед самым аукционом.

— Во сколько начало?

— В пять. В Сити.

— А можно нам поехать с тобой? — попросила Изабель. — Мы не помешаем.

— Конечно, детка. Я тоже хотел бы, чтобы вы это видели, чем бы все ни обернулось. Подъезжайте к Gurney Kroheim, как только будете готовы.

Луис высадил нас у отеля. Он, конечно же, зарезервировал нам два номера.

— Во сколько встречаемся? — спросил я. — Ты, наверное, хочешь отдохнуть?

Изабель хитро улыбнулась и покачала головой.

— Как насчет через две минуты?

— Договорились, — сказал я.

Через полтора часа мы вышли на улицу. Честно говоря, если бы не Луис, мы бы еще неделю не выходили из номера. Как минимум неделю.

Главный офис Gurney Kroheim находился рядом с Dekker Ward. Конференц-залы были похожи как две капли воды. В холле баронеты в цилиндрах чопорно надзирали из своих золоченых рам за порядком. Внутри же на стенах висели только пейзажи викторианской эпохи. Кажется, здесь побывали чуть ли не все правили британского бизнеса. Здесь они сражались друг с другом, а ставка в этой драке была известной — съесть другого или быть съеденным самому.

В помещении было полно народу. Луис сел рядом с одним из своих партнеров, Сержиу Пренсманом, на плечи которого легла основная работа по выстраиванию беда, когда Луис занимался поисками дочери. Следом за Пренсманом устроились два ведущих сотрудника Ванко Horizonte. Они уже несколько суток подряд вводили в компьютеры все новые и новые данные. За этим же столом сидели два банкира из Голландии, несколько юристов и три человека от Gurney Kroheim во главе с самим директором. Его звали Чарльз Скотт-Лиддел.

Луис представил нас собравшимся. Свою дочь — с гордостью, меня — с благодарностью, как человека, который спас ей жизнь. Чувствовалось, что эти люди не просто работают на Луиса, а искренне любят его.

— Вы вовремя, — сказал Луис. — Мы как раз собирались обсуждать цену.

Мы заняли два свободных стула у дальнего конца длинного стола. Взоры всех собравшихся обратились к Луису.

— Итак, Чарльз, что мы имеем?

Скотт-Лиддел, классический образец банкира, еще раз взглянул на бумаги, испещренные цифрами.

— Мы ввели данные сегодняшних рыночных цен портфеля облигаций в нашу модель. Как и предполагалось, расхождение с предварительными оценками оказалось весьма, весьма существенным. Используя первую методику, мы получили оценку в шестьдесят три миллиона фунтов. Вторая же дала нам... — Он сделал паузу, листая бумаги. — Семьдесят два.

Да, по сравнению с прошлой неделей, когда мы были на двадцатимиллионной отметке, рынок явно укрепился.

Слово взял Пренсман.

— Меня гораздо больше устраивает первая методика. Я не доверяю оценкам на основе дисконтированного денежного потока. Я не вижу в них смысла.

— С одной стороны, ты прав. С другой, такой шанс предоставляется только один раз. Если нам удастся заполучить Dekker Ward, мы станем первым международным инвестиционным банком в Латинской Америке. А это дорогого стоит. Что мы можем себе позволить по максимуму?

— Семьдесят пять это предел, — сказал Сержиу. — Уйти выше означало бы, что активы по риску затрещат по швам. Ты же знаешь, мы всегда старались, чтобы наши балансовые отчеты были умеренными и взвешенными. Но в любом случае семьдесят пять миллионов за Dekker — это перебор.

Луис немигающим взглядом смотрел на цифры. Потом встал и подошел к окну.

Через минуту, не оборачиваясь, он жестко произнес:
— Предлагайте восемьдесят.

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

31

Первым, кого я увидел, войдя в конференц-зал, был Сидней Шталь, с сигарой в зубах, вальяжно развалившийся на стуле.

— Привет, парни! — каркнул он с усмешкой. Самодвольной усмешкой. Он уверен, что побьет нас. Дуайт Годфри старательно избегал встретиться со мной взглядом.

Кертон, перед которым лежало несколько конвертов, встал из-за стола, чтобы поздороваться с нами. Но я ничего не видел вокруг. Мое внимание было приковано к человеку, который сидел рядом с ним, положив ногу на ногу, и курил.

Рикарду.

Кертон представлял нас собравшимся, суетился вокруг Изабель, но я ничего не слышал. Какого черта он здесь делает? Потом я еще раз взглянул на

конверты, лежавшие перед лордом Кертоном. Конвертов было три.

— Привет, Ник. Здравствуй, Луис. Изабель, ужасно рад тебя видеть. Поздравляю, хорошо, что все уже позади.

Я едва нашел в себе силы кивнуть в ответ.

В комнате было полно народу, адвокаты, консультанты всех мастей. Но для меня здесь был только один человек, Рикарду Росс. И, хотя он присутствовал при чужих торгах, было такое ощущение, словно он сохраняет абсолютный контроль — и не только над собой, но и над всеми нами, собравшимися в конференц-зале.

— Благодарю вас за то, что смогли прийти лично, — лорд Кертон обращался к Шталю и Луису. — Так лучше всего и делать дела. По меньшей мере тогда человек знает, что с ним играли честно. Сегодня утром мне позвонил Рикарду и спросил, может ли он выставить и свой бид в торгах за фирму. Я не мог ему отказать.

Меня несколько не удивило то, что Рикарду узнал о предстоящих торгах. И конечно, это было в его стиле — с ходу взять инициативу в свои руки. Но все равно это шокировало: видеть его здесь, нашим соперником в торгах.

— Я возражаю! — заявил Шталь. — Признаюсь, я был несколько удивлен, увидев Рикарду. Но я думал, он присутствует как наблюдатель, а не как участник аукциона!

— Сид, он сделал бид от своего собственного имени. Нечто вроде внутреннего управленческого выкупа.

На вашем языке это называется, кажется, выкупом в счет кредита.

Кертон произнес последнее слово в подчеркнуто британской манере, — «крэйдит» — чтобы поддразнить Шталь. Ему это явно удалось.

— Так вот, мне это не нравится! Ты меняешь правила игры на ходу, и я в этой игре участвовать не собираюсь!

— Не припомню, чтобы я упоминал о том, сколько участников будет в аукционе. Ты думал, что их двое. А их трое. Только и всего. Если хочешь снять предложение или пересмотреть его, это твое право.

Проклятье! Если Шталь изменит бид из-за участия Рикарду, то только в сторону повышения — а это оставляло нам мало шансов. Лорд Кертон оказался на изумление проницательным и хитрым типом.

Шталь на мгновение задумался. Он вынул изо рта сигару и кашлянул.

— Нет, — сказал он. — Наш бид остается таким же, каков он в этом конверте. Вам не удастся заставить меня заплатить за эту кучу дерьма больше, чем она того стоит.

Кертон в ответ лишь поклонился с подчеркнутой учтивостью и повернулся к Луису.

— Думаю, будет справедливо сделать такое же предложение и вам. Не хотите внести изменения?

Луис покачал головой. Он и так выступил на пределе возможностей. И даже немного переступил за него.

— Что ж. Тогда не будем тянуть время.

Кертон взял один из конвертов в руки. Я узнал логотип банка Луиса.

— Я держу в руках бид, сделанный Вансо Horizonte... Восемьдесят миллионов фунтов.

Рикарду затянулся сигаретой. Шталь пыхнул своей сигарой. Я грыз кончик карандаша.

Следующий конверт был от Bloomfield Weiss. Я узнал их характерный типографский шрифт. Кертон безжалостно вспорол и этот конверт своим шикарным ножом для резки бумаг.

— Бид от Bloomfield Weiss... — Он быстро пробежался глазами по письму. — Семьдесят шесть миллионов фунтов.

Отлично! Шталь сыграл в слишком узких рамках. Он проделал те же расчеты, что и Скотт-Лиддел, получил те же цифры — и немного к ним прибавил. Что ж, Луис прибавил чуть больше.

Я бросил быстрый взгляд на Шталя. Он продолжал жевать свою сигару, ни на кого не глядя. Шталь пытался напустить на себя невозмутимый вид, давая понять, что происходящее его не волнует. Однако его лицо побавровело, того и гляди удар хватит, а желваки ходили так, что было непонятно, как он до сих пор не перекусил сигару. Да, Сидней Шталь сегодня проиграл.

Теперь все присутствующие сосредоточились на третьем конверте. Когда Кертон поднял его, я мельком взглянул на Рикарду. Он сидел в той же, что и прежде, спокойно-расслабленной позе. И как всегда вертел на

пальце обручальное кольцо. Два вскрытых и объявленных беда не вызвали в нем ни малейшей реакции. И в тот момент я понял, что он победил. В аукционе с запечатанными бедами, если в нем участвует Рикарду, может быть только один победитель. Внезапно до меня дошло, почему мы ничего не слышали о нем все это время. Он сидел тихо и готовился — готовился к тому, чтобы точно рассчитать время входа в игру.

— Бид Рикарду Росса. Восемьдесят восемь миллионов фунтов. — Кертон положил белый конверт обратно на стол.

Рикарду позволил себе легкую улыбку.

— Поздравляю. Я принимаю ваше предложение.

Они пожали друг другу руки.

— Эй, минуточку! — воскликнул Шталь. — Откуда вы знаете, что у этого типа есть такая сумма?

Это был резонный вопрос. Но все присутствующие знали: если Росс сказал, что заплатит, то он найдет, где взять деньги. Трастовый фонд для сотрудников наверняка был первым карманом, куда он запустил свою руку.

— Эндрю, деньги будут на депоненте к завтрашнему утру. Если нет, можешь аннулировать мой бид.

— Договорились. Еще раз позвольте всех вас благодарить, господа.

Шталь был в ярости. Он что-то гневно буркнул Годфри, бросая испепеляющие взгляды на Кертона и Рикарду. С багровым лицом он выскочил из зала, ни с кем не попрощавшись.

Я не верил своим ушам. После всех моих ухищрений, которые потребовались для того, чтобы этот аукцион вообще состоялся, было невыносимо наблюдать, как Рикарду празднует успех. Я его недооценил. Прощайте мои мечты увидеть безработного Росса! Я был уверен, что при любом исходе торгов он потеряет свое место. Но он опять переиграл меня. Он переиграл нас всех.

Луис тронул меня за плечо.

— Нам пора.

Лорд Кертон выпрямился, протягивая нам руку. Мы трое по очереди пожали ее. Потом Луис тихо спросил:

— Зачем вы это сделали? Вы же знали, что Рикарду едва вас не разорил. Почему вы продали компанию ему?

Кертону явно было не по себе, но ответ он дал честный:

— Неделю назад эта фирма стоила десять миллионов фунтов. Сейчас она стоит восемьдесят восемь. Порой наступает момент, когда нужно просто хватать деньги и выходить из игры.

Сержиу ужинал с нами. Настроение у всех было хуже некуда. Луис расстроился, конечно, но сейчас он думал только о том, как ему повезло, что его дочь вернулась целой и невредимой.

Мне по-прежнему нигде было жить, и Луис предложил мне остаться в *Savoу* еще на несколько дней, чтобы за это время что-нибудь подыскать. Я не возражал. Мне предстояло решать массу проблем и преодолевать мно-

жество препятствий, но сейчас, когда Изабель была рядом, я хотел жить только настоящим.

В отеле портье передал нам записку, в которой говорилось, что некто ждет нас в баре внизу.

Рикарду сидел в дальнем углу, задумчиво вертя в руках стакан с содовой. Он прекрасно вписывался в дорогую обстановку: безукоризненный костюм, рубашка с монограммой, шелковый галстук. Южноамериканский магнат.

Увидев его, мы застыли как вкопанные.

— Что ему нужно?

— Сейчас узнаем.

Когда мы подошли к его столику, Росс поднялся, но руки не протянул. Мы враждебно взирали на нашего общего заклятого недруга.

— Спасибо, что пришли.

— Если бы мы знали, кто нас ждет, мы бы не пришли, — недобро прищурившись ответила Изабель.

— Действительно не знали, — произнес он таким тоном, словно это было случайное упущение. — Но я буду благодарен, если вы уделите мне несколько минут. Я хотел бы завершить разговор, который был у нас с Ником пару недель назад.

Он знал мои слабые места и бил наверняка.

Я сел. Изабель последовала моему примеру. Рикарду подозвал официанта и заказал пиво для меня и стакан белого вина для Изабель.

— Рад, что тебе удалось выбраться из этой переделки, — начал он. — Страшно представить, через что

тебе пришлось пройти. Клянусь, чем хочешь клянусь, что я никоим образом не причастен к похищению.

Рикарду сделал паузу и посмотрел на нас обоих своими льдистыми голубыми глазами. Красивое, породистое лицо было спокойным и открытым. С таким лицом невозможно лгать. Но мы слишком хорошо его знали и поэтому молчали, ожидая продолжения.

— Я знаю, вы мне не верите. Я бы на вашем месте тоже не поверил. Но выслушайте меня. Думаю, мы можем помочь друг другу.

Мы снова промолчали.

— В тот день, Ник, ты на многое открыл мне глаза. Я не думал, что Изабель еще жива. Я не знал, что похитители потребовали отозвать сделку.

— Однако ты не выглядел слишком удивленным, — огрызнулся я. Чуть-чуть огрызнулся.

— Я просто не знал, как мне на это реагировать. Я не знал, можно ли тебе верить. Ты же не будешь отрицать, что орудовал за моей спиной. Ты вполне мог таким образом попытаться оказать на меня давление. Но когда ты упомянул Эдуарду, я подумал, что ты, возможно, говоришь правду. За ним водятся такие привычки.

— Так оно и оказалось?

— Нет. Я говорил с ним, и он категорически все отрицал.

— Еще бы.

— Ник, своего брата я вижу насквозь. Я знаю, когда он что-то скрывает, даже если не в состоянии понять, что именно. И я знаю, когда он действительно

не имеет понятия о чем-то. Поверь мне, это именно тот случай.

— Но он нанял громил, чтобы избить меня и расколошматить мою квартиру?

Рикарду пожал плечами.

— Мне жаль. Порой его заносит.

— А ты купил Рассела Черча, видимо надеясь, что я с горя пойду подметать улицы.

— Это правда. Я ненавижу, когда кто-то подводит команду. А ты подвел.

— Я? Подвел? Тебя? — Я чуть не кричал. — А Мартин Бельдекос? Тоже кого-то занесло? Или кто-то погорячился? Потому что разочаровался?

— Угомонись, на нас уже оглядываются. Нет, нет и нет. Я был уверен, что он стал жертвой обычной гостиничной кражи, неожиданно для воров оказавшись у себя в номере. И когда ты был ранен на пляже Ипанема, я думал, что тебя просто хотели ограбить.

— Я *знаю*, что это было не ограбление.

— Я этого пока не знаю. Хотя и склоняюсь с тому же мнению. Ты знаешь обо всей ситуации гораздо больше, чем я. Поэтому я здесь. Что произошло в Бразилии?

— Тебе знакомо имя Франсиску Арагана?

— А... — Рикарду приподнял брови. — Конечно, знакомо. Он брат Лусианы. А он-то тут при чем?

— При том.

Я не был до конца уверен, действительно ли Рикарду ничего не знает о роли Франсиску. Но никакой

опасности в том, чтобы рассказать ему все, что мне было известно, я не видел. Изабель дополняла мой рассказ неизвестными мне подробностями.

Он ловил каждое слово, взвешивал каждую новую порцию информации и укладывал ее в положенный ящичек. Когда я закончил, он молча уставился куда-то в сторону дверей. Он думал.

— Что скажешь?

— А? — рассеянно отозвался он.

— Что ты обо всем этом думаешь? Вкладывает ли Франсиску деньги от наркоторговли в Dekker или нет?

Глаза Рикарду снова обрели осмысленное выражение.

— Насколько я знаю, нет. У нас нет никаких свидетельств. Каждого инвестора кто-то из нас обязательно знает лично. И мы не имеем никаких дел с теми, кто хоть как-то связан с наркотиками. Лично я убежден, что Франсиску связан с наркоторговцами. Я приложил немало усилий, чтобы никогда не иметь с ним общих дел. Я полагал, что мне это удалось.

— Значит, это кто-то еще.

— Возможно, не знаю. Все это очень таинственно, вам не кажется? — Он запнулся. — Если бы я узнал, что Франсиску каким-то образом без моего ведома отмывает деньги через фирму, я бы озаботился серьезно. И во всяком случае, сообщил бы об этом в соответствующие службы.

Он одним глотком допил свою воду, резко встал и, вынув из бумажника десятифунтовую банкноту, положил ее на стол.

— Мне пора. Хочешь верь, хочешь не верь, Изабель, но я счастлив, что ты жива. И, конечно же, мы по-прежнему коллеги. Мой офис открыт для тебя в любое время.

Изабель улыбнулась, но отрицательно покачала головой.

— Извини, Рик. Спасибо тебе, но я хочу уволиться.

— Что ж, я тебя понимаю.

Он наклонился через стол и чмокнул ее в щеку.

— Удачи вам. Жаль, Ник, что мы не сработались. Ты оказался серьезным противником. Я бы предпочел видеть тебя в роли союзника.

Я без особых усилий над собой пожал ему руку.

— Мне и впрямь пора. У нас возник небольшой кризис. Один из клиентов начал резко продавать свои облигации. Ты, должно быть, помнишь его, Ник. Алежу. Один из клиентов Джейми. Кажется, Джейми приболел, он поехал домой. Да, порой этот бизнес крепко достает человека. Ну, все. Пока.

Я остолбенело смотрел ему вслед. Только сейчас до меня окончательно дошло, что Рикарду действительно говорил правду.

— Ник? Ник? — Изабель уже теребила меня за рукав.

— Изабель, мне... Прости, ради Бога, но мне надо кое-куда съездить.

— О чем ты, Ник? Уже поздно.

— Если удастся, вернусь сегодня к ночи. Нет — увидимся завтра утром.

Я быстро поцеловал ее и вышел.

Поездка на такси до Докенбуша обошлась мне в астрономическую сумму. Я расплатился с водителем и закурил, стараясь собраться с мыслями, прежде чем направиться к дверям дома. Стоял теплый летний вечер, и дом был залит мягким светом луны и звезд. Подъездная дорожка была залита светом, падавшим из двух окон первого этажа. Где-то неподалеку ухала сова.

Рикарду все понял. Как только я рассказал ему о Франсиску, все кусочки мозаики сложились в цельную и стройную картину. Алежу, клиент Джейми, якобы представлял интересы какой-то таинственной мексиканской семьи. На самом же деле он работал на Арагана. Лусиана действительно была посредником в этой игре, но второй стороной выступал не ее муж, а Джейми. Она знала, что Рикарду ни за что не стал бы

связываться с ее братом. А сейчас Араган забил тревогу, и его человек занялся распродажей.

Рикарду поступил как благородный человек, позволив мне самому обо всем догадаться и первым добраться до Джейми.

С Франсиску, я был уверен, разберутся без меня.

Я нажал на кнопку дверного звонка.

Джейми открыл не сразу. Он уже успел сменить деловой костюм на джинсы и старую джинсовую рубашку.

— А, это ты. Я знал, что кто-нибудь да появится, но не думал, что это будешь ты.

От него за версту несло виски. Глаза поблескивали, но были не вполне в фокусе. Когда он так набрался?

— Можно войти?

— Конечно.

В гостиной звучала музыка. Я узнал альбом Леонарда Коэна, который не слышал с университетских времен. В течение целого семестра это был любимый диск Джейми, потом он начисто о нем забыл.

Мой бывший друг грузно опустился в кресло. На столике стоял налитый до краев стакан виски.

— Выпьешь?

Я взял бутылку и отправился на кухню за льдом. В раковине скопилась гора немытой посуды, стол был завален пустыми пакетами от Marks&Spencer. Кейт не было здесь уже десять дней, и это чувствовалось.

— Изабель на свободе, — сказал я.

— С ней все в порядке?

— Да. Не считая того, что два месяца она провела в каморке под замком.

— В порядке... Это хорошо. Ты уже знаешь, да?
Я кивнул.

— Они мне обещали, что не обидят ее.

— Они — это Араган?

Теперь кивнул Джейми.

— Что тебе известно? — вяло поинтересовался он.

— Мне известно, что Франсиску через тебя открыл счет в Dekker Trust для отмывания своих денег. Счетом управлял из Майами Алежу, который якобы представлял какую-то богатую мексиканскую семью и которого ты якобы знал еще по работе в Gurney Kroheim. Через него к тебе поступали огромные заказы. А потом, думаю, Бельдекос что-то заподозрил.

Джейми фыркнул.

— Он был настоящим ослом. Упертый, как не знаю кто. Будь он нормальным парнем, все вышло бы иначе. Нет, ему нужно было проверять и перепроверять. А уж если бы он нашел доказательства, то сразу направился бы в полицию. И никто из Россов не смог бы ничего поделать.

— Так он все-таки что-то нашел?

— Он подобрался вплотную. Поэтому хотел после Каракаса навестить Алежу в Майами.

— И ты его заказал.

Джейми закусил губу.

— Я не хотел, чтобы его убивали. Но Франсиску настоял. Я не хотел.

— А я? Что насчет меня? Ты хотел, чтобы меня тоже убили?

— Нет. Нет. — Он покачал головой, глядя мне в глаза. Потом вздохнул. — Это было нужно Франсиску. Я лишь рассказал ему, насколько близко ты подошел к правде. Когда ты сказал, что хочешь поговорить со мной о факсе, я сразу забрал его. Но я понимал, что рано или поздно ты все равно до всего докопаешься.

Он отхлебнул виски.

— Смерть Мартина была абсолютной глупостью. Это изменило все — и ставки, и саму игру. Теперь речь шла уже не о «беловоротничковых» преступлениях, а об убийстве. Но два убийства подряд — это слишком. Так нет же, он все равно на это пошел. Когда я узнал, что с тобой случилось, я чуть с ума не сошел. Но сделать уже ничего не мог.

В это я верил.

— А зачем похитили Изабель?

Джейми посмотрел на меня как на неразумного ребенка.

— Почти случайно. Целью был ты.

— Я?

— Конечно. Мне казалось, что это единственный способ вывести тебя из игры, оставив при этом в живых. Я сказал Арагану, что это даст нам время замести все следы. Если бы мы не организовали твоё похищение, тебя бы уже давно прибили где-нибудь. Я знал, что ты все разболтал Изабель, так что идея схватить и ее выглядела вполне заманчивой.

Я вспомнил, как рассказал Джейми о том, что говорил с Изабель о Франсиску Арагане. И он же — какое лицемерие! — наставлял меня, что ей нельзя доверять!

— К тому же Изабель была прекрасным прикрытием. Все выглядело бы как обычное для Рио похищение с целью выкупа. И, кстати, это сработало. После побега ты был так поглощен всеми переговорами, что совершенно забыл обо всем остальном.

— Но почему ты не освободил ее?

— Я хотел это сделать. Но после облавы Франсиску потребовал ее голову. А сами похитители хотели сначала получить выкуп. В общем, тот еще бардак.

Он смотрел на меня поверх стакана с немой просьбой в глазах: понять его. Джейми сильно сдал за эти десять дней. Бледный как смерть, глубокие складки прорезали лоб. Удивительно, как я прежде этого не замечал.

— Так поэтому сумма, которую они требовали, так резко упала в конце?

— Да. Но нам удалось найти компромисс. Мы решили оставить ее в живых, но по-прежнему в плену. Так, чтобы все считали ее погибшей.

— А все время, пока я был в твоём доме и ломал голову над тем, что произошло, ты прекрасно знал, где она?

Джейми утвердительно кивнул.

— По крайней мере, здесь я мог за тобой присматривать. А когда убедился, что ты не собираешься обращаться к властям, то окончательно успокоился.

Пока не прочитал выкладки Bloomfield Weiss, которые ты оставил на столе. Если бы Dekker кто-то купил, то наша симпатичная маленькая схема была бы обнаружена очень скоро. Я не мог этого допустить.

— И ты использовал Изабель как приманку, чтобы вынудить меня отозвать сделку?

Джейми уставился в стакан.

— Попытаться стоило. Что-то же надо было делать.

Я откинулся на спинку кресла, потягивая виски. Мы с Джейми сидели за вечерним стаканчиком в его доме, как делали это прежде много раз. Казалось невероятным, что при этом мы говорили об отмывании денег, похищениях, убийствах. Три месяца назад то, чем он занимался в Сити с семи утра до восьми вечера, было для меня китайской грамотой. Теперь я знал чем.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты на все это пошел?

Джейми тяжело вздохнул, встал и наполнил свой стакан, оставив на дне бутылки совсем чуть-чуть. Остатки плеснул мне.

— Начинаешь одно, за ним тянется другое... Когда Лусиана сказала, что ее брат хочет открыть счет, но так, чтобы Рикарду об этом не знал, мне это показалось хорошей идеей. Конечно, я догадывался, откуда эти деньги, но почему меня это должно было волновать? Это был новый бизнес, причем такой, которым сам Рикарду заниматься не мог. И бизнес этот оказался гигантским. Ты видел, какой оборот средств был на

счета Алежу. Все шло так гладко, что Франсиску вливал в дело все больше и больше денег. Конечно, я не спрашивал, откуда они.

Скорее всего, от колумбийских и венесуэльских картелей, о которых упоминал Луис.

— Честно говоря, не могу понять, почему Рикарду отказывался иметь дело с Франсиску. Своими победами он был обязан тому, что сам нарушал все правила, ни на секунду не задумываясь. И я подумал, что глупо отказываться работать с кем-то только потому, что у него неважная репутация. В нашем деле нельзя быть чересчур щепетильным.

— Ты и не был.

— Я ошибся. Поначалу все казалось простым и легким. Dekker выстроен так, что кто угодно запутается, будь он хоть трижды аудитор и четырежды следователь. И если бы этот идиот Бельдекос внезапно не влез, все было бы прекрасно.

Джейми взъерошил волосы пальцами. Лицо его еще больше вытянулось, а глаза застыли.

— А потом все начало сыпаться. Особенно с того момента, когда я позволил Франсиску... разобраться с Мартином. Тогда все посыпалось всерьез. Знаешь, это было странное ощущение. Будто живешь двумя разными жизнями. Большую часть времени я просто работал, болтал с тобой, у меня была семья — все как у людей. А вместе с этим варилось и то, что, казалось, вот-вот взорвется. Но мне все-таки удавалось не допустить взрыва. До сих пор.

— До сих пор.

— Что ты собираешься делать, Ник?

В его глазах его стояла мольба. О чем? Похоже, он и сам не знал. Наверное, мольба о каком-то выходе из ситуации, который сам он найти не мог.

— Я не знаю.

И я действительно не знал. То, что я услышал, было почти невозможно переварить.

Сейчас в глазах Джейми отражался весь хаос эмоций, переполнявших его: вина, раскаяние, ярость, страх, одиночество, жалость к себе. И все это было изрядно подогрето алкоголем.

— Мне нужно выпить, — он, пошатываясь, поднялся на ноги.

Я сидел и ждал, когда он вернется. Тишину нарушало лишь редкое уханье совы снаружи и едва слышимое тиканье часов над камином. Музыка давно умолкла. Чудовищно! Так не бывает! Так не должно быть! Как же мог Джейми — мой друг в течение стольких лет! — это сделать? Со мной? С собой? Бред. Абсурд. Бессмыслица.

Внезапная мысль, как порыв холодного ветра, заставила меня вздрогнуть. Нет, в этом не было ничего абсурдного. Это действительно произошло. И зная Джейми настолько хорошо, насколько знал его я, можно было понять — почему. Он всегда был амбициозен и любил рисковать. Ему все сходило с рук. Он был обаятелен, умен, трудолюбив, даже карты всегда ложились в его пользу. Он был везунчик. Если бы ему

удалось все уладить со счетом Франсиску да подцепить еще парочку таких же клиентов, он получил бы свой миллионный бонус, начал выстраивать собственный бизнес и в один прекрасный день мог превратиться в очередного Рикарду. Для него деньги всегда были просто деньги. Жизни, которые губила международная сеть наркобизнеса, были какой-то абстракцией, которая может волновать разве что хлюпиков-интеллигентов вроде меня — но только не Джейми. Нет уж. Его этим не проймешь.

То же с Лусианой. Он безнаказанно соблазнил жену босса. Его так легко не поймаешь.

Но все же поймали. Поймал я. И что мне теперь с этим делать?

Я услышал шаги, обернулся и...

Стакан выскользнул из моих рук и разлетелся вдребезги.

Джейми держал ружье.

Он подошел к своему креслу и повел стволом в мою сторону. Глаза его, не отрываясь, смотрели на меня. Бурлящие эмоции вдруг сплывались в жесткую решимость. Господи, он же собирается убить меня.

— Джейми, не дури. Мы же все-таки были друзьями. Я помогу тебе.

Он снова направил ружье на меня, потом мгновение поколебался — и вдруг резко развернул дробовик дулом к лицу.

— Нет!

Он нажал на курок.

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,2918
0,6135
0,1527

0,7733
0,9615
0,5312
0,0197

0,4391
0,4583
0,9913
0,3147
0,6652
0,2589
0,6308
0,4986
0,3527

0,2945
0,7123
0,52,91
0,3356

0,7733

0,9615

0,5312

0,0197

0,
0,4583
0,
0,9913

0,4583
0,7733,9913
0,9615,3147
0,5340,6652
0,0197

0,2918
0,6135
0,1527
0,2389
0,4391
0,6308
0,4986
0,3527

2589

6308

4986

3527

33

Мы сидели на скамейке на Кэбот-Сквер, у самого подножия небоскреба. День был теплым, но не жарким. Служащие сновали туда-сюда в рубашках с короткими рукавами, курьеры — в майках и шортах. Солнце сияло, отражаясь в бассейне фонтана, и серебряные блики солнечными зайчиками кружились по площади. Вдалеке лязгали и скрежетали строительные краны.

Последние три дня были ужасными. Кровавое месиво. Полиция. Допросы. Протоколы. И Кейт. В истерике, переполненная гневом и чувством вины. Она винила меня, винила Джейми, но более всего винила себя. Я был бессилён ей помочь. Я не мог ее утешить, — да и кто смог бы? — но я хотя бы был рядом. Слава Богу, Оливер остался у ее сестры, но ведь когда-нибудь придется все ему рассказать.

Оставляя Кейт, я чувствовал себя виноватым, но я должен был это сделать. Меня ждала Изабель. Она крепко меня обняла, прижав к себе, а потом предложила прогуляться вдоль реки до Кэнери Уорф. Я говорил о Джейми, старательно подбирая слова. Она слушала. И это мне помогало.

— Могу представить, что сейчас там творится, — пробормотала Изабель. — Праздник. Рынок идет вверх. Рикарду — владелец фирмы.

— Хотела бы ты сейчас быть там?

— После того, что случилось, стыдно признаться, но... Есть такое чувство.

— Не могу поверить, что ему это все-таки удалось. Что он победил.

— Он всегда побеждает.

— Я знаю. — Я повернулся к ней. — И что ты теперь собираешься делать?

— Мы много говорили с отцом. Он сказал, что попытка купить Dekker позволила ему понять, что надо обзаводиться представительствами на международных рынках. Первое он собирается открыть в Лондоне. И хочет, чтобы возглавила его я.

— Ты согласилась?

— Думаю, да. Это блестящая возможность строить инвестиционное финансирование так, как это видится мне. Начать можно с небольшой группы, но я сумею сделать так, чтобы все заработало как следует.

— Хорошая идея.

— А ты? Чем ты собираешься заниматься? Будешь искать работу в Сити?

— Ни за что на свете. Особенно после того, что случилось с Джейми. И едва не случилось со мной. Меня ждет Пушкин. Надо закончить эту чертову диссертацию. И, честно говоря, мне действительно хочется снова ею заняться. — Я вздохнул. — Но нужны деньги, поэтому попробую устроиться учителем русского в какую-нибудь частную школу. А может, и тренером по регби... Не знаю.

— Где? В Лондоне?

— Если получится, в чем я сильно не уверен. Так что могу приземлиться и где-нибудь еще.

— Было бы жаль.

— Да. Было бы жаль.

Мы оба сконфуженно умолкли. Изабель посмотрела вверх на Кэнери Уорф.

— Ты мог бы остаться в Лондоне. Со мной. У меня. Я собираюсь уже завтра туда перебраться.

— Я не хочу быть у тебя на содержании.

— Что ты чушь городишь! — Внезапно Изабель осеклась. — Прости, я понимаю тебя. Бог свидетель, я всю жизнь старалась не зависеть от отца. Я так старалась, совершенно не понимая, как сильно он меня любит. А ты? Ты понимаешь, что я люблю тебя?

Я решил, что ослышался.

— Это... правда?

Она кивнула.

Свершилось! Мы долго целовались, не обращая ни на кого внимания.

Впрочем, я все равно не хотел жить за ее счет. Это... Это было бы нечестно по отношению к нам обоим.

— Это правда, и это значит, что я хочу быть с тобой, — продолжала она. — И если мне нужно будет ехать вместе с тобой в какой-нибудь городишко у черта на рогах, чтобы стать... — она старательно подыскивала слово, — подружкой местного учителя... то я все равно это сделала бы.

У меня зашумело в ушах. Мысль о том, что Изабель может поехать со мной, мне даже в голову не приходила.

На какой-то момент я представил себе такую жизнь вместе с ней. Нет, и это тоже нечестно.

— Нет, — я погладил ее волосы, — я никогда не смог бы просить тебя об этом.

— Тебе и не нужно просить. Я хочу быть с тобой. И если это единственная возможность для нас, значит, так и будет.

Она говорила это серьезно. Абсолютно серьезно.

— Но это же глупо, — запротестовал я. — Ты собиралась заняться делом, которое любишь. Которое умеешь делать. Я не хочу, чтобы ты все это бросила ради меня.

Она чмокнула меня в щеку.

— Послушай, ты ведь хочешь закончить свою диссертацию, верно?

Я кивнул.

— Ну так и заканчивай ее! Ты можешь жить у меня и не платить за аренду. Найдешь работу в баре или еще где-нибудь, чтобы из своего кармана платить за кукурузные хлопья к завтраку. Ты же малоежка, я знаю. Ты же готов питаться святым духом ради своей драгоценной литературы.

Она верит в меня. Она верит в наше будущее. И она права. Все получится. Все будет хорошо.

Майкл Ридпат

БИРЖЕВОЙ ДЬЯВОЛ

Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректор *О. Богачева*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Художник-иллюстратор *В. Макин*
Арт-директор проекта *М. Соколова*

Подписано в печать 13.02.2007. Формат 70×100 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 17 печ. л. Тираж 7000 экз. Заказ № .

Альпина Бизнес Букс
123060, Москва, а/я 28
Тел. (495) 105-77-16
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru